

Август' 2023

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1958 года

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Вадим МЕСЯЦ. Мы здесь одни. <i>Стихи</i>	3
Александр БОНДАРЬ. Мама мыла шрамы. <i>Рассказы</i>	8
Константин КОМАРОВ. Даже если ты не был нигде... <i>Стихи</i>	19
Ксения ХОТИНА. Накануне безумия. <i>Роман</i>	25
Андрей ТАВРОВ. Разговор на два голоса. <i>Стихи</i>	125
Вера МОСОВА. Обломовна. <i>Рассказ</i>	131
Александр ТИХОНОВ. Сквозь белизну мне станет парус виден... <i>Стихи</i>	136
Сергей СМИРНОВ. Часовые рассказы	141
Алиса ПАРАМОНОВА. Я нарисую круг, чтобы остаться здесь... <i>Стихи</i>	144
Вадим ДЕРЕВЯНСКИЙ. «Ты только матери не говори...» <i>Рассказ</i>	146
Илья СЕМЕНЕНКО-БАСИН. Три бесцельных разговора. <i>Стихи</i>	150

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валентин ЛУКЬЯНИН. И для себя, и для Родины. <i>Железнодорожный король Пётр Ионович Губонин</i>	153
--	-----

Екатеринбург

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вячеслав КУРИЦЫН. Две истории из «Войны и мира» 186

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Анна АЛИКЕВИЧ. Опасный метод.
Марк Уральский. Зинаида Гиппиус. Дева-Воительница русского символизма 222

Шевкет КЕШФИДИНОВ. Выстрел? Залп? Салют!
Александра Шалашова. Салюты на той стороне 224

Гора ОРЛОВ. Бессмертные цветы.
Уйти. Остаться. Жить. Антология литературных чтений «Они ушли. Они остались». Т. III. 226

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

Сергей СИРОТИН. Япония, которую не скрыть.
Хироко Оямада. нора 228

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

С.В.С. Добро, которое мешает жить.
Здоровый человек. Реж. Петр Тодоровский. Россия, 2022 231

СЛОВО И КУЛЬТУРА

Андрей ПЕРШИН. Шаги навстречу 234

Вадим Месяц

Мы здесь одни

Сумерки богов

Чеканен ритм чужих шагов.
И воют волки.
В прихожей «Сумерки богов»
стоят на полке.

Тысячелетий и веков
шлифуя кости,
они встречают дураков,
пришедших в гости.

В плену доказанной вины,
смешны в итоге,
стоят, как дети, у стены
хромые боги.

Стоят, как зэки, у стены
и смотрят в стену,
преодолеть они должны
мою измену.

Ты приходи ко мне в альков
с балдой рябою,
но книгу «Сумерки богов»
возьми с собою.

Ты повернёшь заветный ключ
моей утробы,
печать поставишь под сургуч
на гроб Европы.

Вадим Месяц — поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта «Русский Гулливер» и журнала «Гвидеон». Лауреат ряда отечественных и международных премий. Стихи и проза переведены на английский, немецкий, итальянский, французский, латышский, польский и испанский языки. Постоянный автор журнала «Урал».

Костюм

Когда я сыну покупал костюм
на школьный бал в районном интернате
я слушал восходящий белый шум
и времени возню на циферблате
я был готов к бессмысленной утрате
я проклинал свой беспокойный ум

в окне метался тополиный пух
и ласточки мелькали по пунктиру
и я искал в себе свободный дух
что год за годом вёл меня по миру
чтоб я в лицо смеялся командиру
не говоря ему ни слова вслух

и было все легко и незнакомо
и по озёрам шёл туманный свет
не зная ни подвоха ни облома
влюблён в рыбалку и велосипед
мой сын в пятнадцать лет ушёл из дома
ко мне вернулся в восемнадцать лет

ему прикид пижонский был к лицу
его нутро бахвалилось и пело
отдайте царство сыну и отцу
которые у врат стоят несмело
стряхнув с ладоней сладкую пыльцу
зажав в сукно фарфоровое тело

из века в век черемуха цвела
и набиралась тяжести свинцовой
мы верили в великие дела
и в эту жизнь что завтра станет новой
нам вторил звон разбитого стекла
и пересуды в яме оркестровой

и нам рукоплескало это лето
зверей кормило плотью и травой
народ толпился возле горсовета
и с запада шёл дым пороховой
пустите нас на танцы без билета
подумайте больною головой

как много в мире счастья и тепла
в подарок от небесного светила
о родина кого ты родила
кого потом торжественно убила
и мы вдвоём глядимся в зеркала
и нас хранит неведомая сила.

Шоколадный вальс

Я говорил с собакой на мосту,
бредя в кофейню старую на Стрелке.
С животными нельзя начистоту,
они мечтают о хорошей сделке.
И слово «совесть» непонятно им.
Оно и мне порою непонятно.
Я был когда-то Господом храним,
теперь Господь вернул меня обратно.

Квартал из ярко-красных кирпичей
на фабрике кондитера Эйнема,
где стынет эхо пламенных речей
и в стеклах отразился свет эдема.
Здесь еще длится шоколадный вальс,
собою заменяя танец судеб.
Забудьте нас, и мы забудем вас.
И не простим, но втайне не осудим.

Мы здесь одни. Печально, что одни.
Среди наветов и подмётных писем.
Я шурюсь на московские огни,
от фонарей клинически зависим.
Прохладная земная благодать,
суровая душевная работа.
Мне из столицы некуда бежать.
Я забываю запах самолёта.

Я забываю сны и имена,
тепло любимого когда-то тела.
Глаза мне застит неба пелена,
она уже звенит оледенело.
И мы с дворнягой около реки
глядим на исторические сваи,
изнемогая от дурной тоски
и по-другому вещи называя.

Кот в Твери

В Твери капель. Я вижу сон кота,
лишенного любви и интеллекта.
Он от ушей до кончика хвоста
не человек, не зверь, а просто некто.

Он странная игрушка для детей,
для стариков — мурлычущая грелка.
А для меня — залётный прохиндей,
живущий неразборчиво и мелко.

Он с рук чужих сырую рыбу ест,
не зная ни хозяина, ни друга.
Не верит в бога он, не носит крест,
его наука — это лженаука.

Он обмануть сородича не прочь,
и тут не надо ахать или охать,
что мне он не пытается помочь.
Он понимает только страх и похоть.

И сон его, как замкнутая дверь,
которую открыть никто не в силах.
В окне стоит подтаявшая Тверь.
И оживают розы на могилах.

Безутешное

Шиповником пестрели берега,
и отраженья птиц на водной глади
терялись в стаях рыб и листопаде,
сверкающих, как медная фольга.
Скрипела дверь, внушая тихий страх
случайному охотнику и зверю.
И женщин, что лелеял впопыхах,
я позабыл. И пережил потерю.
И мертвые мне больше не указ.
Слова людские сходны с шумом ветра.
И осени болезненные недра
нас заберут из прошлого сейчас.
Затянут раны коркой ледяной,
над головой зажгут звезду до срока.
И человеку, что назвали мной,
в последний день не будет одиноко.

Король

Время не торопи,
потому что отпустит боль.
Позабудешь про нож
и про крысиный яд.
И в Шотландию въедет
на белом коне король.
И каждый его появлению
будет рад.

Утонувшей короны
в омуте не сыскать,
потому что вода,
она жадная, как земля.
Подожди немного.
И ты скоро увидишь мать.
Как она встречает
шотландского короля.

Калабрия

Как я продешевил в тринадцатом году.
Мне не хватило сил на вечную еду.

Дворцов и площадей, бактерий и бацилл.
Беспомощных людей. Как я продешевил.

Нет опыта во мне. Нет отклика во мне.
Рождённый на луне из мамки на спине.

Мы рождены в добре, но умерли во зле.
В венчальном серебре ты скачешь на козле.

И сколько этих тел, оборванных с перил.
Я верил в беспредел, но я продешевил.

В Калабрию идём? Идём, едрена вошь.
Гостиницу найдём на самый медный грош.

Скажи, что я готов. Скажу, что я готов.
Тебе не надо слов. И мне не надо слов.

Александр Бондарь

Мама мыла шрамы

Рассказы

Липкий леденец в кармане

Вечером в пятницу мне позвонил сын Сергей.

— Пап, в субботу посидишь с Варварой? Мы с Ириной хотим съездить к друзьям за город, они давно приглашают. В воскресенье ее заберем. Ага?

— Конечно.

Варвара — моя пятилетняя внучка. Мы придумываем с ней игры, загадки, считалки, дразнилки. Играем в «пятнашки», соревнуемся, кто дальше прыгнет с места и кто построит приличный тоннель в песочнице. Она зовет меня по имени — Женя.

— Как ты думаешь, бегемотихи носят мини-юбки? — спросила меня Варя, переступив порог.

Я задумался.

— Уверен, что носят. Но после двух лет занятий в фитнес-клубе.

— И не едят по ночам?

— Это исключено.

— Даже «киндер-сюрприз»?

— Ни в коем случае.

Мы пошли погулять во двор. Варвара залезла на дерево, дерево закачалось.

— Ты там поосторожнее, — предостерег я.

— Я осторожная, как тибетская лиса, — заверила меня сверху Варюха.

Она поиграла с ребятами в футбол, залезла на крышу домика, начал накрапывать дождик, и мы зашли домой.

— Будем есть? — поинтересовался я.

— Что там у нас?

— Гречневая каша и стейк форели.

— Ты кормишь меня, как беспризорницу: мало и редко.

Я задохнулся от такой наглости.

— Ты же вечно ничего не хочешь, кроме шоколадок и пирожных!

Варя поела и потягивала компот из трубочки.

— Как-то в четыре года ты сидела у меня на коленях, и я сказал: «Сейчас ухо твое откушу и съем». Ты вырвалась из рук и закричала: «А обед-то от тебя и убежал!»

Варя потрогала свои уши. Убедилась, что все на месте.

Александр Бондарь (1962) — родился в Читинской обл. После армии окончил исторический факультет УрГУ. Юмористические рассказы печатались в «Клубе 1 апреля» газеты «На смену!». Живет в Екатеринбурге. В журнале «Урал» публикуется впервые.

Мы поиграли в пиратов, ищущих клад, которым без конца мешали злощие аборигены и флегматичные, но коварные крокодилы.

После игры Варя сказала:

— Мультими хочу посмотреть.

— Давай полчаса посмотри и будешь ложиться спать.

Через час я зашел в комнату.

— Все, идем умываться, чистить зубы — и спать.

— Я не хочу, — честно призналась Варвара.

— Здравствуй, Страсбург!

— А что такое Страсбург?

— Город.

— Там тоже не любят ложиться спать?

— Любят. Заканчивай.

Прошло 10 минут.

— Варвара! — сказал я строго.

— Да, Евгений! — не менее строго ответила мне Варя.

— Не зли меня, — сказал я неуверенно. — А то получишь по попе.

— Ты не можешь ударить своего лучшего друга. Это не в твоём стиле.

— Меня вынуждают, — оправдывался я.

— А ты не поддавайся, — подбодрила меня Варька.

Она помылась, почистила зубы, надела пижаму и пришла немного побороться. Перед тем как наброситься на меня, она сказала:

— У мамы лежит книжка. Анна Ахматова. «Хочу тебе покоя не давать...» Намек понял?

Утром я зашел в спальню.

— Вставай. Варвара краса — утащила два колеса.

— Ты меня насквозь разбудил, — сказала недовольно Варюха, потягиваясь. — А так-то вообще-то у меня коса, — и она показала свой белобрысый хвостик.

После обеда заехал сын с невесткой и забрали внучку.

Вечером позвонил Георгий, мой друг по университету. Закричал в трубку:

— Женька, ты произошел от птицы! Птицу звали выпь! Давай выпьем!

— Как дела, Гоша?

— Формально? Нормально!

— А по сути?

— По сути — много мути.

В 90-е годы Георгий попал в серьезный переплет. Он занимался бизнесом и не по своей вине, получается, обманул в одной крупной сделке сразу бандитов, ментов и чиновников. Это все равно что попасть в плен к фашистам, будучи евреем, коммунистом и гомосексуалистом одновременно. Поставщики, которым он отправил собранную предоплату, сбежали за границу, и Гоша остался один на один с разъяренными клиентами. Но он выжил. Половину собранных денег вернул, распродал все, что у него было. Переехал к тетке в деревню, где было четыре дома и не было дорог. Тетка была рада, потому что мужские руки в деревне — это бесценно. Бандитов в скором времени перестреляли, чиновников пересажали, а ментов перевели в другой регион — на повышение. Гоша вернулся в город и занялся журналистикой.

— Приезжай, Женька, завтра. Посидим.

— Хорошо, Гош. Приеду.

Я отправился в понедельник к Георгию с большим запасом времени. В середине сентября пришло ласковое бабье лето. Я зашел в Парк культуры и

отдыха, там был праздник золотой осени. Я купил мороженое, сел на скамейку и стал смотреть на деревянную эстраду, где собирались исполнять романсы. Зрителей было немного.

Вышла ведущая. У нее было уставшее накрашенное несимметричное лицо с яркими губами разнокалиберной толщины. Казалось, на ее лице порезвился с десятков пластических хирургов разной квалификации: от студентов до кандидата меднаук. Она была не старая, а такая, пообветрившаяся, что ли. Срезать наносное, и она сразу посвежеет, посветлеет, встрепенется.

Появился солист, маленький и бородатый, как скотч-терьер. Спел три романса. Жидкие аплодисменты напоминали скорее звуки подзатыльников.

Потом вышла девушка с арфой. Девушка была красива и загадочна, как слово «балюстрада». Я писал бы это слово обязательно с двумя буквами «л».

Рядом по дорожке шла пара, смеясь. Он что-то рассказывал ей, жестикулируя, и периодически пытался поцеловать ее. Она шутливо уворачивалась.

Я замер. Мороженое капнуло мне на джинсы.

Это была Ирина, жена сына. Моя невестка. Ее веселого спутника я не знал.

Она встретилась со мной взглядом.

Она три раза медленно моргнула и мгновенно осунулась. Они прошли. Ирина не оборачивалась, зато ее друг несколько раз покрутил шей и недоуменно посмотрел на меня. Я вытирал носовым платком пятно от мороженого.

Через два дня Ирина позвонила.

— Евгений Викторович, здравствуйте.

— Здравствуйтесь.

— Вы рассказали... Сергею?

— Что?

— Что видели... меня.

— Нет.

Возникла пауза.

— А... когда... собираетесь?

— Никогда. Не собираюсь.

Она опять замолчала.

— Почему?..

— Почему? Ну, потому что... То, что происходит в любой семье, в полной мере знают только двое. Если у вас есть проблемы, Сергей должен чувствовать это. Невозможно жить вместе и ничего не ощущать. Даже слова не важны — энергетика меняется, понимаешь. Можно уговаривать себя, что все нормально, но это самообман. Некоторые этим занимаются, но это их выбор. Следовательно, Сергей и без меня знает, что у вас проблемы. Так зачем же я буду говорить? Дело даже не в том, что я не хочу подливать масла в огонь... Или воду... Неважно. Как решить ваши дела, определить сможет только он. У него вся информация о вашей с ним жизни. И ему принимать решение. Вернее, ему и тебе. Я здесь лишний, понимаешь? Ни в лучшую, ни в худшую сторону повлиять ни на что не могу. Тогда зачем мне что-то рассказывать ему?

Через неделю Ирина позвонила опять.

— Евгений Викторович... да, у нас были проблемы. Мы серьезно поговорили и выяснили многое. Оказывается, нужно просто разговаривать, а не носить в себе и домысливать... И проблемы-то не бог весть какие... Евгений Викторович... я вот что вам хочу сказать. В понедельник вы меня видели с одноклассником по институту, он приехал в командировку, и я, как дура, согласилась с ним встретиться. С Сергеем были в ссоре и не разговаривали...

Но... Я не изменяла Сергею... Кроме той дурацкой прогулки по парку, ничего не было.

Я молчал.

— Евгений Викторович! Вы меня слышите?!

— Да.

— Я клянусь вам — ничего не было!

— Ну, не было и не было...

— Я даю вам честное слово!

— Ирина...

— Мне очень важно, чтобы вы поверили мне, потому что это правда! Верите... нет?..

Я подумал и сказал:

— Да.

— И еще, — она помолчала, швыркнув носом. — Спасибо вам.

— Нужно уметь в жизни ругаться, но не ссориться, — пошутил я.

— Хорошо бы, — мне показалось, что Ирина тоже улыбнулась.

...Мы сидели с Гошей у него на кухне. Бутылка водки 0.7 была почти пустой. Закуски было много, как на свадьбе. Гоша философствовал.

— Дело не в Николае II и не в Сталине, Женя. Проблема в том, что в России зашкаливает количество подонков на 100 000 человек. Так было и до революции, и после, и сейчас. Подонки изменили понятие нормы, слились с властью, и негодяем быть стало выгодно.

Мой отец работал начальником цеха. Каждый год по всем показателям цех признавался лучшим на заводе. Каждые три года отцу предлагали должность главного инженера. Отец очень хотел им стать, у него было много идей, рацпредложений разных, оригинальных разработок, и, конечно, он хотел выйти на другой уровень. Но было, естественно, одно условие: он должен был вступить в члены КПСС. И отец каждый раз отказывался. Он не хотел вступать в эту партию, преступную, лживую от начала и до конца, убившую и замордовавшую миллионы своих сограждан. В итоге лопнувшую как гнойный пузырь. На пенсию отец вышел начальником цеха. А парторг, который его агитировал, вместе с директором приватизировали завод. Парторг, который рассказывал о загнивании капитализма, об эксплуататорах, о бессмертном марксизме-ленинизме, стал ездить на «мерседесе» и не платил рабочим по полгода, выводя куда-то прибыль. Парторга застрелили у проходной. Он лежал в луже лицом вниз. В луже плавал его глаз. Ему стреляли в затылок. А мой отец в 75 лет ездит на велосипеде на дачу. Не замаравшись. Но ему не дали сделать то, что он мог бы.

— У меня есть теория, — сказал Гоша, разливая последние граммы по рюмкам.

— Давай.

— Сейчас, схожу в туалет.

Он вышел.

— Удивляет продажа ароматизированной туалетной бумаги, — сказал он, вернувшись. — Неужели наш зад способен различать ароматы?

Он помыл руки и уселся за стол.

— Так вот — моя теория. Ты знаешь, я думаю, с самого рождения Господь выдает каждому человеку определенное количество счастья, например, по 40 килограмм. Каждому.

— Так.

— Кто-то с детства, с юности щедро это расходует, и у него все отлично: в школе, в институте, в семье, с работой, но после 40–50 лет, когда исчерпан этот запас, у человека резко все рушится — здоровье, семья, дело, настроение, тонус.

А кто-то молодым никак не может себя найти: женился неудачно, живут плохо, он нервничает, переживает, часто болеет. На работу нелюбимую ходит только из-за денег. И в один прекрасный момент этот немолодой уже 45-летний мужчина разводится, уходит с ненавистной работы, уезжает и начинает делать то, о чем всегда мечтал. Например, разводить пчел, как когда-то его дед. Дела потихоньку идут в гору, продажи растут из-за хорошего качества меда и сарафанного радио. А еще женщину встретил, она с ним на одной волне, помогает ему в бизнесе, им хорошо вдвоем, понимаешь? Здоровье на свежем воздухе восстановилось. После 50 лет он использует не израсходованные им в молодости 40 кг счастья. В итоге доживает до 90 лет в здравом уме и с кучей планов на месяц вперед. Как тебе моя теория?

— Я бы дал тебе Нобелевскую премию.

— По экономике?

— Нет. Нобелевскую премию мира. Ведь по твоей теории, так должен жить весь мир.

— Я сделаю все, чтобы ты попал в Нобелевский комитет, — заверил меня Гоша.

Мы стояли уже в прихожей, но Георгий не хотел расставаться.

— Если ты мне скажешь, как звали друзей Гамлета, я тебя отпущу, — сказал заплетающимся языком Жора.

— Я знал, но забыл, — расплывчато ответил я, пытаюсь попасть ногой в ботинок.

— Их звали Розенкранц и Гильденстерн. Неужели так трудно запомнить?.. А ты не забыл, что у меня через две недели день рождения?

— Как можно, Гоша... Я тебе подарок даже купил: трехтомник «Интересные факты о бурюндуках».

Георгий, вздохнув, сказал:

— О чем говорить с человеком, который не знает, что Елена Прекрасная приходится Пенелопе двоюродной сестрой?

На улице было тепло, сентябрь становился четвертым летним месяцем, ломая календарь.

Я посмотрел вверх — надо мной висело рваное синее джинсовое небо, блестя заклепками-звездами. Я пошел на автобусную остановку через небольшой парк. Мимо меня пролетела какая-то птица и уселась на дереве. Я подошел поближе. Это была сова. «Я тоже “сова”!» — закричал я ей, попрыгал и в знак солидарности приветливо помахал руками. Птица строго посмотрела на меня, как надзиратель в вытрезвителе, печально ухнула и улетела.

На остановке сидели двое рабочих в строительных касках, курили и разговаривали.

— Мне надо что-то поменять в моей жизни.

— Да, конечно. Сделай пластику ягодиц. Не дури, а? У тебя нормальная семья.

Подошел мой автобус. Водитель закурил и стал причесываться, глядя в зеркало. В автобусе стоял гул, как в детском саду во время тихого часа. «Следующая остановка — кладбище», — объявила молодая кондукторша. Сидящего на переднем сиденье деда слегка передернуло. На его землистом лице зашевелились мешки под глазами.

Я ехал и думал: жизнь идет настолько быстро, что своим приобретенным опытом ты не успеваешь воспользоваться. Это обидно. Это как суметь научиться хорошо плавать, а единственное озеро осушили. И ты сидишь на берегу, обняв одно колено, и смотришь на солнце, неумолимо уходящее за темно-вишнёвым горизонт.

Мама мыла шрамы

Когда я лег в больницу, была осень.

Было тепло. Под ногами шуршали желтые листья, забегали вперед, немело целовали носки моих ботинок. Деревья вытянули вверх серые ветви, почти единогласно голосуя за смену времени года. Жизнерадостные воробы, толкаясь, клевали развалившееся на тротуаре мороженое — смертельно раненный, истекающий вафельный стаканчик. Рядом серая ворона задумчиво прохаживалась с опущенной головой, как начальник в кабинете. Голые лужи лежали на асфальте, хватая зазевавшихся прохожих. Прохожие смешно поднимали ноги, чтобы не замочить лодыжки.

А сейчас уже — зима. Огромные снежинки медленно падают растопыренными ладонями и укладываются на землю. Я стою у окна в коридоре напротив своей палаты и наблюдаю. Я давно не был на улице. Я смотрю на снежинки и снег, как в театре — на сцену: не чувствую холода, не слышу хруста. Когда мимо проходят родственники больных, румяные, несущие на себе минус несколько градусов мороза, я гляжу на них как на особых людей, например, просидевших два дня в холодильнике.

Я давно не был на улице и помню только осень, набегающую на финишную ленточку.

В палате нас — шестеро. Кто читает, кто смотрит в потолок, кто тихо стонет. А кто-то готовится лечь на стол завтра, бледнея с каждым часом так, что лицо сливается с наволочкой.

Не хватает каких-то лекарств капать в вену. Вены вздулись, они лежат во всех палатах и ждут, когда по ним потечет исцеление или облегчение. Но маленьких баночек желтого цвета — их мало. Поэтому больные — желтого цвета. Их много.

Витя приподнимается с кровати и приоткрывает над своей головой форточку. Струя свежего воздуха, бившаяся в стекло, изнывавшая у закрытого окна и все утро маявшаяся дурью, — молодец вбегает в палату.

— Витек, укройся, простынешь.

Улыбается.

— Я же в больнице лежу, простыну — пусть лечат. Заодно уж.

Витя — фрезеровщик высокой квалификации, работает, как он объяснил, на консольно-фрезерном станке с ЧПУ. Услышав это, все уважительно замолчали, потому что никто не представлял себе, как все это выглядит.

У нас в палате сидит Лета. Имя редкое — Лета. Ей 20 лет. Она должна вытереть пыль, вымыть полы, навести порядок. Она вытрет, вымоет и наведет, но пока она сидит, подрасстегнув ослепительно белый халат, закинув одну стройную ногу на другую, в этой эротически бесполезной здесь позе поправляет красивую каштановую челку и что-то записывает. Она всегда ходит с какой-то тетрадкой. Лета ждет Игоря с процедур, самого молодого из нас, симпатичного высокого студента. Его недавно прооперировали. Лета любит с ним шутливо побеседовать. Пофлиртовать.

В дверях показался Игорь.

— Лета, что ты поешь? Приключенческую повесть «Как я потеряла невиновность на Фарерских островах»?

— Я тебе таблетки принесла. — Лета оторвалась от тетради.

— Спасибо. Хочешь, я спою романс. «Ах, влюблен я в глаза, и в уста, и в косу. Ну, а больше всего я люблю колбасу».

— Не надо. От твоего пения — повышается сахар, опускаются почки.

Игорь открыл свою тумбочку. Оттуда выпали ключи. Он потряс ими.

— Мои ключи подходят ко всем дверям, где живут одинокие девушки.

Лета презрительно фыркнула, сдерживая улыбку. Игорь достал термос.

— А не попить ли нам из калебасы мате? — он вопросительно посмотрел на девушку.

— Что?

— Чай с малиновыми листьями будешь?

— Буду.

Игорь разлил чай. Лета подняла стакан и долго смотрела, как мечутся листочки.

— Игорь, а у тебя есть девушка?

— Нет. Мы расстались.

— Почему?

— Я сказал ей: «Подержи, девица, мой пастырский посох»... Но она неправильно меня поняла.

— И ты любил ее?

— У нее было ангельское личико. Но внутри проживало семейство бесов. Ее звали Эльза Деканатова.

— Ты скучаешь по ней?

— Нужно уметь смахнуть со своей бороды крошки прошлого. Их уже никогда не превратить в краюху теплого ароматного хлеба, которую ты ел в юности...

— Да ну тебя...

Игорь подбросил с блюдечка три таблетки и на лету, как ящерица, проглотил их. Поморщился. Запил.

— Лета, а о чем ты мечтаешь, если не секрет?

— Не секрет. Я хочу выскочить замуж. За какого-нибудь студента.

— Что-то лексикон у тебя, как у кенгуру, — «выскочить»...

— И кенгуренка я тоже хочу. Игорь, а что такое, по-твоему, любовь?

— Любовь — это всегда опасно, это как будтоходишь в темный сырой подвал, где сидят террористы. Можешь выйти оттуда с синяком на лбу, без вещей, без денег, без веры в людей. Но дух захватывает.

Оба смеются.

Я лежу на спине, подложив руки под голову. На моей груди светится крестик.

Напротив меня — дед. Ходит с баночкой, туда по трубочке стекает желчь. Каждое утро просит врачей побыстрее его прооперировать. Чтобы не ходить с банкой. Четыре месяца ходит так. Дед веселый, живой.

Мечтательно:

— Эх, бабу какую-нибудь бы мне сюда... Она запела бы в моих руках, ребята, как скрипка Срамдивари.

Любит общаться с Витей.

— Одиночество, Витек, — говорит он, — это когда ты ночью сильно-сильно закашлялся и... никого не разбудил.

— В 17-м веке термометры наполняли коньяком, а не ртутью. Представляешь? — говорит он, меряя себе температуру.

— Дикари, что ты хочешь, Михалыч, — отзывается Витя.

— Ты знаешь, в русском языке обязательно должен быть глагол «самовыпил», — рассуждает Михалыч. — Согласен?

Что-то есть хочется, уже время ужина. Я вышел в коридор. Мимо нашей палаты с тележкой для развоза еды проехала санитарка-буфетчица Татьяна, обаятельная толстушка-хохотушка.

— Татьяна, — говорю ей, подняв указательный палец вверх. — Слышишь?

— Что? — встревоженно спрашивает она, остановившись.

— Наши животы урчат. Мы кушать хотим.

Она засунула руку в карман халата, достала яблоко с красным боком, с громким хрустом откусила кусок, посмотрела внимательно на меня и сказала:

— Скорпионы могут ничего не есть целых два года.

Во вторник к нам зашла сестра.

— Никонов, — сказала она Михалычу, — подойдите к врачу.

— Иду, — дед присел на кровати. — Так, где мои онучи и лапти?

Он надел носки и тапки и, поддерживая баночку, пошлепал по коридору. Через полчаса вернулся.

— В четверг меня будут оперировать. Наконец-то.

Напротив Вити лежит Сотин Иван Андреевич, 51 год, кандидат философских наук, преподаватель в университете. Книжки на его тумбочке — чуть ли не до потолка. Однажды Лета, покосившись на книжки, спросила:

— Иван Андреевич, а можно вопрос?

— Можно.

— Вы человек умный и опытный... Все мои подружки говорят, что верных мужчин не бывает, мол, не будь наивной дурочкой, все они полигамны и так далее, и тому подобное... Дурочкой, конечно, быть неохота, но и жить с мужчиной, который мне изменяет, — это не то. Что говорит наука по этому поводу?

Сотин улыбнулся.

— По моим наблюдениям, Лета, не изменяют женам ни при каких обстоятельствах 25% мужчин. Будем брать сексуально здоровых мужчин, да? Тех, кто может. Даже если поддатенькая Мерилин Монро на корпоративе будет затаскивать их в постель, у нее ничего не получится. Если сейчас я выйду на улицу, остановлю 100 замужних женщин, то у 75 из них мужья ходили налево, направо, по центру и по кругу. Нормальной женщине важно попасть в число других 25.

— Так... А почему 25% мужчин не изменяют?

— Причин несколько. Первая — генетика. Если свекор любитель женских прелестей, то велика вероятность, что ваш миленький будет не только ваш. И соответственно — наоборот. Смотрите на семью, в которой он вырос. Второе — сексуальный темперамент. Он должен быть в норме, т.е. средним. Если он зашкаливает, вас ему будет мало, если низкий — не устроит жену. Третье, а быть может, первое — муж вас должен очень любить. Тогда другой женщине будет трудно протиснуться между ним и вами. Это как кувшин с водой, который заполнен до краев — больше воды уже не налить. Не помещается физически.

И четвертое. Муж должен быть с чувством собственного достоинства. Он, конечно, может полюбить другую женщину — это жизнь, — но он скажет об этом и уйдет из семьи. Это бывает больно, но он не будет приводить в вашу с ним постель другую женщину, которая потом наденет ваш халат и пойдет в душ, не забыв намазаться вашим кремом. Он не будет топтать вас как человека. Нормальный мужчина не будет юлить, стирать соцсети, отводить взгляд. Не будет выглядеть как собака, сожравшая тапки с бантиком в отсутствие хозяев. Мужчина может быть любим. Но он должен быть цельным. А не поломанным, разломанным на две-три части. Так он превращается в карлика во всех смыслах, даже если его рост 180 см. Измена — это когда из жены делают половую тряпку в привокзальном туалете, но при этом укладываются с ней спать каждый день. Вот так, Леточка.

Михалыча в четверг прооперировали. Опустили в реанимацию. Через три дня подняли к нам в палату.

Ему становилось все хуже и хуже. По ночам он лежал на спине и стонал. Я видел, как из глаз у него вытекали синие слезы, попадая в уши. Его прооперировали еще раз. Опять — в реанимацию. А потом врач — сыну, негромко: — Заберите одежду.

Сделали мне операцию. Ольга Александровна, хирург, каждый день приходит, садится у ног. У нее грустные добрые коричневые глаза. Она смотрит внимательно и участливо; мне кажется, я — единственный больной за всю ее карьеру, чувствую на себе ее внимание все без остатка. Такое внимание в этой больничной сутолоке успокаивает. Она, наверное, помнит всех своих пациентов. Мне хорошо от мысли, что попал под эти женские руки.

Через неделю меня выписывают. Я прощаюсь с ребятами. Мы выходим вместе с Ольгой Александровной, она идет на автобусную остановку. Дома ее ждут муж и два забавных карапуза-близнеца, как-то приходивших к маме в больницу и пытавшихся померить друг другу давление, надевая манжету на лоб.

Больница смотрит мне вслед красными, воспаленными от бессонницы глазами — повывлазившими кирпичами. Я оглядываюсь в последний раз на окна хирургического отделения. Вокруг больницы лежит грязный, неряшливый, озлобленный люмпен-снег. Больница отсюда напоминает мне чумазого мальчика-кочегара с картинки XIX века. Машина «скорой», буксуя, въезжает во двор. Из нее выводят согнувшегося мужчину в резко старомодном пальто и ведут в приемное отделение. Он оборачивается и придавленно смотрит на меня, его взгляд упирается в мой свежерезанный живот.

Иду не спеша по аллее, мимо свинцовых неповоротливых голубей с оранжевыми глазами и крепкой нервной системой.

Я присел в парке на лавочку. Подошла бездомная собака, села рядом. Смотрела не на меня, а вперед, куда-то за горизонт, за аккуратно причесанные кусты — огромные белые одуванчики. Шумно вздыхала. О чем-то думала, свесив голову набок, высунув похожий на ветчину язык. Потом неторопливо пошла от меня, не оборачиваясь, не получив ласки, внимания, нежности. Мы чем-то похожи с ней.

Но ведь нужно идти дальше, нельзя всю жизнь просидеть на лавочке, даже если тебе невыносимо плохо и ноги не слушаются. Есть аллея, и она куда-нибудь обязательно выведет.

Случай в кафе

Я зашел в обед в кафе перекусить, взял суп с гречками, спагетти с соусом и черный чай с бергамотом. Я сел у окна за пустым столиком на двоих, на второй стул положил свою сумку: столик был небольшой и я не хотел, чтобы кто-нибудь подсел ко мне.

— Простите, можно к вам? — я поднял голову. Возле меня стояла молодая женщина лет тридцати пяти, стройная, улыбаясь, брнетка с кудряшками и оригинальными сергами-шандельерами.

— Да, конечно, — я убрал свою сумку на подоконник. В конце концов, это кафе не моя собственность.

Дама взяла себе салат «цезарь», небольшой кусок лосося и чашку кофе. Хлеб отсутствовал, вероятно, как лютый враг фигуры.

— Знаете, а вы мне понравились, — сказала моя коллега по трапезе, называя кусочек сыра фета на вилку.

Я замер. Потом посмотрел на нее.

— Интересно, а я вам нравлюсь? — она улыбнулась.

Я долго накручивал розовые спагетти на вилку, как медную проволоку на катушку, не зная, что ответить.

— Я смотрела на вас, еще стоя в очереди в кассу.

— У вас преимущество, — наконец-то заговорил я. — Я в это время общался с гренками. Дайте хоть посмотреть на вас. Полюбоваться.

— Смотрите, — великодушно разрешила она. Было видно, что она вполне довольна собой. — Надеюсь, вы не обидитесь на мой следующий вопрос, вы же не девушка, — сказала она. — Сколько вам лет, простите?

— А вы не из полиции? Может, я неправильно парковался вчера? Или пнул случайно соседского кота?

— Нет, — ответила она. — Хотя я могу быть и в полицейской форме, — она улыбнулась. — Давайте я угадаю. Вам 44 года?

— Почти угадали. 42. Но вообще-то я думал, что выгляжу лет на пять моложе.

— Вы льстили себе.

— Увы.

— У вас морщинки возле глаз. Впрочем, вам даже идет, как это часто бывает у мужчин... Много улыбаетесь, наверное. А теперь самый главный вопрос. Барабанная дробь, — она застучала вилкой и ножичком по краю тарелки. — Вы женаты?

Я засмеялся.

— Вы же сказали, что я вам нравлюсь. Тогда какая разница — женат я или нет? Если нравлюсь, а?

— Э, нет. Это мужская логика. Это вам, мужчинам, все равно. Я разрушать семью, если она есть, не хочу.

— Что же делать? Терять такое сокровище, как я?!

— Не торопитесь. Сначала ответьте. Обручального кольца на вас нет, но это же ничего не значит.

— Ничего не значит, вы правы. У нас три варианта: женат, холост и живу в гражданском браке.

— Если вы женаты, передайте привет от меня вашей супруге и пожелание с размахом отметить вашу золотую свадьбу. Если вы холостой, я приглашаю вас в субботу в оперный театр на балет Минкуса «Дон Кихот».

— А если я живу в гражданском браке?

— Не знаю. Может, вам оформить отношения?

— Зачем?

— Простите, лезу не в свое дело. Мы, кстати, не познакомились. Меня зовут Тая.

— Таисия?

— Нет. Тая. Просто.

— А я — Арсений.

— С таким именем надо писать стихи.

— Тарковский и писал.

— А вы?

— Я тоже. В 15 лет. Потом как обрубило. Ушло вдохновение.

— И не пришло?

— Пока нет.

— Итак, вы в гражданском браке?

— Вы знаете, меня еще никогда в жизни девушки не приглашали на балет. Я даже растерялся.

— Да подождите вы. Вас еще никуда не пригласили.

— А я уже хотел арендовать смокинг.

— Рано.

У Таи зазвонил телефон.

— Извините, — она отошла в сторонку и поговорила. — К сожалению, мне надо бежать, — сказала, улыбнувшись, Тая. — Вот вам моя визитка, я работаю в салоне красоты. Если вы не женаты и не в гражданском браке с

любимым человеком, — позвоните мне в пятницу, и мы сходим на «Дон Кихота». Если вы не против.

Я два года, как в разводе. В гражданском браке не живу. Я еще не отошел от предыдущего, официального.

Тае в пятницу я не позвонил. Я несколько раз набирал ее номер, но кнопку вызова так и не нажал, у меня деревенел палец, когда нужно было сделать последнее движение. Я долго стоял у окна, глядя на шершавые крыши соседних домов. С крыш, недовольно каркая, криво разлетались взъерошенные вороны.

А потом визитку я потерял. Я перевернул всю квартиру вверх дном, рылся в мусорном ведре, вывернул карманы курток, пересмотрел все бумаги на столе, и так несколько раз. Визитка как испарилась.

Я постоянно захожу в это кафе — «Серебряный Эдельвейс», подолгу сижу с чашкой кофе, надеясь встретить Таю, но больше ее ни разу не видел.

А может, ее и не было?

А мне так хочется с ней поговорить.

И, сидя на балете «Дон Кихот», взять ее за руку.

Константин Комаров

Даже если ты не был нигде...

***

Я только стих,
я только душа.
Маяковский

Не отыскав ни боли, ни тоски
внутри себя, ни радости, ни света,
надень, дружок, дырявые носки
и выйди в переполненное лето,

и вспомни о пустующей зиме,
просторной для отчаянного жеста, —
навстречу тем, кто мирно спит в земле,
и тем, кому в ней не хватает места,

и тем, кто с облупившихся трибун
смотрел на ход твоих глухих ристалищ,
кто вылетели птичками — в трубу,
пробрезжили, растаяли, расстались,

и даже тем, кто засыпал с тобой,
кто засыпал любовью и заботой,
кого ты нежной придавил стопой
чужого ямба, выпил, отработал...

И если вновь пойдёт такая жесть,
и снова будет не опять, а снова,
спроси себя тихонько: кто я есть?

Ты — только слово, милый,
только слово...

Константин Комаров — поэт, литературный критик, литературовед. Родился в Свердловске, окончил Уральский федеральный университет. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Дети Ра» и др. Постоянный участник форума молодых писателей «Липки» (2010–2022). Автор книг стихов «Почерк голоса», «Только слово», «Соглядагай словаря», «Безветрие», «От времени вдогонку» и др. и сборников литературно-критических статей «Быть при тексте», «Магия реализма». Победитель «Филатов-феста» — 2020, лауреат премии «Восхождение» (2021), лауреат премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы».

***

Воздаяния здесь редки
(успокойся и не борзей).
Я засел у большой реки,
только трупы плывут — друзей.

Время рухнуло птицей Рух,
стёртым строем прошли войска,
истончённый весельем дух
наострилась точить тоска.

Прогоревшего света тьма,
первый снег перьевой от крыл.
Все горя от того ума,
что путь к мудрости не открыл.

Нет, не вредно принять вердикт
откипевшего молока.
И Другой на меня глядит,
как собака на облака.

***

К.А.

Воздух, полный вмятин,
птицей пал в окно.
Спят, ещё не спятив,
двое — как одно.

Ночью — трёпу таять,
накатила ткань.
Веры трепетанье
заглушает брань.

Хлюпанье дверное
рыбьего ребра.
Просто на постое —
недобор добра.

Просто то и дело
ниже потолок,
но на то и тело
ловкое, как волк.

Жимолость — по краю,
кажимостью — речь,
вроде шёл в пекарню,
а приходишь в печь.

Чтения теченье
да письма дыра,
да порой вечерней
люстра, как сестра.

Нисходящий птичий
беглый белый свист,
почерк атипичный
да аптечный лист.

Тьмы больные темы
не раскрыты в нём,
но восходим те мы —
парой на паром.

***

Зима. Сенбернар в серебре
таскает свои килограммы.
Мечтается нечто. Тире
с дефисом — грозят калиграммой.

Прохожего нос, словно морс,
а щёки — томаты по грядкам,
и бережный бродит мороз,
и длится безбрежным порядком.

Снежок, как картофель, варён,
лютует летучее завтра.
Очнёшься — и стих сотворён.
И ты — полноправный соавтор.

Феномен фоном обнажён,
и азбука снова при ятях,
и в комнатах пыльных — свежо,
в комментариях — тепло и приятье.

И полых полей чёрный прах
прополот сознаньем узорным,
и зреет зеро в зеркалах,
и мечет прозрачные зёрна.

И вечности чистой простор
доступен, хрусталик не грея.

Таков зимний месседж простой.
А лето у нас — лотерея.

***

Так дышит пустота сквозная,
вот вакуумный пакет, возьми,
в депру древесную вонзая
топор безрадостной возни.

Так жизнь слезоточит елейно
и разбухает, как гроссбух.
Стирается эмаль емэйлов
от кариеса жёлтых букв.

Горит гранит тяжёлых мыслей
взор телевизора нетрезв,
и отражения зависли
в окне, заклеенном на крест.

И только воздуха опара
к тебе по-прежнему добра,
когда выходишь ты из бара,
как будто баба из ребра.

Идёшь, дыхание глотая,
как жиденький бульон мясной,
в котором осень золотая
с латунной смешана весной.

И нету ничего прозрачней
стеклянного тугого льда,
и злаки на полянах злчных
питает горькая вода.

И ничего уже не значат
слова «нигде» и «никогда».

Жара

Вся весома, как нерпа,
в синих брызгах кружевных
проплывает рыба неба
мимо толщи тишины.

Перегретого еля
в воздухе саднит раствор,
выжидает, вожделя,
общество как вещество.

Сено снов горит к тому же,
и ни вспомнить, ни назвать,
мрачно усыхают лужи,
брошенные на асфальт

И горячие деревья
с обжигающей корой,
как бродячие поверья
между первой и второй.

В пыльную впадает лету
истомлённый водоём.
Где тут тень? А тени нету.
Так без тени и живём.

***

Бытие пребывает в наличье,
держит мир, как икону — оклад,
вот и небо — аптечное, птичье —
опечатано в рамку окна.

Серебристее вдох и ребристей,
правь дыханья пути и держи —
в глубь трясины болотистых истин,
прочь от тверди спасительной лжи.

Да минует сей девственный трафик
цифровой петушащийся треск,
чтобы бесам тоски не потрафить,
что на всякий слетаются крест.

За тобой честно слижет дорога
сонных слёз сладковатую соль,
и когда — не без ведома Бога —
медным гулом накроется всё —

никому не покажется мало,
кроме тех, чью трахею свела,
накатила, расплющила, смяла
невозвратного слова смола.

Помни эти грядущие глыбы,
точки входа в воздушной воде.
Не сворачивай, где бы ты ни был.

Даже если ты не был нигде.

***

Дышишь в строчку — слышишь шум бамбуков,
поскребёшь катрен, а там — картон.
Голос, узнаю тебя по буквам:
дрезбезжишь сервизно — только тронь.

И куда б ни отступал ты, пятась
и рекою редкой кипятысь, —
на неделе у тебя семь пятниц,
так как вечность не закроет пасть.
Спросишь эхо — нечего ответить,
и ложишься, как под розги вор,
под кнуты безмолвия — отведать
мизерный морозный разговор.

И пока по скулам льётся пиво
или жидкость, что совсем горька,
терпеливо ждёшь, но торопливо
топлива для главного рывка.

Но на смерть лицензий нет у слова,
и поёшь ты, лицезрея впрок,
как проходит лесом твой условный,
Господом благословленный срок —

одинок, испуган, но не сломан,
ибо не ломается поток.

Окраина

Обычная обочина. Туман.
Наброски небоскрёбов различимы.
Я оказался здесь не от ума,
зато без всякой видимой причины.

И мну слова, и те слова кровят,
ища калитку из тетради в клетку,
а птицы воздух тканевый кроют
на им одним понятную разметку.

Шаг устремлён туда, где кров и стол,
где вспомненному время забываться,
пора кончать духовный автостоп
с избытком пограничных ситуаций.

Ждёт описи моих трудов и дней
к иным вещам привыкшая бумага,
и зов понятен городских огней,
как и развёрстый зев универмага.

Но как спасти всё то, что я узнал,
сырого зренья мятые приметы?
Бензинового неба белизна
одна способна рассказать про это.

Фарфоровые фары. Тишина.
Вместительная пустоты посуда.
Маршрутка подъезжает, и она
несметным одиночеством полна.

И закрывает пыльная волна
название микрорайона «Чудо».

Ксения Хотина

Накануне безумия

Роман

Глава 1. Уведомление

Покусывающее солнце не позволяет лежать в одном положении, ворочая людей, как рыбешек на сковороде. Алиса наблюдает за ними, но её мало волнуют изжаренные солнцем тела, ей хочется поскорее оказаться в серо-синей плотности водяной ряби, нырнуть так глубоко, насколько возможно, рассмотреть под водой ракушки, водоросли и, может быть, если родители позволят, переплыть на другой берег.

Она щебечет, выводит на песке незатейливые линии, предлагает подруге построить огромный замок, чтобы никто не смог пробраться в него, окружить крепостью — забором из копий-палочек. Подруга кивает. Родители, кажется, не видят их. И вот они уже копают песок. Ветерок щекочет шею, Алиса щурится и трется щекой о плечо. Обжигающие крупицы заставляют то и дело отдергивать руки, сейчас главное — добраться до той вязкой прохладной массы, что скрывается под насыпным зерном прокаленного берега.

Мама приподнимается на локтях, поглядывает на девочек, словно оценивает проделанную работу, опускается снова, ведет переговоры с папой. Алисе кажется, что теперь точно они отправятся в воду, наконец-то она дождалась. Каждая секунда тянется вечностью. Она запрокидывает голову на крик чайки, та парит на сочно-голубом фоне, словно летучий змей, держится в воздухе, и Алиса не понимает, почему чайка умеет летать, а она нет. Быть может, люди тоже умели летать, а чайки забрали у них эту способность, и теперь люди вынуждены ходить по земле. Как было бы весело, если бы они с Лёлей разбежались и их бы подхватил поток ветра, они рассекали бы воздух, который лентами врезался бы им в лицо и плавно обтекал хрупкие детские тела.

Её мечты прерывает голос отца, тот уже стоит у водяной кромки и машет девочкам, призывая обрызгать его. Они тут же бросаются, заключают немое пари о том, кто быстрее занырнет в воду. С разбегу врезаются в обволакива-

---

Ксения Хотина (1993) — родилась в республике Карелия. Работает юристом и учится в Карельском филиале РАНХиГС. Член Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России. Член Молодежного Совета при Главе АКМР. Резидент литературной резиденции АСПИ, 2022 (сентябрь). Печаталась в журнале «Север» и коллективных сборниках прозы и поэзии. Победитель конкурсов «Петрозаводск. Это моя земля», 2022 (Аппреал), «Классики и современники», 2022 («Литературная газета»), регионального конкурса «100 легенд Карелии» и др. Проживает в г. Кондопоге.

Публикация осуществляется в рамках проекта «Мастерские» Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

ющую прохладу, водяная синь хватается их за ноги, тело по инерции движется вперед, они падают. Алиса захлебывает воду, вкусная, не ясно, почему мама запрещает её пить, вода попадает в глаза, нос, уши, она барахтается, под резкое «пф-ф-фу-у» выгалькивает тело наружу. Тут же на неё обрушивается шквал брызг, она не сразу понимает, в чем дело, в глазах мутная картинка пляжа, где-то вдалеке мамин силуэт и объемные горы тел. Это папа напал на них, пытается победить в битве брызг. Ну нет, так просто она не сдастся, она умеет брызгаться. Начинает молотить ладошками по затянувшейся пленкой, как на парном молоке, воде. Лёля не отстаёт, они команда, они победят. Он обрушивает на них целые водопады, блеск водяных капель везде, сверху, справа, слева, но девочки стоят как крепость, нерушимая и непокорная.

Берег заливается звонким, как птичья трель, смехом, мама идет на этот смех, вот бы она тоже присоединилась, стало бы ещё веселее. Она морщится от холода, но решается примкнуть к девичьей команде и, чтобы поддержать компанию, визжит вместе с ними. Нанесенный кистью солнечный цвет слепит глаза, пробирает дрожь, но из воды Алиса не уйдет никогда, только не сейчас, игра может продолжаться. И почему эти взрослые вечно останавливают, придумывают какие-то дела, ненужные, неуместные? Вот сейчас мама уже зовет их на берег, а прошло каких-то... сколько? Они так заигрались, что Алиса совершенно потерялась во времени, она еще столько же готова просидеть в воде.

Мама всегда была злым полицейским в семье, сколько Алиса себя помнила, и сейчас её раздала горечь, не такая, которую испытываешь, когда в детстве поставили в угол и чувствуешь хмурый взгляд матери, а другая, непосильная для нее тягота. Это такая горечь, какую испытывает ребенок, от которого скрывали, что он взят из детского дома. Пусть в родительстве она была уверена, но в душевном родстве — нисколько. В голове не укладывалось, как мама могла скрывать такое столько лет? И самое главное, почему она, Алиса, не заметила ничего подозрительного? Разве можно пройти мимо извергающегося вулкана, закипающего неминуемого зла? Теперь она понимает, что уголки губ мамы всегда хранили эту тайну, загадку, которую нельзя не заметить, но и прочесть невозможно. Она смотрела в затуманенное автобусное окно и пыталась вернуть себя в детство, чтобы убедиться, что было не все так плохо. Но как бы она ни пыталась увидеть в маме человека искреннего и доброго по отношению к ней, это не удавалось. Когда она покупала ей мороженое, вела в первый класс, сжимая её ручку, когда целовала на ночь, от неё веяло леденящим дыханием. Мама вглядывалась в лицо дочери, в воздухе повисал немой вопрос, и некому было объяснить, что он означает. Алиса поёжилась. Теперь ясно.

Желтые пятна на стекле, пыльный воздух, пасмурно затянутое небо подпитывали складку между бровями. Нет, маме она не позвонит. Если мама дергала за ниточки, пока Алиса жила в студенческом общежитии, это одно, теперь у неё нет такого права.

Впереди доносилась тягучая, как плавленый зефир, мелодия, водителя практически не видно, только очертание в зеркале заднего вида и затертое плечо футболки. В нос бьет запах каких-то смазочных материалов, или бензина, или все вместе. Алиса прижалась носом к стеклу, сколько ещё ехать, интересно?

Она безразлично сканировала поношенный пассажирами «пазик». Люди глотали пыль и копошились в немом диалоге друг с другом. Они рассеяны по сиденьям, одиноко и неуклюже пошатываясь под дорожную терку, как цветы под дуновением ветра. Ничего не изменилось с того уведомления. И в то же время изменилось всё. Воздух вокруг потрескивал и гудел. Мама осталась где-то в прошлом, ей всегда было плевать, так почему же сейчас это задевает? Алиса пыталась отмахнуться от дурных мыслей, но ей не удавалось. Она снова и снова крошила память, пытаясь выловить что-то хорошее, что-то, чем можно оправдать мамину оплошность.

Она пыталась погрузиться в собственный мир, с пляжем, солнцем и теплым покалыванием брызг, но и запах, и глухая мелодия, и гнетущие серые мысли не позволяли уйти от реальности. Она вырвалась из пятиэтажного, наполненного слухами городка, но из мыслей вырваться не удавалось. Вместо смеха, папиных сильных рук перед глазами возникала старая квартира, доносилось тиканье часов, они отстукивали знакомый ритм, пока Алиса, затаив дыхание, пробегает глазами по мелко напечатанным строкам: «интернат проводит день открытых дверей, получатель Евгений Васильевич Алексеев ожидает Вас». Что это такое? Кто это? Алиса перечитывает крупно выведенное: «УВЕДОМЛЕНИЕ». Алексеев — мамина девичья фамилия. И отчество. Неужели это... Она опирается на затертую этажерку, на которой раньше стоял стационарный телефон. Брат? То есть дядя? Воздух гудит, тиканье часов растворяется в этом гуле, перед глазами световые вспышки, словно её кто-то фотографирует. Бумага выскальзывает из рук, дрожащими пальцами она нажимает на липкий экран смартфона, вслушивается в гудки и собственное учащенное дыхание. Мама не берёт трубку. Совпадение? Ошибка? Перепутали с соседями? Вопросы пульсируют в голове. На предложение встретиться Лёля отвечает коротким «окей». Нужно собраться, прийти в себя.

Глаза Алисы слипаются, ей не хотелось вспоминать, как обжигает холодный взгляд матери, а из её глаз брызнули непристойные слезы, на встречу она так и не пошла. Мама отводит взгляд и принимается разбирать покупки, не обращая внимания на трясущуюся в истерике дочь.

— Кто он такой? Сколько ему лет? Ты можешь хотя бы что-то сказать?!

Слезы заливают щеки, стекают на подбородок, мокрыят шею, делая ее липкой. Мама хладнокровно наполняет стакан водой, протягивает Алисе и, когда та после секунды раздумий несмело сжимает нагретое в руках матери стекло, жестом приглашает дочь присесть. Она, словно маленькая девочка, безропотно, все еще всхлипывая, кивает. На столе играет солнечный зайчик.

Алисе больше не хотелось оставаться в автобусе воспоминаний ни на секунду. Сейчас она выпрыгнет и увидит всё собственными глазами. Сжимая то самое уведомление так, чтобы не помять его окончательно, Алиса продвигалась мимо сидений с затертыми сочно-красными чехлами, мимо женщин в дачных нарядах к выходу, прямоком к правде. Водитель поглядывал в зеркало, все сидели на местах и ждали её. Она почувствовала, как щеки залились розовым цветом.

— Это интернат «Рябинушки»? — спросила она, не дыша и не смотря на водителя.

— Что же ещё? По той дорожке поднимаешься, и будет тебе интернат.

— Спасибо, — выдохнула она под гудение бабок, которым неминуемо хотелось оказаться на своих дачах.

Проходя мимо шепчущих деревьев, она думала, можно ли будет оставить ему вкусности, которые она захватила? Конечно, это то, что нашлось дома, но все же. Можно ли им ходить в магазин? Интересно, какой он? Он заперт в палате? Перед глазами возникали заезженные картинки из американских фильмов, где начисто выглаженный коридор психиатрических лечебниц раздражается звуками, которые издают пациенты, а проходя мимо приоткрытой двери, можешь увидеть женщину в смирительной рубаше с жалостливым взглядом, словно та хочет сказать, что ни в чём не виновата. Алиса отмахнулась от представившихся картин, наверняка здесь всё не так.

Вдруг она наткнулась на ржавый, с потрескавшейся краской шлагбаум, на мгновение представила, как скрипит металлическая балка, когда кто-то въезжает на территорию. Справа такая же потерявшая цвет, открытая нараспашку калитка, вросшая в каменный, как в старинных крепостях, забор. Алиса без промедления решила зайти на территорию, бросив взгляд на табличку «Посторонним въезд запрещен». «Вход, стало быть, нет», — мелькнуло в голове.

Среди ветвей с пролезающими к солнцу листьями начали показываться здания вроде тех, в которых дворники хранят инвентарь. Здания, в котором могли бы проживать люди, среди них не было видно. Дорожка неожиданно раздвоилась. Куда идти? Алиса решила позвонить по указанному в уведомлении телефону. Набрал номер, она замерла в ожидании, наконец кто-то ответил с тенью одышки:

— Алло, интернат «Рябинушки».

— Эм, я бы хотела узнать... — Алиса запнулась. — Сегодня день открытых дверей... В общем, я приехала в интернат, куда идти?

— Если вы на территории, то идите всё время прямо, не сворачивая, на развилке направо поворачивать не нужно. Дойдёте до стоянки, там и будет корпус, заходите, первый этаж направо, комната посещений — третья по счёту.

— Ммм, спасибо, — слова Алисы провалились в пустоту.

Комната посещений, значит, говорить с ним она будет не в палате, это хорошо. Не хотелось бы, чтобы было много людей. Хотя раз сегодня день посещений, то, наверно, их будет много. Как он выглядит? Похож ли на маму? А если он сошёл с ума, вдруг мама тоже сойдёт? Она ужаснулась собственных мыслей. Потерять маму, какой бы она ни была, не хотелось. Нет, как бы она ни злилась на мать, этого не хотелось никогда. Как с ним разговаривать? Как называть? Дядя? Она же не маленькая девочка. Евгений? Женья? Он умный? Не то чтобы умный, скорее насколько он... безумен? Раз приглашают, значит, он может общаться. Она видела безумных людей, они ходят по городу и никого не трогают. Например, женщина, говорящая сама с собой, парень, что бегаёт, все время оглядываясь, другой парень, которого гнобили в школе, про него рассказывал отец. Этих людей гораздо больше, чем ей казалось, и они собраны в одном месте. Раньше Алиса даже не задумывалась, что они существуют. Какой же слепой нужно быть! Она не задумывалась, что лечебницы существуют — и где? Рядом с ними, а самое главное, что в интернате живет её дядя. Наверное, глупо и безответственно не знать о подобном, но мама не дала ей знать, это она ответственна за незнание Алисы. Почему она это скрыла? Почему маме бы просто не сказать за одним из тягучих семейных ужинов, когда запах горького кофе разъедал нос, а папа расхотелся добродушной и, как оказалось, обманчивой улыбкой: «Алиса, доча, знаешь, твой дядя в психушке. Я не навещаю его, потому что я плохая сестра и мне стыдно за него, а тебе вру». Это было бы так просто и так честно. Да, Алиса бы разозлилась, а кто нет? Всё было бы по-другому, они поговорили бы, выяснили, а сейчас она просто не может видеть маму, не то что говорить с ней.

Кто такой сумасшедший? Такой же нормальный человек, только ненормальный. Алисе снова вспомнился пляж, на котором они играли с Лёлей, когда были детьми. И как дети играют на берегу водоема, возводя замки из песка, так же и люди строят свои собственные замки, кто-то больше, кто-то меньше, но каждый замок — это крепость, в которую вхожи только желанные гости, а от нежеланных замок защищен рвом или неприступной стеной. Есть люди, чей замок настолько непроницаем, что они не могут никого впустить, он становится башней, темницей, в которую человек сам себя поместил. Эти люди такие же люди, они имеют право на жизнь, гуманное отношение и уважение, ведь их замок настолько крепок и постоянен, что вряд ли кто-то сможет создать такой же в здравом уме.

В размышлениях она добрела до стоянки, на которой оказалось всего две иномарки, прямо тут же кирпично-пожилое здание в два этажа. Странно, неужели так мало работников? И как не страшно оставлять машины здесь? Если сумасшедшие что-то сделают с этими машинами, с них нечего взять. Алиса схватилась за ручку двери с закрепленным на ней деревянным брусом, склонила голову так, что локоны струйкой стекли на её исхудалое от студенческой жизни лицо, прошёл почти год с получения диплома, но устроиться на работу так и не получилось, какие-то подработки, листовки, газеты. Мама и из-за

этого пилила её. Злиться на маму вошло в привычку. Сейчас это все неважно, важен только он, её дядя. Она сжимала дверную ручку, прижавшись щекой к плечу. Женя, Евгений, просто дядя или дядя Женя... Наверное, Евгений будет солиднее.

Она дернула на себя дверное полотно, которое оказалось на удивление тяжелым, таким, что может прищемить пальцы и даже переломать их, если хлопнуть с силой. Она отметила опасность двери и скользнула в мир, который, как ей подсказывал внутренний голос, перевернёт её жизнь. Ощущение появилось ещё в тот момент, когда она сжала бумажку-приглашение, словно это было не почтовое извращение, а билет в другой мир, тот, которого её беспощадно лишили.

В нос ударил резкий затхлый запах маринованных огурцов с примесью восточных специй, она поморщилась, постаралась задержать дыхание и окинула взглядом помещение, — никого. Перед ней лестница, не крашеная, полы и стены — обшарпанные, со свисающей на паутинках штукатуркой, справа и слева двери, под лестницей чей-то силуэт. Кругом шорох и чьи-то заглушённые покровом стен голоса. Она потянулась, чтобы нырнуть вправо в боязни нежелательной встречи, как ей и велели, но силуэт зашевелился и вылез на свет.

— Это ты? Я тебя жду. Я стою тут уже столько...

Мужчина в наполовину заправленной клетчатой рубашке, в степени лёгкой небритости и взъерошенности переминал в руках затёртую книгу. Это её первый сумасшедший. Она застыла в раздумьях и в панике бросилась от него прочь к комнате посещений.

Комната посещений оказалась просторной, посередине стол, за которым сдержанно улыбалась миловидная взъерошенная женщина, она поглядывала на Алису загадочно подбадривающе.

— Здравствуйте. Сегодня у вас день открытых дверей? — пыталась унять она kloкочущее сердце.

— Здравствуйте! Да, верно, а к кому ты приехала? Вы не бойтесь, присаживайтесь. Ожидателя встретили?

— К Евгению Алексееву, — Алиса кивнула.

— Ну-ну, не волнуйтесь вы так, он безобидный, каждый день ждёт свою возлюбленную, мы его со станции и забрали, а так всё поезда встречал то с цветами, то с книгами, — махнула она рукой. — Могу я поинтересоваться? — женщина испытующе всматривалась. — Скажите, кем Евгений вам приходится? Раньше вы его не навещали, мы следим за родственниками.

— Ну... — замялась девушка, она так увлеклась идеей увидеть дядю, что даже не подумала, как представиться в интернате. — Я его племянница.

— Что ж, должна спросить, останетесь ли вы на праздник? У нас будет мастер-класс, где получатели услуг попробуют изготовить бумажные цветы, будет музыка, и после этого, в принципе, все разойдутся, примерно через пару часов. Остаётесь?

Женщина произнесла это скороговоркой, между делом поправляя заправленную вверх причёску.

— Я не знаю, как автобус...

— У нас потом рабочий день закончится, можем вас подвезти, раз вы не на машине, наших работников довозят до города... Вас проводит к Евгению Софа, — она поднялась из-за стола, обогнула Алису и в двери крикнула Софу.

Женщина оказалась одетой в серый кардиган, приталенные брюки, футболку-рубашку, а Софа — пышноформой медсестрой, о последнем Алиса сделала заключение по её больничному прямому наряду, костюм-двойка бежевый, с розовыми вставками по бокам. Её короткая, но объёмная стрижка пружинила в такт шагам, когда Алиса, часто дыша, семенила следом по затертой плитке коридора.

— Мы прошли мимо зала, — музыкальный голос вел Алису за собой. — Он напротив рабочего коридора, под лестницей сидит культурный организатор.

Навстречу им попался мужчина с бегающим взглядом и плоским лицом.

— Здравствуйте, — прошамкал он и задержал взгляд на Алисе.

У неё перехватило дух. Она постаралась выровнять дыхание и буркнула:

— Здравствуйте...

Они оказались среди молочно-бежевых стен.

— Здесь пост, остальное — комнаты жильцов, — Софа небрежно провела рукой в воздухе. — Показывать больше и нечего. Кушать они ходят в другой корпус, им прогулка, нам — проблем меньше, — прихрюкнула медсестра.

Девушка предвкушала, как увидит сейчас дядю, обнимет его, он так обрадуется, что расплачется, он виделся ей широкоплечим, таким же черноволосым, как и она с мамой, его глаза обязательно должны оказаться добрыми, а как иначе? Она дрожала от нетерпения за спиной медсестры, как дети с нетерпением ждут, что самый настоящий Дед Мороз вытащит им подарок из мешка, который никогда не опустошается.

В помещении раздался хлопок, отчего Алиса дёрнулась и машинально закрыла глаза, медсестра же никак не отреагировала, девушка краем глаза заметила компанию мужчин вдалеке по коридору. Три фигуры склонились друг к другу, переглядывались, одна из них указывала на Алису. Она повела плечом, ощутив на себе их цепляющие крючком взгляды.

— Алиса, — обратилась Софа со страстью кокетки. — Проходите в комнату посетителей, я вам дам время пообщаться, там будет спокойнее. Зайдите, поздоровайтесь, смелее, не бойтесь.

Вероятно, медик прочитала нерешительность, застывшую на Алисином лице, её жгучее желание неожиданно сменилось сомнениями и ощущением возможной правоты мамы. Стены загудели, Алиса почувствовала вибрацию пола, он словно заходил волной. Она попыталась ухватиться за руку медсестры, но та оказалась дальше, чем Алиса предполагала. Она, устыдившись своей робости, всё же подняла взгляд и увидела его, сидящего на кровати, обычной односпальной кровати с обычной подушкой и одеялом, со стоящей рядом обычной тумбочкой. Никаких мягких стен и отсутствующих углов, всё оказалось не как в кино, такая же, как и коридор, некрашенная комната, обветшалая и угрюмая обстановка разбавлялась его спокойствием. Он тоже оказался другим, ни широких плеч, ни мамино строгого вида, только потерянные блестящие глаза, щуплый стан и бородка. Алиса причмокнула ноткой разочарования и несмело проронила:

— Здравствуйте...

— Здравствуйте, — тут же откликнулся он после длительного ожидания, когда же она заговорит. — Я верил, что ты придешь, я тебя ждал.

Алиса нахмурилась. Как он мог ее ждать? Она всматривалась в его наполненные светом надежды глаза, морщины, обступившие невысокий лоб и ореол глаз, и пыталась понять, несет ли он бред или его кто-то предупредил о её приходе.

— Не пугай девочку, — зашипела на него медсестра. — Проходите, не бойтесь, они спокойные. Можете присесть, — услужливо она указала на стул.

Алиса прищурилась. Интересно наблюдать, не то чтобы интересно, скорее прискорбно и отвратительно, как лицо Софы менялось. В её взгляде улавливалась струйка презрения, как только Софа переводила взгляд на неё, эта струйка куда-то улетучивалась, что тоже странно, ведь она, Алиса, — просто девочка, а к таким взрослые тётеньки относятся пренебрежительно.

— Я Женя.

— Я знаю. Ты мой дядя.

Алиса снова покраснела, как в автобусе, её отбеленная зимой кожа налилась румянцем, она отодвинула ворот куртки. Он заговорил первым, значит, хочет общаться.

— Я так тебя ждал, я знал, что ты придешь, — повторял он, перебирая пальцы, заламывая ладони наружу. — Ты знаешь, мне так одиноко, я здесь совсем один, совсем.

— Не прикидывайся, где же ты один?

Алиса, сама от себя не ожидая, резко повернулась в сторону женщины, пристально посмотрела на неё, взглядом попытавшись прожечь в её больничном наряде дыру, как делала это мама. Фокус сработал, Софа замолчала.

— Откуда ты приехала? Ты ведь приехала ко мне? Как тебя зовут?

— Меня зовут, — Алиса всматривалась в угловатое лицо дяди, — меня зовут Алиса. Мы живем всё там же, где и раньше, в городе, только стало меньше народу, скучно бывает, даже погулять не с кем.

Внешне он ничем не выдавал себя, походил на адекватного человека, человек как человек, со своей бородкой довольно интеллигентный, он мог бы запросто оказаться актером, или певцом, или начальником отдела продаж. На его лице не было ничего необычного, никаких уродств, признаков безумия, только странно блуждающий взгляд. Нелепо одетый в широкие сочно-чёрные брюки, подходящие больше на юбку, спортивную кофту, свисающую чуть ли не до колен. Худой, спортивной конституции, как и Алиса, под глазами мешки, брови опущены, отросшие чёрные пряди волос зачёсаны вправо. Если бы Алиса увидела его в толпе, то не поняла бы, что с ним что-то не так. А что? На нём не написано, что он живет в сумасшедшем доме. Она попыталась зацепиться за мельчайшую деталь, чтобы подтвердить подозрения и знания о его нормальности, но не могла ни по жестам, ни по словам оценить степень сумасшествия. Прищурившись, она разглядывала его, как зверушку в зоопарке, интересно, понимает ли он, в каком положении находится. А если да?

— Ты тут живешь? — решила она начать с очевидного.

Сосед по комнате подошел сзади и встал за Алисиным стулом, слегка склонившись над ней. Она беспомощно обернулась на медработника и пожала плечами, та засуетилась, приглашая обоих пройти в комнату посетителей, на что Алиса отвесила кивок и поднялась, готовая покинуть Женину обитель.

— Я тут живу, здесь. Больше нигде не живу, — говорил он по пути, размахивая руками. — А ты ездешь на машине? Рулишь? Ты приехала на машине? — Алиса мотала головой. — Я бы очень хотел порулить, — он обвёл пальцем нашивку на свитере.

— Да, я тоже. Я бы хотела научиться водить.

— То есть ты умеешь? — оживился он. — Покатаешь меня, когда у тебя появится машина.

Они вернулись в комнату посетителей. Софа открыла им дверь справа от стола женщины с высокой причёской и предложила пройти. Алиса кивнула в знак благодарности и решила не тянуть время. Комната оказалась не маленькой, из мебели кушетка и два кресла, стол со стареньким компьютерным монитором, два стула рядом, раковина, неясно, зачем она здесь, стеллаж, на котором громоздились настольные игры, детская азбука, журналы. Она присела на серую кушетку, прижалась к стене, вытянув ноги, Женя сел с краю. Разговор не ладился. Алису душило ощущение, что он не понимает, кто она.

Очарование, которое тлело в мыслях Алисы, куда-то улетучилось, его растворили запах, стоявший в коридоре, назойливость Жени, с ним точно что-то не то, пусть она пока и не поняла, что именно, но у неё возникло чувство, что он что-то недоговаривает, словно боится проговориться. Алиса смотрела на его засаленные волосы и пыталась выудить что-то ценное из его сознания, что-то, что доказывало бы их связь и подтверждало бы то, что она не зря приехала, но он не поддавался на её уловки и каждый раз срывался с крючка.

— У тебя красивый свитер, — смотрел он так, словно просил киндер-сюрприз у мамы. — Можно я потрогаю?

Он не смотрел ей в глаза, но уже тянулся к рукаву, в беспокойстве она косилась на дверь, за которой осталась медсестра, пыталась оценить, как быстро та сможет прибежать, если раздастся крик о помощи.

— Можно, — слотнула она, прикрыла глаза и вытянула руку вперёд.

— Какой мягкий, — умилился он, держа её за рукав. — Я хочу рассказать тебе правду...

Его глаза заговорщицки заблестели, он наклонился над углом стола, притянув Алису к себе, по её телу пробежала дрожь, она снова сглотнула. Что же он хочет сказать? Женя оглянулся по сторонам, задержал взгляд на окне.

— Через окно могут не только услышать, но и увидеть. Тебе опасно тут находиться, — кивнул он в подтверждение своих слов. — Тебе лучше уйти. Тот, кто сюда попал, может не вернуться. У меня раньше был дом, была мама, а теперь ничего нет, они меня не отпускают.

Она непонимающе помотала головой и тут же ухмыльнулась. Вот и странности. Долго ждать не пришлось.

— Ты не думай, я ведь не сумасшедший, просто живу тут. Но ты мне нравишься. Будешь привозить мне чего-нибудь вкусное? Мне так хочется чего-то.

— Да, я привезла печенье, шоколад, они у... — Алиса показала на дверь, тут же отдернула руку, вспомнив, что пальцем показывать нехорошо. — Ты помнишь свою сестру, мою маму?

Он всматривался в её лицо, словно пытался понять, кто перед ним находится, словно забыл её и их разговор, она ёрзала на скрипуче-кожаном полотне кушетки. До неё доносились звуки капель воды из-под крана, они отбивали размеренный ритм, под который можно пуститься в вальс, закружиться под натиском партнёра, на котором держится весь танец, а ты, словно лист, сошедший с дерева, гонима потоком ветра, кружишь, разбивая воздух небесного зала, носима неведомой силой, рискуешь упасть, если он оступится, и чувство возникает, что ты себе не принадлежишь и ничего изменить не можешь. Алиса осознавала, что сейчас не владела ситуацией, всё пошло как-то само собой, он неуправляем, и в то же время его, как ребёнка, можно разговорить, только нужно найти ту самую клавишу, нажав на которую, узнаешь всё что хочешь. Так и с другими людьми, только с ним всё немного проще.

— Помню, — он обеспокоенно взглянул мимо Алисы. — Она такая... противная. — Он сморщил нос так, что ноздри почти вывернулись наружу, обнажая колющие воздух темные волоски. — Постоянно забирала мои игрушки! Не повезло тебе с мамой. Она ведь твоя мама? Да, конечно, но ты не похожа на неё, — затряс он головой. — У тебя такой мягкий свитер. Ты добрая. Подаришь мне такой же?

«Он же женский, — украдкой она взглянула на дядю. — Какой хитрец! Это он манипулирует мной, довольно неглуп!»

— Конечно, подарю, только найду работу, я окончила техникум, бухгалтер, считать нужно, с бумажками работать, а вот работы нет.

— Работать... Я тоже хочу работать, но нам тут не дают работать. Ничего не дают делать, что мы хотим, ты понимаешь меня? — расплылся он. Она кивнула. Он снова оглядывался по сторонам и нависал над столом. — Я не сумасшедший. Посмотри, кто рядом с нами. Это ужасные люди, они пытаются нам сделать плохо, — он показал на дверь.

«Это диагноз, — подумала она. — У него мания преследования?»

— Ты мне не веришь? — отпрянул, а потом снова приблизился, Алиса оставалась сидеть неподвижно. — Можешь не верить, но они пытаются убить нас. Мы не можем сидеть сложа руки, но я не хочу, не хочу делать плохо. У тебя красивая кофта. Пообещай привезти мне такую же...

В дверь постучали, он подскочил:

— Это они!

— Можно проходить в зал, концерт начинается, — в дверь просунулась голова и с тем же кокетством, что и раньше, тряхнула волосами. — Женя, поди к остальным, а Алиса посмотрит на тебя, как ты мастеришь.

Алиса кивнула в подтверждение слов, а сама отвела взгляд, оставаться ей тут не хотелось. Запах, странности дяди, мама была права в том, что от-

дала его сюда. Да, они могли бы навещать его, но это все, что можно сделать. Жить с таким человеком нереально и даже опасно, вдруг ему покажется, что они хотят сделать ему плохо. В какой-то момент после находки уведомления она думала, что можно забрать дядю домой, можно было бы уговорить маму, оформить опеку над ним или что там оформляют. Сейчас же эта идея казалась бредом. Нужно отсидеть мероприятие, дожидаться окончания рабочего дня, рейсовый уже уехал, и оставить дядю здесь, как оставила мама. Что ещё предстоит увидеть? Готова ли она? Нет, не готова, но он будет ждать. «Будь сильной!» — приказала она себе и мысленно отвесила пощечину.

Где же то волшебство из детства? Оно осталось на просторах, на которые больше не вернуться, в детстве всё кажется возможным и не сказочным, если ты хочешь, можешь превратиться в снежинку и бесконечно долго кружиться в воздухе. Или можешь стать козленком и резвиться вприпрыжку, чесать прорезавшиеся рожки о столбик забора, пытаться просунуть голову между штакетинок, чтобы дотянуться до капустного листа, застряв там, высунуть язык и бляеть, пока тебя не достанут из заборной щели. Тебе не обязательно становиться кем-то реальным, твои трансформации ограничены твоим же воображением, можно стать русалкой, Белоснежкой, Котом в сапогах, воображение рождается из сказки, потому что они незаменимы. Ребенок без сказки будет бедным, истощённым, не способным придумать что-то необычное. Как человек сможет придумать что-то гениальное или найти выход из сложной ситуации, если ему не читали сказок? Никак. Как бы хотелось жить в сказке. Сумасшедшим повезло больше всех. Сумасшедшие уже живут в сказке, им нечего додумывать и домысливать, их мозг уже сотворил эту сказку.

Алисины размышления прервала вошедшая Софа, девушка последовала примеру Жени и приняла неизбежное. Она оказалась в группе женщин, которые тоже приехали навестить родных. Их было всего шесть или семь. Они сидели в одном ряду, остальное пространство зала с уже расставленными стульями занимали мужчины, жители интерната. Ноздри Алисы раздулись, голова вжалась в плечи, она вцепилась в металлическую ножку-дугу стула, чтобы не упасть с него, все пошло кругом, завертелись глубоко-синие шторы, бумажные цветы, фотозона с закрученными лентами. Их было слишком много, она пыталась отыскать глазами Женю, но ей это не удавалось. Разные лица, все с признаками нездоровья, одни улыбались, другие кривлялись, третьи морщились, один играл на губе пальцем, его глаза светились счастьем, почему-то он пугал даже больше остальных, ещё один хлопал и тоже радовался. Были и такие, которые сидели с насупившимся видом. Женщин вместе с Алисой посадили в первый ряд, потому что ей приходилось поворачиваться, чтобы рассмотреть зрителей. Того, который хлопал, неожиданно с размаху сбил со стула сосед слева.

Она беспомощно перевела глаза на шуршащего бумажками за столом культорганизатора, та хитро улыбнулась и покачала головой.

— Мальчики, — секундный взгляд и вздох. — Ну-ка прекратите возиться, у нас же гости. Покажите, что можете вести себя прилично.

— Здесь только мужчины?

Откуда-то взявшаяся смелость склонила Алису к соседке, пожилой dame, благоухающей советскими духами.

— Милая, это же мужской интернат, — она только покосилась на неё. — Представь, если бы тут были женщины, они бы все захотели жениться.

Алиса не нашла что ответить, ведь сказать, что она об этом не думала, а пару недель назад не знала о существовании этого места, было бы глупо. Глупой ей казаться не хотелось.

— Бедолаги, им никогда не знать семейного счастья, — сетовала соседка, Алиса сделала заключение, что ей хотелось поговорить. — Не так давно здесь был такой скандал, — женщина прикрыла рот ладонью. — Возникли подозрения, что у одной работниц роман с... Ну, вы понимаете.

Алиса поморщилась, как же гадостно говорить об этом. Её не хотелось слушать напыщенный шёпот и подобные истории, но женщину было не остановить.

— Ты знаешь, её уволили! Значит, было за что.

— Давайте начинать!

Культурорганизатор спасла Алису от дальнейшего рассказа, девушка выдохнула. Мужчины затопали, кто-то захопал, кто-то запел песню, вероятно, организатор имела успех среди этой разношерстной и в то же время представлявшей единый механизм публики. Кто-то выкрикнул:

— Давайте петь!

— Леня, погоди...

Ведущая закатила глаза. Она ни капли не нервничала, на её лице отражалась озёрная гладь, пока она перебирала пальцами клавиши громадной гармони, водружённой ей на колени, не притрагиваясь к ним на самом деле. С полным загадки взором она притянула к себе инструмент и пустилась растягивать мехи, по залу молоком разлились мелодичные звуки, вытягивая низы тюлей, развешанных по стенам в контраст к синим занавесям. Сейчас бы Алиса сказала, что ей здесь нравится, тут можно устраивать представления, шоу мыльных пузырей, наверное, мужчинам бы понравилось, или пригласить мимов в качестве благотворительного сеанса, вот бы был восторг, но пока звучал фокстрот от загадочной женщины с тёмными пружинками-волосами. Организатор не смотрела ни на кого и в то же время глядела на всех, её взгляд был направлен вдаль зала, потому от него можно было урвать кусочек, заполучить себе её внимание, она с баяном словно обнажённая Фрида, о которой Алисе рассказывали на истории, казалась властительницей взоров и умов. Алиса смотрела на неё и понимала, что женщина едина с мелодией, баян двигался в её руках, и она двигалась вместе с ним, уворачиваясь и щемясь местами, а то, разливаясь, раскидывала руки, расходилась и становилась такой большой, что не помещалась в своё тело.

Мелодия резко прервалась, мужчины загудели, как болельщики на хоккейном матче, требуя ещё и ещё, но женщина скорёхонько отложила баян и, рукой показывая что-то вроде волны, утихомирила зал, она пригласила пары мужчин к столам, на которых лежали материалы для поделок. Алисина бровь поползла вверх, как она так смогла? Где же Женя, его не видно.

Организатор бегала вокруг столов, те, кто не успел занять место на мастер-класс, шумели в зале. Поднявшийся снова галдёж стих с потеснившей уснувший баян мёртвой музыкой из колонок. Где же Женя? Что она здесь делает без него? Девушка зевала, её голова клонилась к плечу, стало как-то всё равно, что происходит. Она смирилась с окружением, с мыслью, что здесь не обычные люди, а какие-то не такие, другие. Чуждое страшно только поначалу.

На неё покосилась бабушка, сидевшая рядом, словно прочитала мысли. Алиса попыталась выдавить услужливую улыбку, но лишь снисходительно покачала головой:

— Кто ваш родственник?

— Мой сын, милая, — та опустила глаза.

Вопрос смутил её или огорчил, чёрт, не нужно было спрашивать. Где же тактичность? Она не спрашивает в ответ об Алисином родственнике, значит, не хочет говорить.

Неожиданно бумаги перестали шелестеть, свёрнутые вкось цветы красовались в руках мужчин, они поспешили раздарить поделки посетившим их гостям. Алиса закутила головой, все засуетились, больше организатор не организовывала публику, потому всё вокруг засвистело, залаяло, девушка погрузилась в мир звуков, которые заполнили все пространство зала и понемногу превращались в пчелиный рой, что гудит и вот-вот готов напасть на расхитителя медового царства.

Она оглядывалась вокруг, кто-то продолжал хлопать, кто-то выл, пытаясь изображать певца с микрофоном в руках, а один встал посередине зала, воз-

высился над остальными, он был таким мощным, нет, не выглядел грозно, казалось, он превосходил остальных, с тёмной шапкой волос, добродушными глазами, полными доверия и русской души, тяжеловесным взглядом и пухлыми щеками, словно его откормила заботливая хозяйка, мягкие очертания лица выдавали его, казалось, он сейчас скажет: «как же я вас всех люблю!» Алиса смотрела на него снизу вверх и ждала продолжения: что же он сделает? Он мог бы закричать, скорчить рожу, как и многие здесь, мог бы напасть на щуплого соседа, его комплекция обеспечивала явное преимущество, но он ничего такого не предпринял. Они все могли бы делать что хотят. Вот везунчики. Алиса рассматривала декоративно развешанные шторы и думала, как это парадоксально, нормальные люди скованы в действиях приличиями, правилами морали и собственно законами, а сумасшедшие свободны во всем. Что же это получается, у сумасшедших больше свободы?

Мужчина вытянул единственный выигранный билет и затянул душевно, подобно баяну, мелодию, вначале исторгая её гортанью, звук разливался гудением среди шумящей морем толпы, а после переливался в голос, гнусавый, такой, что лучше петь ту самую песню про поле и про коня. Он пел настолько душетрепещуще, что вместо березки, про которую шла речь в песне, перед её глазами возникал дачный домик, где проходили семейные посиделки, где Алиса помогала маме собирать помидоры, сочные и такие большие, что не помещались в ладонь, где она обливалась из ведра, качалась между деревьев на тарзанке. Она потеряла глаза, чтобы убедиться, что ей не чудится, перед ней действительно растекались мелодичные ленты, издаваемые незнакомым ей сумасшедшим.

Пока он пел, его парадировал другой, безобидный на вид, но кривляющийся, расположившийся у столов мужчина. Он изображал, что держит микрофон, и открывал рот, а артист не обращал внимания, все пел, пел, когда песня про березку закончилась, он начал её сначала, а потом ещё и ещё. Алиса было не поняла, что он поёт заново, но после услышала знакомые четверостишия и смекнула, что здесь что-то не так, покосилась на женщину, сидевшую рядом, чтобы убедиться, что она не начинает сходить с ума, кто знает, может быть, это заразно. Соседка снова проигнорировала Алису, а «белая березка» продолжала транслироваться.

Алиса ощутила что-то не физически, а ментально, никогда раньше она не чувствовала так явно, что кто-то просит о помощи, её что-то укололо изнутри. Она задышала часто, взглядом стала искать источник, головой понимая, что боль внутренняя, а телом ещё нет. Её взгляд уперся в соседку, которая сжимала кулаки и взглядом сверлила собственные колени, упрямо не глядя на продолжающего выступление артиста.

— Что с вами? У вас всё хорошо? — Алиса наклонилась к женщине.

— Это мой сын! Я заставляла его в детстве учить эту песню, а он не хотел! Я его заставляла! — Она беззвучно причитала, тряся головой и содрогаясь телом. — Он наказывает меня! Как жаль, что его забрали сюда, я теперь не могу получать его пенсию.

Алиса взглянула на певца, он выглядел так добродушно, едва ли он кого-то наказывал. Девушка пыталась подобрать слова, но вместо того, чтобы произнести что-то утешающее, обняла женщину за плечи и потянула на себя, на удивление та поддавалась, заключая свои рыдания в кокон из Алисиных рук.

Когда соседка перестала всхлипывать, Алиса с глазами, полными сожаления, освободила её от своих плетей-рук, та признательно отодвинулась, а Алиса выскользнула в толпу, промчавшись прямым ходом к выходу мимо тех, с кем не хотела встречаться взглядом.

Что она тут делает? Она судорожно доставала из сумочки телефон, вдыхая воздух сквозь дверную щель: «Уже бы всё закончилось, вертись оно всё колесом!»

— Алло! Лёля, это была плохая затея, тут полные дребезги, Женя... — она запнулась. — Мой дядя, он не в порядке. С его головой не всё в порядке. И вообще тут ужасно.

Она тараторила, чтобы успеть сказать как можно больше, хотелось разделить с кем-то непосильный груз.

— Ты там, это, не задерживайся, — Лёлин голос, как и всегда, звучал задорно. — Когда приедешь-шь?

— Надеюсь, скоро. Наверное, через пару часов. Такое чувство, что это не закончится. Тут так темно, ладно, я пошла, а ты — коза! Могла бы и посочувствовать!

— Успокойся, подруга, всё нормуль! Не надо было тебе туда ехать...

Алиса вздохнула и, не найдя, что сказать, нажала «отбой». Ведомая идеей отыскать Женю, она взобралась по лестнице, перескакивая через ступеньку, а местами и через две, миновала закрытые белые, как одна, двери и оказалась у комнаты, или палаты, или чем она там являлась, у того помещения, в котором жил Женя. Она не решилась толкнуть дверь, хотя её запала хватило бы на это, она не оставила себе времени подумать и уже занесла кулак, чтобы постучать как можно громче, но услышала шёпот, который перерастал в надрывающий спор.

Она обернулась на приглушенные голоса, которые доносились из комнаты напротив. Вдруг это Женя? Словно в детстве, она приподнялась на носки кроссовок, затаила дыхание, нервно подергиваясь по сторонам, так и подкралась к источнику звуков. Она не могла разобрать, о чём идёт разговор, только уловила страстные нотки, которые мужчины вкладывали в каждое слово, они о чём-то спорили, один с натиском набрасывался, сыпал обвинениями или претензиями, второй давал отпор, но в его голосе улавливалась вина. Алиса закрыла глаза и постаралась прислушаться, но вместо этого провалилась в воспоминания.

Раз, два, три... Тикали часы в маминой спальне. Их подарили на юбилей комбината, как и остальным семьям города, которые трудились на бумажных валах. Алиса не любила эти часы, но всегда вслушивалась в их сердечные ритмы, чтобы сконцентрироваться, ухватиться за секундную стрелку, понять, что движется она не сама по себе, а что её тоже движут. И это не от неё зависит время, а от того, кто есть выше, что есть выше, ведь над людьми всегда кто-то был, что-то более сильное и могущественное. Время нельзя изменить, оно не подвластно людям, как бы этого не хотелось. Почему нужно думать об этом? Да просто потому, что сказки, так бережно и аккуратно помещенные в маленькую головку Алисы, жили сами по себе и требовали, чтобы она ходила с ними за руку. Стрелка на часах помогала ей увидеть ошибку в тексте, понять, какой дать ответ на вопрос в домашнем задании по истории, как выждать время до дня рождения, ведь пара дней — это всего лишь промежуток времени, разделенный секундной стрелкой на множество частей.

То, что она услышала, заставило её отпрянуть от двери, закрыть глаза. Всё произошло так быстро, что она не успела сообразить, её отбросило к стене, она ощутила тянущую боль в области затылка, расходящуюся вниз к спине. Из её рта со свистом вылетел воздух с еле ощутимой примесью голоса. Она не вскрикнула, скорее, простонала потерянно и безутешно. В висках разрасталась пульсация. Нашупав руками опору, она отчаянно прижалась к холодящему кровью бетону. Её грудная клетка прерывисто вздымалась, она беззащитно хватала ртом застывший воздух, несколько мгновений, и ей удалось взять себя в руки и снова приблизиться к двери, сфокусироваться на шёпоте.

— Настало время, посмотри, здесь же гости, а ты ведешь себя как человеческий убудок. Зачем всё это? — басисто говорил кто-то.

— Чтобы они не теряли веру. Послушай, да, я не доиграл, но они всё равно в наших руках. Поверь, они даже не подозревают, — тонюсенько пищал другой.

— И всё равно, их стало слишком много, эти бесхребетные, они омерзительны... Мы должны походить на людей, а ты ведешь себя...

Алиса старалась не двигаться, чтобы не выдать себя, услышать продолжение разговора. О чём они говорят?

— Омерзительны, — вторил ему голосок.

— Ты же мог все завалить... — не унимался первый и давил: — Давай сделаем это. Ты видел новенькую? Думаю, она поверила нам. Насколько же они глупы, их мозг не дает видеть что-то дальше собственного носа, — хмыкнул он. — Тупицы. Они не могут увидеть очевидного. — Она напряглась, затаила дыхание, чтобы расслышать, что скажется бас. — Что мы не те, за кого себя выдаем.

— Нельзя-нельзя, — ей показалось, что второй замотал головой в истеричной лихорадке. — Мы ещё не готовы. Не сейчас. Подожди немного.

— Нет так нет, — хмыкнул тот, что с басом. — Но это произойдет. И очень скоро!

Она не могла выдержать больше ни секунды, изо всех сил бросилась к лестнице, её ноги заплетались, словно ветви в порывах ветра. Тело перестало слушаться, словно бесформенная масса, оно подавалось вперед, а ноги не поспевали за ним, его несла вперед неведомая сила. На секунду ей показалось, что сейчас она окажется на полу, улетит носом вперед, кубарем скатится по ступеням и распластается у подножия лестницы, вдохнет запах кусков повесенному рыхлой земли, занесенных кем-то заботливым в коридор, так и не выметенных обратно на улицу. Она цеплялась за перила и вбирала в себя тяжёлый запах, переносилась мыслями на свежевспаханный картофельный огород, где воздух кажется более чистым и успокаивающим, где пахнет землёй и плодородностью. В висках также что-то пульсировало, направляя её сознание на грань с болью, но не перевешивая ни в ту, ни в другую сторону, заставляя балансировать на границе, которая после сегодняшнего дня не была прежней, но и не изменилась кардинально, потому что мозг отказывался принимать реальность такой, какой Алиса её увидела. Истеричный смех, хлопки в ладоши, крутящаяся по кругу песня про березку мерцали клипом. Она удержала себя на ногах, вцепившись с налету в по-стальному холодную ручку двери, которая оказалась спасительным кругом в её пошатнувшемся мире. Это последняя капля, она больше не останется здесь ни на минуту. С неё хватит. Всей своей незначительной массой Алиса навалилась на дверь, то подалось вперед, весом замедляя Алисин полёт, и тут она увидела лицо Жени. Это произошло так быстро, что Алиса не успела понять, как оказалась на асфальте, перелетев ступени, она приземлилась прямо на Женю. Он распластался, раскинув руки и стараясь не касаться Алисы, залепетал:

— Больно-больно! Ты чего дерешься?

— Прости-прости, — в голове шумело, она зажмурилась только для того, чтобы звездочки, мелькавшие перед глазами, пропали. — Ты как? Женя, ты в порядке?

— Ты вылетела, как ракета! — ощупывал он себя. — Я хотел пойти в зал.

— Ты все пропустил. Где ты был? Я искала тебя, и я услышала...

Она поднялась, отряхнулась, поморщившись от того, что оказалась на собственном дяде, с определенных пор Алиса перестала любить тесные контакты, прикосновения, у неё развилась контактофобия, которая проявлялась постоянно, а скорее под настроение. Она не могла припомнить, когда именно стала сторониться чужих касаний, словно эта эмоция присутствовала всегда. При походе с однокурсниками в кафе, если кто-то брал её под руку с удачной шуткой, она могла и не заметить, что ей что-то не нравится, но если кто-то задевал на парах или в автобусе рядом садился грузный мужчина и неизбежно прижимался к ней, кто-то случайно толкал в очереди, губы её кривились, мышцы лица еле уловимо дергались, а по спине проходила дрожь, словно ей становилось страшно от этих прикосновений. Она не могла припомнить ни-

чего, что способствовало бы развитию этого страха, никаких тебе травм, потрясений, ей просто перестало нравиться, когда её трогают другие. И теперь, когда так тесно пришлось прижаться к дяде, она ощущала себя уязвлённой.

— Я узнала ужасную вещь. Я такое услышала. Я не понимаю, в чём дело.

Она лепетала и не смотрела в его глаза, словно оправдывалась за падение, за то, что не смогла найти его раньше, за то, что он пропустил представление, пока помогала ему подняться. Ведь это он сумасшедший, а она нормальная, значит, она должна отвечать за него, и она приехала именно к нему, а не чтобы поглазеть на чокнутых мужиков, которые её только пугали, разве кроме поющего про берёзки мужчины. Если сказать Жене, то он может не понять, а если не ему, то кому рассказать о странном, тревожащем её разговоре. Она взглянула на него, его глаза бегали, словно он чего-то боялся и искал кого-то знакомого, кто помог бы ему. Ей хотелось убежать как можно дальше, покинуть это странное место, никогда не видеть изуродованные судьбой и природой лица, не возвращаться к крошащемуся мелкой кирпичной стружкой зданию. Но когда она увидела, что Женя боится тоже, уловила его дыхание страха, даже не дыхание, а всего один единственный выдох, в котором почувствовала внутреннюю дрожь, она поняла, что он в том же замешательстве, что и она.

— Женя, скажи мне честно, — она взяла его за руки и заглянула в глаза. — Только не ври мне. Что здесь происходит? Ты в опасности? Что они задумали? Что они хотят сделать? О каком плане они говорили? Кто они, чёрт возьми, такие?

Она рассыпалась вопросами, а он лишь часто открывал и закрывал маленькие глазки, из его молчания невозможно было сделать вывод, понимал ли он её слова, что думал в этот самый момент. Могла ли она всё себе надумать? Она могла понять разговор неправильно, вырвать фразы и предложения, да и к тому же она в дурдоме! Что можно ожидать от его обитателей? Всё, кроме нормальных речей. Если она выдала желаемое за действительное, то кто-то должен разубедить её в её же неправоте. И пусть этот кто-то будет её дядя. Осталось послушать, что он скажет.

— Давай, — стрельнул он глазами. — Не здесь. Пойдем ко мне.

— Я не хочу туда возвращаться, там они, — она с ужасом замотала головой.

Она представила, что за дверью разговаривали два брата, один из них старший, амбал в растянутой грязной майке, второй пискля, худой, обязательно с острым, как клюв, носом, вывалятся из комнаты и обнаружат в коридоре Алису и Женю. Они переглянутся, перемигнутся и схватят их. А дальше. Что бывает в таких случаях, Алиса не знала, но могла предположить, что их разорвут на кусочки, будут пытаться, что бы это ни значило, или выбросят в близлежащее озеро на радость щукам, чтобы те вонзили в них свои заточенные охотой зубы.

Женя всё ещё ничего не сказал, его глаза бегали, словно он опять выпал из реальности, ей хотелось потрясти его за плечо, но она не решалась больше не из-за страха перед ним, а из-за того, что ей самой не понравилось бы, если бы её трогали.

— Есть одно место, — он притянул к себе её руку, медля и заглядывая крадком в глаза. — Идём.

Он потащил оторопевшую Алису за собой по выложенной каменной плиткой дорожке, то и дело дергая её, чтобы она поторапливалась. Он шёл так быстро, что она спотыкалась, несмотря на свою худобу, ему удавалось удерживать племянницу без особого напряжения, потому она подумала, что руки у него жилистые. Мимо мелькали полуголые деревья, на которых только начинала пробиваться листва. Алиса всматривалась в их кроны и думала, что у деревьев не всё, как у людей, точнее, даже всё наоборот, зимой голые мерзнут, а летом, когда все раздеваются, они закутываются в наряды. А сумасшедшие — давно не такие.

Алиса сокрушалась о том, что послушала сердце и поехала сюда, ведь могла бы сидеть дома, продолжать искать работу, а её понесло за справедливостью. Казалось, что Женя лишён способности рассуждать, потому она не надеялась услышать что-то толковое, шла за ним, потому что идти всё равно было некуда. Они свернули с дорожки и пошли по мрачно свежей земле, в ста метрах виднелась деревянная безугольная беседка. Белые кроссовки Алисы вязли в весенней грязи, она увидела, насколько замаралась, только когда дошли до места, она попыталась оттереть чирки, оставленные пяткой на джинсовой штанине, но ничего не выходило, грязь успела высохнуть.

Перед тем как забраться в беседку, Алиса взглянула на небо, — над интернатом сгустились тучи, огромный кусок обмакнутой в лужу ваты повис над постройками и вот-вот разойдётся дождём. Они уселись на скамью так близко, что Алиса еле могла поставить ладонь между ними. Она не спускала с него глаз, следила за обездвиженным лицом, на котором не отображалось ни эмоции, словно Женя спал.

— Ты должна меня внимательно выслушать, — напирал он не тоненьким, как раньше, голосом, а напористым тоном, словно голос принадлежал и не ему вовсе. — Каждое слово, Алиса, ты должна запомнить каждое слово.

Алиса вскинула бровь, сканируя его взглядом. Она заерзала, запихала руки в карманы такой же белой, как кроссовки, куртки, нащупала телефон и стала перебирать его, крутить, готовая в любую секунду вытащить наружу и нажать кнопку быстрого набора, на котором стояло «мама».

— Если ты мне не доверяешь, — кивнул он на карман, словно прочитал её мысли. — Мы можем оставить всё как есть, но, чёрт, Алиса, клянусь тебе, что ты совсем скоро пожалеешь, что не послушала меня. Ты просто не можешь представить, ты совсем ещё ребенок!

Она мотала головой, пока он говорил, слишком всё походило на речи тех двоих. Сглотнув, она кивнула, чтобы он продолжал. Она попыталась усмирить свой пульс и сконцентрировать взгляд на Жене, схватила себя за запястье.

— Всё не так, как ты представляла. Ты училась, ходила в школу, а теперь, — посмотрел он вопросительно, — на работу?

— Нет, я ещё ищу работу.

— Это не имеет смысла. Ты не понимаешь, насколько это не имеет смысла. Имеет, конечно, но вовсе не тот, о котором ты думаешь.

Она ускоренно моргала, пытаясь понять, не спит ли она.

— Этот мир не такой. Ты живешь в иллюзии. Мы и вы — разные существа, — он испытующе смотрел на неё. — Люди — это рабы, вы обеспечиваете нас воздухом и необходимым для жизни.

Алиса округлила глаза и затрясла головой. Чёрт, её дядя чокнулся, собственно, чего ещё ожидать от этого места.

— Не понимаю, — Алиса смотрела на него во все глаза. — Мне кажется, что тебе нехорошо. Давай я позову помощь?

— Нехорошо? Мне замечательно. Ты должна просто на минуту представить, что всё так, как я говорю. Мы — сверхлюди, все сумасшедшие, живем вот в таких усадьбах, а вы — рабы, которые нам прислуживают, устраивают мероприятия, готовят еду. Понимаешь?

Они словно разговаривали на разных языках, он воображал, что знает всё на свете, а она не знает ничего, хотя сумасшедшим здесь можно назвать только одного. Алиса вздохнула и не решалась сказать правду, колочую, режущую правду, которая стала для неё очевидной.

— Хорошо, — смекнула Алиса, решила подыграть дяде. — Если всё так, то откуда вы, боги, взялись? И почему ты мне всё это рассказываешь?

Она скрестила руки на груди и забарабанила пальцами по предплечью. Он нервно дергался и теперь уже не был похож на того безэмоционального дурика, скорее, он стал рассерженным преподавателем, который поучает студентов из-за того, что не сдали вовремя курсовые работы.

— Потому что ты понравилась мне, у тебя добрые глаза. Мы живем рядом с человеком испокон веков. Мы управляли вами, мы строили поселения, города, создавали этот мир вашими силами. Люди быстро плодились и оказались куда более проблемными, чем мы представляли. Они болеют, пьют алкоголь без меры, ругаются, борются друг с другом, ведут себя так мерзко, как ни один альтёр¹ не повел бы.

— То есть ты тоже из них — аль... Как ты сказал?

Алиса перебила дядю, который говорил так жадно и быстро, что у него вокруг губ образовалась пена.

— Альтёры. Раньше нас было мало, нам требовалось много людей, чтобы создать те условия, которые есть на планете сейчас. Так и развелось человечество.

— Но вы же... — Алиса подбирала слово. — Убогие?

— Тебе так только кажется, — он пригнулся и потряс головой. — Вы как телевизоры с антеннами. Никогда не замечала, что по телевизору показывают выборочную картинку? Так и вы, видите выборочное. Альтёры существуют в другом измерении, поэтому вы нас не видите. Нам нужно человеческое тело, чтобы дышать, мы получаем через вас кислород. Когда человеческое тело дряхлеет, когда человек и альтёр в нем умирает, душа альтёра переселяется в новое тело. Альтёр зреет в человеческом организме, как птенец в яйце, а затем пробуждается. Есть специальные очки, они помогают тем, кто только пробудился и не обрёл все навыки. Я помогу тебе такие достать.

— Слабо верится.

Алиса усмехнулась и прижала подбородок к шее. Что он несет? Невозможно поверить, что она надеялась увидеть нормального человека, с которым мама поступила несправедливо, коварно, укрыв его здесь от остальных.

— Во что? В то, что я смогу достать очки? Да, ты права, не смогу. У нас их нет, а вот в Москве, в исследовательском институте, есть.

— Да нет же! — вскинула руки Алиса. — Не верится в бредни, которые ты рассказываешь! Это же вымысел чистого дождя!

Неподалеку сверкнула молния.

— Ты действительно веришь в свои слова? Не зря мама сдала тебя сюда.

По округе раскатился гром, сотрясая почву, пролезающую на свет растительность и повисший между ними вопрос нормальности, на который Алиса уже дала ответ.

— Алиса, ты можешь мне не верить, — он отдышался и протянул ей карту. — Посмотри через очки и тогда говори. Ты всё поймешь. На экскурсии дай эту ключ-карту экскурсоводу.

Она автоматически схватила карту, бросив на неё гневный взгляд.

— Зачем твоим альтёрам люди? Ты сам не логичен, — развела она руками, сотрясая воздух и морща нос от его слов.

— Для кислорода. Нам нужен кислород для жизни. И нужны ваши руки, иначе как бы мы построили этот мир?

— Чёртовы паразиты!

Алиса вскочила и побежала в сторону жилого корпуса, обдаваемая крупными дождевыми каплями.

— Исследовательский институт в парке Победы, на первом этаже проводится экскурсия по лаборатории, — выдают очки. Возьми очки и возвращайся сюда, тогда поговорим!

Последнее он бросил на авось. Его слова стремительно вонзались ей в голову, на ходу закольцовывая мысль, которая не даст ей спать предстоящей ночью. Она не останавливалась, сердце бешено колотилось. Это невозможно, нереально. Он чокнутый! Её дядя — чокнутый. Она обернулась, он что-то

¹ Так называют себя существа, которые вселяются в сумасшедших.

говорил и жестикулировал, Алиса уже не разобрала слов. Она увидела людей между корпусом и стоянкой, работники грузились с пакетами, рюкзаками в микроавтобус, подопечные усердно махали. Вдруг она осознала, что изрядно промокла, плотная ткань брюк липла к коже. Алиса провела руками по влажным волосам, бросила взгляд в сторону беседки и, никого там не обнаружив, запрыгнула в салон. Напоследок она окинула взором подопечных интерната, они приподнимались на носочках и кривлялись, стараясь достать руками, языками до дождевых капель быстрее, чем те упадут на них. Это походило на демонский танец, проведение обряда, вызывание духа, но не на людей. Мысленно она окрестила интернат котлованом людского тщеславия и приняла решение навсегда покинуть это странное место.

Глава 2. Лаборатория

Пыльный воздух, стоявший в квартире, не позволял вдохнуть полной грудью, тишина гудела и разливалась по бокалам сожаление. Между ними давно не было такой близости, чтобы подойти и обнять, мама постарела слишком быстро, это было как кадры киноленты со строкой «спустя двадцать лет», мама долго казалась молодой и энергичной, а потом резко обзавелась морщинами и отсутствием интереса к чему-либо. Она и так казалась Алисе чопорной, но теперь совсем закрылась от разговоров и возможности попробовать что-то новое, казалось, она погрязла в цифрах и рабочих отчётах, не оставила места среди них для домашнего уюта. Говорила Алиса чаще с папой, он, будучи обычным сварщиком, спешил после работы домой, чтобы приготовить ужин и посмотреть с Алисой кино, от чего она постоянно отказывалась, а по субботам они ходили в кафе, продолжая детскую традицию. Папа не менялся, он оставался таким же красавцем, морщины не съедали его южное лицо, темные ночные волосы, нос горбинкой, который он называл шнобелем, к тому же он был порядком младше мамы. Сколько сейчас маме? Не вспомнить год рождения, то ли пятьдесят шесть исполнилось, то ли пятьдесят семь или пятьдесят четыре. Что-то очень много, может, она путает? Алиса всматривалась в мамину округлую местами фигуру: её стройный некогда стан отяжелел, приобрел массивность, словно кости стали шире, она больше сутулилась, потому со своим средним ростом стала казаться ещё ниже. Неужели Алиса в старости будет такой же? Нет, не то чтобы мама некрасива, она весьма даже элегантна для своих лет, очки подчёркивают её образ, как и шаль, что мама носит обычно на плечах, но в общем её старость кажется странной и такой далёкой. Алисе хотелось заговорить с мамой, но мама неприступно шаркала тапками и клубила в сжатом воздухе парами травяного чая.

Девушка мысленно допила бокал и решительно вымолвила:

— Хорошая погодка, не правда ли?

Мама взглянула на неё из-под бровей и сдержала ухмылку, потянулась к шкафчику за ещё одной чашкой.

Она была настолько умна, настолько проницательна, что никогда не заговаривала первой после ссоры. Алисе же обычно не хватало терпения, чтобы дожидаться удобного момента, она спешила на авиационный рейс ещё до объявления посадки. Мама с учительской педантичностью разлила чай, затянула в хвост отросшее во всех смыслах каре, которое нужно было вновь покрасить в блонд, и только, когда села за стол, спросила:

— Как ты съездила? Ты видела его?

Она отделяла виноград от веточки, а Алиса тянула время, пыталась подобрать слова, чтобы не сдать свой провал. Девушка рассматривала морщины на лице матери, следы от очков на носу, которые та носила на протяжении рабочего дня и когда сидела за компьютером, почему от них оставались отметины, и даже цвет кожи в этих местах изменился настолько, что стал на несколько тонов темнее, и, даже когда мама ходила без очков, казалось, что они сидят на её носу.

Алиса покачивала ногой в такт мыслям о том, стоит ли рассказать о выдумках Жени.

— Если ты оставила его там, это было правильно, — она вопросительно взглянула на мать. — Он очень активный. И помнит только то, что ты отбирала у него игрушки, мне показалось, — нахмурила она брови, а мама, заметив смену интонации, задержала на дочери взгляд. — Он злится на тебя.

— У нас были разногласия. Он не хотел в дурдом. А я хотела заниматься семьёй. Вот и вся история, — мама перестала перебирать виноград. — Ты так извиняешься?

— Я не говорила, что извиняюсь.

Алиса отодвинула чашку. Она осеклась, поскольку сама уловила в своем голосе враждебность. Выпалила как скороговорку, боясь запнуться, оттого проговаривая быстрее, чем нужно:

— Знаешь, он говорил странные вещи. О том, что люди рабы, что сумасшедшие из высшей расы, что мы в большой опасности.

— Милая, он говорил столько чуши, что я не запоминала её. Он подпортил мне детство и юность, но я не дала испортить ему нашу жизнь, — она покачала головой. — И тебе не советую.

— Ладно, — Алиса сдерживала ругательства и отвращение, которые прокручивала в голове. — Разве ты не могла его навещать?

— Да, я сожалела, — мама потеряла виски, придвинулась к столу и посмотрела на дочь пристально. — Ты права, полностью права, нужно было навещать. Ты сильнее меня. Как-нибудь мы съездим к нему, хорошо?

— Да, отличная идея! Или ты можешь сама? — Алиса лукаво взглянула на маму. — Я хотела попросить тебя... Могла бы ты дать денег? Я знаю, что не работаю, но мне нужно развеесться. Я хочу съездить в Москву. На пару дней всего, много не надо.

Воздух схлопнулся, девушка теребила сетчатую бордовую салфетку, прощупывая дырочки, она проглатывала отвращение, с которым ей гадостно было выпрашивать у мамы деньги, льстить и соглашаться с её правотой. Сейчас она откажет. Она точно не согласится после происшествия с дурдомом. Алиса, затаив дыхание, бросала на маму кроткие взгляды, словно выслеживала добычу, но вместо добычи — мама и её решение о том, получит ли Алиса деньги на поездку. Поехать в Москву — так необычно. Если Алиса куда и ездила, то с родителями или с классом, ещё никогда она не уезжала одна на дальние расстояния. Такого просто не было. И она с трудом представляла, как найти путь, с которого отправляется поезд, как расплачиваться в метро, где переночевать в Москве. Казалось, что всё это неважно, что всё мелочи, которые можно решить, но именно они волновали девушку больше всего, забывая мысли, заставляя не думать о произошедшем вчера.

— Ты поэтому такая загадочная с утра? — мама одобрительно скривила губы.

Алисе ничего не оставалось, как кивнуть, несмотря на оставшуюся в ней злость, она решила, что разубудится в словах Жени.

— Я могу взять выходные, или съездим вместе на выходных, что ты думаешь?

— Понимаешь, — она старалась найти нужную кнопку. — Я хотела предложить поездку Оле, но вообще я мечтаю съездить одна. Мне уже столько лет, а я нигде не бывала.

Сердце Алисы заколотилось усиленно, она не привыкла врать, в голове стучали сотни молоточков, в то время как она пыталась не стукнуть чашкой о стол, не бросить о стену вазу с лилиями, которые мама принесла из цветочного, она любила цветы, каждый понедельник покупала их на Пролетарке, не кричать во всё горло, что не приняла маминых попыток к примирению.

Засвистела кастрюля на плите, разразив молчание вместо ответа, мама поднялась, не сказав ни слова. Вот ведь чудеса, она опять играет в эти игры.

И когда Алиса уже мыла чашки, чтобы кольнуть их посильнее, когда будет водружать на сушилку, как протест из-за оказываемого на неё давления, мама, повернувшись к угловатой, возвышавшейся до потолка кухне, сдалась:

— Я выделю тебе на поездку из семейного бюджета, но с условием, что мы договоримся дома, где ты будешь кушать, ночевать и куда сходишь в Москве.

— Хорошо, мам, — обернулась Алиса и чмокнула маму в щёку. — Сегодня же!

Позже Алиса встретила с Лёлей, которая взяла выходной в баре. Лёля трясла красными, коротко стриженными волосами, когда пыталась доказать, что нужно всё высказать матери.

— Слушай, ну а типа этот чудик реально верит в то, что говорит?

— Лёля, более чем реально, вот как ты веришь в телеграм, — она озорно посмотрела на подругу. — Понятно, что ты бы сказала матери, но мне нужны деньги.

— Прикол, конеш-шно, — просвистывала она звук «ш», специально картавя речь. — Неужели ты ему веришь-шь?

— Лёля, — Алиса доскабливала десерт. — Ты бы могла поехать со мной?

Темно-красная занавесь, огораживающая их от проходящих мимо кафе людей, просвечивала, отчего казалась полинялой в местах проникновения лучей солнца, двинулась вправо под рукой Алисы. Занавешенные окна, тусклый свет, темно-зеленые стены сужали помещение, посетителей практически не было, несколько подростков плюс они. Посреди зала стоял огромный аквариум, к которому Алиса подбегала и рассматривала водяных обитателей, когда была маленькой. Она помнила это кафе, сколько и себя. Особенно ей нравились плакаты с персонажами из мультфильмов, Питер Пен, Русалочка и много кто ещё, но больше всего кафе ассоциировалось со сладким воздушным десертом и смеющимся папой.

— У меня и на кофе не хватает, а ты говоришь-шь — Москва! Прости, подруга, — запрокинула она голову назад так, что на тонкой шее вылез бугорок кадыка, она сглотнула. — Сгоняй одна, а мы с тобой потом наверстаем. Кстати, место второго бармена ещё свободно. Мне нужно заплатить за общагу, не обижайся.

— Ты что?! Мама съест меня живьем, — собрала она губы в бантик. — Не-не-не, это мимо. А давай, кстати, ко мне?

— Давай посмотрим, куда там тебе можно сходить, нужно, чтобы марш-ш-шрут включат и лабораторию. Ты на самом деле думаешь-шь, что этот псих может говорить правду?

— Почему нет?

Конечно же, он несёт полную чушь, но нельзя же признаться себе в том, что иногда самые бредовые идеи открывают новые двери, если Женя не прав, то она просто убедится в этом, но если он окажется правым, всё, что он говорит, — реальностью, то Алиса рискует совершить самую большую ошибку в жизни, если не проверит его слова.

— Но ты же ему не поверила? Почему сейчас передумала?

— Не знаю, Лёль, просто он был таким искренним и таким увлеченным...

Алиса сглотнула, словно пыталась проглотить большой кусок торта.

— И чокнутым, если ты не забыла... Сейчас сторис выложу.

С этими словами Лёля достала телефон, махнула большим пальцем по диагонали и уже ловила кадр так, что обе влезли на экран. В это время на улице скверно заорал кот, доказывая кому-то свою правоту. Алиса резко повернулась и снова получилась на фотографии смазанной.

— Ну, вот, как всегда! — всплеснула она руками. — Это ты хорошо на фотках выходишь.

Весь вечер они с мамой и Лёлей продумывали план поездки, наметили пару музеев, парк Горького, а на вечер купили билет в джазовый клуб. Лёля щёлкала мышкой, а мама считала деньги. Алиса же больше вздыхала, пони-

мая, что останется одна, когда отправится в маленькое, страшное её путешествие.

Когда они разошлись по домам и комнатам, а папа заглянул пожелать спокойной ночи и, чмокнув её в щёку, оставил свет включённым, Алиса вдохнула вчерашний день, сумасшедший во всех смыслах, и перед ней снова нарисовалось беззаботное лицо Жени, а потом оно стало расплываться, раздуваться, становиться таким огромным, что заполнило полкомнаты. Что он имел в виду, когда говорил, что Алиса не знает, как выглядят эти сумасшедшие? Как же они выглядят на самом деле? Она заблокировала эти мысли на протяжении всего дня и лишь сейчас дала волю фантазии. Ей представлялись роботы, инопланетные существа из самых разных фильмов, которые любил смотреть папа. Ещё вчера она психовала и считала Женю настоящим идиотом, но утром, когда в поту вскочила с постели, она поняла, что математически вернее было бы убедиться в его неправоте, чем после жалеть, что не попыталась поверить ему и потеряла контакт.

Как она сглупила, что накричала на маму, когда прислали уведомление, тогда Алиса не могла представить, как это ужасно иметь такого родственника, ей и в голову не могло прийти, что с ними сложно общаться, что страшно находиться рядом. Неужели мама и вправду с ним жила? Это жутко. Может быть, ему было тогда лучше. Жалко, что она не хочет рассказывать, но оставить его в таком диком месте — это наказание. Не боялась ли мама, что эта болезнь передаётся наследственно, вдруг она и у неё есть, просто ещё не проявилась? Алиса ворочалась в постели, то и дело подтыкая под себя одеяло или поправляя подушку, потом снова откидывая одеяло, потому что становилось жарко, она никак не могла найти удобное положение, верную позицию, в которой удалось бы уснуть. Во время учёбы в техникуме их учили логичности и, прежде всего, действиям по формулам, любой результат оправдан применением правильной формулы. Сейчас она оказалась в ситуации, формулу для которой не могла подобрать, вероятно, она где-то и существует, просто Алиса не знает, с какой полки её взять.

Мама не воспринимает её всерьёз, она потешается над играми Алисы, словно та шестилетний ребёнок, она не поняла или не услышала, что Алиса рассказывала про дядю. Как можно быть такой твердолобой? Алиса натянула одеяло. Мама услышала про бредни Жени и никак не отреагировала, наверное, он рассказывал ей что-то подобное, ведь обычный человек хотя бы удивился бы. То есть она либо уже слышала это, либо была как минимум нечеловеческой силы воли. С этими мыслями Алиса погрузилась в сон.

Весь следующий день пролетел, словно Алиса перелистывала глянецвый журнал, он приятно прошелестел сбором вещей, покупкой пропитания в дороге, наушников, потому что прежние пришли в негодность, и новых джинсов, ведь не поедешь же в старых. В ожидании поезда весь вечер Алиса смотрела фильмы один за другим, особенно не задумываясь о том, что в них происходило, все мысли по-прежнему были заняты Женей и его пророчеством об опасности. А если взять маму с собой и показать, что Женя прав? Наверное, даже в этом случае она не поверит. Она скажет, что это музей иллюзий или что-то в этом духе. Собственно, всё это не могло оказаться правдой, сейчас она посмотрит, увидит обычных людей, убедится, что Женя окончательно спятил, и дело можно сдавать в архив.

До вокзала доехали за пару минут, город в ночном сумраке походил на кладбище, царящая тишина пугала холодом и равнодушием. По Пролетарке среди фонарей и схватившихся за ночь остатков снега вполне могли бродить чьи-то неуспокоившиеся духи. Темнота диктовала Алисины мысли, сводя их в единое целое, она ощущала страх перед сумраком, поездкой в одиночестве и тем, что Женя окажется прав. Если хоть на секунду предположить, что он не свихнулся в этом грязном, отвратительно пахнущем месте, хоть на минуту адекватно мыслит, если он мог сказать ей правду, чтобы помочь, то это ока-

жется самая страшная правда из всех, что Алиса когда-нибудь слышала. Нет, это всё ерунда. Такого не может быть.

Проворачивая в голове эти слова снова и снова, она взошла по вокзальным ступеням, ощущая мамин взгляд, сверлящий спину. Она обернулась, чтобы убедиться в мамином неодобрении, наткнулась на дуновение её духов и еле сдержалась, чтобы не податься желанию обнять маму. Они обе нырнули в старинное свежеекрашенное здание, возле которого мэрия недавно навела порядок: выложила плитку, поставила скамьи, разметила парковку. Извечное недовольство матери, к которому Алиса давным-давно привыкла, вдруг показалось ей оправданным. Может быть, в недовольстве есть свой смысл? Если мама недовольная, то она улучшает жизнь, ведь только через недовольство и протест приходит что-то новое, что-то лучшее.

Пока Алиса дрожала на перроне от ночной прохлады, мама пихала ей в руки билет, поясняя, где указано место, время, но девушка видела только сливающиеся в темные лужицы буквы, она выдергивала из этого пятна цифры, пыталась соотнести их с номером вагона, но у неё никак не выходило. Поезд прогудел вдалеке, и воздух разразили резкие звуки, схожие с биением сердца.

— Нумерация с головы, — Алиса нахмурилась от маминых слов. — Нам туда.

Звуки пробирались к ним, а затем обрушились грохотом в тот момент, когда мама уже дернула Алису за руку и потащила за собой сквозь рассеянную тусклым светом фонаря густоту ночи. Холодный воздух обжигал горло, Алиса то и дело поглядывала на несущиеся мимо вагоны, которые, казалось, не замедляют ход. Добравшись в начало и дождавшись, пока неторопливая проводница постелет к их ногам трап, мама дернула её ко входу, вручив работнице документы. Алиса, гонимая извечным напором матери, лишь быстро моргала, мечтая скорее зарыться в поездном одеяле. Мама проводила дочь до купе, её ледяные губы коснулись Алисиной щеки, и мамина фигура наконец растаяла среди высунувшихся из-под одеял пяток.

Она озиралась в сумраке вагона, расстелила простынь. Сосед, посапывающий напротив, никак не реагировал на неё, она старалась как можно тише разложиться, но шелест пакета получался слишком громким, а рюкзак хлопнул о пол так, что она подумала, что разбудит попутчика. Стены вагона затряслись, загудели, Алисе показалось, что произошла какая-то поломка, авария, но, осмотревшись вокруг, она убедилась, что никто не реагирует, потому укрылась простыней, выданной вместо пододеяльника, и стала привыкать к грохоту поезда. Её мысли о Жене ушли на второй план, она судорожно листала скриншоты, которые наделала, чтобы правильно добраться до института. Включив энергичный трек, в котором через слово мелькало «лав», она поддалась убаюкивающей колыбели поезда, который в такт покачивал её беспокойное тело.

Проснувшись раньше обычного, она вскочила, проверила вещи, ощупала взмокшее тело на предмет мобильного, нашла его под подушкой. Озираясь по сторонам, стянула шорты, залезла в новенькие джинсы, закатывая при этом глаза, словно её заставляют делать что-то непотребное. Сиротливо прождав проводницу подле её двери минут с десять и только после этого и с десятком поворотов головы на каждое движение в вагоне, она постучалась в служебное купе. Проводница взглянула заспанно, поправляя покрашенные ресницы, протянула стакан с беспокойно постукивающей ложечкой. Алиса заправила прядку волос, поблагодарила её и поинтересовалась, где можно налить чай, на что женщина вздохнула и показала, как нужно набирать воду.

Пока Алиса дошла до места, то и дело пытаясь подхватить стакан другой рукой или огородить его от очередного попутчика, она представляла, как сейчас окажется в Москве, попадет в совершенно другой мир, с длинными, как сосульки, небоскребами и идеально орнаментированным городом. Спустя пару пакетиков арахиса и шоколадный батончик она снова воткнула в уши ка-

пельки² и так и сканировала уплывающие вдаль леса, станции, которые стали разбавляться окраинами городов и речными мостами.

Алиса скомкала постельное белье, как и другие пассажиры, оставила кучкой на сиденье, когда поезд остановился. Вырвавшись из вагона, она поддалась потоку людей под «доброе дня, спасибо, что путешествовали с нами» от проводницы. Секундный взгляд в небо и мгновения на свежем воздухе дали понять, что здесь уже не весна, а лето захватывает властные полномочия. Как рыбий косяк, толпа двигалась вперед, не зная того, что могло бы помешать, обтекая скамейки и извергающих дым людей. Она остолбенела перед мужчиной в простецкой одежде, на груди у него висела картонная табличка, на которой красным маркером было выведено печатными буквами: «ТАКСИ». Тот откликнулся:

— Такси, девушка?

«Ни на кого не пялься», — мамино наставление всплыло в памяти, она замотала головой и направилась к выходу. Люди бежали кто куда. На стене огромный плакат с надписью «Ленинградский вокзал». «Странно, — подумала она, — приехала в Москву, а вокзал Ленинградский, к тому же не Питерский». Она решила прибиться к потоку людей, который проходил мимо ларя с шавермами и всяческими пирожковыми причудами. «Не покупай еду на вокзалах», — снова вспомнилась мама. Она обнаружила себя беспомощно крутящей головой на перроне пригородных поездов. Попыталась посмотреть по карте, в какую сторону ей двигаться, но так и не смогла разобраться, куда идти. От Лёли пришло сообщение, она смахнула его, ответит позже. Решила походить наугад и вслед за дамой в зелёном пальто и с огромным чемоданом прошла мимо выхода из вокзала и наконец увидела значок метро. Выдохнула, не успела приехать, а уже потерялась.

Никакими небоскребами здесь не пахло, старинный официозный вокзал, острыми пиками подпирающий небо, словно воробьи, сомнительной наружности просящие подачки люди в лохмотьях и перебегающие куда-то потоки — больше ничего. Она расстегнула куртку, спустилась под землю, также с потоком людей добралась до входа на станцию, отстояла очередь, глаза по сторонам и дивясь тому, как всё устроено, подчеркнула отутюженный наряд полицейского, которого она сторонилась, проходя мимо пропускной ленты. Сердце заколотилось, когда спросили, сколько денег она будет класть на проездную карту.

— Триста? — предположила она.

— Нужно по количеству поездок, — сделала замечание кассир, недовольно поджав губы. — Одна, две, три...

— Давайте на 10 поездок.

Кассир подняла глаза на девушку, окинув оценивающим взглядом, но карту пиликнула. Получив пластиковый проездной, она выскользнула из напиральной на неё очереди.

Она пропустила две электрички, пока изучала схему метро и пыталась разобраться, в каком направлении нужно ехать. Наперевес с рюкзаком она качалась на полосочке, за которую нельзя было заходить из соображений безопасности. Ей казалось, что её кто-нибудь обязательно толкнет и она улетит на рельсы, будет пытаться выбраться, но внизу не за что зацепиться, потому придется звать на помощь, кричать что есть мочи, но никто не решится помочь, все побоятся оказаться с ней на одних рельсах и оставят там, пока она не увидит конец в обжигающем глаз луче приближающегося поезда.

Алиса разглядывала лица едущих пассажиров разной масти, кто-то читал книгу, кто-то слушал музыку, кто-то просто ехал молча, кто-то опирался на надпись «Не прислоняться». Никто не смотрел на монитор — маленький телевизор, который показывал какие-то сюжеты о столице и о метро. Она пере-

² Имеются в виду наушники-капельки.

числяла станции, которые ей предстоит проехать, снова не отвечала Лёле на сообщении. Когда двери открылись в очередной раз, а электричка раздалась шипением, в вагон вошла огненная девочка и такая же рыжая мама. Они сели напротив. Алиса взглянула на пышные формы матери, упругие щёки и блеск сочного каре. Алиса пыталась подобрать синоним к слову «рыжий» и никак не могла, апельсин куда тусклее, больше похоже на цвет костра, в котором сливаются в один тон краснота пламени и накрепко жёлтый цвет. Девочка, такая же круглолицая, как мать, оказалась героиней какого-то спектакля или, может быть, танцевального номера, её волосы были отутюжены так, что торчали в разные стороны, как языки пламени, к одному из локонов, направленному вверх, был прикреплен напечатанный огонёк. Алиса пялилась на пламенные волосы, несколько мгновений спустя заметила, что девочка одета в белую блузу, которая только заостряла внимание на пылающей голове. «Не пялься», — повторила она себе, когда девочка и мама скрылись в толпе.

Таблички, указатели, названия. Алиса судорожно искала среди них и рыжеватых колонн указатель на Исследовательский институт, но никакими институтами тут и не пахло. Проскальзывая сквозь потоки и перескакивая через белые шашечные квадратики, она чуть не столкнулась с пожилой женщиной в шляпке, та даже не посмотрела на неё. Алиса снова удивилась тому, что никто не смотрит в глаза, и решила выйти на улицу. На выходе зацепилась у карты, на стене висел объемный экран с подсветкой, каждый объект обозначался цифрой, среди них оказался и институт — полукруглое здание на площади с монументом.

Алиса почти бежала, то и дело поглядывала в навигатор, который не спешил за ней, чёрный кружочек на карте отставал от реальной неё. Она прошла сквозь ворота, около которых продавцы и музыканты всячески обращали на себя внимание, но она уже неслась к институту, вдалеке виднелась стела, Алиса бежала по длинно выстланной, только покрытой зеленью аллее, сжимая лямки рюкзака. Мимо проносились редко посаженные деревья со свежей листвой, цветы разной масти и нависшие над столицей тучи, в голове крутилось: «Ты совсем скоро пожалеешь, что не послушала меня».

На подходе к стеле она замедлила шаг и оглядела монумент, обтянутый зарубцевавшейся змеиной кожей, словно змея вытянулась вверх и так застыла. Внизу сияла табличка. Алиса содрогнулась и направилась напрямик ко входу в институт, который расположился по центру площади напротив стелы. Она решительно поднялась по холодящему на вид камню пологих ступеней, ни секунды не медля, взялась за бронзу ручки и потянула на себя высоченную дверь под звуки биения сердца, которые отстукивали сонату номер одиннадцать³. Содрогания от неизбежного и удивительного заставляли её тело пульсировать, Алиса взглянула на стелу, заметила, что на площади никого нет. Как странно, ведь у входа толпились люди. Размеренный ритм, выбиваемый поездом, вдруг сменился дрожанием рук, затейливостью пальцев музыканта, которые вот-вот перейдут на минорные ноты, но тут же они пускались обратно, подавая надежду и сея сомнения в Алисиной голове, нагнетая воздух и порывом ветра сметая их. Женя может оказаться прав или не прав. В этом нет особенной разницы, мелодия собиралась в пульсирующий нерв, ведь, просто убедившись в его словах, она протянет ему канат, надежный и крепкий, свяжет навсегда с семьёй, как минорные зачатки сонаты, которая должна вытаскивать её на свет, впустить в сердце солнце. Она чувствовала, что должна, но не знала, как это сделать. Что сказать, как сдержать себя, если он будет прав? Нужно быть готовой ко всему. Она шагнула за порог.

На входе по левую руку расположилась административная стойка, она сливалась с каменной залой, в которую попала Алиса.

³ Соната для клавира № 11 ля мажор Вольфганга Амадея Моцарта.

— Добрый день! — поприветствовала её женщина с ямочками на щеках, в сером приталенном костюме и с идеально зализанным назад пучком светлых волос. — Могу я сообщить вам интересующую информацию? Будьте любезны, подскажите, какова цель вашего визита в институт исследовательских технологий региональных направлений деятельности визуализационного характера?

Алиса замерла от ряда не связанных между собой слов.

— Да, здравствуйте, — попыталась улыбнуться она. — Я слышала, что у вас проводятся экскурсии по лаборатории, мне посоветовали сходить.

— Вы знаете, — оживилась администратор. — Мы проводим экскурсии, предлагаем вам приобрести билет на удобное в расписании время. Вы можете сделать это на сайте, а также через кассу. Если будете совершать покупку онлайн, вам будет предоставлена приятная скидка. Для этого отсканируйте кьюар-код и перейдите по ссылке.

— Спасибо, — Алиса смотрела недоверчиво. — Где я могу подождать?

— Пожалуйста, располагайтесь, релакс-зона находится за вами.

Женщина плавно провела рукой, как кистью, куда-то за Алису.

Алиса сфотографировала кьюар, прошла мимо гардероба, взглянула на мобильный и увидела пропущенные от Лёли и мамы. Снова смахнула их и открыла рот от того, что зоной отдыха оказалась груда пуфиков, шуршащих кресел-мешков, на которых можно полежать, вытянуть ноги. Она стянула рюкзак, припарковала его у одного из мешков и опустилась на мягко хрустящее кресло, облокотившись на самую высокую его часть.

На сайте она выбрала экскурсию по лаборатории с демонстрацией экспонатов, что бы это ни значило, нажала кнопку «оплатить», на почту упал билет, в банковский кабинет уведомление о списании двух тысяч, до экскурсии оставалось ещё полчаса. В прайсе оказался обед, прогулка по кампусу института, лабораторный день, который стоил около пяти тысяч. Что тут можно делать целый день? Алиса оглядывалась вокруг, пытаясь понять, где она оказалась.

«Ты чего не отвечаешь? Позвони матери, она волнуется», — Алиса прочитала последнее сообщение от Лёли. Пять пропущенных от мамы. Предыдущие сообщения на привкус как солёная вода, когда полощешь воспалившуюся десну: «Как дела? Как столица? Доехала нормально?» Алиса набрала Лёлю: «Всё ок, люблю, скучаю, уже в институте».

— Алло, мам. Да, всё хорошо. Да, я уже в музее. Нет, в метро не заблудилась.

Алиса дала отбой. Пока всё шло не так страшно, как она предполагала.

Ждать пришлось недолго, перед ней появилась девушка-экскурсовод в таком же приталенном костюме, только фиолетового цвета, Алиса прошла за ней в белый, с низким потолком, коридор-зал. По обе стороны стояли остекленные темно-синие столы, они ярко освещались лампами.

— Пожалуйста, ваши очки.

Девушка услужливо открыла шкатулку, в которой лежала пара ромбовидных очков с розоватыми стеклами и чёрными дужками. Алиса взглянула на неё с опаской, словно спрашивая, точно ли можно взять, та, поджав губы, кивнула.

Алиса обеими руками взялась за дужки очков и с видом коронуемого престолонаследника водрузила их на нос, застыла и взглянула уже сквозь очки на экскурсовода, но девушка в фиолетовом никак не реагировала и ждала, когда Алиса закончит представление. Экскурсовод тоже надела очки, в них она стала похожа на стюардессу на отдыхе, затем выдвинула ящик, который располагался под стеклянной частью стола, и аккуратно поставила в него коробку.

— Наша экскурсия начинается. Перед тем как проследовать к первому экспонату, я введу вас в курс дела. Наш институт исследовательских технологий региональных направлений деятельности визуализационного характера работает с объектами мирового масштаба, что придает ему статус мирового объекта науки и культуры. Во-первых, я должна уточнить у вас, знакомы ли вы с деятельностью института?

— Эм, нет, — промямлила Алиса.

— Тогда смею продолжить, это исключительно важный объект, который работает с формами жизни из иной реальности. Мы визуализируем те формы жизни, которые не видны обычным глазом. Собственно, именно поэтому вы получили очки. Если вы посмотрите на объект в данных очках, то обязательно увидите нечто иное, чем можете увидеть обычным зрением. Зрительный спектр этих очков позволяет вам видеть предметы в другом измерении.

— Это как виртуальная реальность? — Перед глазами Алисы всплыл Киану Ривз.

— Это как совершенно иная реальность, которая существует на самом деле. Таким образом при постановке опытов нам удастся изучать существ, которые могли никогда не показаться человеческому глазу. Подобные институты функционируют в ряде стран, наш институт в Москве был открыт первым и, соответственно, является главным.

Она чеканила заготовленную речь, которую с учительской настойчивостью уже сотни раз проговаривала другим слушателям. Ни одна часть тела девушки не шевелилась, ноги натянулись в танцевальной позиции, пальцы одной руки аккуратно поддерживали вторую.

— Прошу ознакомиться с экспонатами. Снимите ваши очки, а затем наденьте их снова.

Девушка сделала жест рукой, словно кавалер на ежегодном зимнем балу, который устраивали в техникуме.

Алиса послушно опустила очки, оставив их на кончике носа. Её рюкзак сполз с плеч, он тянул назад, но даже если бы она хотела поправить его, то не сделала бы этого. Она ждала в предвкушении, что скажет экскурсовод. Ей хотелось оправдать сумасшествие дяди. Она приподнялась на цыпочки в ожидании, что экскурсовод приоткроет завесу тайны, как на детском утреннике, когда Дед Мороз достает подарки, а ты ждёшь, пока назовут твоё имя. Эта тайна изъедала её изнутри, ей хотелось во что бы то ни стало разрешить заданную Женей загадку. Затаив дыхание, она смотрела на стеклянный стол.

За отблесками прозрачного стекла она не увидела ничего необычного. Алиса разочарованно вздохнула, глянула на экскурсовода, она пожимала плечами и снова оглядела симметрично разложенные под стеклянной оболочкой камни.

— Сейчас вы находитесь в замешательстве. Не думайте, что вас решили ознакомить с камнями за две тысячи рублей, это совсем не так. Перед тем как вы наденете очки, позвольте мне убедить вас, что вы готовы принять информацию. Сейчас вы не должны делать резких движений, шуметь и проявлять агрессию. Подпишите согласие об адекватной реакции на увиденное.

Она протянула планшет с документом на одну вордовскую страницу, внизу зияло место для подписи. Алиса пробежала глазами по согласию и, думая, что уже давно решила на адекватную реакцию, подмахнула документ.

— А теперь, прошу вас, посмотрите на экспонаты через очки.

Сияющая фиолетовая девушка подняла объёмную грудь, пока Алиса рассматривала её безупречные черты лица и натягивала на нос очки. Взглянув на стол через очки, Алиса всплеснула руками и отпрыгнула в сторону.

— Чёрт возьми! Что это?

Она мотала головой, закрывала руками уши. Её сердце колотилось, набирая бешеный ритм, казалось, оно прорвется сквозь грудную клетку и вылетит наружу. Тело Алисы поддалось внутренним вибрациям, оно неуёмно трепыхалось, но она не могла отвести глаз от стекла. Боковым зрением она видела, как торжествовала экскурсовод, наслаждаясь реакцией Алисы, но ей было всё равно. Вместо камня на идеально синей поверхности стола барахталась сороконожка с мышьиной головой: глазами, ртом, носом и длинными не по-мышьиному усами. Она перебирала своими угловатыми паучьими лапками, создавая постукивание и похрустывание. Выходит, очки создают и звуковой эффект. Алиса мотала головой, но не смела отрывать взгляда.

— Это какой-то прикол, — пробормотала она, а фиолетовой девушке бросила упрёк: — Это виртуальная реальность?

— Нет, я уже говорила вам, что мы не используем технологии виртуальной реальности. Это реальное существо, которое находится в другом измерении. Вы читали Брэдбери? — Алиса кивнула, нахмурившись. — Так вот. По каким-то причинам эти существа, — экскурсовод сделала жест рукой вдоль столов, на что Алиса снова отпрыгнула, только в сторону девушки, словно уворачивалась от невидимой угрозы, — оказались здесь. Есть предположения, что они попали с метеоритами, но пока мы не можем выяснить, с какой именно они планеты. И нет доказательств, что их изначально не было на земле. Вам нечего бояться, они безобидны.

Алиса рассматривала устилающуюся до конца коридора ленту ногастых существ. Руками она ощупывала своё лицо и заправляла спадающие на плечи волосы за уши. Она ощущала себя загнанной в угол, часто дышащей и не видящей выхода.

— Мы называем их рукамышами из-за очевидной схожести, — кивала фиолетовая девушка, смотря на шебаршащее существо. — Они питаются водой. Размножаются почкованием примерно раз в год. Мы следим за их состоянием и обеспечиваем достаточным количеством воды. В ваш билет включена тактильная функция, — глаза Алисы округлились, она сделала шаг назад. — Они совершенно безобидны, — экскурсовод наклонилась к Алисе. — У них нет зубов.

Ноздри Алисы раздувались, голова затряслась, ей показалось, что голова стала такой огромной, что хрупкая шея просто не могла её больше удерживать. Она растирала затылок, подпирала голову, прощупывала при этом пульсирующую вену. Как дотронуться до этого существа? Невозможно. Если коснуться, то удастся проверить, на самом ли деле существо есть или это камень, овальный гладкий чёрный камень, и больше ничего. Алиса перебирала в памяти, когда ей могли подсунуть галлюциноген: на входе она ничего не пила, не ела, может быть, это воздух? Или она всё ещё спит в поезде, сейчас он пристанет к Ленинградскому, и она шагнёт в Москву?

Фиолетовая девушка настойчиво улыбалась, она приподняла стеклянную крышку, прокладывая взглядом дорожку к лапчатому существу. Алиса открыла рот, чтобы произнести: «а если я не хочу?», но рука сама потянулась в ящик. В комнате повисло гудение, существо замерло, словно почувствовало Алисино тепло, дрожание её приближающихся пальцев, которые оказывало всего в нескольких сантиметрах от рукамышши. Алиса ощутила, как вспотели руки, все её мышцы оказались напряжены. Она смотрела сквозь розовые очки, пытаясь представить, что трогает камень, наконец коснулась гладко отполированной спинки. Существо резко прижалось к столу, распластав свои лапки, практически распрямив их в шпагате. На лице Алисы застыла смесь из ужаса и сожаления, она виновато взглянула на экскурсовода, та ободряюще кивнула.

— Мы предполагаем, что им нравятся касания.

Алиса слегка провела по спинке и коснулась мохнатой головы, рукамышш закатила глаза. Алиса хихикнула и снова проделала то же самое. Остальные постукивали лапками. Алиса поглядывала на экскурсовода, чтобы убедиться, что всё делает правильно.

— Вы можете потрогать и остальных.

Без очков они казались недвижимыми, но Алиса слушала ритм их лапчатых переговоров и всё больше убеждалась в том, что они реальные. Она потрогала ещё одного и ещё, а потом обернулась к экскурсоводу, смахнула с лица безмятежно детскую радость и серьёзно спросила:

— Вы можете провести меня по ключ-карте?

Алиса вытащила из кармана джинсов ярко-жёлтую с чёрной полосой карту, с виду похожую на обычную банковскую, протянула экскурсоводу. Та поменялась в лице, выпрямилась, с опущенными глазами взяла карту и, слегка наклонив голову, произнесла:

— Что же вы сразу не сказали?

Девушка жестом пригласила Алису пройти за ней дальше по коридору, та повиновалась, смекнув, что только что вытянула козырь.

Фиолетовая девушка надавила на стену в конце коридора, та раздвинулась, на что Алиса не могла не отреагировать, покрутила головой, пытаясь увидеть используемый механизм. Наверное, это просто раздвижные двери. Они оказались в маленьком предлифтовом помещении, экскурсовод нажала на кнопку в стене.

— Прошу вас, — пригласила она Алису войти первой.

Обычный лифт. Алиса разочарованно вздохнула, ей представлялось, что они находятся на инопланетном корабле, соответственно, вся техника должна быть особенной и не похожей на ту, которую она привыкла видеть. Вопреки её ожиданиям, необычными пока оказались только камни.

Они поднялись на пятый, прошли белым коридором до последней двери налево. Экскурсовод снова вытянулась параллельно дверному косяку, бросила кроткий взгляд на Алису и произнесла предупредительно:

— Вы должны быть готовы к тому, что вы не видели такого.

— Я готова, — поджала губы Алиса.

Экскурсовод подбородком упираясь в полную грудь, словно повинуюсь, взялась за ручку, поднесла Алисину карту к считывателю, толкнула идеально белую дверь в затемнённое помещение. Справа что-то издавало свет, экскурсовод придерживала дверь, она не смотрела на Алису, застыла. Алиса подняла бровь, поправила очки, взглянула в сторону лифта и шагнула в комнату, чтобы отыскать источник света.

Она оказалась напротив стеклянного гроба за стеклянной стеной без дверей и возможности подойти ближе. Свет, как живой, изливался из мертвого тела. Это тело было не телом, а скорее сгустком света, белого тумана, светящегося и завораживающего, казалось, что белая тень падает от неподвижного умершего. Алиса догадалась, это и есть альтёр. Она подняла руку и коснулась стекла, разделявшего её и пьедестал, на котором покоился альтёр, и так и застыла. Он казался невесомым, представлял собой белый плащ, а сверху был покрыт прозрачной шалью водной оболочки. По размерам альтёр оказался шире и выше человека, Алиса прикинула, что его длина примерно три метра. Вместо головы у существа имелся белый воздушный шар, на который надета стеклянная колба, как у скафандра. Лица не было: ни глаз, ни рта, ни носа — ничего, чем можно было бы смотреть, кушать, говорить. Из человеческого она увидела только ноги, правда, их оказалось четыре, они разделялись где-то в области колен и безжизненно повалились на пьедестал, беспальцевые и такие же прозрачные.

— Полагаю, вы знаете, кто это?

Алиса резко повернулась на голос, кивнула и снова устремила взгляд на альтёра.

— Он мёртв? — проговорила она полусёпотом.

— Он мёртв. Мы забальзамировали его, он находится в таком состоянии более пятидесяти лет. Более альтёров в нашем институте не было. Их происхождение неизвестно. Институт ведёт ряд работ, связанных с альтёрами.

Фиолетовый костюм мерцал фосфором. Алиса следила за её губами, на которые падал альтёрский свет, такой, как от огней на новогодней ёлке.

— Вы что-то ещё о них знаете?

— К сожалению, это вся доступная информация. Мы предполагаем, что они представляют собой инопланетную форму жизни.

Девушки покинули мерцающую комнату. Как жаль, что альтёра нельзя снять на камеру телефона, это было бы весомое доказательство. Алиса то и дело поглядывала на экскурсовода в надежде незаметно снять очки и сунуть их в карман.

— Надеюсь, что вы понимаете, что данный объект является секретным?

— Да, конечно. Я хотела спросить, — Алиса посмотрела на экскурсовода испытующе. — Можно ли приобрести очки?

— У нас нет экземпляров для продажи. К сожалению, это невозможно. Для их изготовления применяются редкие материалы, которые создаются, собственно, в нашей лаборатории.

Алиса пыталась собрать пазл, пока они двигались к лифту. Выходит, что сумасшедшие — это альтёры, а альтёры — это пришельцы, а пришельцы выглядят вот так. Можно было бы увидеть вместо сумасшедшего альтёра, сделать это можно только с очками, а очки нигде не достать, разве что украсть здесь, потихоньку засунуть в карман куртки. Какой смысл от очков, если только показать кому-то, как сейчас показали ей другой мир, другую реальность, или посмотреть, как действительно выглядит дядя. Если они используют тела людей, то, значит, её дядя тоже альтёр. Алиса не ожидала толчка, лифт резко остановился. Получается, с ней разговаривал не дядя, а альтёр, тогда почему он ей рассказал всё это? Опять масса вопросов, и ни на один из них нет ответа.

— Скажите, пожалуйста, мы пойдём в лабораторию?

— Вы ещё не всё видели.

— Там есть альтёры?

— Только рукамыши.

— Тогда нет, я устала, собираюсь пройтись, — разочарованно ответила Алиса.

— Будьте любезны, сдайте очки, — фиолетовая девушка настойчиво выставила руку вперед. — Во входной зоне вы можете отдохнуть и перекусить, если это необходимо.

Алиса медленно стянула очки, с поджатыми губами протянула их экскурсоводу.

— Спасибо, — процедила Алиса.

— Благодарю вас за посещение нашего института! Будем рады видеть вас снова!

Экскурсовод протянула Алисе карту.

Алиса выскользнула в дверную расщелину и понеслась прочь как можно дальше от здания, чтобы за ней не наблюдали, чтобы никто не видел её испуга, её страха, её позора. Она не смогла достать очки, так как же она теперь зайвится к Жене и что скажет, он будет ухмыляться. Его взяла, он оказался прав. То, что она увидела альтёров, ещё не означает, что они являются господами по отношению к людям. Ничто не указывает на это, только мёртвый альтёр. Он ничего не значит. Всего лишь то, что альтёры тоже умирают.

Алиса достала телефон, ноги еле держали её, потому она решила поехать на Красную площадь, а затем в хостел. Она вбила путь к ближайшему «Вкусно — и точка». Хотелось только одного — уснуть и не забыть, что она видела, или, наоборот, забыть слова Жени, уведомление, всё забыть и никогда не знать.

В приложении она заказала Биг Спешиа и раф, который ни разу не пробовала. В помещении оказалось много посетителей, зеленые стены с акварельными пятнами людей рябили булочками и котлетами. Оставалось только заесть своё горе. Алиса набрала подругу.

— Лёль, привет! У меня всё не очень, я видела его, — прикрыла она рот ладонью, чтобы жующие вокруг люди не подслушивали.

— Что значит, «видела»?

— То и значит. Видела мёртвого, — Алиса задумалась, это звучит ещё хуже. — Он как экспонат.

— Дурочка, а если он не настоящий? Картонка?

— Я видела ещё существ, они живые, я их трогала!

Алиса глянула на табло, в «готовые» упал её номер заказа.

— Сейчас, Лёль, — она поднялась и у улыбчивой девушки забрала свой завтрак-обед. — Эти «пауки» шевелились, они были настолько живыми, насколько возможно.

Алиса выдернула трубочку из бумажной упаковки и сощурилась от характерного скрежета пластика крышки стакана.

— Я думаю, что мне нужно поговорить с Женей, он был прав, слышишь?

— Да, подруга, ну, ты и попала, как будто начинается фильм-катастрофа.

Алиса усмехнулась, раф запузырился.

— Мне кажется, что тебе это всё смешно. А мне вот не смешно. Ты вообще слышишь? Нашу планету населяют какие-то уроды!

— Слыш-ш-шу, конечно, только вот нам-то что? Многие люди тоже уроды, но ничего, живём же.

— Пожелай мне приятного аппетита, а то я так и не поем.

— Ладно, держись, приятного аппетита, забронируй мне место на спасательном корабле, — Алиса отвела телефон от уха и нажала кнопку отбоя, когда услышала. — Скинь фотки потом!

Стакан с рафом почти опустел, пора и за бургер приниматься. Она то и дело поглядывала по сторонам, чтобы убедиться, что никто не слушал, о чём она говорила. Алиса открыла сундучок коробки, взялась за бургер салфетками и поднесла ко рту. В этот момент заметила, что по правую сторону от колонны с конца зала на неё смотрит парень с по-девичьи плавными чертами лица и светлыми, хаотично уложенными волосами, поднятыми клубами назад.

Бургер, который секунду назад казался самым вкусным, на вкус напомнил бумагу. Парень продолжал смотреть. Алисе пришлось быстро запихать в рот безрадостные остатки еды, просыпавшиеся кусочки капусты. Она покинула зал, утирая рот и пытаясь сообразить, в какой стороне находится метро.

Она шла и оглядывалась, боясь, что парень из зала будет следить за ней. Скорее всего, он не слышал, что она говорила, сидел он слишком далеко, да и в зале шумно, как на перроне, услышать кого-то и то сложно, не то что подслушать. Она спустилась в метро и доехала до Красной площади.

Оказавшись у арки Воскресенских ворот, Алиса решила набрать маму по видеосвязи.

— Наконец-то блудная дочь решила позвонить. Привет!

— Мам, чего ты начинаешь? Привет! Смотри, — Алиса взмахнула объемным рукавом куртки. — Я на Красной площади!

Алиса улыбалась, стараясь не искать глазами парня, которого не видела с самого кафе. Она шла в сторону Спасской башни меж клумб людей, которые фотографировались, смеялись, кто-то говорил не по-русски, кто-то вальяжно прогуливался с бумажным стаканчиком в руке. Кто-то был в спортивном, кто-то в гламурном, кто-то в шапке, потому что ещё холодно, кто-то нараспашку, потому что весна же. Алиса взглянула на оценивающую маму.

— Сейчас переключусь на звонок.

Алиса сбросила видеовызов, выдохнула, теперь улыбаться необязательно.

— Что ты ела?

Алиса закатила глаза.

— В кафе, как ты и сказала, борщ, котлеты с пюре, короче, полноценный обед.

— А-а-а...

— Мама, я была в лаборатории. Я видела там инопланетянина, он один из тех, про которых говорил Женя.

— Боже ж ты мой! Опять этот Женя! Он тебе покоя не даёт, да? Я тоже была в кунсткамере и чего там только не видела. Даже если про инопланетянина правда, то я не вижу никакой связи с Женей. Ты там, случаем, не перегрелась?

— Мама!

— Что мама? Я мама уже как двадцать два года мама, а тебе всё хоть шаром катай. Прекрати забивать себе мозг, отдохни, а потом ищи работу. Это всё от безделья!

— Ладно, давай...

Алиса не стала дослушивать. Она лишь вздохнула и побрела дальше сделать пару селфи для маминого успокоения.

«Какой бестолковый день», — бросила она в сердцах и пошла в сторону Охотных рядов, остерегаясь лучей солнца, словно они могли выявить её натуру, показать всему миру, кто она на самом деле. Солнце подпекало, она почувствовала, как по спине стекает струйка и тает в области пояса топа. Алиса припустила плечи куртки, рюкзак пополз вниз. Неведомо, сколько она бродила, но вдруг оказалась возле «Вкусно — и точка», она нырнула в торговый центр и между бесцельных эскалаторов шла наперекор толпе вдоль магазинов, кафе, шумных компаний отдыхающих. Она остановилась около «Му-му», присела за свободный столик, залезла в чат одноклассников, который ещё в прошлом году казался живым и весёлым, а в этом опустел и затих, кто-то вышел из беседы, кто-то остался, но и малый состав не хотел общаться.

Она написала: «Ребят, я была в институтской лаборатории в Москве и видела странных существ, есть подозрения, что это инопланетяне». Она быстро нажала кнопку «отправить», чтобы не передумать. Через пару минут пришло уведомление, сообщение отправила Машка, она никогда не нравилась Алисе: «Вижу, кто-то так и не нашёл работу», а в конце смеялся дурацкий смайл. После прилетело другое сообщение, от Пашки, который по ошибке оказался среди бухгалтеров, думал, что поступает на экономический:

— Слышал о таком, это прикольно. И как выглядят?

— Как мышпепауки.

— Хохма.

— Я думаю, что есть и другие. Это пугает.

— Дурында, это ты всех пугаешь! — снова вмешалась Машка.

Алиса ничего не ответила, но Маша уже завелась:

— Фотку-то скинь?

— Не могу, их можно увидеть только там, в лаборатории.

На секунду она задумалась, как это звучит, и тут же поругала себя за то, что стала писать идиотам, которые только с цифрами и готовы работать.

— Похоже, их можно увидеть только в твоей голове, — прислала Машка.

— Лол, — отправил Паша смеющийся до слёз смайл.

Как же доказать? Алиса мотала головой, когда вновь увидела в коридорном зале торгового центра мужчину в красной ветровке. Она, не отводя от него глаз, взялась за рюкзак и куртку, которые положила на соседний стул, и поднялась с места. Сейчас Алиса узнает у него, что ему нужно, что он слышал, зачем подслушал разговор, она направилась к нему, раздался какой-то хлопок, лишь на секунду она отвела взгляд, но мужчина куда-то исчез, пропал, растворился, как кофе рассеивается в воде, когда от него не остается и следа. Она осталась стоять с распротёртыми руками среди снующей толпы, готовая поверить во что угодно, чтобы разубедить себя во мнимом знании, не знании полноценном, а таком, которое не позволяет узнать о чём-то в полной мере, в чём она не была уверена до конца.

Глава 3. Смена сценария

Москва зацвела, словно весь город раскинулся сплошным цветочным бульваром. Алиса так и не нашла краснокурточного преследователя. Он растаял, испарился, словно она видела не человека, а духа. Она представила, что этот парень вовсе не парень, а альтёр, и она его видит и не видит одновременно. Она решила пропустить время сквозь пальцы, разыграть его в казино, в которое ни разу не играла, убедила себя в том, что преследователь ей померещился. Алиса отправилась в забронированный хостел на Цветном бульваре, оставила там вещи, отправилась бродить вдоль шоссе, после вернулась в подкрашенный зелеными пледами пустоватый маленький номер, который увеличивался лишь за счёт зеркала во всю дверь, заказала пиццу

через приложение, дождалась курьера, уснула, так и не попробовав ни ку-сочка.

Весь следующий день она бродила по московским улочкам, невольно задерживая взгляд на людях в красных куртках, раздумывая, куда зайти перед поездом, что посмотреть, увидеть, пока она здесь, но решила, что всё самое важное увидела вчера. Между делом проверяла телефон, отписывалась Лёле и маме, обе продолжали засыпать её сообщениями, а после караулила время отправления возле мигающего огоньками табло, чтобы не пропустить поезд.

В поезде закрыла глаза в попытках уснуть, как только рельсы поплыли вдаль, устлая составу путь, но мысли снова разрывали голову, заставляли ворочаться и раздумывать, зачем она поехала в Москву, зачем поверила Жене. Лезли мысли о безысходности тех самых рельсов, которые обречены идти по жизни вместе, безоговорочно следовать друг за другом, куда бы один из них ни повернул. Наверное, так делают и семьи. Люди женятся, и кто-то из супругов, как мама и папа, должен следовать другому либо же существующей иллюзии, по которой полагается искать в супруге партнёра и решать с ним все дилеммы вместе как команда, единое целое. По большей части жизнь не даёт возможности решать, всё выходит само собой, либо один решает за остальных, зачастую приходится принимать решение безоговорочно быстро, нет времени для советов, именно в этот самый миг один садится у мотора, решает, куда лодка держит путь. В их семье этот самый моторист — мама. Только рельсы статичны, а люди нет. У рельсов нет выбора, а у людей он есть, правда, и этот выбор ограничен, ведь мало кто решится вильнуть в сторону, когда тебе проложен путь, а если и решится, то где гарантия, что этот самый другой путь не окажется обрывом, убийственной пропастью, каньоном, величественным, нерукотворным, высотой с девятиэтажный дом, таким опасным, что стоит пошатнуться, и ты окажешься летящим вниз, словно бомбочка, брошенная школьниками на легковушку у подъезда. Даже если предположить, что она перестала быть тем самым рельсом, по которому движется состав и который безоговорочно следует всем поворотам другого главного рельса, то почему тогда она не добилась того, чего хотела? Почему у неё нет до сих пор очков, они помогли бы показать маме, что Женя не врёт. Всё опять крутится подле мамы. Как уже она устала от этого. Алиса повернулась на другой бок. Её не покидало ощущение, что горло стягивает ошейник, за поводок которого тянет мама, даже когда Алиса сбежала на такое расстояние, она должна общаться, что кушала, где ходила, и присылать фотоотчёт. Больше терпеть это невозможно, должно же наступить время, когда рельс перестает быть рельсом и проложит путь сам.

Под эти мысли Алиса и отключилась.

— Девушка... — расслышала она негромкий, но настойчивый голос проводницы. — Девушка, вставайте, прибытие через пятнадцать минут. Я вас будила, вы снова уснули.

Второпях проверяя вещи, телефон, Алиса посмотрела в сторону туалетов, все оказались заняты, в конце вагона утрясалась витиеватой лентой очередь из нескольких человек, сутулившихся и жадно сжимающих однотипные махорчатые полотенца с россыпью зубных принадлежностей.

— Русский умудряется в поезде почти полностью помыться, европейцу потребовался бы душ.

Алисин сосед застегивал куртку, она всмотрелась в его возрастном сложенное лицо, козырёк кепки, торчащие из-под неё тёмные волосы, вероятно, она больше его не увидит, а может быть, встретит в очереди в магазине и не узнает его, но как бы там ни было, она не нашла, что ответить, только кивнула.

Холодный воздух принял Алису в свои объятия, заставил окончательно проснуться, она вдохнула тяжесть выстеленного перед ней коридора пятиэтажных домов, затёртых и не в меру поникших. Здесь не цвели бульвары, весна лишь скользила по обданным тенью серых туч стенам. Пройти мимо

поворотов во дворы, где машины поджидали её, чтобы выехать на главную, а водители — махнуть рукой, мол, что не смотришь, пересечь площадь, на которой диагонально расставлены заниженные «приоры» безработных, ночью так рьяно гудящие и ревущие, что сейчас уставшие и отдыхающие, готовящиеся к новой ночной гонке, перейти через перекрёсток с криво установленным светофором, кинуть взгляд на школу, в которую столько лет бегала через этот же перекрёсток, повернуть наконец направо за музыкальную школу, из окна которой на годах вывалилась ученица, поцарапавшись и отделавшись лёгким испугом, дойти до последнего подъезда и оказаться в знакомом коридоре. Всё это нужно сделать, и, вероятно, Алиса сейчас сделает, но написанный сценарий больше не обязателен к исполнению. Вчерашние размышления подвели её к какой-то грани, через которую она готова перешагнуть. И перешагнёт. Всё, что нужно, это делать то, что решила, а не идти на поводу у других. С этими мыслями Алиса и двинулась по знакомому пути.

Затхлый запах квартиры ударил в нос. Алиса не сняла обувь, как делала это обычно, а прошла напрямик в гостиную, стянула с плеч рюкзак, бухнула на стул, приставленный к туалетному столику, за которым мама пила чай, когда смотрела воскресные ток-шоу. Она достала из рюкзака блокнот, который по непонятным причинам таскала с собой, не делая в нём никаких записей, выдрала из него лист, пружинистая леска так закрутилась, что не хотела выпускать ни одного листка, Алиса чиркнула на нём, проверяя, пишет ли ручка, а затем аккуратно вывела: «Я вернулась, буду к вечеру».

Переодевшись и захватив пару яблок из холодильника, Алиса побежала обратно на привокзальную площадь в надежде успеть к двенадцатичасовому рейсу.

Тот же автобус, та же дорога, только более зелёная, ей казалось, что и пассажиры в автобусе те же самые, поменялась только она, Алиса. Теперь ей нужно всего ничего, капельку мужества, чтобы противостоять матери, сразиться с ней в бою и отстоять занятую позицию самостоятельности.

Знакомая остановка, знакомая дорога, тот же шлагбаум, убранная листва, вероятно, провели какой-нибудь субботник. Она замерла на входе, но решила запретить себе раздумывать и напрямик зашагала к комнате посещений, минуя запахи, ужасающие изгибы лестницы, Ожидателя, тянущего к ней руки. Ей навстречу попался певец без голоса в той же заляпанной одежде, который на концерте изобразил пение, выводя из себя певца настоящего. Она не поняла, смотрит ли он на неё или куда-то мимо, его глаза собрались в кучу, от чего по её лопаткам пробежал холодок. Он оказался довольно низкого роста, головы на две ниже среднестатистического мужчины, ниже её — всего на голову. Она вспомнила, как он кривлялся на концерте, и её передернуло, его рот мог открываться только вверх и вниз, по бокам он не расширялся, словно мышцы зажали в тиски, сейчас рот был сжат и больше походил на клюв. Алиса постаралась быстрее проскочить мимо, он повернул голову в её сторону, она зажмурилась и представила, что это вовсе не тот сумасшедший, которого она видит, а водно-прозрачное существо с головой-шаром. Они и не выглядят страшными, необычными — да, не такими, как люди, — да, но не страшными. И если они живут на земле, значит, их кто-то создал, значит, они для чего-то нужны, этому же их учили в школе — милосердию к любому живому существу. Любая форма жизни — это жизнь, потому она ценна. Или Алиса всё это выдумала?

Она сбежала от мальчика в дверь комнаты посещений, за столом сидела всё та же женщина, кажется, она была даже в той же одежде, что и в день открытых дверей.

— Здравствуйте! Я к Евгению Алексееву, можно его увидеть?

Её высокая, как у Мардж, причёска поднялась ещё выше, она поставила чашку на стол.

— Добрый день! Нечасто у него гости. Мы просим предупреждать заранее, звоните хотя бы за день в следующий раз. Сейчас вас проводят.

Она так же, как и в прошлый раз, выползла из-за стола со слишком близко придвинутым стулом, обогнула Алису и прокричала в глубь коридора:

— Софа! Тут к тебе!

Софа тоже поздоровалась, кивнув Алисе, та пошла за ней следом, на этот раз решила не подниматься и не заходить в комнату Жени.

— София... — сощурилась Алиса и потеряла безымянным пальцем висок. — Не знаю, как вас по отчеству...

— Сергеевна, — отрезала та.

— София Сергеевна, могу я подождать Женю на улице? Мы прогуляемся по территории, пока погода хорошая.

София замерла, глядя на мерцающую лампу.

— Думаю, неплохая идея. Тогда подожди у входа, только не уходи, я его одного не отпущу.

Алиса посмотрела вслед пяткам, которые Софа неестественно высоко задирает.

В голове рассыпались вопросы, которые нужно задать Жене, Алиса безуспешно пыталась разложить их по полочкам, пристроить в формулы, чтобы добиться ответов. Ей хотелось расспросить всё-всё об альтёрах, выяснить, почему он всё же открылся ей, почему именно сейчас, действительно ли он выглядит так, каким она видела альтёра в институте. Минуты беспощадно тянулись, делились на секунды и миллисекунды, которые она уже не могла отсчитать по звукам, но безжалостно расщепляла, как волокна мяса в супе, безрезультатно вычисляла, сколько ещё осталось до того, как Женя спустится по лестнице, виновато и несколько нахально посмотрит на неё, скорее, даже не нахально, а настолько беспечно, что эта самая беспечность будет походить на нахальство, и не скажет «привет». Алиса вышагивала по серым квадратам плитки, которые пестрели чёрными крапинками, она пыталась не выпадать из заданного ритма: один шагок — один квадратик, ступать на границу нельзя, за это сразу в бан, бесконечная игра начиналась сначала. Так она вышагивала мимо входной двери от стены к стене и думала о том, чтобы никто больше не пришёл, пока нет Жени, который не думал торопиться. Может быть, Софа не может найти его, или он забыл Алису, Софа рассказывает ему, кто такая Алиса, или она задержалась на посту и треплется с подружкой, или Алису раскусили, Женя сдал её, теперь альтёры решают, что с ней делать. Могло произойти всё что угодно.

Алиса повернула голову на приближающиеся шаги, со стороны комнаты посещения кто-то шёл, из-за прикрытой двери она не видела, кто это. Женя и Софа спустились бы по лестнице. Алиса глянула на затемнённые ступени. Что придумать более жуткое, чем неосвещённая лестница? Тем временем шаги приближались. Алиса встала на один из квадратов и застыла, чтобы встретить неизбежное. Дверь отворилась на девяносто градусов, и перед ней возникли две чёрные дуги-брови и добродушная улыбка. Алиса выдохнула, это был Лёня, тот самый певец. Только бы не начал исполнять «берёзку», а то не остановится.

— Привет, — сказала она, не ожидая, что начнёт разговор.

— Привет, — скосил он взгляд. — А я тебя помню.

Алиса посмотрела на него пристально, ей не показалось в прошлый раз, что Лёня настолько умён, чтобы её запомнить. Она сделала шаг назад, взглянула на лестницу и покосилась на дверь, метнула взгляд на Лёню, чтобы не потерять его из виду. Он казался спокойным, правда, по его виду и движениям сложно было угадать, куда он собирался.

— Что ты помнишь, можно узнать?

Алиса замотала головой, она не понимала, зачем спрашивает и вообще зачем разговаривает с этим мужчиной. Грузный, с большой головой, в полосатом жёлто-белом поло и широченных джинсах, он не казался грозным, но его комплекция, большие руки говорили, что, если он захочет, он переломит Алису надвое, как она трубочку из комбо.

Ход к лестнице оказался перекрыт его массивным телом, ей нужно сделать всего пару прыжков, и она окажется на нижних ступенях. Куда быстрее выйти на улицу, всего лишь сделать шаг назад, опереться на холод металлической двери, навалиться на неё что есть мочи и пролить свет на Лёню, который в полусумраке казался таким страшным.

— Я помню тебя на празднике, — несмело заговорил он.

— Да, я была на празднике, — кивнула Алиса. — Я тоже тебя помню.

— Правда? Это было так давно. Я не вижу никого из того времени. Это очень грустно, там было хорошо. У нас была большая семья, мы вместе кушали. Мы садились за стол и кушали разные вкусности.

— Из какого времени, Лёня? Тебя ведь зовут Лёня?

Его передёрнуло, полные плечи поднялись и резко опустились, в такт он тряхнул головой. Алиса быстро заморгала, предупредительно выставила руку, тут же опомнилась и развернула ладонь. Он посмотрел на протянутую ему руку, потом на неё, казалось, он готов подать руку в ответ.

— Очень давно, это было очень давно, я жил в деревне, у нас была большая семья, и, когда была свадьба, мы все веселились. Ты пришла в гости, мы сидели за столом и пили вино со всеми вместе. Красное такое вино, и ты пила.

Алиса помотала головой, в какой деревне и какое вино? Он бредит. Да нет же, это его нормальное состояние.

— Я помню тебя, ты была такая красивая, — он вытянул шею. — У тебя волосы были заплетены в косы, — показал он длину кос. — Две косы.

— Подожди, — задумалась Алиса. — Как называлась та деревня?

— Ламбасручей, — посмотрел он вполне осознанно.

— Я была там, но я не помню свадьбы. Может быть, кто-то и женился, но я не помню, чтобы мы приезжали именно ради свадьбы. Там живут...

Алиса пыталась припомнить, когда была там в последний раз и зачем, в памяти всплывали посиделки, смех, поход в деревенскую баню, но на свадьбу они с родителями не ездили.

— Родственники и друзья. Прости, я тебя, — помотала она головой, — не помню.

— А я помню, — он безобидно улыбался, казалось, он сейчас пустится вальсировать. — Ты сидела напротив и пела песню.

Вот и дело до песен дошло, только не это, он кажется весьма безобидным парнем, но певец ужасный. Алиса оттянула ворот свитера, стало труднее дышать, довольно странно, как он может помнить её, помнить то, чего никогда не было. Наверное, всё ему причудилось, она не могла вспомнить никакой свадьбы. Если бы даже была свадьба, то она бы запомнила чокнутого. Всё-таки он болен. Если он альтгёр, то почему тогда он всё это говорит, почему просто не прошёл мимо, и дело с концом? Он может её проверять. Рукой она прощупала дверь.

— Я пришла к своему дяде, — проглотила она слова.

Послышались шаги, Лёня поднял голову, оголив тёмную толстую шею, Алиса вздохнула. Хоть бы это был Женя.

Мужчина внимательно следил за звуками и пытался высмотреть спускающихся.

Наконец Алиса увидела строгий халат Софы, а за ним и Женю в чёрном, как у монаха, балахоне. Софа покачала головой и обратилась к улыбающемуся Лёне:

— А ты чего тут делаешь? Ну-ка, марш вверх!

Он развел руками и пошёл к ней. Женя, почёсывая щёку, спустился к Алисе, он виновато улыбался, в это время медсестра, или кем она там являлась, постучала по запястью и бросила вслед:

— Ужин в шесть.

Алиса шагала впереди, он пытался её догнать, семена и то и дело спотыкаясь в подоле своего платья. Она останавливалась и поглядывала в его сторону,

чтобы убедиться, что он в порядке. Женя прижимал сложенные в молитвенном жесте руки к груди и ловил равновесие, чтобы не упасть снова.

— Удачно ли ты съездила? Меня тут кормили кошмарно, как и всегда. Ты привезла что-нибудь вкусненькое? — причитал он.

На эти слова Алиса резко обернулась, приблизилась к нему настолько вплотную, что он был вынужден изогнуться назад себя, она ощутила несвежее его дыхание, поморщилась и с видом настолько грозным, насколько возможно, произнесла:

— Не води меня за нос, неужели ты забыл, кто я? Ты мне всё рассказал, а теперь пытаешься сдать назад?

— За нами наблюдают, — процедил он и украдкой глянул на окна второго этажа. — Не смотри.

Она невольно посмотрела и увидела силуэт в окне. Ну, конечно, за ними наблюдали. Как же ещё? Алиса выдохнула, только этого не хватало, чтобы Женя всё отрицал после того, что она видела. Нет, в эти сказки она не поверит.

Они дошли до беседки, в которой всё раскрылось в прошлый раз. Она тяжело посмотрела на него, пытаясь выглядеть такой же грозной, как мама, когда сердится, но решила, что у неё не получается взять высокую ноту, потому она сбросила с себя эту маску и села максимально близко к Жене, доверчиво посмотрела на него, протянула яблоко, он без раздумий схватил его и жадно надкусил.

— Скажи, пожалуйста, — смотрела она вопрошающе. — Все ли сумасшедшие альтёры? У меня ещё много вопросов.

— У нас мало времени, меньше, чем ты можешь предположить, — тоненько протянул он, склонив голову вбок.

Алиса окинула его взглядом и прыснула. В длинном черном платье в сочетании с той же недлинной, как и в прошлый раз, бородкой он походил на попа и не мог не вызвать смех. Он недоумевающе сощурился и вдавил подбородок в шею.

— Ладно, — выждал он паузу. — Все сумасшедшие — альтёры. Сумасшедших не существует. Это фикция, созданная в сознании людей. Мы вселяемся в человека, его сознание не может справиться с нашими тысячелетними знаниями, мы помним обо всех предыдущих жизнях, потому их разум мутнеет. Всё не так просто. Мозг человека сложен, когда альтёр вселяется в тело, мозг коротит, сознание путается, мы словно объединяемся с тем человеком, который существует внутри тела. По большей части для переселения мы выбираем взрослых, потому что их тело уже сформировалось, но бывает всякое.

Алиса сглотнула.

— А как друг с другом, как вы общаетесь между собой? Тень смотрела на нас в окно, он мог читать твои мысли?

— Да, мы обладаем телепатией, но это всё контролируется в зависимости от способностей альтёра. У меня они сильные, поэтому я могу создавать блокировку на мысли о тебе, их никто не прочтает, а вместо них я создаю другие, безопасные мысли, которые доступны остальным.

— То есть вам необязательно разговаривать?

— Мы общаемся мыслями.

— Как можно контролировать мысли? — Алиса сотрясла воздух руками.

— Довольно просто, — тоненько протянул Женя. — Этому быстро учишься.

— Ладно, а ты? Ты поработил моего дядю? Со мной говорит он или ты?

Алиса задыхалась чаще, такое чувство, что она стоит на краю пропасти в ожидании ответа, ведь если он окажется не таким, как надо, она рискует построить против себя монстра.

— Ты думаешь, я бы рассказал тебе? Я подавил его, но ты должна знать, что я думаю, что именно он заставил меня открыться тебе. Мне кажется, его сознание живо, и мы словно говорим с ним вместе.

Из глаза Алисы вытекла слеза, она не всхлипывала, не плакала, только сжалась и вдруг почувствовала потребность уткнуться в темную, пахнущую затхлостью куртку, зарыться в своих волосах.

— Это важно, — посмотрела она на него признательно и смахнула слезу. — Но суть не меняется. Получается, вы... Инопланетяне? Вы выглядите так, как я видела в институте? А рукамыши — это инопланетяне?

— Рукамыши — это живые хранители памяти, жёсткие диски, их на земле очень много. Сколько камней, столько и рукомышей, они хранят историю. У меня тоже есть вопрос, — вытянул он подбородок. — Тебе удалось привезти очки?

Она прижалась к деревянной стенке, засунула руки в карманы. На секунду показалось, что её спрашивает не Женя, а историчка, которая цедит взглядом класс в поисках тех, кто не выполнил домашнее задание, а она в этот момент вжимается в проем между стулом и партой, сползает как можно ниже, и в любой другой день она бы пришла с подготовленными уроками, но не сегодня. Учительница, как хищник, который чувствует дрожание жертвы, страх на первородном уровне, только по запаху определяет, кто не подготовился. Безжалостно, как гром в летнюю жару, раскатывается, раздается на весь класс голосом расстроенной скрипки, тонким и верещащим, как металл по стеклу «А сейчас нам ответит Асташева». Ты становишься чем-то невесомым в этот момент, совсем себя не ощущаешь, бестелесная, поднимаешься на ватных ногах и не можешь произнести ни слова, слова есть, они не исчезли, но они находятся где-то внутри, проваливаются в твою душу, а ты никак не можешь их достать, и если бы ты так не нервничала, и если бы не сверлящий взгляд учителя, то ты бы что-то сказала, выкрутилась, но тебе остается только молчать и смотреть, как она выводит в журнале жирную, не в размер клетки, двойку.

Так и сейчас, Алиса, прижатая взглядом Жени, не могла произнести ни слова в своё оправдание. Она собрала все силы, чтобы выдать:

— Не получилось...

Он сгорбился, навис над деревянным полом, словно искал подходящее слово, его глаза бегали.

— Я просил тебя об этом, чтобы ты увидела всё своими глазами, чтобы ты поверила, если бы я показался тебе просто так, то ты бы не поняла, не приняла бы. Побывав там и увидев всё сама, ты знаешь, что я не вру, ты знаешь, что есть правда.

Он многозначительно замолчал. Она ощутила, как внутри что-то давило.

— Мы не инопланетяне, мы всегда жили на земле, а люди, — глянул он на неё виновато и в то же время как-то сверху, — всегда были рабами.

Алиса хлопала глазами и пыталась развеять созданную ею картинку того, как альтёры прилетают на землю, высаживают своих собратьев, а среди тех, кто принимает эти воздушные шары, — Женя. В него вселяется альтёр, и больше её дяди нет. Но если они не инопланетяне, то откуда взялись?

— Мы жили здесь всегда. У нас нет другой планеты, только мы оказались сильнее, умнее, хитрее вас настолько, что поработили человечество.

На лице Алисы застыла смесь ужаса и отвращения. Выходит, дядя в руках того, кто считает себя хозяином этой земли.

— Люди сами пробовали на вкус рабство, и у них это получалось, правда, проблемы с силой внушения имелись, негры, крепостное право, всё это можно назвать одним словом — рабство. Задумайся, не находишься ли ты в рабстве? Ответ прост. Находишься. В нашем рабстве.

Алиса смотрела на него и не верила глазам. И почему она думала, что они с ним заодно, выходит, он её противник. Она сжала яблоко в кармане.

— Это ты его выбрал? Дядю, — поджала она губы.

— Это и есть он, я и есть он, — он замотал головой. — Я, то есть он, — это я плюс он, никак иначе. Мы оба перед тобой. С очками ты бы видела меня как его тень, без очков видишь его, вот и вся арифметика. Очки — это не главное.

— И всё же? — Алиса не думала отступить, её грудь судорожно вздымалась.

— Мы, — взялся он за голову, стараясь закрыть глаза, — выбираем человека просто по нашей базе, и всё, человек наш.

— То есть... Есть какая-то база людей? Как онлайн-магазин?

— Рабов... — поправил он. — Пойми же наконец! Вы для нас как овцы, свиньи.

Алиса мотала головой, она снова оказалась в кошмарном сне, который происходил наяву. Голова налилась чем-то тяжёлым, как когда она попробовала алкоголь в первый раз, это была тёмная бутылка пива, вначале было весело, забавно, смело, а после голова стала тяжелесть и клониться к подушке.

— Я выбрал его случайно. Я давно в его теле, я не знаю, я не специально, просто я почувствовал, что он любит тебя, вот и всё, в моём теле разлилось тепло, это как вы, люди, любите кошек. Я не понимаю сам, почему рассказал тебе обо всём. Точнее понимаю, но...

— Ты ещё что-то не сказал, — всплеснула Алиса руками.

— Да, ты права, не сказал...

Слова повисли в весеннем воздухе. Алиса натянула ворот куртки, отовсюду раздавались птичьи голоса, хотелось прогнать их с этой вычищенной поляны, которую кругом обступили птичьи домики-деревья. Ей хотелось создать идеальную тишину, чтобы прокрутить в голове ещё раз Женины слова, вдруг она что-то не расслышала, не так поняла. Люди — рабы. Какое страшное слово. РАБ. Рабы от слова «работать», но в корне этого слова отнюдь заложен не «труд», а заложено полное подавление нужд, желаний, потребностей, даже естественных, раб не принадлежит себе. Страшные истории про рабов, в её голове всплывали образы, несчастные лица, искаженные гримасой боли. И представить, что все люди — рабы, невообразимо. То есть без воли, без хребта, без чего-то того, что может изменить жизнь. Но если так, то какой смысл в том, чтобы искать работу, строить семью, делать всё то, что вменяет общество?

— Я хотел рассказать ещё и о смерти, — прервал её рассуждения Женя.

— Так, — насторожилась она.

— Вся хитрость в том, что вечность — не так уж длинна.

Он раскачивался, как в припадке, из стороны в сторону, его губы дрожали, — натуральный сумасшедший, не иначе.

— Все эти сказки про семь жизней — просто утечка информации в ваш человеческий клан. Мы храним память о том, что было в наших жизнях. Мы не рождаемся совами или мышами, мы рождаемся, просыпаемся в ваших телах, мы живём сотнями лет. Альтёр после смерти оболочки попадает в следующего человека. Новый альтёр рождается не методом размножения, он создаётся совместными усилиями, силой мысли Правителя, но рождение нового альтёра происходит очень редко, мы живём настолько долго, что нет необходимости в рождении новых. Без человеческого тела альтёры не могут прожить долго, пара дней, и альтёр умирает. Когда умирает человеческое тело, то альтёру подыскивается тело, и всё, вуаля, новый сумасшедший появился.

Алиса изобразила улыбку.

— Ты серьёзно? Ты об этом так легко говоришь? Ведь это огромная трагедия для семьи, близких людей, — она задумалась. — Ты хочешь сказать, что у вас нет детства?

Женя поправил подол балахона.

— Детства нет. Мужей и жён тоже нет. Это всё делает существа слабыми.

— Я видела мёртвого альтёра. Значит, вы тоже умираете?

— Да, умираем, если не найти тело в течение суток, запас воздуха в теле альтёра иссякнет, и он умрёт.

— И сколько же вы живёте?

— Дольше, чем ты можешь представить, это сотни лет, Алиса.

Алиса мотала головой, не веря ему.

— Сколько живёшь ты?

— Уже семьсот лет. В сумасшедших домах живём, потому что тут обеспечены лучшие условия, так удобнее совершать управление.

— Вы могли бы жить во дворцах!

— Так и делали, думаешь, про кого эти сказки — султаны, Аладдины? Так мы приковывали слишком много нежелательного внимания.

— Получается, вы трусы.

— Мне кажется, ты не понимаешь значения этого слова. У меня создается впечатление, что ты не понимаешь, кто такие люди. Я увидел твои добрые глаза и задался вопросом, почему ты пришла ко мне. И не нашёл ответа, — он заглянул ей в глаза. — Ведь тебе незачем было ко мне приходиться. Поэтому, — потряс он рукой, словно сыпал пудру, — я решил тебе всё рассказать.

Алиса пожалала плечами, она не знала, что ответить, в голове возникало так много мыслей, что самой лучшей из них оказалось молчание.

— Чушь какая-то, что люди не так сделали?

— Всё не так, они жадные, коварные, не ценят ничего, что им дают, делают больно близким, лицемерят, воруют, мстят, убивают.

Его высокий голос срывался, он незаметно перешёл на крик, поднялся со скамьи.

— Тебе мало?

Он возвышался над Алисой, теперь Женя не казался беспомощным, как тогда, когда она увидела его в первый раз. Он знал слишком много, знал ответы на все вопросы.

— Не все же такие, — она готова была заплакать. — К чему ты ведешь? Этот разговор, который я услышала в интернате, что он означает?

— Большинство людей именно такие. Поэтому альтгёры и собрались сократить численность людей до минимума.

— Что значит сократить? — она нахмурила брови.

— То и значит. Убить. Уничтожить. Отправить на убой. Что тебе неясно? Веками. Тысячелетиями. Мы регулировали смертность и рождаемость у людей. Запускали войны, способствовали тому, чтобы люди и их изобретения вызвали природные катаклизмы, напускали болезни, делали всё, чтобы сократить ваше количество.

Перед Алисой сидел монстр. Она почувствовала, как по щеке бежит волна дрожи. Так просто говорить об убийстве людей. Живых людей. Если бы он был маньяком, преступником, она могла бы понять, но перед ней сидел её собственный дядя. Даже преступникам свойственно раскаяние, сожаление, а здесь нет ни тени сомнения в правильности, очевидности убийств.

— Жизнь и смерть едины, ты не можешь их разделить.

Алиса ничего не ответила, только повела бровью и отодвинулась.захотелось стереть всё, отойти назад во времени. Она слушала, как тикают её наручные часы. Стрелки успокаивают, они возвращают в реальность, ей всегда нравился ход времени, звук часов напоминал, что всё закончится и всё продолжится, что жизнь идёт, нет ничего, чтобы взяло и исчезло. Есть подруга, которая будет существовать всегда в её памяти, если она исчезнет, то появится другая. Родители исчезнут, но появится кто-то, кто заменит их, а в её голове они будут существовать вечно. Люди не заменяемы, но в то же время заменяемы. Если у неё появится любимый и потом исчезнет, не важно, что с ним случится, теоретически он исчезнет, то вместо него появится кто-то другой, это будет совершенно другой человек, но чувства к нему будут похожими. Иначе как изливать себя, свои мысли, свою потребность любить кого-то? Сейчас она любит Олю, папу. И если их не станет, сложно представить, что она будет делать, но она точно может сказать, что будет кого-то любить, кого-то ещё. Жизнь не прервется, стрелки будут двигаться дальше.

Бесконечность времени и Женины слова никак не увязывались в Алисиной голове в единое целое. Это бред. Если представить смерть близких, то можно найти пути решения, принять эту самую смерть, принять то, что будет

тоскливо, и грустно, и даже невыносимо больно, но это можно принять. Принятие в том случае, о котором говорит Женя, невозможно. Его не представить. Всех людей повести на убой. Взять и убить всех людей. Убить. В это сложно поверить. Как? Алиса посмотрела на его отстраненный вид. Сейчас он не выглядел сумасшедшим. И от этого становилось ещё страшнее. Его тонкие черты лица говорили лишь об изощренном мозге. Алису передернуло. Но убить всех. Для этого нужно быть монстром.

— Кто этого хочет? Как вы собираетесь это сделать?

Он медлил с ответом, словно заранее знал, что Алиса не захочет его услышать, что он окончательно оборвет между ними нити связи, которую она пыталась создать приездом сюда.

— Этого хотят все альтиёры. По крайней мере, я ощущаю это так. Они могут выставлять желаемые мысли за действительные, как и я, но смысл в том, что нам стало тесно жить с вами, поэтому решение о чистке земли уже принято. Пока разрабатывается план, в который всех не посвящали. Я не знаю всего. У нас тоже есть правительство, точнее, Правитель. И не все его мысли мне доступны.

— Объясни мне одно, ты тоже этого хочешь? — она кивала в такт своим словам. — Ты действительно хочешь убить людей? Детей, стариков, больных? Женщин?

Каждое слово давалось ей с трудом, каждое слово она отбивала кулаком по своим коленям.

— Ты думаешь, я рассказал бы тебе обо всём, если бы хотел этого?

— Я запуталась, — всплеснула она руками, на её лице застыло недоумение. — Ты говоришь вначале одно, потом другое. Чему верить?

— Мне. Верь мне. Я не хочу этого. Я вижу, что люди могут быть другими. Их можно исправить. Их можно научить любви. Всё нужно остановить, помешать Правителю дать ход тому, что он задумал.

Она внимала каждому слову.

— Как ты можешь это сделать?

— Дело как раз в этом. Я не смогу сделать это сам. Я не смогу подойти к Правителю близко, он узнает, он поймёт, меня раскусят, — он пристально посмотрел на Алису. — Поэтому это сделаешь ты.

— Что?

На лице Алисы зарделась паника. Чёрные длинные волоски поднялись в воздух от заряда эмоций. Мускулы заиграли, заходили по лицу.

— Как я могу помешать этому... Правителю? Я не знаю, как уничтожить того, кто неубиваем. Ведь он неубиваем?

— Как, это другой вопрос. Ты должна предупредить всех, рассказать всем и представить доказательства того, что планируется. Если человечество узнает, что происходит, оно сможет объединиться. Самое главное, что он не будет обращать на тебя внимания, не будет следить за тобой. Ты обычный никчёмный человек. И этим ты спасешь мир.

Глава 4. Ритуал

Ночь. Наступившая со щелчком выключателя крошечная темнота, налитая отзвуками проезжающих машин, разрывавших и рассеивавших воздух, посветлела, сбавила свои обороты, предметы понемногу начали приобретать очертания, изгибы, целые силуэты, они выростали, как из зернышка прорастает росток, пробиваясь через плотные слои земли. Алиса вглядывалась в знакомые линии комнаты, но ей всё казалось новым, незнакомым, неизведанным, как и тот мир, в который Женя приоткрыл дверь. Дрожа, она подобрала ноги, сгребла их в охапку, оперлась на шершавую на ощупь, но тёплую стену, Алиса прокручивала картинки с его осатанелым лицом, как он с надрывом и явной ненавистью резал воздух острыми, как поварской нож, словами. В её

голову закралась мысль, что всё вокруг может оказаться не таким, каким она привыкла видеть, а иным, как и камни, что многое кругом имеет куда больший смысл, чем способен увидеть человек. Это не философские вопросы, это обычные окружающие людей вещи, и если они могут быть другими, иметь предназначение, то что же тогда имеет смысл, что тогда достойно веры? С одной стороны, это доказывало, что всё на земле для чего-то нужно, выполняет отведенную функцию в очевидной взаимосвязи, но с другой, сломался целый мир представлений, многочисленных понятий, определений, правил, формул, теорем, всё рухнуло, оказалось не таким, каким виделось раньше. Бухгалтерские отчёты, которые Алиса мечтала сдавать в какой-нибудь фирме, вдруг потеряли смысл и стали годны лишь для растопки печи на даче.

Она глотала слёзы, то поднимая, то опуская подбородок, сверлила заплаканными щёлочками-глазами стул, ей чудилось, что сейчас он зашевелится, начнет перебирать лапками-ножками, подойдёт к ней, как собака, обнюхает протянутую ладонь. Всё, что она увидела и узнала за последние дни, вполне могло оказаться правдой, только что с этой правдой делать, неясно. Мамино дыхание за стеной не давало покоя, мамин сон мог прерваться в любое мгновение, вот бы мама поверила, как поверила Алиса, тогда всё стало бы намного проще. Одно дело доказывать ей, выслушивать мамины упрёки, а теперь она просто обязана рассказать всё, и совсем другое — поведать всему миру о приближающейся катастрофе — глобальном уничтожении людей. Ей никогда не удавалось быть лидером, несмотря на твердолобые успехи на физкультуре, математике, она никогда не могла довести дело до конца, когда ставился вопрос о выборе старосты класса, о том, кто станет капитаном команды на школьных матчах, ей всегда хотелось сказать: «Я буду», но никогда не доставало смелости сделать это взаправду, и тогда руку поднимал кто-то другой. Откуда же теперь взяться смелости спасти целый мир? Мир. Такой большой, страшно представить, что ему грозит что-то более масштабное, чем он сам. Если бы можно было отгородиться от этой проблемы, собрать по камушкам оборонительную стену, выстроить защиту, которая по всему периметру защитит людей от сумасшедших, то всё стало бы проще. Сумасшедшие везде, они кругом, они просочились в общество, расплозились червями в умы, структуры, союзы, и чтобы их искоренить, неясно, нужен ли точечный удар, или уничтожить их удастся, только если пойти на глобальные меры, прогнившее яблоко проще выбросить, чем приготовить.

Она раскачивалась вперёд-назад, словно перед прыжком в длину, полностью погрузившись в размышления о встрече с Женей и тех обстоятельствах, которые выстроили их знакомство как незатейливый, но в то же время имеющий прочное основание конструктор. Проговаривая по слогам его слова, представляя фигуру мёртвого альтёра, она шевелила губами, вытирала пот со лба, стрелки часов неминуемо двигались вперёд, пока Алиса снова и снова проматывала ленту их разговора, она не заметила, как настало три часа ночи, лишь взглянув на время, она судорожно отбросила смартфон. Вдруг она поняла, что за день ничего не съела, кроме помятого яблока, но и сейчас ей не хотелось идти на кухню, чтобы ненароком не наткнуться на маму. Она пыталась выудить среди мыслей ту, которая подсказала бы, что ей теперь делать с полученным грузом знания, болезненно вздрагивая на каждый доносившийся с улицы шорох, но бесполезные размышления о беззащитности мира не покидали её, не давали сфокусироваться на самом важном, на том, о чём они договорились с Женей.

Алиса заставила себя поднять затёкшее от раздумий, отяжелённое полученными знаниями тело, поднесла его к занавешенному окну, ей показалось, что за ним кто-то есть, и этот кто-то ждёт удобного момента, чтобы заглянуть в комнату, потому Алиса замерла и, едва касаясь мокрого золота шторы, лишь взглянула в щёлочку у стены. Она снова ощутила себя шестилетней девочкой, которая на носочках крадёт по огромному, с высокими потолками коридору, практически растворяется среди антресолей, этажерок, заботливо расставлен-

ных мамой в по-домашнему пыльном воздухе. В густых ночных красках Алиса двигается на ощупь, все уголки дома изучены настолько щепетильно, что каждый тактильно знаком ей, и она может с закрытыми глазами отыскать нужную вещь, потому темнота ночи — не помеха для неё. Маленькая Алиса оказывается около гостиной, в которой экран лампового телевизора раздается потрескивающим свечением, озаряя уголки лиц родителей и укрывающее ноги одеяло. Алиса почти не дышит в этот момент, потому что знает, что если мама увидит её здесь, то посмотрит тяжело, окинет настолько холодным взглядом, что уже его можно считать наказанием за непослушание, и отправит обратно в угловую комнату. Потому она будет так же, как сейчас у окна, стоять у двери и смотреть в щёлочку, наблюдать, как в кого-то выстрелят в телевизоре, и на его груди разрастётся красное липкое пятно, словно кто-то капнул кетчупом, Алиса закроет глаза ладонками, будет подсматривать сквозь пальцы, так менее страшно. Как бы ни была строга мама, Алиса всегда знала, что на выручку придёт отец, встанет на её защиту. Когда папа поднимется с дивана, чтобы попить воды на кухне, он удивится Алисе, сгрэбёт её в охапку, назовёт гномиком и отнесёт в кровать.

Жаль, что сейчас у окна её никто не защитит. Алиса так и застыла, забравшись, как в домик, в хрустящее одеяло. Она твёрдо решила следовать указаниям, которые дал Женя. Пока из сказанного им не нашлось ничего неправдивого, а это означало только одно, — Жене можно доверять. Алиса залезла на широкий подоконник, который смастерил для неё папа, они с Лёлей по очереди сидели на нём, когда собирались в комнате. Алиса закрыла глаза и погрузилась в обсуждение плана действий.

Женя стоял как коршун над ней, его посеревшая от прошедших лет кожа то складывалась в тугие валики на лбу, то распрямлялась до глубоких трещин, он подносил палец к виску, постукивал и открывал рот, чтобы что-то сказать, но передумывал и продолжал напрягать лоб. Выдерживая паузу, Алиса виновато поглядывала на него, не решившись озвучить ни одного предложения, потому что любое из них было настолько безумным, что предпринимать действия для осуществления её идей было бы опасно не только для Правителя, но и для неё самой, и для окружающих. Ей в голову пришла идея поджечь дом Правителя, устроить настоящее адово пламя, чтобы поджарить этих незнакомых ей существ, покусившихся на самое ценное, что может быть, — человеческую жизнь. Сама история нашёптывала варианты расправы: перед глазами вставали газовые камеры, удары ядерных бомб, массовые расстрелы. Во всех её фантазиях зияла одна огромна дыра, которая делала эту самую фантазию не то что неосуществимой, а скорее преступной, негуманной, кровожадной, такой, что унесла бы жизни жертв, которые стали соучастниками всего процесса, сами не понимая происходящего, эта дыра сверлила её кровоподтеками из глаз, как ей представлялось, ни в чём не повинных людей, тех самых сумасшедших, которые когда-то были обычными людьми. На первый взгляд убийство можно победить только убийством, но убить — не означает искоренить зло, потому Алиса и Женя условились, что найдут гуманный способ защитить человечество от гибели.

— Ты знаешь, а ведь это проблема — убить альтёра, это практически невозможно, мы слишком умны, мы предугадываем малейшие действия людей, чувствуем их, как дикий зверь чувствует добычу. Да и если мы свергнем Правителя, то насколько высока вероятность, что на смену ему не придёт кто-то более смыслённый? — Женя продумывал следующий ход на шахматной доске.

Воздух гудел. Алиса выжидающе смотрела на него, она не знала, что ответить, она прокрутила множество сценариев гибели, везде страдали не только четырёхлапые странные существа, но и люди.

— У меня довольно странная идея, но, думаю, она тебе понравится.

И тут Женя предложил Алисе устроиться на работу в учреждение, в котором жил Правитель, как ни в чём не бывало прислуживать ему, а тем временем выведать информацию, узнать, что именно Правитель собирается предпри-

нять для уничтожения людей, а потом нанести такой сокрушительный удар, что он расстроит все планы противника.

— Ты хочешь сказать, что мне придётся работать в дурдоме? — ухмыльнулась Алиса.

— Ну, я же здесь живу, и ничего, — развёл он руками.

— Слушай, — Алиса зажмурилась, словно лизнула лимон. — Я уже второй раз здесь, и не то что мне не нравится, мне здесь невыносимо находиться. Я не смогу работать. Люди, которые там и здесь работают, святые, наверное, но я не отношусь к их числу.

В тот момент Алиса не поверила, что дядя действительно предлагает ей отправиться работать под началом самого отпетого преступника среди чокнутых, самого коварного, строящего планы на крови монстра. Поскольку она не восприняла слова Жени всерьёз, то и согласия не высказала, но уже тогда решила, что пойдёт на что угодно, чтобы спасти Женю, чтобы дать людям шанс.

— Любая должность, которую тебе предложат, взять хоть уборщицу, подойдёт нам, ты должна согласиться. Сходишь на собеседование, заодно проведаешь, как там, много ли охраны, кто за чем смотрит. Алиса, — потряс он пальцем, — слушай меня внимательно и запоминай. Ты должна проникнуть во все кабинеты, когда устроишься, и посмотреть бумаги, среди них обязательно что-то должно быть, что касается катастрофы, или побоища, или чего угодно, связанного с гибелью людей. Если мы достанем подтверждение, его план, мы расскажем людям обо всём, у него не останется иного выхода, как оставить дела.

— Знаешь, о чём я подумала, когда выходила из дома? У тебя нет телефона, поэтому мы не можем связываться.

Она вытащила из кармана джинсов кнопочный «самсунг».

— Я сейчас вставлю туда сим-карту, будешь на связи. Ты умеешь пользоваться? — уточнила она на всякий случай.

— Ты сомневаешься в моих способностях? — тоненьким голоском протянул он. — Расслабься, в прошлом теле я конструировал эти телефоны, так что да, я разбираюсь.

— Ты знаешь, я до сих пор не могу поверить, что вы живете вот так — вечно, поэтому отложим истории на потом.

— Но я обязательно должен рассказать, что видел.

Женя улыбался, казалось, его веселит превосходство над Алисой, Алиса же ощущала колющее неудобство, ей всё хотелось потерять глаза и понять, что она только что проснулась на паре, это сказалась бессонная ночь, гулянка с Лёлей и однокурсниками. Или она схлопотала солнечный удар, не удержалась на ногах и рухнула на прокаленный песок, так и лежала, пока её не привели в чувства отдыхающие.

— Чтобы уничтожить Правителя, нужно убедиться, что никто больше не пострадает, надо узнать, что он задумал, выяснить, кто задействован в плане, и тогда бить в самое сердце.

— У альтёров есть сердце? — Алиса недоверчиво взяла ноту выше, чем следовало.

— Человеческое.

— Ты этого не сделаешь. Ты хоть понимаешь, что предлагаешь, — сглотнула она перед тем, как произнести. — Убить человека?

В воздухе повисло неудобное молчание.

— Я говорю, что мы его убьём, — помпезно объявил Женя. — Другого выхода нет, а если есть, то он тебе не понравится. Ты видела, альтёры бесчеловечны, но смерть человека может быть смертельна и для альтёра. Так мы принесём одну жертву, а спасём миллионы от гибели.

Алиса посинела от мысли, что нужно будет убить человека, пусть и не обычного, диктатора, монстра, но всё же человека, само слово «убийство» вызывало у неё дикое желание закричать от ужаса, рвать волосы, убежать, спрятаться. Убить живого человека — отвратительное до тошноты зрелище.

Однажды она попала в лагерь с детьми, в котором подружилась с девочкой, рассказывающей всем, что руками на полях ловила сусликов и душила их, пока тощее шерстяное тельце не переставало изворачиваться в предсмертных конвульсиях. Здесь же не суслик, здесь — человек.

— В каждом из нас живет монстр, выпусти его наружу и используй во благо.

Произнося это, Женя не был похож на себя, холодный, расчётливый взгляд, ни одна мышца лица не дёргалась. Алиса металась в незнании, что ответить на хладнокровные расчёты дяди, она посмотрела в его горящие глаза и увидела боль, накопившуюся в нём, терзающую, неминуемую, мучительную, словно перед ней оказался другой человек, настоящий, живой. Его взгляд вдруг дал уверенность, что они делают всё верно, и если смерть приносит добро, то это именно тот случай.

— Когда-то давным-давно я оказался в теле двенадцатилетней девочки, белокурая, с большим носом и обезображенным, словно кислотой, лицом. Она была обузой на плечах родителей, и её странности не дали ей шанса. Её поместили в специальное учреждение, но её мозг не выдержал моих знаний, тех изменений, что с ней произошли, и тогда она сдалась, — он смотрел сквозь Алису. — Я запомнил это, потому что ждал ответа Правителя, я обратился к нему напрямую в сарае возле учреждения, когда я умирал, я ощущал беспомощное тельце, её тощие ручки, кожа которых казалось белой, почти прозрачной, я чувствовал её смерть. Я хотел обнять её, прижать к себе, но не мог ничего сделать, её не стало. Я обратился к Правителю, как только пробудился в новом теле. Он не сделал ничего. И тут я понял, что всё это сделал своими руками, что я мог этого избежать. Я возненавидел себя и всё, что мы делаем. Я понял, что не каждое зло рождает человек, зло кроется и в темноте бездействия.

— И что Правитель? — Алиса щурилась, словно от солнца.

— Ничего. Я поселился в новое тело. И я зажил прежней жизнью, словно ничего и не произошло.

Они замолчали. Алисе показалось, что гомон птиц, что беспрерывно звучал в налитом весной воздухе, вдруг оборвался, стих. Она вслушивалась в нагнетающую воздух тишину и ни на секунду не давала себе поверить, что действительно способна непонятным образом справиться с тем, для кого ничего не значит человеческая жизнь, и если она такой ничтожный, как Женя говорит, человек, то ей не по карме сражаться со всевышними силами. Она попыталась отмахнуться от картины, которую нарисовал дядя, но холод воображаемого сарая подогревал её кожу, она смахнула дрожь и пристально посмотрела на Женю.

— Почему ты думаешь, что я справлюсь с этим? Давай отправим тебя туда, ты быстро найдёшь доказательства и выведаешь планы?

— Глупенькая! — протянул Женя, сводя глаза к переносице. — Я же объясню, он меня раскусит, прочитает мои мысли, а на твои даже не обратит внимания. Ты справишься, ты спасёшь этот мир.

Алиса всматривалась в его прожженное морщинами лицо и пыталась уловить тень насмешки, но заметила она только одно, — его взгляд воспылал надеждой, налился внутренним огнём, которого раньше Алиса не замечала или не хотела замечать, он наполнился немислимой энергией, словно в нём постепенно, миллиметр за миллиметром поднималась лава, все уничтожающая и неудержимая, скрывающаяся внутри. Возможно, он не такой уж и безобидный, каким казался Алисе сначала. Она прищурилась:

— Раз я такой иван-дурак, то с чего ты взял, что у меня выйдет?

Её наивные, навеянные прочитанными сказками слова подхватил ветер, она смотрела сквозь Женю в глубь беззубых, полуголых деревьев, продираясь взглядом сквозь заросли по не сожжённой по осени траве к свету, что сочился меж серых стволов. В его словах столько же правды, сколько разума, он снова предстал в образе безумца, чьи речи расходились с реальностью.

— Ты так трогательно смотрела на меня в день нашего знакомства. Твоя наивность коснулась меня, и я подумал, если твои глаза растопили скованную столетиями душу, то они смогут убедить людей. Главное, будь искренней.

Она внимала каждому слову, вода головой, словно следила за строкой в книге.

— Ладно, — ответила она, выдержав паузу. — Кто же он, этот Правитель? Мне нужно знать, если пытаться свергнуть его или уничтожить, я совершенно не понимаю, как мы сможем победить его?

— Так, мне нужно отфильтровать информацию, — Женя водил указательным пальцем в воздухе. — Тебе нужно знать, что он не так и скрывается, в его речах можно отметить одно, он не хочет сидеть в камере, он хочет быть не только нашим Правителем, но и полноценным Правителем планеты, как будто ему мало того, что он имеет. Всё, что нужно знать, это то, что он очень опасен. Он самый безумный из всех. Безумнее его нет. Но его мозг настолько прозорлив, что он сможет убедить тебя покончить с собой, не применяя силы. Он опаснейший, страшнейший твой враг, его держат в клетке обязательства и связи с остальными континентами и, самое главное, с людским обществом. Он был избран верховным Правителем континента за счёт своего уникального таланта манипулировать людьми. Его дар помогает ему убеждать окружающих в своей нормальности. Когда мир погряз в войне, это он убедил поделить планету на континенты, чтобы прекратить раздоры и стереть границы стран, тогда-то столицей альтеёров и стал город Нобилизград, а он стал Правителем. Он живёт в палате номер одиннадцать. Его зовут Фёдор Анатольевич.

— Не понимаю, то есть он предводитель всех сумасшедших, но ему удаётся скрываться за маской человека?

— Мне кажется, ты начинаешь понимать, — Женя самодовольно прошерстил волосы.

— Что мне сказать ему? Я не умею врать... — произнесла Алиса, словно затушила в воздухе спичку.

— Ты придёшь под видом человека, который не может найти работу, и скажешь, что готова устроиться прямо сейчас, тебе назначат собеседование, придёшь и скажешь, что готова работать. Всё. Только смотри в оба. В кабинетах, в его палате может быть что-то важное, то, что нам нужно, чтобы доказать, что его планы действительно, что они имеют реальный смысл. Мне кажется, других жителей сумасшедших домов тоже можно вразумить, если доказать, что Правитель хочет управлять и ими, и людьми, объединив их с людьми. Альтеёры никогда не встанут в ряд с людьми, нам по большому счёту и Правитель не нужен, потому что мы все чувствуем друг друга.

— Почти правда получается, ведь я не могу найти работу.

— Видишь, тебе не придётся врать! Когда мы выясним больше, когда добудем доказательства, мы расскажем всему миру, что не только люди населяют эту планету, но и те, кого привыкли не замечать, те, чьи мысли гениальнее любого шоу, которое крутят по этим вашим телевизорам, а самое главное, мы предотвратим уничтожение человечества.

Слава стекала слезами с его губ, торжественно пенились в воздухе, Алисе оставалось ловить пузырьки и оберегать их от гудевшего кругом птичьего пения.

— Женя, уходим!

Алиса подскочила, шнурок, свисающий с замка кармана её куртки, зацепился за отслоившуюся на деревянной скамье щепку, она бросила взгляд на затёртую поверхность скамьи, с силой дёрнула, щепка натянулась и раздалась глухим хрустом, освободив Алису и позволив ей телом податься к Жене, чтобы схватить его за рукав и потянуть за собой.

К ним приближались три мужские фигуры, одна ниже других настолько, что Алисе показалось, что рядом с высоким идёт ребенок, но, приглядевшись, она поняла, что это мужчина.

— Алиса, всё...

— Они... Нас раскусят, — она схватилась за голову. — Быстрее же! Идём!

Она вцепилась в Женину, как оказалось, жилистую руку, с силой дёрнула, вытащив его из беседки.

— Стойте! — басом крикнул один.

— Какого чёрта?!

Она с мольбой в голосе, лишь бы уговорить его бежать, уставилась на дядю. Солнце слепило глаза, но даже сквозь заставляющие зажмуриться блики она разглядела певца, её пробрал мороз, словно температура воздуха разом снизилась до минусовой. Нужно бежать, они воплотят план, о котором они говорили за закрытой дверью. Не может быть, что тот амбал, которого она слышала через дверь, и есть эта надвигающаяся на них скала. И тот малец, который напугал до чёртиков, с ртом-клювом и тонким голоском, неужели это и есть он?

— Женя, объясни, что происходит? Они хотят убить людей! Они убьют меня?

Она не отпускала рукав его мокрой на ощупь куртки, вцепившись в единственную защиту, которую могла найти.

— Всё нормально, они с нами.

— Вот она, вот она, — радовался карлик. — Я же говорил, она красивая!

Обращался он к Амбалу, который только хмуро поглядывал на парочку, стиснув зубы. Он ухмыльнулся:

— Ничё такая, на обед пойдёт.

— Женя!

Алиса беспомощно затрепыхалась. Она пригнулась, приготовившись сдать стометровку, в голове мелькнула мысль, что не зря она ходила на физкультуру все одиннадцать лет. Но в этот момент чья-то рука схватила её за плечо и откинула назад. Алиса обнаружила себя на полу беседки.

— Успокойся, — с лица Жени улетучилась добродушная улыбка, с которой он обычно поглядывал на неё. — Они со мной. С нами.

Алисе ничего не оставалось, как выслушать троицу. Они рассказали, как собрали внутри интерната коалицию, что больше никто их не поддерживает, что вчетвером мысленно поняли, что не согласны с Правителем, который не только ущемляет в правах других сумасшедших, но и пытается повернуть всё с ног на голову, пустив с молотка людей.

— Алиса, познакомься, кстати, это Амбал, — смущённо, словно ему стало стыдно, показал он на басистого. — Это Череп. — Человек-клюв улыбнулся, насколько позволял ему сомкнутый рот, и провел рукой по испачканной кофте, а Женя наклонился к Алисе: — Он слишком умный.

— А имён у них нет?

— Они забыли свои имена, имена — это только наклейки, главное, что внутри у человека. С нами ещё Лёня, ну, ты его помнишь.

— Да как же, помню, — Алиса задумалась, вспоминая, как он осматривал её.

— Но он, — она глянула на Амбала, — хотел убить людей. Он говорил об этом, я всё слышала.

Алиса не сводила с него глаз. Широкие собранные плечи, далеко друг от друга посаженные глаза, оттопыренные уши, лысина в созвучии с кривой, не сходящей с лица усмешкой и вобранной в плечи головой вызывали ужас, ей хотелось отодвинуться от него как можно дальше, перед глазами возникла картина, как он огромным кулаком бьёт певца, тот отлетает в сторону.

— Прости, — Женя виновато прикрыл глаза рукой. — Мы специально подгадали так, чтобы убедить тебя. Это придумал Череп. Согласись, ты бы не пошла ко мне ничего доказывать, узнавать, если бы не тот разговор.

Череп самодовольно крутил головой с запихнутой в нос бумажкой, пока Амбал заговорщически вытянул вперёд короткую шею, казалось, что он хочет с кем-то разобраться, а не поговорить по душам.

— Мы думаем, — напряжённо проговаривал Женя каждое слово, поглядывая в сторону интерната, — что можно найти средство разделить нас, чтобы мы жили порознь. Для этого мы можем использовать институты, лаборатории, технологии. Люди и сумасшедшие могут жить, как и прежде, что лучше оставить всё как есть и существовать вместе. Если люди узнают, то неизвестно, что ждёт нас, поскольку мы и взаправду дышим этим воздухом за ваш счёт, но и действовать, как Правитель, нельзя. Мы готовы рискнуть, рассказать всё людям, уберечь их от уничтожения и пойти на компромисс, вместе мы сможем разработать такие аппараты, которые позволят нам жить здесь отдельно от вас и больше не использовать тела людей.

— То есть сумасшедшие исчезнут?

— Да, так и есть. Если план удастся, то все будут в выигрыше. Но дело в том, что Правитель никогда не пойдёт на это в здравом уме, он будет до последнего биться за своё право на владение миром и пытаться уничтожить людей.

— Я слышала, что он хочет убить людей, лю-ди-шек, — Алиса недоверчиво поглядывала на массивное тело. — А как он вообще управляет миром? Нельзя же управлять планетой одному.

— В таких же интернатах на всех континентах есть Правители свои, со всеми он держит связь, все ему подчиняются. А мы вынуждены участвовать в том, в чём не хотим. Это происходит уже очень давно, Правитель пытается развязать такую войну, чтобы втянуть все континенты, убеждая людей идти на агрессию. Когда наша группа собирается, мы выполняем разные задания по разрушению мира. Бедствия, ураганы, наводнения, теракты, конфликты, помнишь пятидневную грузинскую войну? Так вот, это мы. Помнишь, «Хромую лошадь»? Это тоже мы. Наша группа старается свести к минимуму потери, но Правителя уже не остановить, он становится всё более жестоким, изощренным в своих жертвах, а самое главное, он делает это нашими руками, заставляя выполнять грязную работу. Поясняет тем, что хочет научить людей быть добрее и выполнять свои обязанности по уму, но в насилии нет никакого ума, есть только смерти и жертвы.

— Я не знаю, как вам доверять, выходит, вы обманом втянули меня в вашу разборку...

Алиса задумалась, оборвав себя на полуслове.

— Да, мы признаём, — молитвенно дядя сложил руки. — Но и ты нас пойми, гибнут люди, и, кроме тебя, нам никто не поможет.

— Ваша работа — убивать людей?

— Наша работа — оберегать землю, — покосился на неё Женя.

Алиса вздрогнула от вывернувшего из-за угла света фар, он ослепил её лишь на какое-то мгновение, ей почудилось, что этот свет издает альтъёр, а она снова находится в той кристальной комнате, где за стеклом увидела лик чудовища. Как и тогда, она коснулась стекла лишь подушечками пальцев, ощутив колкость холодного покрытия, только теперь перед ней не оказалось стеклянного гроба, а лишь сияющий свет автомобильных фар, судя по очертанию, «Нивы». Она поняла, что засыпает, и потому перебралась на кровать, укуталась одеялом с головой и загадала проснуться настолько рано, чтобы успеть попасть на собеседование.

Она смахивала пренебрежительные крошки маминых слов, которые та надменно посеяла за завтраком. Она намеренно не сказала матери о собеседовании, о том, что собирается работать в часе езды от дома, и не по специальности, а простой уборщицей. Алиса вдыхала запах свободы, сокровенной тайны, на которые так полагалась, что готова была сделать всё, что попросит её Женя. Она написала только Лёле о попытке устроиться в дурдом, на что та засыпала её сообщениями с предложением устроиться в бар. Дурманящие мысли мешались со страхом, который ёрзал под кожей щёткой, щекотал шею так, что Алиса то и дело тёрлась о плечо. В автобусе Алиса не могла ни на

чём сосредоточиться, потому придирчиво рассматривала фиолетовый берет впереди сидящей дамы, думая, что можно было бы подобрать другой цвет к пальто, и если бы у неё было пальто, то она непременно не стала бы покупать берет с сеточкой, смотрится он слишком чопорно и неестественно. Она снова и снова проглатывала мамины «я не буду содержать тебя больше ни дня», с горькой ухмылкой вглядывалась в текущий вперед, словно гусеница, поток машин и ставила очередную запятую в отношениях с мамой.

Её взору тем временем открывался город, запотевший и только что открывший глаза, но уже сигналивший и гудящий утренним бодрствованием.

— Да, я уже въехала в город, не волнуйся, всё хорошо, я всё помню.

Она смахнула вызов и представила, как Лёля укладывается спать, подбирает колени к груди, втыкает наушники в уши и, так и не позавтракав, растворяется в дремотной темноте тесной комнатухи общежития.

Добравшись до вокзала, Алиса пересела на городской, и теперь он в суматохе и автомобильной давке с чьим-то локтем на уровне Алисиных глаз мелкими перебежками переносил её от светофора к светофору. Алиса задыхалась только от вида обступивших её людей, а не только от неприятных касаний, к счастью, человек, занимавший место у окна, вышел на остановке, потому она пропихнулась к окну вдоль отполированной спинами людей подушки сиденья. Как понять, что добралась до места? Здание в виде корабля. Полчаса-час. Так сказал Женя. Должна успеть.

Мимо проплывали пятиэтажные моргающие дома с распахнутыми глазами первых этажей, в которых когда-то, по рассказам мамы, художники засматривались на натурщиц и выводили силуэты, подметив плавность фигуры, а сейчас там лишь мигали красными огоньками сигнализации за счёт скупых до копейки предпринимателей. Они остановились на самом долгом на свете светофоре, пока автобус пыхтел, раздувая свои лёгкие, так же как и толстокожий пассажир пыхтел над Алисиным ухом, он, если судить по потёртому козырьку кепки, старомодным джинсам и сумке, предназначавшейся когда-то для документов, а теперь явно хранящей обеденный контейнер, ехал на рабочие сутки охранника или сторожа. Когда тронулись, Алиса вцепилась птичьей хваткой в дугу впереди стоящего сиденья, поняла, что они спускаются к мосту, груженный автобус набирал скорость, они проносились мимо речной ленты и прогулочных лужаек, где отчаянные собаководы мерзли за своих питомцев, казалось, автобус пролетит пешеходный переход, но нет, ему непосильно взбираться в гору навстречу свежему, дышащему молодостью, по сравнению с той промзоной, которую Алиса проезжала на въезде в город, кварталу новостроек. Она окуналась в сменяющиеся пейзажи, которые постепенно поникли, снизились и в высоту стали занимать не более двух этажей. Оказавшись на шоссе, автобус прибавил ходу, салон опустел, люди оказались разрежены по сиденьям. Алиса сглотнула, она ехала по городу ровно столько же, сколько по трассе. Добираться до работы так долго невыносимо. Теперь ей нужно спросить, где выйти, но как? У кого? «Спроси же!» — приказывала она себе, отчего щёки набрались румянцем.

— Скажите, пожалуйста, — выдавила она из себя, наклонилась к плотному мужчине, — чтобы в интернат попасть, на какой остановке нужно выходить?

— Через одну, но там пешеходок нет, или через две, а там с горы спустишься — и направо. Найдешь, — махнул он.

Мимо пролетел причал с яхтами, расставленными, словно в детской игре, настолько ровно и искусно, что не возникало сомнения в педантичности владельца яхт-клуба, если он такой, конечно, имелся.

Она вышла на последней порекомендованной остановке, которая располагалась сразу после дома с крышей-волной, говорящей о спортивности комплекса, это именно тот дом, про который рассказывал Женя, значит, всё верно. Алиса не стала ждать ни секунды больше, прямоком зашагала в указанном направлении.

Она думала, что выберется из своего загёртого маленького городка с испорченным воздухом, что горчит дымом завода, и окажется в месте, где жить и работать намного комфортнее и приятнее, но оказалась в не менее сером жилом квартале, разве что более объемном. Алиса миновала прижавшиеся друг к другу дома, прямоиком следуя за троллейбусом, который, ведомый небесными усиками, скользил под гору, разминулся с ней на заветном повороте. Она обернулась, окинула взглядом окружившее её, пусть и наполненное спешащими куда-то людьми, но равномерное, плавное, как жареный сыр, безмолвие, ветер в этот момент подхватил её лёгкие пряди, всего на секунду они застыли в воздухе, она повернула голову на шёпот поворота, лишь на секунду ей показалось, что её кто-то позвал по имени. Наслоенный голосами шёпот напоминал Женю, когда он злился, но более терпкий и спокойный, Женя слишком неуравновешенный, когда речь заходит о сохранении человечества. Он звал её, заманивал в свои сети, ей ничего не оставалось, как пойти по его утекающему следу.

Она шла на манящий голос и оглядывалась на собиравшиеся вот-вот распуститься кусты сирени вдоль серой пятиэтажки, гаражей, расставленных, словно на шахматной доске, и никак не могла понять до конца, что она делает, куда она идёт. В сомнениях Алиса набрала Женю.

— Я не знаю, туда ли иду, пятиэтажки, гаражи...

— Да, правильно, иди до конца этого проулка и упрёшься в калитку. И ещё. У тебя всё получится.

Поднявшись в небольшую горку, Алиса и взаправду оказалась у калитки, неприметной внешне, но богатой и облагоустроенной по ту сторону. Заглянув на территорию, она ощутила, что попала в другую страну, словно не было этого серого города и бегущих людей. Она оглядела белоснежно выкрашенные бордюры, выложенные плиткой дорожки, подготовленный к лету газон, осветлённые стволы деревьев, возвышавшуюся церквушку, спящую блеском купола у подножия пика холма, на котором стоял самый белый из всех двухэтажный дом. Сомнений не было. В этом доме, в этом белоснежном дворце и находился Правитель.

Алиса, скомкав все сомнения, промчалась мимо бросивших на неё взгляд садовника и, судя по костюму, мастера по машинам, взбежала по ступеням и дёрнула за белоснежную, как и весь дом, ручку. Та не поддавалась, дверь оказалась закрыта, тогда она достала смартфон и судорожно стала искать номер, по которому вчера договаривалась насчёт собеседования.

— Вы уже прибыли?

— Да, долго не могла найти вас, надеюсь, я не опоздала? — Алиса пыталась скрыть волнение.

— Минуту, уже спускаюсь.

Дверь открыла миловидная блондинка с короткой стрижкой, явно пытающаяся молодиться, но не сумевшая скрыть морщинки за инъекциями и причёской.

— Прошу прощения, это необходимые меры безопасности, — лукавила она. — Сами понимаете, где работаем. Сейчас я проведу вас в отдел кадров.

«К Правителю», — Алиса мысленно поправила блондинку и поспешила проследовать за ней по витиеватой лестнице. Наверху их поджидала ещё одна закрытая на ключ дверь. Блондинка не подала виду, открыла и пропустила Алису, которая, словно извиняясь за свою неуместность, прошмыгнула вперед.

Пройдя по белоснежному, как и в институте, коридору, они оказались в пахнувшей кофе приёмной, очерченной серыми линиями и обставленной строго по вкусам блондинки.

Пожилая женщина за монитором строго посмотрела на Алису и спросила, не убежит ли она, на что Алиса помотала головой, а после о том, не злоупотребляет ли Алиса алкоголем, на что Алиса снова помотала головой.

— Идите к начхозу, вам выдадут форму и инвентарь. С сегодняшнего дня приступаете.

После изучения рабочего места и инструмента, снятия копий с документов, написания заявления о приёме на работу Алиса набрала подругу:

— Лёля, ты надумала? Меня взяли на работу.

— Поздравляю! Да, я уже сняла нам комнату, это хорошо, что не успела в предыдущей отдать за месяц.

— Боже, мы будем жить вместе?!

— Правда здорово?

Алиса чуть не запрыгала от радости, но вовремя опомнилась, взялась за швабру. Когда она мыла коридор, она цеплялась взглядом за рельефные цифры на дверях жилых комнат. Ритмично работая руками, она замедлилась, увидев цифру десять, медленно повернула голову и увидела одиннадцатую палату.

— Подождите буквально секунду, я предупрежу Фёдора Анатольевича, уточню, готов ли он начать.

С этими словами в палату вошла блондинка

Алиса поджала губы, помня, что нужно не выдать себя. Она затаила дыхание, сейчас ей предстоит увидеть ужаснейшее на земле существо, того, кто собирается уничтожить людей, кому нельзя верить, кого стоит бояться.

Когда она сделала пару шагов, она застыла в удивлении, её движение сковал внутренний импульс, голос, звавший её буквально только что, затих, растворился в тишине, она не увидела чудовища или трон, на котором оно могло бы восседать, с двухголовыми собаками у ног, шипящими, словно змеи. Она заглянула в приоткрытую дверь, никакой отделки человеческой кожей или черепов на стеллажах Алиса не увидела, она только выдохнула и посмотрела на того, кого, по словам Жени, нужно бояться больше всего. Он в синеватом строгом костюме возвышался над столом. Собранные думающие складки на огромном лбу подсказывали, что даже сейчас, когда он просто смотрел на появившуюся из ниоткуда девушку, он о чём-то рассуждал, а возможно, продумывал ещё один хитроумный план или передавал мысли ещё одной команде сумасшедших, которые должны были подстроить всё так, чтобы выглядело естественно и безвинно со стороны. Его голова казалась настолько большой, что сложно было понять, как такая нетолстая шея может её удерживать. Налитая, как перевернутая капля, она блестела лысиной. Алисе вдруг захотелось убежать, спрятаться снова, но уходить некуда, все двери закрыты. Алиса перевела взгляд на его носогубные складки, которые, словно два берега, оберегали несущуюся реку слов, возможно, это именно он призывал её, именно изо рта Правителя вытекали зовы, которые она слышала ещё на улице. Глубоко посаженные глаза под мудрыми бровями, всё понимающими и хмурыщимися на каждую мелочь, не шевелились, они словно сканировали новенькую, ей, словно на показе мод, пришлось оголить себя, казалось, он видит её насквозь. Она отвела взгляд.

— Я всегда детям говорю, труд и работа облагородят вас. Что привело к нам столь юное создание?

Правитель не стал слушать блондинку и направился прямо к выходу, к Алисе. Он заговорил первым. Голос оказался намного слащавее, чем могло показаться по его внешнему виду. Блондинка кивала в такт его словам.

— Я устроилась к вам на работу уборщицей. Нужны деньги, вот и пришла к вам.

Алиса лепетала, она совсем не чувствовала ног, словно те разбухли, стали ватными, она пыталась сподвигнуть себя подойти к нему, но не могла пошевелиться, не сдвинулась и на сантиметр. Если ног она не чувствовала, то руки, наоборот, стали тяжёлыми, клонились к полу, тянули её, и на какой-то миг она поймала себя на мысли, что коридор кружится как волчок.

— Что же вы стоите? Господин директор, — блондинка обратилась к Правителю, — вам уже пора. Фёдор Анатольевич, они не любят ждать.

— Да-да-да, — согласился он, но не отвёл глаз от Алисы.

Алиса поправила волосы, Правитель надменно смотрел сквозь неё. Алиса судорожно соображала, как она может посмотреть документы, если она

находится в таком состоянии, тем более что никаких документов на столе в палате не оказалось. Почему его называют директором? Неужели он директор сумасшедшего дома?

Блондинка кружила над столом, расхаживая на длинных ногах, отбивая при этом каблуками знакомую Алисе мелодию. Девушка прислушалась, в воздухе раздавалось тиканье часов, это были его часы, он взглянул на циферблат. Один, два, три. Секундная стрелка отбивала успокаивающий ритм, всё будет хорошо, стрелка не остановится.

Алиса подняла глаза на Правителя, всё так же безэмоционально и в то же время нахально он рассматривал её.

— Всегда спрашиваю у детей, то есть у наших работников, — сделал он жест рукой, показывая, что спутал одних со вторыми. — Где работали?

Просто стандартный набор вопросов и ответов, не так уж и сложно.

— Нигде, — потрясла девушка головой. — Только училась, потом год отдыхала.

— Если не будете годами отдыхать, то работайте, пожалуйста, у нас. Если не секрет, — складки на огромном лбе собрались гармошкой, — почему наше заведение? Не боитесь? Сотрудникам я сразу говорю, что это не самое лакомое место.

— Ну, как почему, просто вакансия свободная. Бояться людей — из дома не выходить.

— Ценю юмор. Тамара вам покажет всё.

Он почти улыбнулся, когда махнул в сторону блондинки, и снова натянул на себя маску безразличия. Алиса готова была закричать, она не понимала, кто перед ней: сумасшедший или директор.

Она подумала, что не такой он уж и страшный, как описывал его Женя. Алиса покачивалась, думая, что только что видела того, кто уже разрушил множество жизней и ещё столько же разрушит, если она не вмешается и не остановит его.

— Предыдущий работник уволился, — крикнул он вслед, когда уходил за блондинкой.

Никаких документов Алиса не видела за весь рабочий день. Когда она закончила и прошла мимо будки охранника, она оглянулась на интернат, а дуновение ветра снова донесло до неё шёпот. Она помчала прочь.

Алисе казалось, что она никогда ещё не чувствовала себя такой свободной, когда она всматривалась в постсоветскую обстановку комнаты, с витиеватым рисунком ковер, зелёный с плотными подушками диван, гробовой шкаф, круглый торшер, так и не испробованный ими с Лёлей на предмет пригодности, посапывающий силуэт Лели и задыхалась от наливающей её эйфории. Маленькая комната казалась ей такой удобной, она могла, если бы захотела, подбежать к занавешенному сочно-зелёному тюлю, отбросить его в сторону и окинуть взглядом просторный двор, в котором с утренними и вечерними рейдами питомцы выгуливали хозяев. С Лёлей общались редко, она сразу устроилась в какую-то пивную, в краткосрочных их разговорах посмеивалась над переживаниями за приём витаминов, а днём Алиса пропадала на просторах резиденции Правителя, которого больше не видела со дня собеседования.

Ей доверили убирать и покои больных, их называли странно — получатели услуг, и административную часть зданий. Ежедневный обход, те же самые манипуляции, швабра, ведро, перчатки, средство. Алиса терпеливо вдыхала тот же воздух, им за парой стен дышало самое ужасное существо, а в перерывах она звонила маме, которая стала разговаривать снисходительно, вяло интересуясь, чем питается дочь. С пропитанием выходило неважно, денег на еду практически не было, но маме она отчитывалась о сваренной курице и грече, фрикадельках с кетчупом и овощах, настолько же вымышленных, насколько реальными были колики в животе, которые то и дело нападали на неё от несъеденного супа.

В памяти Алисы всплывал разговор, когда мама медно звенящим голосом чеканила невыносимые слова про то, что Алиса слишком молода, не имеет работы и вообще не сможет жить одна.

— Ты ошибаешься! Я самостоятельная!

Выкрикнула Алиса, откинув липкие пряди с лица. Она часто дышала, пыталась усмирить себя, удержать те слова, которые рвались наружу, словно закипающий суп.

— Алиса, девочка моя...

Вдруг лицо мамы посерело, обесцветилось, словно годы разом прибавились на временной шкале. Из ледяной надзирательницы она вдруг превратилась в шуршащую пеной воду, распалась на нескольких людей, словно и не было этой строгой и чопорной женщины. В одно мгновение она разглядела в мамином лице налёт усталости, нанесённый отчётами слой возрастной пыли, глубокие впадинки в её коже, расходившиеся складками вокруг губ, глаз, нерукотворную паутину времени, которая бесповоротно затягивала мамино лицо.

— Ты ещё многого не понимаешь, не знаешь, как устроен этот мир, как устроена ты сама. Побудь со мной, пожалуйста, пока это возможно. Ты — всё, что у меня есть. Когда ты поймёшь, будет поздно...

— Поздно будет, если я не уеду.

Отчеканила Алиса также холодно, как мать бросала ей упрёки совсем недавно тут же, за кухонным столом, накрытым на троих. Она почувствовала то же, что ощущала её мать, словно разменяла поданную ею монету, ответила грубостью на грубость. На лице матери застыло удивление, словно Алиса увидела в отражении себя, только настолько постаревшую, а мама действительно оказалась такой старой, что Алиса шурилась, чтобы разглядеть в этой женщине ту, которая читала на ночь сказки. Губы Алисы враждебно дрожали до тех пор, пока по щеке матери не скатилась крупная одинокая слеза.

— Ты не можешь полагаться на Лёлю, милая. Ты должна полагаться только на себя. Пойми же, взрослый человек может полагаться только на себя. Кому ты будешь нужна, если не себе? Когда на себя надежды нет, то душа твоя, считай, на небе.

Мама коснулась щеки дочери, перед глазами Алисы пыльная комната поплыла, словно она находилась не в реальности, а во сне, оставалось потерять пол под ногами и рухнуть в мерцающую темнотой бездну, ощутить, как стены неминуемо проносятся мимо, а ты не можешь нащупать опору и продолжаешь лететь, теряя самое ценное, что у тебя есть, — сознание.

— Если ты уезжаешь из-за Жени, то ты не можешь меня обвинять, — она всматривалась в лицо дочери.

— Не могу, — Алиса покорно вторила.

— Я сделала это, потому что заботилась о тебе, он был болен, мне нужно было получить квартиру в наследство, а жить с ним было бы невозможно. Да, я отсудила у него квартиру, да, может, я плохая сестра, но хорошая мать.

— Какая же ты мерзкая! — Алиса не сдержалась, она кивала головой, но не могла согласиться.

— Ты поступила бы так же.

— Он мог бы жить с нами, — на любое слово мамы находился противовес. — Он кричал, кидался с кулаками, а если бы он что-то сделал с тобой? Я бы себе этого не простила.

— Но он же твой брат!

— А ты мне дочь...

Алиса всматривалась в утопающий в зелени двор, который неожиданно за пару дней расцвёл, распутив ветви игольчато-въедливого цвета. Взять и отдать родного брата в интернат, да ещё и отобрать квартиру, как это похоже на маму: её интересует только материальное благополучие. Алису так и не оставило чувство презрения. Она вспоминала, как мама несвойственно крепко прижала её к себе и наполнила комнату гудящим молчанием, скупясь сказать

что-то ещё, словно слова были лишними, ими можно было передать сдачу, а Алиса вдыхала запах гнетущих маминых духов и жмурилась от привкуса своей маленькой победы.

Уже на протяжении недели дни Алисы протекали между оттиранием пыли в обители Правителя и видами из окон общежития. На комиссии врач недоверчиво пролистывал её карту, вопросительно смотрел на неё, словно безмолвно уточнял, что всё так, как он прочитал, но всё же поставил штампик в книжку. В санатории, так она называла свою работу в разговорах с другими людьми, потому что было бы странно сказать, что работает она в психушке, пусть она и действительно там работает, это вызвало бы недоверчивый взгляд, неловкое молчание. Если у дяди в интернате все постояльцы готовы были общаться, разговаривать, свободно гуляли по территории, то здесь они ходили со смурными лицами, угрюмо поглядывали в Алисину сторону и ничего не говорили, словно безликие тени людей, одни безмолвные телесные оболочки бродили и заглядывали в окна белокаменных зданий, в которых Алиса начищала полы и стены, только бы её не упрекнули в бездельничестве и не выгнали бы за ворота. Если она встречалась с кем-то из подопечных, они учтиво здоровались, но не говорили ей ни слова больше привычного «здрасьте» или «привет». Поначалу Алисе казалось постыдным, что она со своим бухгалтерским образованием машет по сторонам тряпкой, но потом она поняла, что так она стала совершенно невидимой для проходящих мимо неё сотрудников, да и для самих больных. Она стала каким-то фоном, шумящим деревом, которое склоняет ветви к ногам работников и постояльцев, не более. Всё, как и говорил Женя. Единственное, что терзало её, это безуспешные попытки разыскать в кабинетах красную папку. Ни красной, ни синей, никакой папки с полезной для них информацией она не находила. Она всяческими ухищрениями попадала в кабинеты, стаскивала ключи на посту, проникала в рабочие чайные, сестринские, даже палаты пересмотрела, но нигде ничего не нашла.

В очередной день Алиса пришла на работу, притворила за собой калитку и, как обычно озираясь, дабы убедиться, что за ней никто не наблюдает, проследовала к административному корпусу, в котором под лестницей хранилось рабочее снаряжение. Уже протянула руку к медью блестящей ручке, как подпрыгнула от раздавшегося звука, который разразил чуткую тишину, охватившую здание. Она вытащила телефон из кармана раньше, чем отпустила испуг, пробивший её тело нервной трелью дрожи.

— Да, — ответила она, невинно отворяя дверь коморки.

В смартфоне раздался голос Жени, он поведал, что сегодня намечается страшное, их делегация едет к Алисе, чтобы пообщаться, но на самом деле чтобы совершить нечто ужасное.

— Ты ничего не должна делать, просто затаись и наблюдай. В зале номер пять в пятнадцать ноль-ноль, там есть тренерская комната, спрячься в ней, и ты увидишь всё в первом ряду.

— А как же...

Её вопрос прервали гудки, напористой мелодией они наполнили пустоту коридора, эхом раздалась в подлестничном пространстве. «Всё в первом ряду», — фраза повторялась снова и снова, крутилась в голове, словно на старом проигрывателе, который стоял на даче, мама иногда включала его, выпуская на волю тягуче-скрипучую мелодию. Непонятный сбор по непонятным причинам. Что может быть лучше? Алиса с трудом дождалась времени, перекусив бутербродами из магнитовских батонов и «Дружбы», забыв о том, что обещала набрать маму. Она написала Лёле, что может задержаться, та ничего не ответила, наверное, спала после смены. Алиса старалась машинально выполнять всё то, что и в предыдущие дни, вспоминая, как пыталась попасть в кабинет директора, задержаться там подольше во время уборки, но назойливая блондинка всё время дежурила у двери, оценивающе поглядывая на пляшущие руки Алисы, которые ни на секунду не оставались без движе-

ния. В его кабинете не нашлось ничего, что привлекло бы внимание, больше странным казалось, что на столе нет никаких документов, все они разложены по папкам, рядами расставлены по полкам. Самого директора она тоже не видела, что заставляло размышлять, где он может находиться, если не на рабочем месте, вероятно, в других кабинетах, но почему именно в момент уборки? Алису мучили эти вопросы и невозможность найти что-то, что могло бы подтвердить слова Жени. Стало казаться, что она зря взялась за швабру, обидела маму и вытащила Лёлю с работы в другой город. Вся её собранная, как мозаика, жизнь стала распадаться на глазах, потому что центральная деталь куда-то задевалась, забилась под диван, и её никак не достать без чужой помощи.

Убедившись в том, что все дела закончены, она сложила рабочие принадлежности в каморку и отправилась в досуговый корпус, где и находился физкультурный зал. Она зашла с чёрного входа, чтобы не вызывать подозрений, её шаги раздавались глухими отзвуками где-то сверху по диагонали, можно было подумать, что кто-то шагает по потолку, она дошла до тренерской, дверь оказалась открытой. Алиса, пригибаясь к полу, вытягивая шею вперед, перебежала до раздевалок, никого в них не обнаружив, вернулась к тренерской и скрылась в ней. Оконце над дверью освещало сумрак узкой сжатой комнатки. Алиса окинула взглядом окрашенные в едкий зелёный цвет деревянные стеллажи, набитые вдоль стены, съедающие половину комнаты. На них оказались скиданы баскетбольные и волейбольные мячи, толстые серые канаты, знакомое Алисе снаряжение, туристические пенки, словно погрызенные кем-то, пластиковые тарелки, разноцветные мотки скакалок. Алиса придвинула стул к двери так, чтобы можно забраться на него с ногами и подсматривать за происходящим в зале в окно, она с силой толкнула себя вверх, поднимая оказавшееся тяжёлым тело, в голове промелькнула мысль, что Алиса давно не тренировалась. Ей пришлось встать на носочки, чтобы проглядывать зал, опереться на стену и убедиться, всё ли будет видно. Часы на руке, которые недавно подарила ей мама со словами «они тебя успокоят», неумоимо стрекотали, минутная стрелка подползла к шести. Алиса стала судорожно выдвигать ящики стола в поисках того, что подложить на стул, чтобы забраться выше. С мяча она навернётся в первые же пять минут. Коврики будут скрипеть, да и толку от них мало. Она наткнулась на несколько книг — орфографический словарь, блеклый и словно пожеванный, сборник Есенина и толстенную книгу Шекспира, Алиса сгребла их и переложила на стул, нервно поглядывая на часы, и со словами «да простит меня Шекспир» вскочила прямо на книги. Трёх книги еле хватило, но теперь, стоя на носочках, она получила обзор куда лучше, нежели без книг, они плавно покачивали её, пружиня, словно Алиса оказалась в лодке и ветер играл с ней, ненавязчиво неся вперед, почти нежно, всё дальше от берега. Она спустилась и посмотрела в дверную щель, дабы убедиться, что и здесь получит обзор зала, но щель оказалась довольно узкой.

Пока она раздумывала, как смотреть, раздался шум из раздевалок. Всё. Пришли. Алиса металась между щелью и оконцем, вдруг вспомнила, что не закрыла дверь, и стала шуршать в кармане связкой ключей, она отчаянно пыталась вспомнить, какой ключ её, сердце застучало так быстро, что показалось, оно в секунду разорвётся. Она попыталась вставить ключ, ещё один, снова не тот. Наконец вспомнила, что физкультурный зал — это зелёный. Как только она щелчком повернула ключ, в зал ввалилась толпа, разъярённая, неудержимая. Они не походили на тех, кого она видела в обители Правителя, смурных и необщительных, а потому, она сделала заключение, злых, они не были похожи на весёлых и доброжелательных из интерната Жени, они совсем ни на кого не походили. Алиса наивно полагала, что всё, что они будут делать сейчас, это играть в баскетбол, но враждебные возгласы и рвущие воздух выкрики заставили её отпрянуть от двери. Неожиданно на неё напал страх, ведь здесь не было никого, кто мог бы её защитить.

В каморке раздавалось лишь её тяжёлое дыхание, дрожащими пальцами она убрала прядку со лба, вцепилась в деревянную спинку стула, отдающую тепло когда-то живого более, чем сейчас, дерева, забралась на книги, прижалась к углу, чтобы её не увидели. Масса людей в закольцованном круге баскетбольного поля кривлялась, дёргалась, что-то доказывала громко, не стесняясь никого. Сколько их? Человек тридцать? Алиса всматривалась в толпу, Лёня, Амбал, Череп здесь, Жени не видно. Они как ненормальные, а ведь они и есть ненормальные, хаотично прыгали по залу, кривлялись пуще прежнего.

Мужчина, которого она раньше не видела, с длинными, как у Пуаро, усами подходил ко всем поочередно, не давая скапливаться вокруг себя сумасшедшим, отгонял их, как гусей, и что-то записывал в блокнот невидимой ручкой, когда он не писал, он трепетно прижимал блокнот к нездорово вздувшемуся животу. В обходе по кругу он оказался в непосредственной близости от кладовой, она расслышала, что он предлагает записаться в детский лагерь.

— Куда поедете? В Анапу или Геленджик?

Мужчина задавал вопрос и выжидающе смотрел на оппонента.

— Так-так-так, так и запишем — А-на-па, — выводил он старательно. — Я записываю, не спешите так.

Затем он шёл к следующему и приступал к пытке по новой, независимо от того, ехал куда-то респондент или нет.

И тут появился он. Алиса запечатала рот ладонями, сдерживая неминуемо вырывающийся из неё возглас, чтобы тот застрял и не перерос в истошный, ничем не удержимый крик, ведь то, что она увидела, тот, кого она увидела, сковали её мышцы, отняли голос, поэтому она только захрипела и в ужасе выдыхала воздух через сомкнувшиеся пальцы.

Не может быть, этого не может быть. Он поочередно выставлял ноги вперед, высоко задирая носок, тем временем его глаза горели пламенем, как у киношного вампира, он не походил на себя, больше на животное, старое и, казалось бы, еле живое, уже готовящееся к убою, но вдруг обретшее новый смысл жизни в помешательстве как в чем-то сверхжизненном, в чём-то, что существовало не в реалиях нашего мира, скорее вне их, но и вне смерти, это то самое пограничное состояние между двумя мирами, оказавшись в нём, ты ощущаешь себя на таких вершинах, на которых простому человеку не оказаться. Его глаза горели, руки взрывались вверх в такт шагам, казалось, его тело сейчас разорвётся на части от энергии, которая исходила от него, его широко открытый рот извергал водопад хохота, лившийся бурлящей водой. Его неестественно широкий череп то и дело подпрыгивал от этого зловонного смеха и казался ещё более страшным по сравнению с тем, когда Алиса видела Правителя при устройстве на работу. Он оказался совсем не таким, он действительно был главным лицом у этих людей, только притворялся нормальным и работал для прикрытия, а на самом деле возглавлял эту орущую, шумящую толпу, которая только и делала, что вопила чайками, топала ногами. Словно дикие звери, они заполонили весь зал и перемещались без стеснения, дёргались и голосили. Правитель заправил штанины в носки и с умным видом и вытаращенными глазами уселся на откуда-то взявшееся посреди зала кресло с кровавой обивкой.

— Внимание! Я всегда детям говорю, — нужно быть внимательнее.

Ещё до того, как он поднял палец вверх, весь зал замер в том положении, в котором находился. Все присутствующие чокнутые в париках, с размалёванными лицами, словно сбежавшие из-за кулис театра или с карнавала. Его голос разразился эхом, словно прогремел над головами, стекло, через которое Алиса рассматривала странные объёмные наряды разукрашенных кукол, дрогнуло, разошлось дребезжанием, на мгновение Алиса подумала, что кто-то посмотрит наверх, заметит её, и тогда всё пропало, но этого не произошло. Никто в зале не двигался, кроме мужчины с блокнотом, который всё записывал и записывал, все взгляды устремились на Правителя. Тот победно осматривал

подданных, покачивая большой головой, которая казалась слишком объемной для стройной шеи. Он по-звериному улыбнулся и произнёс:

— Всё готово, друзья! Можно начинать.

Алиса всматривалась в его лицо, спокойно сложенные накрест на животе, словно обнимая талию, руки, она заметила Женю, он не подавал виду, не смотрел на оконце, это и понятно, ведь так бы он привлёк к ней внимание. Его лёгкая небритость, стеклянные глаза никак не соответствовали той ярости, с которой он звонил с утра.

Пока Алиса разглядывала застывшие, сосредоточенные на чём-то лица, Правитель, умиляясь своему превосходству, руками ритмично рисовал круги в воздухе, словно водил невидимыми кистями, наносил краску на безликий холст. Вокруг него застыли искажённые эмоциями лица, на одних была запечатлена ярость, ненависть, на других удивление с примесью ужаса, словно с ними произошло нечто такое, что никак не укладывалось в их головах, на лицах третьих отблесками ложилось безразличие, как на Черепе, который снова запихал свёрнутую трубочкой бумажку в нос. Алиса посмотрела на его ноги, он приехал в дачных пластиковых шлёпанцах. Её не покидала мысль, что её друзья слишком хорошо маскируются, слишком походят на сумасшедших. Интересно, могли бы они жить в обычных квартирах и ходить на обычных людей, ведь если они так много знают и понимают, то почему бы им не притворяться в обществе, в этом нет ничего сложного. Как странно, ведь если бы они были просто людьми, то такое странное поведение можно списать на их слабости, всё это можно назвать обычными человеческими проблемами. Мозг просто не справляется с тем потоком информации, с которым ему приходится сталкиваться, и тогда бум, он ломается и перестаёт работать так, как должен, но Женя говорит совсем иное, он говорит, что это у людей мозг сломан, что это люди ничего не понимают и живут не так, как могли бы жить. Это люди сломанные, а сумасшедшие вполне разумны и умны, потому что живут они так, как действительно хотят.

Пока Алиса размышляла, что-то произошло, вся разномастная толпа, низкорослые и высокие, лысые и с растрёпанными клочьями волос, смуглые и с отбелённой кожей, длиннолицые и круглоголовые, все в маскарадно-ярких цветах, стали вторить Правителю, округлять глаза, водить руками в воздухе, пригибаясь и извиваясь так, словно на них наваливается нечто тяжёлое, что-то, с чем они борются, а мужчина с блокнотом всё писал и писал, повторяя «Гелденджик — Анапа, записываю, записываю». Толпа закружилась в диком бесцельном танце, замахала руками, стала цепляться за воздух, затрясла головами. Длинноволосый, с вытянутым лицом и глуповатый Амбал, и с добрыми глазами Лёня, и даже Женя — все задёргались в странных движениях.

— Я всегда детям показываю, как нужно делать своё дело. Мы поднимаем воды, разливаем реку, да поможем подземным водам выйти наружу, освободиться от гнёта землян, из своих русел, из оков, которыми сдавили их дорогу люди. Посмотрите, какие города нагромодили на землю жалкие людишки, — его голос раздавался эхом по залу, прокатывался по физкультурным снарядам. — Раскачаем же воды рек и все воды подле них, покажем людям нашу силу, власть, отстоим богатство нашей планеты! Да пребудет с нами наводнение, да унесёт оно жизни никчёмных!

На последних словах он сделал рывок вверх, почти подпрыгнул, подавшись телом с расставленными в стороны руками, словно обнимавшими нечто огромное, олицетворявшее ту мощь воды, которую они вытаскивали из земли.

— Геленджик — Анапа, — таяло в воздухе.

Алиса опустила на корточки, обхватила голову рукой, впиалась пальцами в волосы, её губы затряслись от невозможности что-то сделать, необходимости сидеть взаперти, ведь выйди она сейчас и признайся, что подглядывает, наблюдает, выясняет истинные мотивы, её просто уничтожат, растерзают, растащат на клочки. Сейчас произошло нечто страшно, нечто более сильное, чем

люди, нечто такое, что она не в силах предотвратить, её накрыло незримой мантией апатии, даже если она и может что-то сделать, разве это принесёт прок? Их слишком много, чтобы с ними бороться, они слишком сильны, чтобы Алиса могла сделать что-то, ей не остановить их. Её окутало тонкое покрывало страха, заставившее затаиться и сидеть тихо, пока гудение в зале, длившееся так долго, что Алиса потеряла счёт времени, не смолкло, а беспокойные ноги не прошаркали в сторону раздевалок.

— Алиса...

Вдруг услышала она шёпот. Тот же шёпот, что слышала на подходе к зданиям, только более явный, отчётливый. Она перенесла вес тела на правую ногу, чтобы как можно ближе прижаться к двери и разглядеть в дверной щели хоть что-нибудь, но ничего не было видно, только полоска света, казалось, что все покинули зал, в нём воцарилась желанная тишина. Она аккуратно, как только это возможно, поднялась на затёкших ногах в полный рост, похрустывая книгами, на которых стояла, не понимая как, поднялась на носки и, собрав на лбу кожу в тревожные складки, осмелилась посмотреть в оконце. В зале никого не оказалось. Тот, кто шептал, явно скрылся. Или шёпот ей мерещится? Она устало выдохнула и помотала головой: больше она здесь не останется ни на день, того, что она видела, достаточно, чтобы осознать свою беспомощность. Она бесшумно повернула ключ и так же бесшумно, невесомыми прыжками бросилась к выходу, чтобы вырваться из кольца сумасшествия, окружившего её со всех сторон.

Холодный воздух схватил её разгорячённое переживаниями тело, принял в объятия и донёс до самой калитки. Она неслась так, что можно было подумать, что она что-то украла, схватила желанную вещь и неслась, чтобы никто не смог остановить, чтобы скрыться с места преступления, спрятаться от преследователя. Она не вспомнила про связку ключей, отяжеляющую её карман, про куртку, которую оставила в каморке, она бежала что есть мочи, потеряв под ногами землю, бежала, а вокруг многоголосьем раздавался шёпот, пророчащий её имя. На ходу она оглядывалась по сторонам, чтобы найти преследователя, понять, кто шепчет так навязчиво и дико, но никого не находила. Даже охранники, которые приглядывали за тем, чтобы посторонние не совали нос на территорию, не вышли поглазеть на несущуюся мимо них Алису. Она порхнула в калитку, не помня себя, подумав только, что вернётся сюда за расчётом.

Вырвавшись за пределы территории, она всё ещё слышала шёпот, который доносился отовсюду. Чем дальше она бежала по коридору улицы мимо хмурых пятиэтажек, задыхаясь и лоя губами ускользающий от неё воздух, тем громче и навязчивее этот шёпот становился. Наконец она почувствовала, что силы покидают её, сбавила темп и так и остановилась под оглушающий её голос, пронизывающий всё существо невыносимо настолько, что она сдавила уши руками, оперялась локтями о колени, сжалась в комок посреди проезжей части.

Вдруг всё смолкло.

— Алиса.

Услышала она явно реальный мужской голос. Подумав, что он тоже чудится, она открыла глаза, подняла голову на говорящего, тут же выпрямилась и отпрянула от парня, перед ней выросла высокая светловолосая фигура с застывшей кривой усмешкой на лице.

— Все вы, конечно, любите неожиданные встречи... Извини, Алиса, я не хотел тебя напугать...

В голове замесили мысли, что Правитель узнал, что она подсматривала за ритуалом, отправил кого-то разделаться с ней, или это парень Лёли, про которого подруга рассказывала, но так и не познакомила с ним Алису. Алиса пыталась отдышаться, выставив руку вперед, создавая преграду между ней и парнем, но голубоглазый только ухмылялся и не думал отступать. Вдруг он протянул вперед сжатый кулак, метнул взгляд из-под бровей на Алису и на руку, заговорщицки подмигнул и разжал ладонь. Алиса раскрыла от удивления рот и в ужасе отшатнулась.

— Кто ты, чёрт возьми, такой? — только и смогла произнести она.

— Приятно познакомиться, исключительно рад представиться, — повел плечом незнакомец так, что ярко-красная куртка задралась в области талии. — Якоб к вашим услугам.

Глава 5. Свободный агент

В немом предлетнем небе гудела сиреневая пыль, пока Алисины мысли скакали в чехарде, возникали и угасали, проносились мимо, она, не шевелясь и моргая, дрожала перед мужской фигурой, это могло привести её к гибели, а могло, напротив, спасти, уберечь от страшной участи, она словно крутила барабан, угадывая, выпадет ли ей пуля, она прокручивала сценарий рывками: побежать ей или заговорить с ним, успокоиться обоим, ввести его в заблуждение, а потом уже броситься со всех ног. Всего несколько коротких мгновений ей давались, чтобы бегло представить, что произойдёт на пустынной улице. Пока веер её ресниц судорожно двигался так, что силуэт собеседника рябил картинкой старого фильма, а губы дрожали в предвкушении срывающихся с языка слов, Алиса пересматривала действия, которые может предпринять. Если она заговорит с ним, попытается выяснить, где и зачем он это взял, он может оказаться неуравновешенным, дикий блеск в его глазах был расцнен ею в секунду, наблюдая за психически нездоровыми людьми, ей не составило труда понять, что он относится к их числу, несмотря на внешнею стабильность, он может счесть её угрозой, и тогда не увидит её сегодня Лёлю. Высокий и плечистый, с торсом, пусть и худым отчасти, но за счёт молодости и тех движений, которые она отметила, жилистым, гибким и, скорее всего, ловким, он с лёгкостью отбросит её полутораметровое тельце в сторону и будет наносить удары руками и ногами до обездвиживания, или, если у него возникнет такое желание, переломит Алису, как сухую ветку, так, что её позвоночник треснет, раздастся хрустом в майском воздухе пригорода, а она получит право лишь на предсмертный выдох. Если она закричит, тем самым вызовет внимание хотя бы жильцов пятиэтажки, возле которой они находились, то едва ли её это спасёт, не каждый полнится смелостью, достаточной для помощи девушке, особенно если ты увидел нападение в окно, пока вдыхаешь аромат разогретого в микроволновой печи перекуса, или ты старушка, которой не по силам пролететь несколько лестничных площадок, обогнуть дом, ведь подъезды находятся по ту сторону, и спугнуть хулигана. Броситься бежать — не лучший вариант, его физическая форма — гарантия победы, он не позволит себя переиграть, мигом достигнет Алису, и действия пойдут в той же последовательности. Его кривая ухмылка говорила только одно, что он не даст ей уйти, решать нужно как можно быстрее. И тут её ноги налились знакомым сиропом, секунда, и она не могла уже двинуться, у неё не осталось выбора, поскольку она утратила всякую способность к действиям. Она начала осознавать, что смотрит на едкое красное пятно его куртки, которое уже видела, то самое пятно, мелькавшее в столичном кафе, торговом центре. Перед ней стоял человек, которого она видела в день посещения исследовательского института, в тот самый день, когда её мир изменился, перестал существовать прежним и наивным мирком, в который она верила всем сердцем, и открылся другой, наполненный тайнами и страшными существами.

— Чего ты хочешь?

Уши заполнил гул, словно она произносила слова в вакуумной упаковке.

Его ответ доносился до Алисы обрывками, слова нависли, как покрывало, под которым они с папой рассказывали друг другу страшные истории, смазанные, как масло на хлебе, придавленное ребристым ножом, смешная детская игра с куполом над головой сейчас казалась ей непомерно тяжёлой ношей, она не поняла, что он ответил, только оперлась на его выставленную вперед руку и потеряла контроль над телом, поддавшись импульсу, прорывавшемуся изнутри.

— Алиса! Что с тобой такое? Вот же упала на мою голову...

Алиса приходила в себя, смутно ловя очертания плывущих мимо домов, проезжающего, лязгающего на повороте троллейбуса, как только она ощутила, что парень тащит её, подхватив за подмышки, то тут же дёрнулась в попытках выпутаться из крепких объятий, вскочить на ноги, только что волокущиеся по пригретому солнцем асфальту, но он сжал её крепче и прошептал, поглядывая на засматривающихся прохожих:

— Все вы, конечно, любите обмороки. Да ладно тебе брыкаться, вот цаца, и с кем только не приходится работать...

— Куда ты меня тащишь, как там тебя?

Прошипела она в ответ с откуда-то взявшейся смелостью, не без труда переставляя ещё ослабшие ноги. Мерзость касаний, которую она испытывала, уступила слабости.

— Меня зовут Якоб. Я не горю желанием с тобой нянчиться, но вижу, что без меня тебе не справиться, — кивнул он кудрявой женщине в шифоновом платье, а сам прошипел: — Не кривляйся, люди смотрят.

Алиса покосилась на него в недоумении, он был так спокоен, словно не пытался её украсть посреди города, судя по голосу, у него не было желания причинить ей боль или сделать плохо.

— Так, — вырвалась она из его рук, метнув взгляд на надвигающуюся на них вывалившуюся из автобуса, как мякоть налитого соком арбуза, толпу. — Во-первых, я могу передвигаться сама. Во-вторых, коснёшься меня ещё раз, я крикну. В-третьих, объясни, откуда у тебя очки и чего ты от меня хочешь?

— Все твои требования, — дернул он плечом и закрыл глаза, словно его укусила муха, — вполне логичны. И твоя многословность только подтверждает, что нам нужно поговорить, — приложил он палец к виску. — Давай пойдём туда, где менеелюдно?

— Чтобы ты попытался меня прикончить? Вот уж не мечтай!

— Очки. Ты мне всё ещё не доверяешь?

— Ладно, — подняла она руки. — Валяй, рассказывай всё, как есть.

— Идём к тебе в общежитие.

Ей недоставало сил, чтобы спорить с новым знакомым, таким устрашающим сначала и, на подсознательном уровне она чувствовала это, неопасным, ей на секунду показалось, что она знает его очень давно, но Алиса тут же отмахнулась от этого ощущения, Якоб казался настолько простым, настолько своим парнем, что сейчас бы она сочла себя чокнутой, если бы сказала, что он хочет сделать ей что-то плохое. Как же глупо вести незнакомца к себе домой, неразумно, беспечно и верно, если учитывать то, что он показал.

— Якоб, у меня дома подруга, мы живём вместе.

— Она в курсе?

— Да, — задумалась было Алиса. — В курсе всего.

— Тогда не вижу проблем.

Алиса не знала, что сказать, молчать до самого общежития она не смогла бы, но и заговорить первой не осмеливалась. Ей хотелось задать столько вопросов, она пыталась определить их очередность и оправданность, так рьяно осуждала себя за доверчивость и за то, что сделала поспешные выводы. Что бы сказала мама, узнав, что Алиса ведёт домой чужого человека, психа, который практически напал на её дочь? Что бы она ни сказала, различия нет. Алисе казалось, что она падает в яму, снова и снова проваливается, не ощущает веса своего тела. Вдруг она вспомнила, что куртка осталась на работе, в недоумении взглянула на возвышавшегося над ней спутника и, словно в попытках докричаться, дернула за рукав.

— Дак кто же ты, Якоб? Откуда взялся?

— Всего лишь свободный агент.

Подмигнул он. Неожиданно для Алисы он не стал увильвать от ответа, по его профилю сложно было понять, шутит ли он или говорит серьезно.

— Ты не понимаешь, что это значит, — Якоб взглянул на неё и закинул руку за голову, потёр и без того взлохмаченные волосы. — Раньше я жил в интернате, я не был таким уж психом, — он резко остановился, чуть не сбив Алису с ног, отдёргнул её руку назад, а затем, изобразив учтивость, поклонился. — Как и твой дядя.

— Значит, ты знаешь моего дядю.

Алиса всплеснула руками и тут же принялась рассматривать поредевших прохожих, которые с недовольными лицами отводили от неё взгляд, словно давали понять, что им не интересна подслушанная беседа.

— Да, представь себе, я знаю твоего дядю, как и дюжины сумасшедших, с которыми приходится работать. Но, как видишь, это не для меня — жить в послушании, — оправдывался он. — Я не смог. И поэтому меня отпустили, дали статус свободного агента, шпиону, собираю информацию, выполняю задания, как хочу и где хочу.

— Но ведь всё равно подчиняешься? — подытожила Алиса, на что жилка на лбу Якова вспенилась. — Скажи, а откуда ты знаешь, где я живу?

— Дурочка, твой дядя послал меня следить за тобой, попросил об одолжении, чтобы я приглядывал.

— Быть того не может.

Алиса помотала головой. Дальнейшую дорогу шли молча. Алиса пыталась понять, как Женья мог так поступить, приставив к ней человека и не сказав об этом ни слова. Подумать только, она даже не заметила, что за ней следят, правда, в Москве она видела его, но и только. Значит, она не сходила с ума, в её голову уже закрадывалась мысль о том, что кто-то за ней наблюдает. Если Женья рассказал Якобу о существовании Алисы, то, значит, Якоб в курсе всего, что они делают, что пытаются сделать для предотвращения катастрофы. Скорее всего, он с ними заодно, иначе и она, и Женья уже пропали бы.

Оказавшись у здания общежития, Алиса прошмыгнула вперёд Якова и тут же пожалела об этом, перед глазами предстали картины преступлений, совершённых в подъездах, он мог сделать с ней всё что угодно: толкнуть, она бы ударилась лицом, обязательно осталась бы метка, с её степенью неуклюжести она не приземлилась бы на выставленные вперед руки и разбила бы лицо; дёрнуть за ногу, тогда она точно распласталась бы на ступенях, возможно, выбила бы пару зубов; прижать к стене и незаметно достать из кармана нож, которым бы пощекотал её шею, а она ощутила бы колкий металл и, задыхаясь, пообещала бы сделать всё, что он прикажет. Она шла, скованная мыслями о возможных его злодеяниях, но он не сделал ничего из того, что она нафантазировала, только поторопил её, призывая быстрее открыть дверь. Она задумалась, почему ему неймётся, резкие нетерпеливые движения, тербление уха, жевание резинки, она обратила внимание, как его угловатые, выделяющиеся скулы прыгали, играя мышцами лица, натягивая и отпуская светлую, под стать волосам, кожу. Алиса поймала себя на мысли, что ей нравится украдкой рассматривать лицо нового знакомого, его черты напоминали какого-то актёра, но какого именно, она не понимала, пыталась вспомнить, но потом решила, что интереснее будет, если она не станет искать в Якове чьи-то черты, а разглядит в нём самого Якова, ведь каждый человек, больной он или здоровый, — один-единственный такой существующий на земле, и никто не захочет в здравом уме прожить чужую жизнь.

Прошмыгнув общий, с затёртыми стенами, коридор, в котором обычно Алиса старалась не задерживаться, она застыла у двери, ведущей в её комнату, схватившись за ручку, в ожидании, что спутник проследует за ней, обернулась на него и увидела, как Якоб, причмокивая жвачкой, у входа разглядывал стены общежития.

— Сказочная дырень! — с нескрываемой радостью потешался он, сделав шаг навстречу Алисе. — Я-то думал, мамочка тебя не выпустит из-под крыла.

Алиса сглотнула, вот бы рассказать маме про этого наглеца, и она бы непременно рассказала, как и про переполох на работе, ей даже на секунду пока-

залось, что она тянется к телефону, чтобы попросить маму забрать её из этого ужасного места, этого города, но вместо того, чтобы набрать знакомый номер и выслушать лекцию по поводу своевременного приёма витаминов, которые Алиса с переездом и взаправду перестала пить, вскинула голову, её невинный взгляд куда-то испарился, она ощутила прилив незнакомой для неё силы и сделала шаг навстречу Якобу, указав ему на дверь скромного жилища. Теперь слово за ней. Он бросил на неё дикий взгляд, тряхнул волосами и решительно проследовал к комнате, после чего оба скрылись за дверью.

Тишина воцарилась лишь на несколько мгновений, пока Лёля соображала, что происходит на её глазах. Она с удивлением рассматривала подругу и её спутника, хватая ртом воздух, словно окунь, только что вытасченный папой из воды.

— Ты погляди, я думала, это я первая приведу домой мужика!

Лёля всплеснула руками.

— Рад представиться, мадам, — отвесил поклон Якоб. — Якоб, к вашим услугам.

— Ого, какие манеры, — Лёля растянулась в широкой улыбке и тут же стала поправлять волосы. — Если бы ты мне сказала, что у нас будут гости, то я бы подготовилась, а то я только проснулась.

— Это Якоб, знакомый моего дяди, — Алиса недоверчиво глянула на спутника, словно сама не верила своим словам.

— Того, что в психуш-ш-шке?

— В психоневрологическом интернате, — без напряжения поправила она подругу, за последнее время она привыкла к тому, что люди путают слова, особенно если это Лёля. — Это я работаю в психушке. Кстати, не обольщайся, Якоб тоже из тех.

— Вот тебе нате, только встре-тиш-ш-шь красивого доброго парня, а он психом оказывается.

Алиса подмигнула подруге, в то же время приложила большой палец к виску и по-буратиновски поиграла пальцами, на что Лёля рассмеялась, а Якоб только театрально поднял бровь. В комнате Алисе казалось, что всё случившиеся на её глазах на работе неправда, здесь, в глухом гуле спёртого воздуха и отзвуках соседской жизни, ей чудилось, что это совершенно другой мир, в который не могут проникнуть посторонние и сделать ей плохо, словно это был тот домик, который бы спас её в игре, вот бы как в детстве соорудить из ладошек крышу, зажмуриться, что есть мочи выкрикнуть: «Я в домике, меня не трогать!»

Оказавшись за узким столом, который мог уместить разве что двоих, Якоб сбросил с себя улыбку и стал прикидывать, что можно сделать, как помочь Жене. Он серьезно размышлял о массовом помешательстве, пока Лёля глазела на него и размешивала какао против часовой стрелки, специально лязгая по краям ложкой с надписью «чёрная карта», он предполагал, что бы произошло, если бы Алису всё же заметили в тренерской каморке, и давал советы, как тщательнее скрываться от психов на работе.

Алиса тоже рассматривала Якоба, разгорячённого и способного вовлечь в разговор всякого, кто окажется рядом, своими грубыми выходками, хулиганским взглядом из-под приподнятой брови, словно он не человек, а кот, который съел сметану и теперь раскаивается, с одной стороны, его хотелось пожурить, а с другой, погладить по голове, потрепав шелковистую шёрстку, объяснить, что так нельзя, у котов есть своя еда, и это не сметана.

Он сидел напротив Алисы, статный, высокий, немного сумасшедший, но лишь немного, меньше, чем те, за которыми она наблюдала сегодня во время массового припадка, его подвижные брови не задерживались в параллельном положении, неудержимо плясали на лбу, рот в извечной кривой усмешке словно пытался кого-то высмеять или заставить смутиться, что у него точно получалось, когда он смотрел на Алису. Ей было не по себе от того, что он тащил её

по улице, почти напал на неё возле работы, но ощущения, что он обманывает или желает учинить нечто плохое, не было, скорее, неприязнь возникла из-за того, что он трогал её, касался. В ней саднили раздражение и злость, хотелось выплеснуть их наружу, закричать, застучать ногами, но это только бы раздрадило наглеца, который чувствовал, он наверняка знал, что Алисе претят прикосновения, возможно, он касался её ей же назло. Алиса вглядывалась в лицо Якоба и пыталась понять, сколько ему лет, тридцать-сорок, не больше, морщины пусть и упругой, но всё же изрезанной возрастом кожи выдавали его, как бы он ни кривлялся, ни пытался улизнуть от ведьмы по имени «время», это по силам разве лишь покойникам, только они не стареют.

Алиса слушала его и следила за волевым подбородком, который так и не помог её новому другу добиться чего-то в жизни, с его внешностью он мог стать актёром, моделью, покорять сцену одним видом или стать офицером, ведущим солдат в бой, подавая пример собственным мужеством и отвагой. По счастливой или несчастливой случайности Якоб был всего лишь Якобом, представившимся свободным агентом, чтобы это ни значило. Собственно, Алиса до сих пор не понимала, почему он не объявился раньше, а следил исподтишка, об этом она и решила его расспросить.

— Ты, это, поверь мне на слово. Какой смысл мне тебе врать?

Он произносил слова, а его отдававшие желтизной светлые локоны переливались бликами тусклого света, издаваемого лампочкой, что без люстры болталась под потолком, увидела бы её мама, обязательно бы притянула абжур, вызвала бы электрика, потому что боится электрического тока, прочитала бы лекцию об оголённых проводах, а Алиса подумала бы, что оголёнными могут быть только тела, затаила бы на губах улыбку, такую же, как у мамы. Алисе нравилось наблюдать за мамой, она вечно в своих делах, мыслях, суждениях, которые без смущения озвучивала на кухне, вот она моет посуду и тут же рассуждает о политике, Алиса задумывается, что если бы мама не работала бухгалтером всю сознательную жизнь, то стала бы преподавать, и взаправду мама больше походила на учителя, когда злилась, когда радовалась, когда делала с Алисой уроки, пусть она и не делала их, а только проверяла, Алиса всегда была умницей, но больше для маминого спокойствия, для её самоутверждения как матери, чем для себя. Сейчас Алиса сама для себя осознала, что делала это, чтобы мама похвалила её, увидела, заметила, просто обратила внимание, просила у мамы помощи или проверки работы, надо же додуматься, простая просьба, специально допущенная ошибка делали их ближе, разбивали стену, возведённую мамой, правда, только на время, пока мама говорила с ней, мама теплела, а потом снова становилась такой же холодной, как только что вытасченное из морозильной камеры мороженое, ведь маму интересовали только цифры, а Алиса всего лишь человек.

Поскольку всё общение с людьми сводилось к коротким разговорам с мамой и Лёлей, а теперь и с ненормальными на работе, папа совсем пропал, наверное, затаил обиду на неё, наказал лишением походов в кафе-мороженое, поэтому Алисе льстило, что Якоб рассматривал поочередно то её, то подругу, он покрывал кожу Алисы пеленой, словно слоём летней пыли, как на даче в период, когда соседи занимают свои летние домики и машины разъезжают туда-сюда, поднимая на дороге густые клубы, пыль в заведомо проигранной битве окутывает ноги как загар, если пойдешь по направлению к озеру, на мгновение, пока машина проезжает, начнёшь задыхаться, но, как только помашешь руками, пыль уляжется, снова задышишь как ни в чем не бывало чистым, пахнущим лишь липовыми листочками воздухом. Вроде бы ты смотришь на ноги и делаешь вывод, что они не такие уж и грязные, но когда добираться до воды, озёрной волны, ласково и откровенно касающейся пальцев ног, щекочущей ступни, в растерянности ты переминаешься с ноги на ногу и уславливаешься с озером, что не уйдёшь, пока не окунёшься, оно соглашается на своих условиях, ты начинаешь смывать грязь, хотя могла бы просто бро-

ситься в водяную рябь, но это было бы неуважительно к благородству этой самой ряби, и тут ты видишь, насколько грязными оказались ноги. Если на бедрах тянется лишь тонюсенький слой, расходящийся пятнами, окольцованными лепестками цветов, то на икры наложены слои пыли, как на щёки модницы наложены косметические средства. И ты пытаешься оттереться, ведь иначе озеро не примет тебя, не пустит в свои просторы, а грязь уже въелась, она не выводится, ты думаешь, что нужна губка или щётка, ведь кожа была липкой, взмокшей на жаре, пыль словно впиталась в неё с капельками влаги... А потом ты смотришь на отдающую голубизной рябь, не понимая, почему все называют воду голубой, не видя, что на самом деле она серая, и думаешь, как же всё-таки хорошо вдали от людей. Отчасти и общежитие стало средством скрыться от людских глаз, но теперь перед ней сидел Якоб.

— Тебе придётся ответить мне, — Алиса вырвалась из своих видений. — После увиденного сегодня я не знаю, как я сама не сошла с ума, я должна всё узнать, и больше того, мы должны решить, что делать дальше.

— Может быть, мне кто-то объяснит, что случилось-то? — вмешалась Лёля.

— Притормози, — Якоб взглянул из-под изогнутой брови. — Давай условимся, что я вашей компашке-родняшке ничего не должен? Я свободный агент, и нечего с меня взять.

— Тогда тебе придётся, — наклонилась Алиса над половинкой стола, — как минимум объяснить, что означает «свободный агент».

— Я того, сумасшедший.

Якоб сделал плоток, в комнате повисло гудение, Лёля жевала тягучую конфету, кроме её челюсти ничего не двигалось, словно всё кругом застыло.

— Вот и весь ответ, только смекни, малышка, голова-то у меня варит, как и у твоего дяди, — Якоб по-ковбойски оседлал стул, отозвавшийся скрипом. — Я же сказал, меня отпустили и заставили работать, но мне всё это, все их делишки не по нутру. Мне приходится смотреть за всем на месте происшествий, а иногда и участвовать в них, чем ты неуправляемое, тем ценнее на воле. Я работаю «в поле», контролирую вас, людей, понятно? Давай по порядку, что ты хочешь знать?

— Что сегодня произош-ш-шло? — ответила Лёля за подругу.

Алиса сглотнула, обычно ей нравилось, что Лёля вступается за неё, словно подруга была её личным щитом, но сейчас что-то изменилось, вместо надежной кольчуги Лёля предстала не противником, скорее соперником, который борется за внимание их нового знакомого. Вместе с Якобом в помещение вошло разногласие между теми, кто всегда находил друг в друге дополнение, внутри что-то кольнуло, словно швейная игла, несущественно, но так неожиданно. Ей захотелось попросить Лёлю замолчать, заткнуться, ведь такое серьезное дело, а она лезет со своими улыбочками, пора бы сосредоточиться, выяснить у этого человека, что он знает, но она щипнула себя, стиснула зубы и, смахнув тень смятения, пояснила:

— Сегодня произошло нечто ужасное, я бы и сама рада узнать, что именно, возможно, Якоб пояснит? — Она вопрошающе потрясла в воздухе горстью незримого винограда. — Как я поняла, сумасшедшие кого-то утопили?

— Всё хуже, они спровоцировали наводнение, включи новости, увидишь.

Якоб указал на телефон. Лёля тут же схватила смартфон со стола, смахнула блокировку и произнесла:

— «Алиса», наводнения сегодня.

— Сегодня в Амурской области произошло наводнение, Амур вышел из берегов, поднялись грунтовые воды, часть дорог размыта, количество жертв устанавливается, — сообщила тезка.

На что тройца переглянулась, Якоб махнул рукой и залпом выпил остывший чай. Алиса представила, как её лицо посерело, а глаза наполнились озёрным блеском, Лёля перестала жевать, сглотнула, даже до неё дошло, что дело дрянь.

— Это только начало, — глухо произнёс Якоб.

Алиса всматривалась в его лицо и пыталась понять, сочувствует ли он погибшим, ведь умерли люди, живые люди, их больше нет? А тем, кто лишился из-за наводнения крова? Понимает ли он, что произошло, что он на стороне тех, кто всё это устроил, что его руки в той же грязи, что и у Правителя? Если да, если в нём есть хоть капля чего-то живого и настоящего, то ему можно доверять, а если нет?

— Объясни, откуда очки? И что ты предлагаешь с ними сделать? Женя так и не сказал, как можно использовать их. Как ты их достал? Как ты следил за мной?

Алиса тараторила, желая сказать совсем другое, она только что видела кадры в маленьком экране смартфона, бурлящие потоки и обездвиженные навсегда тела, а Лёля сидела, открыв рот, и качала головой, всем видом давая понять, что ошеломлена. Она всегда быстро схватывала, чему Алиса завидовала, ей никогда не удавалось реагировать так быстро, как Лёля.

Якоб же качался на стуле, почёсывал затылок, зарывшись рукой в копну осенних волос.

— Я вот как скажу. Нужно было просто отвлечь сотрудниц, я попросил у них чашку кофе во время экскурсии, пока экскурсовод ходила, прикарманил парочку, их в нижних ящиках хоть отбавляй. Тебе, недотёпе, учиться и учиться, — Якоб с гордостью обвел взглядом присутствующих. — Нужно показать людям, лучше каким-нибудь чиновникам, ну, или президенту там, кто всеми людьми управляет...

— Президенту? С ума сошёл? Будто президенту до тебя, он и так всем управляет, придумал тоже. Ты хоть знаешь, какая у него охрана? Дурень!

Алиса узнавала подругу, бестактная и наглая. В голове тут же рисовалась картинка, как Якоб пытается прорваться сквозь президентскую охрану и показаться всей стране через очки. Его хватают за руки, он пытается пропихнуться сквозь куда более плотно сложенных, чем он, мужчин, она силится закричать что есть мочи, но голос срывается, брошенное «Якоб...» не долетает до толпы, где-то за стеной сидит тот, кто может всё прекратить, может собрать совет стран, вынести вопрос на обсуждение, вопрос борьбы и жизни человечества, требуется всего лишь выслушать, прислушаться, уделить несколько минут, но нет. Они закрывают дверь, а Якоба, только что казавшегося ей высоким и сильным, как мальчишку, вышвыривают на улицу. Ему снова некуда идти.

— Якоб прав, мы ничего не добьёмся, если не расскажем.

— Да, малышка, — указал он на неё пальцем. — И я за тобой следил не потому, что мне хотелось, а потому, что Женя попросил, надо сказать, у меня есть должок, ведь это он помог мне добиться, чтобы меня отпустили в свободные агенты, так бы с ним и жил.

Протянул он и на секунду засмотрелся сквозь Алису, вначале ей показалось, что он рассматривает её, но его полный жизни взгляд был обращён куда-то дальше, захотелось обернуться, понять, что он рассматривает, но она сдержала себя, одёрнула, мысленно приказала себе застыть. Она отметила, что его уши неровные, одно словно больше другого, как странно, сразу не заметила. И зубы, если верхний ряд отдавал белоснежной ровностью, то нижний — как неуклюжие танцовщицы на телевизионном шоу, которые не могут поймать единый ритм.

— С очками надо делать всё чётенько, — Алисин рот скривился от его манеры общения так же, как когда Лёля листала «Тик-ток». — Мы не можем показывать их всем подряд, нас повяжут, так мы ничего не добьёмся, очки будут нашим козырем, но отнюдь не единственным.

— Ты знаешь слово «отнюдь»? — растянулась Лёля в кошачьей улыбке.

— Якоб, я устала от неимения плана, это привело к тому, что я работаю в дурке!

— Ну-ну, не надо плакать! — На его слова Алиса свела брови. — Знаешь, что я тебе скажу? У меня есть план.

Он словно предлагал сообразить на троих, собрав кожу на лбу в гармошку.

— Я бы поел...

— Я бы собралась на работу, скоро уже выдвигаться, может, в баре встретимся? Ты там так и не была ни разу, — Лёля в обыкновенном превосходстве струилась энергией.

— Ну, ладно, можно и там поговорить, если тебя это отвлекать от работы не будет. А Якоб может поесть, что в холодильнике найдёт.

Алиса взвалила на себя роль мамы Лёли, её полной противоположности, но она «сама лучше знала».

— Бар так бар, там и решим, что делать дальше, — заключил Якоб.

Угрюмое молчание наполнило комнату, погрузило Алису в раздумья, словно вокруг было не только общежитие, но и что-то более масштабное, мощное, это что-то было её воображение, она представляла, как идёт по полю, расстилающемуся вдаль, касается рукой нескошенных колосков, совсем скоро сюда выедет техника и соберёт всю растительность в тугие валы, от травы останется только запах, пропитывающий тебя насквозь и заставляющий вернуться сюда снова. Она наблюдала, как Лёля приготовила Якобу бутерброды, а он не стал сопротивляться с трепетом уложенным кусочкам сыра и помидоров, потом Лёля перекидала одежду, чтобы скинуть с себя растянутую футболку, распуścić краснеющие волосы, облачиться в скромный чёрный наряд, преобразившись в барменшу. Алиса, словно на большом экране кинозала следила за игрой актёров, их нерасторопными движениями, а сама ужасалась тому, что ждёт её в баре, никогда она не приходила к Лёле на работу, ей всегда удавалось увильнуть, находить повод не появляться там, отклонять предложения подружки под вежливыми, как ей казалось, предложениями. Нет, она не придумывала причины, она честно признавала их, но причина её нежелания идти в бар крылась не в завтрашней работе или учёбе, Лёля начала работать ещё во время техникума, не в том, что она, Алиса, боится гнева матери, тем более теперь, когда мама так далеко, а скорее в том, что нужно будет сидеть рядом с людьми, делать вид, что тебе весело, улыбаться так естественно, чтобы показать, что ты рада окружающему тебя хаосу, чтобы никто не смог предположить, что ты мечтаешь сесть за отдельный столик или даже в отдельную комнату и погрузиться в собственные мысли, никого не видеть, никого не касаться, а сегодня вечером не пойти с Лёлей для неё означало остаться наедине с Якобом, что куда страшнее посетителей пивной.

Преодолев вечернюю серость города, они оказались в узком зале паба, на удивление сияющего чистотой.

— Знаешь, я думала, это бар побольше.

— Наконец-то увидела, где я работаю.

Алиса уловила долю укора в голосе подружки, неужели её задевает отсутствие внимания, Алиса было хотела извиниться, но отмахнулась от этой мысли, потому что прямо сейчас, пока они проносились мимо общежитий Ключевой, пока обсуждали сорта пива, которые Лёля рекомендовала попробовать, пока смотрели в мигающие уютным светом окна, кто-то погибал от рук и мыслей Правителя, и, пока это происходило, нельзя больше ждать ни минуты. Внутри Алисы тлела злость на саму себя за то, что медлила всю неделю, что так ничего не обнаружила на работе, а ведь могла бы, если бы постаралась, и, возможно, тогда эти люди не пострадали бы. Она корила себя за нерасторопность, легкомыслие, которое проявляла каждый день, когда вместо того, чтобы прийти пораньше и отыскать хоть что-то дельное, что могло бы помочь открыть глаза миру, безукоризненно оттирала полы, стены, лестницы.

Алиса ощутила неловкость за столом напротив Якоба, он с такими же горящими глазами, как и днём, когда протягивал очки, сунул ей под нос бокал пива, но, улавливая долю безразличия в её взгляде, ухмыльнулся и стукнул им об стол так, что пшеничного цвета жидкость волной плеснулась через край.

— Все вы любите пиво, — пытался шутить он. — Тебе не стоит быть со мной такой строгой, — с дружелюбной улыбкой, как у лисы, которая смотрит в сказках на курочку, произнес Якоб. — Я пригожусь тебе, смекаешь?

— Г-гы, — смакуя горечь терпкого напитка на языке, усмехнулась Алиса. — Никогда не пила этой гадости.

— Мамка, пожалуй, не разрешает? — Она проглотила зло выпущенную издевку. — Смотри, какой у нас расклад. У Правителя есть документы, ты должна их вынести незаметно.

Алиса подумала, что он больно быстро перескочил на обсуждение дел.

— Издеваешься? Там же камеры, как я это сделаю? — Она пригнулась к столу, входная дверь протяжно закрипела, с улицы пахнуло вечерней прохладой вместе с зашедшим мужчиной в чёрной кепке. — Это исключено, был бы просто листик какой... Ты хоть понимаешь, что, если я что-то возьму и вынесу, я не смогу туда вернуться? А если я возьму не то, что нужно? У меня есть идея, — она загадочно вздёрнула подбородок. — Что, если мы приведём тебя туда? И ты найдёшь, что нужно?

— Исключено, — Якоб смахнул с лица ухмылку и в одно мгновение превратился в неприступную скалу. — Меня раскусят.

— Якоб, я в замешательстве, — чуть не взвизгнула она, покосившись на посетителя, сбавила обороты. — Мы теряем время, тогда что же ты предлагаешь? Я уже неделю ищю и ничего не нахожу. Мне нужна помощь!

Алиса сделала большой глоток, поморщилась, словно проглотила желе, которое с детства не терпела, повела плечом и добавила:

— Ты хочешь спасти этих людей, — она многозначительно оглядела зал. — Или просто притворяешься?

— Малышка, если кого-то и можно спасти, то это будет тот, кто хочет жизни для других.

— Что за чушь? — поморщилась она и подумала, что чуть не сказала, каким идиотом считает Якоба.

— Ты забыла, я ведь чокнутый?

На его щеках снова образовались ямочки. Вдруг все линии паба стали смазываться, словно акварельная краска расплывалась на бумаге, таблички с пивными названиями казались не такими чёткими. Алиса сделала ещё глоток и всмотрелась в затемнённый зал, тут Якоб резко схватил её за руку, сжал так сильно, что она в испуге отдернула руку:

— Да больно же! Отпусти!

— Хорошо-хорошо, без рук, но послушай внимательно, мы должны всё сделать не так, как ты, мы должны пойти на риск, или ты вечно хочешь пахать на этого урода? Ты что, забыла, для чего туда устроилась? У моей тётки тут квартира, сама она уехала, вот живу у неё, — Алисе показалось, что Якоб пытается сосредоточиться на мысли, которую только что упустил. — Так вот. Привези дядю сюда. Приди с ним на работу, и найдите то, что нужно. А потом ко мне на квартиру, окей? Я напишу адрес. — Он схватил с прилавка ручку и что-то написал на салфетке.

— Ты с ума сошёл?!

— Очевидно! — нервно хохотнула Лёля, только что выпроводившая отоварившегося пиволоба.

— Я предупреждал, — оторвал Якоб ладони от стола, растопылив пальцы с обгрызенными ногтями. — После вы отсидитесь у меня, и всё. Мы свяжемся с журналистами или явимся к правительству.

— Это бред, полный бред, такого не может быть.

Алиса мотала головой, как же не хотелось верить в то, что Якоб действительно предлагает. Должен быть другой выход. Или нет. Во рту расходилась горечь, она не могла проглотить её с пивом. Она почувствовала, как кровь хлынула к щекам, она бросила взгляд на приятеля, видел ли он, что она краснеет? Если поступить, как он говорит, это будет самое безрассудное, что она

совершала за последнее время. Подумать только, вывезти из интерната психа, ну и что, что это её дядя, если её поймают, то привлекут к ответственности. Пока Лёля выкладывала на витрины продукцию, орешки в острой глазури, вяленую рыбу, полоски из кальмаров, Алиса сжимала голову, а Якоб допивал очередную кружку пива.

— Ладно, стоп! — вскрикнула Алиса, заставив друзей уставиться на неё. — Я согласна, но только если ты скажешь, что я должна найти и почему я не справлюсь без Жени?

— Можно было бы попробовать и без него, но его задача будет заключаться в том, чтобы почувствовать, где и что прячет Правитель, на месте он всё поймёт. Я не могу рисковать своим положением, а он всё равно собирается покинуть эту богадельню.

Якоб взглянул, вздувая ноздри.

— Вообще есть один верный выход. Убить его.

— Но почему ты думаешь, что я не справлюсь? — Тут же она спохватилась: — В смысле с поиском информации.

— Потому что найти информацию может только тот, кто помешан, а ты, судя по всему, в своём уме.

— Мне бы хоть представлять, что ищу, это упростило бы задачу.

— Но и ты пойми, я не знаю. Что-то, что может обличить его. Возможно, — почесал он затылок, — это рукамышь. Или ещё что. Не знаю я, вы должны посмотреть на месте, только запомни, что здесь будет одна попытка, больше на экскурсию не прийти.

Лёля во все глаза глядела, как Алиса опрокидывает бокал, допив пиво, а затем утирает рукавом толстовки пухлые, взмокшие губы.

— Выходит, двум победителям в этой игре не бывать, — то ли спросила, то ли утвердила Алиса, на что Якоб сказал:

— Как карту разыграешь, с тем тузом и поплывёшь. — И добавил: — Я бы убил его, да Женя не даст.

Алиса всматривалась в бурые кирпичики на стене с ценниками, тщательно выведенными на смолисто-чёрных табличках, пыталась выбрать напиток, но буквы плыли, как и Лёля, которая мотала головой под ярко освещавшей её лампой в юбке-абажуре, отказываясь наливать товарищам, но Алиса не унималась и доказывала, что не уйдёт, пока не попробует «Онежское».

— Ладно, пьянчужка, держи, — Лёля подвинула подруге бокал, на что Алиса хмыкнула, указав, что хоть когда-то смогла отстоять честь. — Только домой ты поедешь на такси.

— Алиса, — голос Якоба раздавался, как утренний будильник, надоедливо звонкий и назойливый, — ищи красную папку. Красную папку, слышишь? Если что-то пойдёт не так, ты должна будешь сделать это. Ты поняла? Сделай это, Алиса!

— Иногда мне кажется, что я умственно отсталая, но мне об этом не говорят.

Алиса проглотила последние слова, проваливаясь в сон, она уже не осознавала, произнесла ли их на самом деле или просто подумала об этом, но она отчётливо понимала, что ей хочется высказаться Якобу. Всё казалось неважным, сейчас существовал только пьяный бред с искусственной горечью на губах, но он куда слаще увиденного днём. Правда порой так жестока, что лучше её вовсе не знать.

На этой мысли Алиса уснула, но голос Якоба продолжал доноситься отовсюду, она не могла разглядеть его силуэт в тусклом свете комнаты, потому зарывалась с головой в одеяло, утопала в постельном белье, которое липкой паутиной окутало её исхудавшее от скудного питания тело. В полубреду и под голос, который продолжал раздаваться со всех сторон, она гребла в попытках выпутаться, но у неё не выходило, она снова и снова проваливалась в глубокую яму сновидений, из которых вытащить мог только солнечный луч, сочащийся сквозь занавеску. Так, с голосом Якоба, наступило утро.

Глава 6. Кража

Алиса снова и снова терла глаза, чтобы убедиться, что действительно проснулась и всё происходит взаправду. Ей казалось, что изнутри на неё что-то давит, и давление это отстраняется лишь с болью, такой, словно кто-то бьёт по голове, только не снаружи, а изнутри. Она пыталась сконцентрироваться на балконе седьмого этажа, но, в усилии разглядеть плетёное кресло, которое проглядывало сквозь стеклянную стену, ей удалось лишь соскочить на третий этаж, там появился лысоватый мужчина с голым торсом, он распахнул окно, закурил сигарету и почесал выпирающий мячом живот. Она смущённо отвела взгляд, плывущий по нечётким, рябящим линиям многоэтажного дома, в сторону горизонта, который ласковой акварелью смешивал небо с озёрной гладью. Она не понимала, зачем Якоб разбудил её ещё до того, как люди побегут на работы, в детские сады и школы, вытащил на воздух и усадил в незнакомую ей пыльно-коричневую машину. Гудящее солнце, взошедшее так некстати и занявшее на небосклоне место примы, слепило глаза, откланиваясь зрителям и готовясь спрятаться за косматым облаком. Алиса ощупала колени, руки, они, словно чужие, не слушались её, горло что-то сдавливало, ей казалось, что тело ей не принадлежит.

Мельком она поглядывала на Якоба, который вчера со своими разговорами казался чокнутым, но сейчас он, как вполне нормальный автолюбитель, натирал капот машины пористой розовой губкой, схлопнувшейся и потускневшей от времени или от лежания на улице, наверное, поэтому папа всегда оставлял губку в багажнике «семёрки», в котором хранились всевозможные папины штучки, бутылочки, тряпочки, ключи, незаменимые в дороге, ремонте, казалось, папа не представлял без них жизни, ворчал и хмурился, когда думал, что мама или она, Алиса, брали его драгоценности. Мама всегда спрашивала, почему он не продаст эту «семёрку», а он гордо отвечал, что это память, сам же ездил на «Ниве» и лишь изредка полировал кузов детища советской автомобильной промышленности, но делал это с такой любовью и заботой, словно это была не машина, а пёс, залезший в лужу. И так же Якоб сейчас натирал «гранту», то окуная губку в едко-голубое пластиковое ведро, то выжимая её, грязно-мыльная вода стекала с примесью пены, неясно, откуда в нём взялась такая рьяность к чистоте, но Алисе было занятно наблюдать, как его длинные руки-прутья тянутся через лобовое стекло, казалось, ему нравится то, что он делает, либо в этом и есть выражение его болезни, — вечно довольное лицо.

— Все вы любите ездить на чистых машинах, — заглянул он в салон.

— Ты же не хочешь сказать, что водишь машину?

Взъерошенная Алиса недоверчиво поправила волосы.

— Можешь ты за руль сесть, машина всё равно тёткина...

Он запрыгнул на водительское сиденье, постучал ногами друг от друга, и повернулся всем корпусом к рулю, словно и не весил ничего с его высоким ростом и мускулистыми плечами, улыбнулся, словно опаздывал на урок и наверняка знал, что учительница будет ругать его. Алиса теперь не поглядывала, она смотрела на него во все глаза, забыв о жажде и двоении в глазах, с упованием, словно он мог сделать то, на что её сил не хватило.

— Так мы... Какой у нас план действий?

Слова обрывались и застывали в воздухе, они увиливали от Алисы, не давали схватить себя, словно налитые солнцем яблочки на гибких ветках, что пружинили и ускользали под дуновением ветра.

— Опять ты про план! — Якоб театрально запрокинул голову назад. — Мы поедem, ты заберёшь Женю, доставим его сюда, вы найдёте красную папку и узнаете все его планы. На этом всё!

Руками он рисовал последовательность действий, словно всё это было очевидно настолько, что не вызывало сомнения.

— Разве такие, как ты, могут водить машину? — недоверчиво спросила она, оттягивая ворот темно-синей водолазки, который плотно прилегал к горлу.

Она старалась не смотреть на него, неприятно, наверное, когда тебя называют психом, когда смотрят, как Алиса сейчас. За рулём псих. Как она до этого дошла? Почему не выпрыгнуть из машины, не убежать в общежитие, не закрыться в комнате и ждать приезда мамы? Алиса глазела на парня в красной куртке и вдруг поняла, что не знает, как очутилась в окружении нестабильных людей, как же резко всё изменилось, словно кто-то поменял пластинку на патефоне, и вместо привычного мелодично-текучего звука заиграла другая мелодия, ритмичная и удивляющая каждым аккордом. Алиса смотрела на простого парня, мимо которого прошла бы, окажись он рядом каких-то пару месяцев назад, лишь взглянула бы украдкой, допустила бы мысль, что он красив, не думая, что такой красавчик может оказаться больным. А теперь она сидит с ним в машине и не знает, чего от него ожидать, и не видит ничего, кроме его красоты и нездорового блеска глаз. Алиса подумала, что глупо делить людей на красивых и некрасивых. Вот Якоб. Ну, красив, и что с того? Это гарантия чего? Принятия людьми? За его милой улыбочкой скрывается что-то, и это что-то, несмотря на внешность, вылезет и даст миру увидеть себя. Выходит, красота — временная мера, долго ею не удержишь.

Ей вспомнилось, как с мамой они спорили о значении красоты, и тогда Алиса занимала сторону красоты, удручённая её отсутствием, доказывала, что красивый человек получает всё, что пожелает. Выходит, не всё. Мама же говорила, что красота внешняя — только оболочка, которую можно снять, а можно надеть обратно, а вот красота внутренняя куда важнее, её не снимешь, она или есть, или её нет.

— Всем нам нравится быть живыми, психам тоже. Малышка, разве я могу тебя обидеть? Я могу тебя разве что защитить. Со мной тебе нечего бояться. Когда-то давно я водил машину, так что всё путём.

Несмотря на сомнительный блеск его глаз, Алиса поймала себя на том, что верит ему, и это была вера самая настоящая, рядом с ним казалось, что всё обойдётся.

— Ты говоришь, словно герой из книжек. Как волшебник, — повела она плечом. — Взялся из ниоткуда, мне начинает казаться, что всё это чья-то бурная фантазия.

Якоб потянулся к Алисиной руке, ухватился за её локоть и с силой оттянул. Алиса взвизгнула от неожиданности, подпрыгнув на переднем сиденье и ударившись ногой о крышку бардачка.

— Что ты творишь?

— Вот видишь, я настоящий, — губы Якоба самодовольно растянулись. — Ты почувствовала?

— Не делай так больше!

Алиса скрестила руки на груди, но её брови поползли вниз, она действительно почувствовала.

Машина тронулась, Алиса следила за каждым движением, чтобы убедиться, что он знает, что делает. Якоб же, как и любой водитель, уверенно брался за рычаг переключения, словно он сам просился в его руки, нажимал на педали, судя по движениям его колен. Это успокоило Алису, но в голову лезли мысли, а что, если на Якоба накатит его болезнь, и чем он вообще болен, не станет ли ему плохо в дороге. Пока они остановились у бара в ожидании Лёли, она решила спросить:

— Когда это с тобой произошло? Что случилось? Как ты заболел?

— Все мы интересуемся, а потом жалеем, но раз ты хочешь знать, — Якоб виновато взглянул на неё. — Это случилось, я вселился в его тело, когда он был в госпитале, — он нахмурился. — Я лежал в больничке, меня поставили на учёт, закрыли вместе с твоим дядей, но потом оформили свободным агентом. И вот я на воле.

— Вот и я, — Лёля плюхнулась в машину, потряхивая головой. — Можем ехать! Вот приключение-то получится!

— Лёля, — Алиса обернулась к подруге, раскладывающей вещи на заднем сиденье. — Ты точно поедешь с нами? Мы совершаем преступление, крадём человека из интерната, ты к этому готова? Если нас поймают, — глянула она на Якоба. — Надеюсь, этого не случится, но, если поймают, нам несдобровать.

Алиса, прищурившись, мотала головой.

— Ещё бы! Приключение так приключение! Как ты себя чувствуешь-ш-шь, кстати? — Лёля, как обычно, жевала жвачку.

— Так, словно готова спасти мир.

Салон наполнялся звонким Лёлиным смехом, он забивался во все щелочки, углы автомобиля, к её искристому, словно брызги бенгальского огня, голосу присоединились и юношеские всхлипывания Якоба, и растворявшийся, еле слышный, претерпевавший жажду голосок Алисы. Мелодия издаваемых звуков слилась в единый шум, казалось, что этим хмурым утром существовал только этот смех, без вчерашних смертей, которые Алиса так и не увидела, они происходили где-то далеко-далеко, словно были ненастоящими. Алиса думала, могут ли происходить у неё на глазах? Что, если бы они произошли здесь, могли ли погибнуть знакомые ей люди, мама, папа, Лёля? Если да, то она в силах остановить это, и она остановит. А сейчас есть смех, только их смех, и он вселяет уверенность.

Машина тронулась, друзья отправились в путь.

— Якоб, а ты ведь больш-ш-шой врун, да ещё и хвостун!

Лёля с заднего сиденья перекрикивала радиотрансляцию «Так хочется жить».

— Все вы любите уговаривать, но никто не любит людей, которые навязываются.

Он нервно поглядывал то на Алису, то на дорогу, Алису кольнула неловкость, вчерашнее нестеснение испарилось, она пыталась понять, почему в ней шевелится смятение, то ли оттого, что она говорила с Якобом слишком откровенно, то ли потому что он сказал лишнего. Сейчас, когда по её коже пробегал холодок трезвости, она поняла, что ей не хотелось знать ничего лишнего, спрашивать из вежливости — дурная привычка, которую она не смогла придержать под влиянием поданного Лёлей пива. Он сказал слишком мало, чтобы понять, что произошло с ним, пока альтёр не вселился в него, слишком много, чтобы смотреть на него так же, как вчера. Его глаза по-прежнему светились чем-то живым, настоящим, словно в нём играли искорки костра, разведённого летней ночью на песчаном берегу озера, и он, Якоб, в каждое пролетающее мгновение готов откликнуться, отозваться на любую просьбу. Весельчак, которого выдаёт лишь излишняя улыбочка и изредка дерганье головы к правому плечу, он кажется безобидным, но вдруг лишь на первый взгляд? То доверие, которое Алиса вдыхала, находясь рядом с ним, могло оказаться ненастоящим, надуманным, искусственным, как ёлка, что семьи ставят под Новый год возле телевизора на табурет, и Алисина семья тоже ставила, радовалась, пока мамин брат пропадал в лечебнице, они и не помнили о нём, всё это стало игрой и чем-то притворным, самый настоящий Новый год оказался ненастоящим, настоящими были только еловый запах и намандиненный стол.

Алиса вспомнила, что снова не приняла витамины, из мыслей её выдернули Лёлины возгласы:

— Вчера говорил, что мы одни будем вызволять Женю, а сегодня сам поехал, ещё и на маш-ш-шине! Кто же знал, что психи водить умеют?

Якоб вильнул рулём вправо и тут же вернул машину обратно, Алиса схватилась за ручку двери, второй вцепилась в жёсткую на ощупь поверхность сиденья, зажмурилась, только потом под смех дернувшейся непристёгнутой Лёли поняла, что это была шутка. Когда она открыла глаза, Якоб злостно улы-

бался, ей ничего не оставалось, как проморгаться, рассматривая серо-шершавый давящий потолок.

— Это ты поселишься в другое тело, а мы живём один раз, поаккуратнее, Якоб.

Она отчитывала его, как мама её за любое неверное движение, неодобрительно осматривая его профиль.

— Все мы любим быть живыми, — только и посмеялся он.

Всю остальную дорогу Алиса с Лёлей слушали истории о его похождениях, поездках по стране, он рассказывал про мелькающие в окнах поля, леса, смешных попутчиков, чудиков, встречавшихся ему, озёра, реки, поезда, старинные церкви, заброшенные дома, и ни слова он не сказал про смерть, про то, что ему приходилось делать по указке Правителя.

Уже привычное прибытие сопровождалось облегчением. Алиса вчера ещё думала, что никогда больше не переступит порог интерната, но сегодня вечерашнее отвращение осталось лишь горьким привкусом безумного хоровода сумасшедших.

Они не стали заезжать на территорию, Якоб припарковался рядом с въездом, он сосредоточенно рассматривал старый забор, пока Алиса пыталась дозвониться до Жени, нервно постукивая указательным пальцем по смартфону.

— Не берёт! — в сердцах бросила она.

— Мне помнития, я хотел сбежать отсюда, этот парень, в которого я вселился, долго сопротивлялся, не принимал меня. Я подходил к этому забору, что-то меня останавливало. Если бы я сбежал, меня бы вернули или убили. Он никогда не отпустит нас. Он не успокоится, пока не уничтожит людей.

Он говорил в никуда, не обращался ни к кому, просто смотрел на забор.

Якоб повернулся к Алисе перед тем, как его голова дёрнулась к плечу, его бровь в замедленной съёмке поползла вверх, он произнёс напористо и даже грубо:

— Ты должна это сделать, Алиса, ради нас всех.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Лёлю, которая кивала в такт его словам, продолжая перекачивать во рту жвачку.

— Мы должны, — поправила Алиса. — Мы сделаем это вместе.

Якоб остался в машине, глупо было думать, что он пойдёт вместе с ней, ведь его мысли прочитают, и тогда никому из них уже не уйти из интерната. Алиса подхватила Лёлю под руку, во все глаза смотрящую по сторонам, и потащила к жилому корпусу.

— Нам придётся пройтись, — Алиса поджала губы.

Лёля безмолвно кивнула, на её лице застыло заведомое удивление, приоткрытый рот, широко распахнутые глаза, бесконечное очарование — даже без хищного взгляда, которым она одаривала клиентов, парней, знакомившихся с ней, да и просто всех людей, словно предупреждая, что подходить к ней опасно, даже без него она казалась превосходной, словно ей всё по плечу. Алиса задерживала на ней взгляд и думала, как хорошо быть Лёлей, и крепче стискивала её локоть в ярко-оранжевой плюшевой куртке.

— Только не пьясья, — её губы приблизились к Лёлиному уху.

Алиса почувствовала трепет, которым расходилось тело подруги, и лёгкий цветочный аромат её духов, Лёля всегда умело экспериментировала с запахами. Лёля снова ничего не ответила, только моргнула, Алиса не стала пытаться её, ускорила темп, таща подругу мимо уже знакомых ей пейзажей: жилого двухэтажного дома, детской площадки, весело, не под стать совершаемому ими преступлению, шуршащих берёз. Она подумала, как всё же здорово находиться здесь с Лёлей, в одиночку совершить подобное она просто не решилась бы, а даже если бы и решилась, то украсть дядю одной было бы невыносимо страшно, а рядом с Лёлей она чувствовала что-то трепещущее внутри, что-то, что говорило, что у неё всё получится.

Оказавшись на крыльце здания, Алиса взглянула на подругу, которая одёрнула куртку и поправила красные пряди волос.

— А что, если там психи, значит, я не должна выглядеть прилично?

Алиса закатила глаза, иногда её утомляла излишняя Лёлина самовлюблённость, она, словно паутиной, цепляла остальных и заставляла очаровываться ею, хотя, надо признать, это работало. Но сегодня Лёлино самолюбование отвлекало, Алиса одарила подругу преисполненным укора взглядом, однако Лёля лишь по-кошачьи дёрнула носом и из щёлочек глаз продолжила испускать свои чары.

В отсутствие времени Алиса потянула Лёлю внутрь, где девушки сразу наткнулись на Ожидателя, сегодня он стоял с книгой. Как только они открыли дверь, он оживился, затрепыхался, вытянул шею. Алиса проследила за его взглядом и упёрлась в глупо улыбающуюся Лёлю.

— Идём, — прошипела Алиса, смущаясь вниманием, оказанным им Ожидателем, потащила Лёлю к комнате посетителей. — Не смотри на него.

— Это она? — Он сделал шаг к девушкам, перегородив им дорогу. — Она же?

— Нет, это не она. Это точно не она.

Алиса с жалостью посмотрела на взъерошенные чёрные волосы, вздёрнутый, как у Гринча, нос, серую кожу, он был бы похож на сельского учителя, если надеть на него костюм, выглядел бы вполне прилично, если бы не растянутые, потерявшие цвет рейтузы, натянутые поверх объемного в белую полоску с расстёгнутым воротом чёрного свитера. Он выглядел таким потеряннным, что Алиса не находила в себе сил объясниться с ним, но знала твёрдо, если не отказать ему, он не отвяжется. Да и потом, он мог что-то заподозрить и передать альтьёрам. Всё ложно, всё поверхностно, это только игра — это его ожидание, но если не играть по его правилам, то можно и проиграть.

— Она сегодня не приедет, можешь не ждать, приходи завтра, завтра — может быть. Иди к себе.

По коже разразилась колющая, почти приятная боль, это Лёля вонзила свои когти в руку.

— Что ты творишь? — шепнула Алиса, сощурившись.

— Спасают нас, только и всего.

Ожидатель развел руками, слоями складок на его лице сложилась печаль, но он послушался, зашаркал к лестнице в сланцах на несколько размеров больше своего. Алиса думала, какой Лёля увидела её сейчас, каким чудовищем она предстала перед подругой, но чудовище здесь не она.

— Мы должны торопиться, у нас мало времени.

Комната посетителей оказалась заперта. Алиса вдыхала воздух медленно, словно пытаясь сосредоточиться и понять, как ей вытащить Женю из здания. Она взглянула на ничего не понимающую Лёлю, та оглядывала место действия, как и Алиса, когда впервые оказалась здесь, она выглядела обескураженной, разочарованной убожеством интерната, но времени обсуждать это не было.

Алиса схватила подругу за руку и потащила дальше по коридору ко второй лестнице. Они поднялись почти бегом. Алиса понимала, что через пару часов здесь все будут стоять на головах, придут дневные сотрудники, медсестры сделают пересменку, психов отведут на завтрак. Её сердце бешено колотилось, ей казалось, что лестница заходила кругами, вытянулась в длину, и от той высоты, на которой они с Лёлей оказались, у Алисы закружилась голова. Что сказать, если медсестра спросит, почему они так рано приехали к Жене? Она пыталась схватить с воображаемой полки коробку с ответом, но все коробки, которые она открывала, оказывались пустыми. Сказать, что что-то произошло? Тогда медсестра скажет, что обо всех событиях нужно сообщать после консультации врача. Сказать, что соскучилась по дяде? Не поверят. Столько лет она его знать не знала, а теперь скучает? Остается только одно — сказать правду, что из-за работы в часы посетителей не успевает приезжать, а после работы вечером сложно сюда добраться.

Пустое серое пространство коридора, в которое они прошмыгнули, взявшись за руки, представилось длинным и безмолвным, только она и Лёля,

больше никого, медицинский пост оказался пуст, ни персонала, ни сумасшедших, казалось, интернат мирно посапывал в преддверии наступавшего на пятки дня. Алиса тяжело дышала, таща подругу следом, ей казалось, что вот-вот кто-то появится из-за угла, застучает их за попыткой бегства. Разве не должен Женя предвидеть их появление, прочитав мысли Якоба? Почему бы ему не выйти навстречу? Разве что он не хочет идти с ними. Они подозрительно легко проникли сюда, никто не попытался их остановить, всё не может пройти настолько гладко. Вопросы рассыпались под биение сердца, она ступала по выложенному квадратами полу, озираясь по сторонам, дабы убедиться, что никто не смотрит на них. Оставался буквально метр до комнаты, еще пара шагов, и она занесёт дрожащую от нетерпения руку, взмахнёт длинными ресницами и застынет под взглядом медсестры.

— Что вы тут делаете? Вы кто такие?

— Мы, простите, — перехватила слово Лёля, не дав Алисе времени на придумывание отговорок, — наверное, не туда зашли...

— Вам нельзя здесь находиться, — медсестра с насупленными бровями двинулась к девушкам. — Часы посещения...

— Карина, что за шум? — Из сестринской вышла грузная, с короткой стрижкой женщина лет пятидесяти. — Что у нас за гости?

Застыв с вытянутой рукой, Алиса ощутила кожей собственное дыхание, горячее и учащенное, она почувствовала, как поры наполняются страхом, лицо мгновенно стало горячим и влажным. Ей захотелось броситься к лестнице, но мысленно она сковала себя, запретила отступить.

— Здравствуйте, — прошептала она.

— Погляди, надо вызвать кого-нибудь, явились без приглашения, — нагнетала воздух накинувшаяся на них медсестра. — Вы кто такие?

— Погоди-ка, я эту знаю, — прищурилась вторая. — Ты же к Жене приходишь?

— Да, — подняла глаза Алиса.

Она рассматривала женщин с неуложенными волосами, в примятых сном костюмах и пыталась предугадать, что они сделают, что скажут. Младшая теревит в кармане телефон, готова вызвать полицию. Хотя что они сделали? Всего лишь виновны в том, что хотят увидеть дядю?

— А чего вы так рано? У нас только-только подъем, через час пересменка, не до вас сейчас, девочки.

— Нам бы увидеть дядю, — начала Алиса робко, без намека на настойчивость, как она делала, когда разговаривала с мамой, потому что знала, что хоть капля надменности построит между ними стену. — После работы не успеваю приезжать, а тут по пути удалось заехать, вот и решила заглянуть. Не могли бы вы позвать его? Мы не будем мешать.

Боковым зрением Алиса увидела, как подруга раскрыла рот, Алиса же сделала шаг назад, давая женщинам понять, что только им решать.

— Кто ездит в интернаты по утрам? — не унималась первая. — Бред какой-то.

— Я позову, только в следующий раз старайтесь в дневное время, ладно?

— Хорошо, — еле слышно отозвалась Алиса и покорно опустила голову, стараясь не смотреть на медсестёр.

— Чёрт подери, что происходит!

Алиса просунула голову в палату, увидела уже одетого Женю, они кивнули друг другу, не обмолвившись ни словом, направились к лестнице.

Ей показалось, что она чувствует его недовольный взгляд.

— А ты знаешь, — на выходе она обратилась к Лёле. — Выкрасть его — полбеда. Ещё полбеда убедить в том, что ему это нужно.

— Мне кажется, мы неплохо справились!

Алиса заметила, как подруга подпрыгнула, увидев подсматривающего из-за угла Ожидателя. Он исподлобья смотрел вслед удаляющейся троице. Тик-

так, тик-так, — раздавалось тиканье часов. Она прислушалась к своему дыханию и, как только Ожидатель скрылся из вида, поспешила отвернуться.

Оказавшись у машины, они переглядывались в задумчивом молчании, в каком шли от самого интерната, бросали друг на друга взгляды и выжидали, что кто-то решится заговорить первым. Даже Лёля, щебечущая обыкновенно без умолку, сложила губы в пышный розовый бант и участвовала в общей перестрелке взглядом. Женя надувал щёки, пытаясь сдерживать злость, не сорваться, не высказать, каким глупым он считал их поступок, Лёля, чтобы не показаться ещё глупее, чем есть на самом деле, Алиса просто не хотела оправдываться и возвращаться к вчерашним событиям, ведь если бы она стала объяснять, почему она здесь, пришлось бы вскрыть фишки. Чем трезвее она становилась, тем чётче осознавала, что затея выкрасть Женю оказалась глупой и непродуманной, уверенность в успехе операции таяла так же быстро, как нагревался просеянный сквозь солнечные лучи утренний воздух.

Среди остальных не спешащих заговорить Якоб оказался той самой нетерпеливой первоклассницей, тянущей руку, чтобы её спросили, только вот он никого не ждал, а первым полез обниматься к Жене.

— Женя, брат, что ты как не родной?

Якоб стиснул Женино шуплое тело так, что кожа вокруг Жениных глаз натянулась, он неловко попытался высвободиться из объятий.

— Ну, рассказывай, как житьё-бытьё? — сделал он широкий жест рукой, отодвинув самого Женю. — Кого ещё убил?

Женя поджал губы.

— Ну, зачем ты так? — протянул он. — Сам работаешь не по доброй воле.

— Я-то свалил по доброй воле.

Алиса смотрела то на одного, то на другого, пытаясь понять, как охладить друзей.

— Не без моей помощи, — слова Жени рассекли воздух.

— Я знал, что ты будешь этим попрекать! Нет, брат, не выйдет! — поднял он указательный палец. — Не в этот раз. Ты сам выбрал эту жизнь, тебе и мешать тушёнку. И не сваливай на неё, — Якоб кивнул на Алису.

Она почувствовала, как к горлу подступал ком, словно мама заставляла её есть манную кашу, которая не удалась, вдруг она опомнилась, вырвалась из их затянувшегося приветствия, совсем скоро двери дома Правителя откроются для работников, и если её там не окажется, то её появление вызовет вопросы.

— Нам и правда нужно поторопиться, — сказала она отвлечённо, не смотря дяде в глаза.

Ей захотелось коснуться красной куртки, провести по скользкой материи рукой, в каком-то роде она согласилась с Якобом, ведь он защищал её, а дядя, наоборот, давал невыполнимые задания, посылал туда, где Алиса не могла ничего сделать. Или она на самом деле маленькая беспомощная девочка, и настало время оборвать игру и сдать. Пока мужчины мерились силами, Алиса сжимала гантели собранной злости, примеряя собственные силы, вспоминая кадры новостей, которые стонами отдавались в её голове. Защита Якоба ничего не стоит, потому что, кроме Алисы, некого принести в жертвы, и если понадобится, если это будет нужно, то Алиса сделает всё, чтобы больше никогда вчерашнее не повторилось. Голова наконец просветлела. Алиса вдруг поняла, если не убить Правителя, то их старания ничего не стоят. И сейчас, когда она увидела, с какой яростью в глазах Якоб отстаивает её, она поняла, что готова сделать то же для людей.

— Это не твоё бродяжье дело! — взвизгнул Женя, раскинув руки в стороны. — Она моя племянница!

— Она ребёнок!

Выплюнул Якоб два слова, которые не мог произнести раньше. Так вот кем он её считает.

— Она наше спасение, и ты это знаешь.

— Чёрт бы побрал вас всех! — опёрся Якоб на капот машины с такой силой, что колесо напряглось под его весом.

— Да чтоб вас! — несвойственным ей голосом Алиса бросила изо всех сил. — Я сделаю это! — Огненным взглядом она одарила Якоба, а затем и Женю, таким, как смотрела обычно Лёля. — Не вам решать. Я убью эту сволочь! И всё будет кончено.

Её руки тряслись, ноги обмякли, она покачивалась под ветром, что попрежнему шуршало листьями, только теперь более грозно.

— Я хочу этого больше всего на свете.

— Ты понимаешь, о чём говоришь? — Женя пристально смотрел на неё. — Обратной дороги не будет.

— Я всё решила, — на Алисином лице застыла смесь ненависти и решимости.

— Тогда я дам тебе кое-что.

Женя протянул свёрток разноцветных тряпок, которые Алиса ни за что не взяла бы в других обстоятельствах. Лёля, стоявшая рядом и всё это время наблюдавшая за происходящим, поморщилась.

— Пусть это будет не отрубленная рука, — закатила она глаза.

Якоб хмыкнул в сложенный, как лапа коршуна, кулак.

Кулёк оказался небольшим и лёгким. Алиса затаила дыхание, она рассматривала врученный ей сверток, как ребенок рассматривает подарок, ведь этот подарок кажется заветным и самым лучшим просто потому, что вокруг всё блестит, все смеются и ждут чуда. Для этого мира чудо вряд ли наступит, но Алисе не терпелось взглянуть, что же вручил ей Женя. Это подарок? Или какая-то шутка?

Она потянула за край тканого полотна, из-под которого блеснуло остриё ножа.

Компания в том же безмолвии, в котором шла от интерната, погрузилась в притаившуюся в свежей зелени «Ладу». Совсем скоро все произойдёт, им только нужно доехать до дома Правителя, и всё случится. Пока машина, словно в замедленной съёмке, ворча и артачась, двигалась по выпуклому повороту, Алиса задумалась, могло бы быть всё иначе для неё. Кто же знал, что она жила ради этого, что читала стихи возле ёлки, пересказывала «Лисичкин хлеб», учила таблицу умножения, дрожала на вручении диплома, чтобы убить одного человека, даже не человека вовсе? Ей вдруг захотелось прижаться к маминemu плечу, мама никогда не обнималась с ней по-настоящему, она лишь прижимала Алису небрежно, словно ей невыносима близость дочери, словно прикосновения Алисы обжигают кожу, затем мама отстранялась, мускулы на её лице расправлялись. Когда в школе дела шли не очень и хотелось рассказать, какой Петров козёл, а Ленка дура, Алиса шла к отцу, он без интереса выслушивал её, молча кивал, виновато улыбался моментами и никогда не ругал за происходящее. Если его не было рядом, она подходила к матери и просто прижималась к ней ненадолго, так, чтобы успеть закрыть глаза, вдохнуть нотки ванильных духов и незаметно отстраниться, взглянув на холодную сталь её очков, пока мама не стала допытываться, что стряслось, ведь если ей всё рассказать, то Алисе не избежать разборок.

Дымящееся молчание разъедало воздух. Алиса понимала, что все пытаются свикнуться с мыслью об убийстве. Она и сама пыталась принять это. Нет, она уже решила, ещё вчера она была готова сказать это, но не доставало ясности ума, вчера разум был объят страхом и жалостью, самые плохие чувства, они сковывают руки и сердце. Сегодня всё удалось выстроить в линейку, и этот определённый ею путь лежал через нож.

Алиса водрузила ворох ткани на колени, подпирая ладонями справа и слева, словно нож мог соскочить, как непослушный ребёнок соскользывает с коленей, а ведь он и правда мог, машина под управлением Якоба виляла, петляла, несмотря на отсутствие ям на трассе, дождя и чего ещё там боятся во-

дители, потому нож мог упасть в ноги, потеряться в тяжёлом дыхании Жени, ехидном Лёлином смехе, неодобрительном взгляде Якоба.

Охотничий, самодельный, он заставлял смотреть на него, не давал сфокусироваться ни на чём другом. Она осмелилась сжать кожаную рукоять, которая, словно рога были отпилены именно под руку, как под заказ ложилась в ладонь с выступом для большого пальца. Зазубринки на рукояти, которые холодили шероховатой неотполированной поверхностью, говорили о неумелости мастера, соорудившего оружие. Сделал ли дядя сам или кого-то попросил, не так важно, важнее, для чего предназначался нож, Алису терзал вопрос о том, для чего он сделан, но она не осмеливалась задать его Жене. На вживлённом в кость лезвию виднелась надпись «викинг» и обозначение сплава «440 сталь». Алиса прикинула размер лезвия указательным и большим пальцами, сантиметров десять есть, изогнутое волной снизу, заточенное остриё играло бликами на солнечном свете. Алиса почти не дышала, смотрела и смотрела на нож, сжимала его вспотевшей ладонью, разглядывала царапины на лезвии, которые остались после очередной заточки, неумелые, неловкие взмахи ранили сталь снова и снова, вырисовывая на ней кованые морозом узоры. Лезвие у основания казалось куда шире, чем у острия, она проводила подушечками пальцев по металлу, отчего десны начинало саднить.

Алиса вдруг осознала, что не видела ничего прекраснее этого ножа, леденящий взгляд металла, сияющий в лучах мертвецки слепящего солнца, пленил её, словно больше вокруг ничего не было. Раньше она не понимала, что может привлекать охотников и рыбаков в холодном оружии, да и вообще в оружии, ведь оно несет в себе только смерть, конец жизни, но теперь и она рассмотрела что-то в этом куске металла, который вдруг завладел её разумом, мыслями, в них не осталось места для чего-то кроме. Как теперь думать о спасении людей, если рядом находился нож, ключ от спасения, ключ от лучшего мира. Стоит им воспользоваться, как волшебной палочкой, и ты попадёшь в череду событий, из которых уже не выбраться. Да, она совершит это только раз, только однажды воспользуется им, но что произойдёт дальше? Женья говорил, что у них есть сторонники, а если у Правителя они тоже есть? Что делать, если вместо него править альтгёрами будет кто-то не менее жестокий? Убить и его? Тогда это будет продолжаться вечно. И всё же за неимением плана нож — лучшая страховка.

— Никто его не заберёт, можешь не бояться, я не буду тебя отговаривать, — слова Якоба посыпались на Алису.

Она глубоко вздохнула, набрав воздух через нос и со скрежетом о кожу засунула клинок в ножны, сшитые крупным хватом капроновой нити, никак не зафиксированной по бокам. На конце ножны соединялись, две половинки плотно стиснуты друг с другом, на одном конце зияли трещины для продевания пояса, а на другом болтался медвежий коготь, который сразу привлёк внимание Алисы, но мысли о смерти заняли её сознание и заставили на некоторое время забыть о выдранным из чьей-то лапы когте с остатками подушечки пальца на основании.

— Он правда медвежий? — прищурилась Алиса.

— Правда, — в глазах дяди засветилась гордость, но тут же рассеялась. — Жаль, что придётся его использовать вот так. Прости меня, — взгляд его стал влажным, Алиса откинулась на спинку сиденья, чтобы не смотреть на него, чтобы самой не расплакаться.

— Откуда он у тебя?

Она пыталась говорить беспечно, как обычно, будто ничего не должно произойти, ведь когда ты не придаешь важности своим поступкам, то все происходит, словно понарошку, как в детской игре, ты пьёшь чай из кукольных блюдечек, печешь пирожки из песка, и они кажутся самыми вкусными, самыми настоящими. Женья ничего не ответил, молча разглядывал пробегающие в окне деревья. Алиса вспомнила, как Лёля всегда пробовала пирожки и суп, кото-

рый они помешивали найденными на улице палочками, и морщилась, а она никогда не отваживалась это повторить, только недоверчиво глазела на подружку и притворялась, будто всё это ей тоже кажется вкусным. Вот бы позвонить маме, вот бы снова оказаться в детстве.

Вместо детства Алиса очутилась возле устрашающего забора, за ворота которого машина не стала заезжать, чтобы не вызвать подозрений. При подъезде в город они снова проговорили, кто что будет делать, Якоб надел солнечные очки в чёрной поцарапанной пластиковой оправе, чтобы больше походить на агента, отчего Лёля закатилась очередной трелью смеха, на которую Женя не улыбнулся, лишь, подобно Алисе, округлил маленькие глаза, стал перечислять, где они могут найти необходимые доказательства. Они повторили, что Женя будет отводить от них мысли всех обитателей, ведь альтьёры не должны ничего заподозрить, Якоб будет в тандеме с ним концентрироваться на защите, а также будет дежурить на стоянке, чтобы увезти команду прочь из правительской обители. Лёле предназначалась роль посетительницы, она отвлечёт зазевавшуюся медсестру, будет расспрашивать её о часах посещения и документах, которые нужно предоставить. Всё оказалось продуманным настолько, что оставалось только незаметно провести Женю на территорию, и не просто на территорию, а в кабинет, ужасающий тёмно-серым цветом и угрюмо висящей в воздухе опасностью, и найти ту самую красную папку с планами.

Алисе казалось, что ей будет страшно, на неё снова нападёт неловкость, но, проходя мимо зданий с палатами тех, кто вчера участвовал в создании наводнения, она дышала ровно, ничего внутри не всколыхнулось, ничего не стало вздыматься тяжёлым греющим покрывалом страха, не накрыло сознание, не выводило из себя, она лишь почувствовала нечто иное, чего раньше не ощущала, что-то, что могло защитить её и окружающих людей, не всех, но многих, чувство самозащиты, в которое она поверила, в правильности которого не оказалось сомнений, Алиса дышала им, оно двигало ею, и эта самая самозащита должна была довести её до конца.

Она проплыла мимо поста охраны, крепче прижимая к себе сумку с ножом, он подогревал её ещё недавно трепещущее сердце, а теперь ставшее большим и спокойным, словно говьяжье. Она, как обычно, открыла каморку, перебрала инвентарь, а чуть позже, в предвкушении расплаты, склонилась над ведром, опустила прорезиненные руки в отдающую хлором жидкость, выловила тряпку и выжала её с таким усердием, что тряпку пришлось заново окунуть в воду.

За работой время пролетело незаметно. Когда Алиса взглянула на часы, она с громким от неожиданности вдохом пустилась к лестнице вместе с ведром, взобравшись, бросила его и швабру у кабинета, она кинулась к пожарной лестнице, открыла балконную дверь, ручку от которой припрятала в кармане, и втащила заждавшегося Женю внутрь.

— Идём в кабинет директора, — сказала Алиса, оглядываясь по сторонам.

Её руки никогда прежде не были так тверды, она без труда отыскала на связке ключ от кабинета Правителя, вставила его в замок, тот скрежетал в скважине, создавал шум, разносящийся эхом по коридору, она озиралась через левое плечо на Женю, который закатывал глаза и нервно дёргался. Неужели он концентрируется так на мыслях обитателей? Вот он замер и уставился на неё, а затем снова пустился в припадок. Она знала, что сейчас Лёля говорит с медсестрой на посту, что Правитель ровно десять минут назад выехал за ворота вместе с помощником, что секретарь ушла на обед, и у них есть ровным счётом полчаса, чтобы сделать в кабинете «уборку», а если по каким-то причинам Правитель вернётся, то Якоб, неизменно дежуривший у ворот, наберёт с Жениного телефона её номер и объявит тревогу фразой «все вы любите».

Женя тяжело дышал ей в плечо, но уверенность в том, что всё пройдёт, как надо, не покидала её. Она толкнула дверь в кабинет и произнесла, глядя на дядю и утирая влажное лицо тыльной стороной руки:

— Твой выход.

Женя одарил её диким взглядом, словно хлестнул запаренным веником, но вошёл внутрь, торопливо стал выдвигать ящики т-образного стола, перебирать бумаги, ощупывать каждый сантиметр кабинета в поисках того единственного, чего им недоставало. На его потёртом возрастом лбу выступали крупные капли сожаления, собираясь в стайки и стекая ручейками в возрастные трещины. Она с мгновение смотрела на него в непонимании, что делать, потом принялась также перебирать папки на стеллаже из темного дерева. Синяя, зелёная, договора, буквы, цифры, метки маркерами на пластике и ничего, что могло бы дать зацепку за реальность его преступлений.

Алиса судорожно продумывала варианты, где ещё можно найти то, что спасло бы людей, но если даже Женя не знает, то она и подавно.

Она вытащила телефон из кармана и набрала маму.

— Я скучала.

— Что-то случилось?

Произнёс взволнованный мамин голос вместо банального «привет». Алиса вздохнула, но произнесла:

— Нет, не волнуйся, всё хорошо, тебе не о чем беспокоиться, — и добавила, словно сжалившись: — Я позвоню после работы.

— Милая, приезжай домой, без тебя квартира совсем пустая. Ты принимаешь витамины?

— Я позвоню, мам.

Мама ответила молчанием, словно понимала, что Алиса не перезвонит. Как город скоро накроется летним зноем, наступающим лишь на несколько дней, а серые здания в этот момент накалятся под жгучим взглядом и терпеливо будут ожидать влаги, так Алиса с мамой накрылись сожалением о том, что не могут находиться рядом, ведь поговорить по душам означает для каждой признать свою неправоту, переступить через горделивое сознание и сделать самый сложный шаг, с которым сталкивается человек, — простить.

— Всё, — обеспокоенно Женя вскинул голову, тряхнув немытыми волосами, с которых посыпались белые хлопья прямо на папку с бумагами. — Он знает.

— Что знает? — в недоумении Алиса развела руками.

— Он уже здесь. Ожидатель нас сдал... — Он вернулся в реальность. — Алиса, здесь ничего нет! Нет никаких...

Он по-мальчишески взъерошил волосы и опрокинулся на директорский стол, захохотал, вскочил и взобрался на столешницу, как на лестничные перила. Он смеялся диким, нечеловеческим смехом, Алиса съежилась, она стояла в нерешимости, не зная, то ли листать папки, то ли стащить Женю со стола и отвести к машине.

— Доказательств здесь нет, — его лицо покрылось льдом спокойствия. — Все доказательства, — ухмыльнулся он, как делал это Якоб, и постучал по правому виску указательным пальцем, — вот тут.

— Что ты говоришь? — Алиса пустила фейерверк запястьем, выкинув руку вперёд. — Что это значит?

— Все доказательства в его голове. Вот что. Здесь мы ничего не найдём.

Его опущенные руки болтались, как канаты качелей. Тело Жени, та оболочка, что осталась от него, бесшумным призраком бросилось в приёмную.

— А как же документы? Нужно всё убрать! Иначе он... — тараторила Алиса.

Дядя бросился обратно и схватил за рукав её, собирающую просыпанные бумаги. Она лишь на долю секунды взглянула на него и поняла, что произошло.

— Не может быть... Там же Лёля!

Она бросилась из кабинета, захватив лишь связку ключей, которая могла ещё ей пригодиться. Не помня своего имени, она хваталась за пронсящие мимо шершавые белизной стены, окунувшиеся в краску перила, в то же время ежесекундно проверяя, торопится ли за ней Женя. Им нужно предупредить

Лёлю, Якоба и сматываться. И если у Якоба хватит ума уехать, скрыться как можно дальше, то Лёля останется на территории.

— Нам нужно бежать! — Якоб уставился на неё вопрошающе, держа входную дверь открытой.

Она смотрела на него и тут же оценивала расстояние до жилых зданий, в которых находилась Лёля.

— Мы не можем. Она большая девочка, она выберется, — кивал он.

Он повел Алису за собой напрямиком к корпусам.

— Ты же сказал... — Алиса потёрла горло, жажда донимала с самого утра.

— Через охрану нельзя, они уже получили команду нас не выпускать. Якоб будет ждать нас с чёрного входа.

— Какого хода? Откуда ты о нём знаешь?

— Я же псих, чёрт возьми, — утёр он рот.

Алиса выглядывала в окна здания красноголовый силуэт и тут же набирала Лёлю на мобильном. Они прошли мимо тихим ходом, стараясь не вскидывать руки, не вертеть головой, целенаправленно следуя плану.

— Не оборачивайся, — рычал Женья.

Алиса не могла ни обернуться. Она увидела бросившуюся за ними Лёлю, её стройную, облачённую в чёрное, а оттого ещё более худую на вид фигуру, охранников, которые, словно спущенные псы, тяжеломерно и неуклюже переставляли ноги, казалось, они сейчас перейдут на бег на четырёх, как медведи, и, несмотря на Лёлину гибкость и ловкость, оказалось, что бежит она медленнее, чем церберы Правителя. По знаку Жени она бросилась вместе с ним в противоположную сторону. Похитители бежали, не чувствуя собственных животов, Алиса всё оборачивалась, чтобы убедиться, что Лёля вот-вот нагонит их, но охранники уже схватили её.

— Лёля!

Заверещала Алиса и бросилась в сторону подруги, но жилистые дядины руки схватили её и поволокли силой к заросшему кустарником забору, в котором зияла спасительная дыра. Он затащил невольное Алисино тело и бросил её в руки Якоба, словно она была не человеком, а баскетбольным мячом, она не помнила, что произошло дальше, только видела чьи-то силуэты, которые ждали её так сильно, что она потеряла сознание.

Она очнулась на стоянке какого-то продуктового магазина, обнаружив себя свернувшейся на заднем сиденье «Лады».

— Где Лёля? — взвизгнула Алиса, вскочив на колени и тут же пригнувшись оттого, что уперлась головой в мягкий потолок.

— Все мы любим сбегать из тюрьмы, но вот быть украденными...

— Не носи чушь! Как ты достал меня!

— Тихе-тише, — Якоб откатил назад сиденье и прислонил вспотевшую ладонь, пахнущую машинными маслами, к её рту. — Я бы так не визжал на твоём месте.

Он сделал радио громче.

— Евгений Алексеев объявлен похищенным. Мужчина похищен из психоневрологического интерната. Преступник — Алиса Алексеева, одета в синюю водолазку, темные джинсы, отличительные особенности — чёрные волосы, низкий рост, опасна и вооружена. Евгений — спокоен и не опасен, пока принимает лекарственные препараты, при обнаружении просьба позвонить по номеру...

— Что происходит?

— Ты попала в новости, — Якоб сдвинул брови с извечной ухмылкой.

— Это не смешно, — раскрыла Алиса рот. — Они перепутали мою фамилию. Где Женья? А Лёля?

— Мы оставили Лёлю там, прости, мы не могли вернуться. Приди в себя! Вас закроют обоих, ты должна собраться, у нас нет доказательств, мы должны действовать быстро, иначе всё провалено.

— О чём ты говоришь?

— Я договорился о встрече на телевидении, эфир вечером, вы выступаете гостями в программе вместе с Женей, такой тебя на тиви не пустят, — он проскользил по ней оценивающим взглядом, а затем бросил в неё шелестящий свёрток. — Переодевайся, обещаю не подсматривать. Вас не должны узнать до эфира.

Глава 7. Эфир

По прыгающим ушам Алисе стало ясно, что Якоб улыбается. Когда он повернулся, она заглянула в его глаза и лишилась надежды обнаружить в нём хоть каплю серьёзности, несмотря на возрастные круги под глазами, он напоминал ребёнка. За недолгое время знакомства она успела подсмотреть за его повадками, чертами лица, уловить нотки несовершенства, которые напоминали ей о своих недостатках. Когда видишь, что находящийся рядом человек несовершенен, невольно задумываешься, что и сам ковыряешь в носу, невольно стираешь нарисованную тушью стрелку, когда трёшь глаз, грызёшь ноготь в задумчивости, прилюдно чешешь живот, потому что чешется же. И когда видишь, что люди делают ровно то же, что и ты, твои недостатки меркнут, и то, за что ты себя наказывал, ругал, что обещал больше никогда не делать, бледнеет и становится незначительным, таким малым, что можно об этом не думать.

Она впилась взглядом в спинку кресла, напрягнувшись под весом Якоба, нахмурилась в попытках понять, всерьёз ли он говорит о встрече на телевидение, или это очередная шутка, над которой они посмеются.

— Ладно-ладно, и что я там скажу? — сдалась она.

— Правду, — отрезал Якоб, его голос мог показаться серьёзным, если бы он не добавил свою присказку: — Все мы любим слышать то, что удобно, но правда неудобна. Ты должна всё рассказать.

— Хорошо.

— Ты поняла?

— Да, Якоб, я поняла! Что ты хочешь от меня? Лёлю схватили.

Ей захотелось зарыться в одеяло, обхватить колени и никого не видеть. Всё произошло так быстро, что она не успела даже подумать о том, что может вернуться, может дожидаться Правителя, чтобы сделать то, что должна. Страх объял её неокрепшее тело, она бежала как самый настоящий трус, бросила друга, и вот теперь как герой выйдет перед сотнями, тысячами телезрителей, чтобы дать ложную надежду на спасение и защиту, в то время как сама не смогла уберечь подругу.

— Она ничего не стоит для них, — он протянул раскрытую ладонь. — Они отпустят её, зачем им что-то делать с ней?

— А если они убьют её? В этом я буду виновата.

Алиса попыталась представить песчаный пляж, объятый солнцем, и маленькую Лёлю, но картинка исказилась, как на экране телевизора, когда на канале объявили профилактику, и Лёля куда-то исчезла.

— Ты наденешь на камеру очки и сама будешь в очках. Все увидят Женю таким, какой он есть, все поверят, Алиса.

Он словно верил в свои слова.

— Но нам нужно вернуться за Лёлей.

— Нам нужно сделать то, для чего мы все старались, довести до конца начатое, иначе всё будет зря.

Ничего не получилось и теперь не получится. Алиса смотрела на шелестящую листву, которую безжалостно рвал поднявшийся ветер. Жени всё не было, и она почувствовала себя брошенной, такой же брошенной, как и Лёля. Что с ней делает Правитель? Отпустит ли её или оставит пленницей? Быть может, он пытается её, выведывает, где прячутся Женя и Алиса, а она только

хитро улыбается, сдувает с лица красные пряди, сидит с видом победителя и даже не думает сдаваться. Лёля сильная, не то что она. Почему Якоб так спокоен? Когда они провалили задание, сидеть с этой своей ухмылочкой — ненормально. Алиса натянула юбку длины макси и широкую блузу не в её вкусе, в такой развее что туристом на прогулку для памятных фотографий.

— Я люблю джинсы... Откуда взялась одежда?

— Тебе не понравится ответ, — хмыкнул Якоб. — Мы там ничем не можем, возвращаться туда нельзя. Им незачем убивать Лёлю, она никто, разве только потешить эго Правителя.

Алиса всплеснула руками, допустить мысль, что кто-то может причинить боль Лёле, — непозволительная роскошь. А что ещё делает Правитель? Только и тешит эго.

— Хорошо, — вдохнула Алиса, запрокинув голову. — Но потом мы вернёмся за ней. Мы не оставим её.

— Нужно только решить наши дела.

Как было бы хорошо, если бы Якоб, как её мама, решил все проблемы, он не раз приходил на выручку, достал очки, спас от глупого, необдуманного решения выйти из игры, именно он привёз Женю, подобрал их у забора, сквозь деревья улизнул на машине. Слишком много совпадений, связанных с ним. Тут в Алисиной голове что-то перемкнуло: не заодно ли Якоб с альтьёрами? Он свободный агент, работает на них, почему бы ему не играть на три стороны, тут он, такой, их предаёт, а на самом деле предаёт Женю, а не альтьёров.

— Как тебе удалось? Договориться. Это же телевидение?

Последнее слово Алиса произнесла по слогам. Она недоверчиво рассматривала его смеющееся лицо в зеркале заднего вида.

— Это всё тётя, она работает там, через её знакомых и договорился. Знала бы ты, как мне попадёт, когда она вернётся домой! — прихрюкнул он.

— Ну да, ну да...

Что, если его тётя сидит вместе с Правителем и потягивает кофеёк, поджидая их прямо в руки? Пока Алиса размышляла о причастности Якоба к событиям, из ниоткуда возник Женя, вовсе не похожий на Женю, которого она знала, в растянутых, затёртых одеждах возле машины стоял, что только не привидится под палящим солнцем, кто-то другой, одетый в галантный пиджак, по фигуре ложившийся на тёмные джинсы. Его зализанные иссиня-чёрные волосы блестели под солнечными лучами, искрясь и переливаясь, словно это был не Женя вовсе. Алиса хихикнула, на секунду забыв, что только что потеряла подругу, возможно, навсегда.

— Женя, откуда ты всё это взял? Тебя прямо не узнать!

— Ты тоже не похожа на себя, — показал он на искрящуюся блузу Алисы.

— Да, точно, — недоверчиво она покосилась на свой живот. — Женя, нас ищут! Нас объявили в розыск! По радио сказали, — говорила она так, словно убеждала сама себя. — Нам нужно спрятаться. Ты слышишь?

— Да, слышу, я просто... — замотал он головой. — Пытаюсь понять, что они собираются делать. Они блокируют мои мысли, я больше не слышу их. Они ищут нас. Это страшнее, чем полиция. Они не знают про Якоба, только про меня, можно спрятаться у него.

— Да, да, ты прав.

Алиса закивала, но тут же схватилась за голову и наконец разрыдалась. Слезы катились из глаз, никто не говорил ни слова. Плечи Алисы содрогались сами собой, она пыталась остановить это, подбрав руки к телу, чтобы не выдать, что готова повалиться в ноги и безутешно биться в рыданиях. Всклипывания выходили из неё резкими стонами, словно тело трясло что-то изнутри. Ей хотелось закрыть лицо руками, обхватить себя, но она не сделала этого, ведь так её плач станет очевидной слабостью, а пока она сидела, как и прежде выпрямив спину, она оставалась сильной, и лишь слёзы и возгласы, прорывающиеся из неё, свидетельствовали против. Какая же она жалкая, неумеха,

если бы она взяла и вонзила нож в тело Правителя, то это бы решило их проблему, и тогда Лёля бы не попала к сумасшедшим. Глупая-глупая Алиса, она повалилась к дяде на плечо и позволила себя пожалеть.

По прошествии всхлипываний в рукав хрустящего новизной пиджака Алиса вспомнила о том, как не любит касания, представила, как угрожает Якобу тем, что откроет дверь и выпрыгнет на ходу, но нет, конечно, она этого не сделает, ведь выпрыгнуть из машины означает убить себя, а это можно сделать более гуманным способом, например, явившись к альтьёрам, да и она не настолько смела, чтобы проверить теорию на практике. Лёля поступила бы так, не раздумывая. Или раздумывая. Ей вдруг показалось, что на самом деле она не знала Лёлю настолько, чтобы понять её, хотя могла угадать, что Лёля выбрала бы пельмени на ужин, что ответила бы на любую фразу собеседника, что сделала, если бы оказалась на месте Алисы. А что сделала бы сама Алиса? Казалось, что ничего, тело перестало слушаться её, существовать, она испарилась, осыпалась невидимыми кусками когда-то бывшего плотью существа. Не хотелось есть, говорить, идти куда-то, просто потому что её кто-то взял и разрушил. Апатия медленно пожирала её разум, наполненный цифрами, датами, формулами, именами, улыбками людей, которых она встречала когда-либо, злостью за все беды, случившиеся в её мире, никто не знал, что эти беды лежат на плечах одного-единственного человека, она бы рада была смахнуть с себя это ощущение и вернуть всё на свои места, но на это не осталось сил. Пока Якоб вёл машину, а Женя рассматривал отданные ему Алисой часы, тиканье которых разряжало немой воздух, Алиса пыталась наскрести горстку храбрости, чтобы сделать то, что они задумали. Она не могла представить, как зайдёт в телестудию, как отважится поздороваться и представиться, ведь для этого нужно быть смелой, а она всего лишь маленькая Алиса, которую лишили единственной радости. Она не сможет, нет, нужно доверить это Якобу, он не будет стесняться. Подумать только, её услышат и увидят все, кто будет смотреть телевизор. Всегда казалось, что на телевидении выступают и работают настоящие звёзды, ведь, чтобы делать это, нужно быть таким отважным. Это не про Алису. И почему Женя думает, что она сможет? Нет, с этим справилась бы Лёля, но никак не она. А если Якоб и правда на стороне альтьёров, если он подставит их, окажется предателем, тогда всё пропало.

— А почему ты думаешь, что если убить Правителя, то мы победим? — она посмотрела на Женю снизу вверх, потирая красный от слёз нос.

— Лёня занимается распределением, он подбирает новые тела для альтьёров, это не так сложно, как кажется. Он просто не найдёт новое тело для Правителя, — он на секунду замолчал, почесав небритую щёку. — У Правителя нет никакого плана на такой случай. Если убить его, то он не умрёт, но и вселиться ни в кого не сможет, через пару суток он просто задохнётся без воздуха, его смерть будет мучительной.

Последние слова Женя произнёс негромко, с причмокиванием, словно пробовал на вкус что-то сладкое, слова скатывались с его тонких губ, которые он то им дело поджимал, крупницами, словно он боялся сказать лишнее, или что кто-то услышит их разговор, Якоб наверняка в рёве двигателя не слышал, о чём говорят на заднем сиденье. Возможно, Женя тоже считает Якоба предателем? Он мог бы сказать всё ему в лицо, выплеснуть скопившуюся горечь, обиду и чувство несправедливости, если он в действительности так болел за людей. Не хочет ли Женя сам стать новым Правителем? Быть может, всё не так, как ей кажется, он просто хочет сместить старого, а сам займёт его место? Невообразимо. Нет, этого просто не может быть.

— Мы подъехали. Эфир через час, вам надо торопиться.

Она смотрела на него и понимала, что, пока они находятся на телестудии, он может сделать всё что угодно. А ведь тётя, о которой он говорит, может оказаться не тётей, она может оказаться Правителем, ему раз плюнуть договориться о встрече на телестудии. И что тогда? Если он приведёт сюда Правите-

ля, то этот эфир станет последним событием в её жизни. Якоб всё так же кривлялся, она взглянула на Женю, его добродушная улыбка куда-то улетучилась, перед ней сидел серьезный, с двигающейся челюстью, а оттого смешно шевелящейся бородой, непробиваемый мужчина, сжимавший в кулаках мечь.

— Мы справимся, — произнёс он уверенно.

Если бы не смешающая растительность на его лице, то Алиса бы сдержалась и не хихикнула, наверное, это могло показаться Жене насмешкой, но Алиса ничего не могла с собой поделать. Никто больше ничего не сказал. Алиса только прищурилась, достала зеркальце из рюкзака, увидев в нём отёкшие веки, свидетельствующие о недосыпе, бледную в красных пятнах кожу, словно она застряла где-то в подростковом возрасте, и неловкие длинные ресницы, уложенные невпопад. Порывшись в рюкзаке, она выудила пузырёк туши, постучав им о ладонь, накрасила глаза.

Если Якоб ещё вчера жарко рассуждал о свержении Правителя и предотвращении убийства людей, то сегодня он больше молчал и ни слова не проронил о случившемся. Алиса пристально следила за каждым его движением. Она схватилась за засаленные волосы, которые не мыла уже который день, в каждом шорохе ей чудилась угроза, в любом движении и вздохе она видела ухмылку, играющую на лице Правителя. Если вчера он покусился на людей, которых она не видела и не знала, то сегодня он допустил непростительную ошибку, он тронул самое дорогое, что было у неё, — её подругу. За неё она готова бороться, да, она пойдёт и покажет всем, на что способна, раскроет его планы, обличит, несмотря на внутреннюю тревогу, которую нельзя унять. Она взглянула на часы, пять-десять, пора выдвигаться.

— Я буду ждать вас здесь, как только эфир закончится, вам придётся бежать, главное, найдите меня и не соглашайтесь ни на что. Компромиссов не будет, — он артистично поджал губы, так что его лицо сплющилось.

— Мы знаем, Якоб, — Женя говорил так, словно не собирался возвращаться.

Якоб протянул коробку с очками, Алиса вопрошающе посмотрела на него, вдруг он передумает, решит идти вместе с ними.

— Алиса, ты должна это сделать, ты одна среди нас нормальная, адекватно мыслишь, нам с Женей, — помотал он головой, — просто не поверят. Не подведи нас, возьми очки.

— Идём вместе с нами! Я никуда не пойду без тебя.

— Сейчас не время для капризов, — Якоб сверлил её взглядом.

— Он прав, Алиса, нам пора, — Женя встал на сторону Якоба.

— Что же, нам действительно пора, поэтому тебе решать, — уставилась она на Якоба. — Или мы идём все вместе, или я не иду.

— Вот заноза, ладно, я с вами.

Он толкнул коробку ей в руки. Алиса подняла крышку и увидела те самые очки с розовыми ромбами, с которых всё и началось. Она предложила Жене первому взять свою пару, но он помотал головой, уступая ей надеть очки первой, она содрогнулась, вспоминая, что увидит, когда наденет, но не стала перечить, достала очки и водрузила короной на голову. Женя повторил её действия, и, кивнув друг другу, они шагнули в подогретый июнем воздух.

Первая преграда, с которой они столкнулись, оказалась не так страшна, как нависающее нападение Правителя, всего лишь закрытые ворота. Алиса застыла в нерешительности, охранник не спешил покидать своё маленькое убежище, как и она, когда попала на сеанс вызывания бури. Перед Алисой снова замелькали картинки, мужчина, записывающий всё в блокнот, Правитель, вздымающий руки к потолку, вызывавший то ли духов, то ли стихию, маскарад чокнутых. Она, колеблясь и оглядываясь на заглушенную машину, задала Жене вопрос еле слышно, ветер подхватил её слова и попытался унести их прочь. Она спросила, сколько человек погибло и остановлено ли наводнение, на что дядя помотал головой, сомкнул веки и проронил лишь одно

слово, слово, которое вселило в Алису уверенность, при этом обрело почти материальную силу, дав ей толчок, которого недоставало, оно донеслось до неё таким же шёпотом, как и в момент встречи с Якобом:

— Сотни...

Ни секунды не медля, Алиса схватила Женю за руку и, отбросив трусость, миновала ворота, протаскивая дядю в калитку прямо к будке пропускного пункта, решительно заколотила в окно, даже если бы охранник спал, то наверняка бы проснулся от поднятого шума.

— Здравствуйте, — произнёс он, с презрением окинув их взглядом, словно оценивал, не подгнили ли фрукты, которые взвешивал продавец в овощном ларьке.

— Мы на передачу, — произносила Алиса скороговоркой, а сама ругала себя за то, что даже не спросила названия передачи у Якоба.

— Хм, ваши паспорта, — сказал он в усы, не глядя на них, словно говорил кому-то, кто сидел у него за спиной.

Алиса посмотрела на Женю, тот еле заметно кивнул, она порылась в сумочке и, думая о том, что охранник мог слушать радио, что же ему ещё делать в своей каморке, протянула документы, Якоб подал свои. Сейчас он нажмёт тревожную кнопку или наберёт на быстром наборе полицию, тогда их миссия закончится. Но он посмотрел на документы, хмуро окинул компанию взглядом, пошевелил усами, захлопнул паспорта и протянул им обратно с вложенными бумагами.

— Держите пропуска, на выходе не забудьте вернуть.

— Вернуть их вам?

— Ну да, — насупился он. — А есть другие варианты?

Женя и Алиса, переглянувшись, промолчали.

— Здравствуйте! Евгений и Алиса? — сзади подошёл мужчина в перевёрнутой чёрной кепке с бородкой чуть короче, чем у Жени.

— Да, — неуверенно потянула Алиса, бегая глазами в поисках пути отхода. — Это мы.

— Меня зовут Артём, я оператор, меня попросили вас встретить, пройдёте, программа скоро начнётся, нужно вас подготовить.

— Я с ними.

Оператор лишь взглянул на Якоба и ничего не сказал.

Им ничего не оставалось, как посеменить за оператором. Алиса окрестила его Чёрным плащом, потому что он был одет в чёрный балахон, развевавшийся позади него. Она подумала, что ему нужно выставить руку вперёд, и тогда он точно будет походить на героя-спасателя. Они следовали за плащом, только сейчас Алиса заметила, что над зданиями, больше похожими на бараки, возвышалась огромная башня из металлических трубок. Издалека она привыкла видеть телевышку, мигающую разноцветными огнями, а здесь она казалась лишь высоким металлическим столбом из множества деталей, не такой внушительной и прекрасной, как издали. Алиса разочарованно проморгалась и подумала, что вблизи не всегда всё так сладко да гладко.

Они направились в административное здание по выложенной камнем дорожке, мимо ангаров, располагавшихся поодаль, оставив за спиной стоянку и будку охранника. Вот и всё. Сейчас всё произойдёт. Больше не нужно ждать, догадываться, что случится, как отреагирует мама, что подумают люди. Условности, именно они сдерживают нас. Алиса думала об этом столько раз, что сбилась со счёта. Какие-то ненужные, неважные вещи мешают добиваться главного, того, чего хочешь на самом деле, а это главное тем временем отдаляется от тебя. Сидишь ты на приёме в поликлинике, и приходят люди без номерков и вклиниваются в очередь, а ты зачем-то взял номерок, записался вовремя, пришёл пораньше, в это время приходит твоя ровесница с грудным ребёнком и пытается пройти вперёд, мол, ребёнок же, и все соглашаются, и ты соглашаешься тоже, подстраиваешься, хотя по большому счёту тебе нет

дела до ребёнка и его матери, и ты, собственно, не хочешь сидеть дольше положенного, ты же не виновата, что не родила так рано, а после привозят больного из отделения, и ты сидишь ещё и не можешь сделать ровным счётом ничего. Пора сказать «нет» условностям, двигаться прямо к цели, не обращать на помехи внимания. Сегодня всё произойдёт, как и должно, сегодня она не позволит обстоятельствам помешать задуманному, она сделает то, к чему готовилась, что планировала, ожидала так долго. Да, обычно повседневность тянется длинной нитью из бесконечного клубка «будет», «когда-нибудь», «не сегодня», но, если ты подошёл к черте, у тебя есть только два варианта: сделать то, что нужно, или уйти ни с чем.

Алиса шла, ведомая Чёрным плащом, по рябщей серостью плитке, поднималась по бетонной самой обычной лестнице, такой, по которой ходишь в подъезде пятиэтажки, и думала, как бы хорошо ни о чём не думать, всё сказать и остаться пустой. Она сделает это, выскажет всё, что накопилось, скажет, что за существо Правитель, не даст ему проснуться, станет громом, от которого не скрывается за бумагами и званиями. Как она устала утаивать от мамы, ото всех, что живёт другой жизнью, что она вовсе не она, а кто-то другой, кто-то сильный, взваливший на узкие плечи огромную человеческую беду, катастрофу размером с планету, неминуемую угрозу. Как хорошо, что можно во всём сознаться, облегчить душу, наконец-то перестать скрываться, не бояться, что всё разлетится испуганными голубями, что клевали крохи хлеба, а теперь взмыли в воздух, не зная, куда они летят, куда приземлятся, как разрешится этот хлопок-взрыв, оглушивший покачивавшиеся в морозном оцепенении деревья и посапывавший в зимнем сне купол городской сцены, а теперь открывший глаза и сквозь морозную пелену взглянувший на прозябающий город под испуганный шелест голубей, водрузившихся на него. Она всё расскажет, она это сделает, выпустит царившую в её сердце зиму в наступавшее по всем фронтам лето.

Плащ замедлил шаг, и они, словно часть его огромного тела, тоже приостановились, по инерции накатываясь друг на дружку. Алиса, словно глядя на всё это со стороны, сквозь приглушённый свет коридора, думала, что кто-то нажал на кнопку замедленной съёмки. Она дышала предвкушением долгожданной победы, кроме которой не видела ничего, только к ней она двигалась, выполняя монотонные действия на работе, в общечитии, в разговорах с подругой (бедная, бедная Лёля) за приговлением скромной пиццы, в попытках найти то, что нельзя было найти. На мгновение они замерли, остановились все четверо перед открывшейся дверью в цветком распускавшихся лучах хирургического света студии.

Дальше происходило всё настолько стремительно, что Алиса не успевала следить за действиями друзей. Словно актёров, их с Женей обмахивали жёсткими кистями, которые беспощадно оцарапывали кожу, пока в воздухе рассеивались крупинки пудры.

— Не волнуйтесь, скоро всё закончится, — улыбнулась блондинка со стянутыми в хвост волосами. — Первый раз всегда страшно.

Алиса ничего не ответила, только присмотрелась к ямочкам на щеках девушки, играющих дружелюбием на фоне бежевой рубашки, которая идеально ложилась на широкие плечи. Знала бы она, что действительно скоро всё закончится.

Их усадили в залитый светом, кичащийся насыщенным синим тоном дивана угол, на который уже были устремлены камеры. Алиса беспомощно моргала и оглядывала помещение, походящее больше на сарай, нежели на телевизионную студию. Картинка по телевизору выглядела совсем иначе, на неё был похож лишь диванный уголок с креслом для ведущего, всё остальное серело тёмными красками, бетонными покрытиями, ящиками вместо стульев, раскинутыми проводами оборудования. Глаза слепило светом прожекторов, что висели под потолком на металлических трубках. Она никогда не подумала

бы, что так делают телевизионные передачи. Мимо них ходили люди, много людей, незнакомые, не обращающие на них внимания, словно их и не было вовсе, они что-то делали, мельтешили, переговаривались украдкой, не улыбались, кто-то хмурил брови, кто-то натужно кивал коллегам. Алиса не видела лиц, для неё все казались какими-то одинаковыми, незнакомцы перебежками передвигались по студии в ожидании её слов, которые навсегда изменят и их жизни, и жизни всех других людей, только они ещё об этом не знали.

Потерянный Женя никак не реагировал на творившуюся вокруг суматоху, он смотрел в никуда, заметив его рассеянный взгляд, Алиса потормошила дядю за плечо.

— Женя, соберись, скоро начнётся передача.

«Что же с тобой такое?» — не произнесла она вслух. Якоб дурашливо дрыгал ногой и рассматривал всё вокруг широко открытыми глазами, то и дело подмигивая кому-то из работников, которые проходили мимо и не реагировали на его заигрывания. Пару раз его голова обыденно дёрнулась к плечу, Алиса закрыла глаза ладонью, вот же компания собралась.

— Ты в порядке, Женя?

— Да, всё хорошо, просто мне не верится, что мы здесь. Я не могу привыкнуть, что не слышу их мыслей, это так странно, словно во всём городе выключили свет и ты блуждаешь в полной темноте, идёшь на ощупь по проезжей части. Алиса, ты понимаешь?

— Поняла, я просто тебя не узнаю.

— Я тоже не узнаю, а ведь на Новый год зажгутся свечи.

Алиса ничего не ответила, ей вдруг стало страшно, а что, если здравый мозг Жени куда-то пропадёт совсем, а у неё на руках останется только нездоровый, больной Женя. Что она будет с ним делать? Сможет ли он сам есть, готовить, одеваться? Или это все придётся делать ей? Что, если им не поверят? Что, если десятки вопросов посыплются на них, а они не смогут ответить. Она вопрошающе посмотрела на Якоба. Может, он знает ответы? Именно он приходил на выручку, он всё решал, так почему бы ему не выручить их ещё раз? Или он предатель и всё делает в своих интересах?

— Ну, я пошёл, — не выдержал спутник её взгляда. — Буду на ящиках сидеть, как курица.

— Что?

Алиса улыбнулась, все беспокоящие её мысли растворились, Глупые шутки Якоба успокаивали, шутка порой помогает лучше всяких таблеток.

— Говорю, только господам позволено на диванах восседать.

Он поковылял в рабочую зону, на которой продолжали толкаться сотрудники. Откуда-то перед ней возникла блондинка с широкой улыбкой и протянула натёртый до блеска стакан воды. Она одобрительно моргнула, когда Алиса после секундного раздумья все же взяла его в руки, и испарилась так же неожиданно, как появилась. Может, она ей мерещится?

Алиса увидела, как распахнулась дверь и на секунду все присутствующие в помещении оторвались от дел, чтобы хором поприветствовать появившегося в дверном проёме мужчину:

— Здравствуйте, Игорь Васильевич!

Он сиял, как отполированная белоснежная ванна, на нём был надет искрящийся серый костюм, белоснежная, как и зубы, хрустящая рубашка, на несколько тонов темнее, но такие же серые брюки с идеальными стрелками, достающие до лакированных туфель, которые Алиса видела разве что на клоунах в цирке, куда папа водил её раз в год. Волосы Игоря Васильевича оказались уложены назад и вбок, объемной шапкой они сияли не меньше пиджака. Алиса подумала, что нужно сказать ему что-то, но он проплыл мимо, словно теплоход, входящий в гавань, и сам обратился к ним:

— Добрый день! Вы наши гости на сегодня? — Тут же добавил, обращаясь к Чёрному плащу: — Приглуши свет, невозможно же так работать.

— Да, это мы, — откуда-то изнутри Алисы прорвался голос. — Здравствуйте.

— Рад представиться, Игорь Катков, ведущий этого цирка.

«Оно и видно, цирка», — снова промолчала Алиса.

Алиса представила Правителя, пытающегося завертеть круговорот убийств. Она вспоминала, как еле сдерживала крик, когда сидела в комнате тренера и наблюдала за сумасшедшими, когда Катков вырвал её из раздумий.

— Сейчас всё начнётся, — наклонился он к Алисе.

— Приготовились! Начинаем! — прогремел Катков на всю студию, после чего Чёрный плащ сделал движение указательным пальцем, и ведущий набрал воздуха в грудь так, что пуговицы на груди напряглись.

— Добрый вечер! С вами программа «Вместе мы сила» и её, думаю, очаровательный ведущий я, Игорь Катков. Сегодня в нашей передаче участвуют гости из «Национального парка «Водлозерский». — Ведущий смотрел в камеру и тут перевел взгляд на них. — Здравствуйте, Алиса и Евгений!

— Здравствуйте, — выдавила из себя Алиса, не зная, в какую камеру смотреть.

— Они расскажут нам, как обстоят дела с экологией в республике, какие изменения произошли за последние годы, поднимут вопросы, на которых нужно заострить внимание телезрителей.

Пока он говорил, Алиса мысленно уничтожала не альпёров, нет, она уничтожала Якоба, представляя, как он под её взглядом становится меньше и меньше и, достигнув размера мыши, разводит руки в стороны, падает на колени и молит о прощении, в повиновении сложив ладони домиком. Как можно было представить их как сотрудников экологической организации? Что за бред происходит? Как он посмел всё испортить?

— Алиса, прошу вас.

Алиса проследила за мускулкой, которая дёрнулась на лице ведущего, казалось, он готов схватить её за ворот, поднять в воздух и со всей дури шмякнуть о туалетный столик, объединяющий их.

— Мы ждём вашего рассказа.

Нет, если она пришла сюда, если её слышат десятки, сотни, тысячи человек, то она доведёт дело до конца, слишком долго она к этому шла, чтобы глупая шутка Якоба всё испортила. Сейчас она всё расскажет.

Ведущий давил на неё взглядом.

— Конечно, вы пока осваиваетесь в студии, я начну. В последнее время в Карелии наблюдается увеличение снежных осадков, наши телезрители задаются вопросом, свидетельствует ли это тому, что атмосферный фон планеты все же выравнился?

— Я вам отвечу и всё расскажу, ничего не скрывая. Это чистая правда, в этом нет ни грамма фантастики или преувеличения.

Всем существом она дрожала, пальцы, вцепившиеся в стакан с водой, врученный ей ещё до эфира, тряслись, вода колыхалась, она не находила в себе смелости поставить его на стол, словно могла спугнуть ударом стаю лебедей.

— За последние годы экология в республике действительно изменилась, — она всё же ударила стаканом, от чего прикрыла глаза. — Как и во всей стране, и во всем мире.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился ведущий, обхватив большим и указательным пальцами волевой подбородок.

— Всё, что вы знаете об экологии, забудьте. В мире всё совсем не так, как вы представляли. Наравне с людьми существуют и другие существа, которые обладают разумом и силой. Они хотят уничтожить людей, и мы хотим продемонстрировать это!

Она, преисполненная гордости, стянула очки с Жениной головы и одним движением обломил дужку, от раздавшегося хруста ведущий подскочил, пы-

таясь предотвратить неминуемое, замахал руками в сторону кабинки, в которой перед экранами кудрявый мужчина прихлёбывал чай и мило болтал с длинноногой, со смеющимся лицом девушкой.

— Это альтёры, они не пришельцы, они всегда жили на земле. Евгений — один из них, сейчас вы в этом убедитесь. Но самое главное то, что они хотят нас уничтожить во главе с Правителем! Убить! Всех!

Алиса надрывала голос, выплёскивала всё, что накопилось у неё внутри, пока Якоб одобряюще жестикулировал позади оборудования. Она натянула на нос очки, пока несла вторую пару к камере.

— Пожалуйста, полюбуйтесь на альтёра! — Без промедления она прислонила очки к линзе камеры, несмотря на протестующего оператора, и сама взглянула на обтекающее безликое тело. — Вот он во всей красе! — торжествовала она. — Перед вами самый настоящий альтёр.

Её ноги задрожали от увиденного ещё больше. Вместо Жени на синем диване оказалось просвечивающее, почти прозрачное, мутное огромное тело альтёра.

— Посмотрите же и вы, — сдернула она с себя очки и под звуки сирены, раздавшиеся в здании, всучила их ведущему, пытавшемуся схватить её за локоть. — Убедитесь сами!

Покосившись на Женю, она обратила внимание на его опустевшие глаза, мог бы порадоваться, что всё, что они задумали, свершилось, несмотря на экологию.

Она торжествовала, оглядывая работников свысока, наконец это случилось, вот всё и свершилось, теперь им поверят, теперь всё будет хорошо. Люди, которые увидели их по телевизору, очнутся ото сна. Начнётся борьба человечества за свободу, за жизнь.

Ведущий продолжал жестикулировать человеку за стеклом, который наконец обратил на происходящее внимание и с заинтересованным видом стал всматриваться в Алисину фигуру и в трепещущую массу работников, которые, если бы так не боялись начальства, уже сбежали бы. Их обеспокоенные лица вдруг напомнили Алисе маму, наверное, у каждого дома есть тот, кто ждёт. Если есть куда вернуться, то и в бой идти не страшно.

Она думала об этом и судорожно пробегала глазами по людям, оцепеневшим от её слов, они не видели то, что видела она, потому что на них не было очков. Человек за стеклом что-то сделал и вышел к ним. Она взглянула на дядю, он по-прежнему бездвигательно сидел на диване. Она нахмурилась. Что же он молчит? Студия не понимает, но телезрители увидели, должны были увидеть, если трансляция не прервалась раньше. Нет, она не могла прерваться. Алиса судорожно стала вглядываться в лица людей, никто не смотрел ей в глаза, все отводили взгляд. Черный плащ с наушником и микрофоном у рта. Миловидная блондинка, подавшая воду. Тёмненькая женщина, прижимающая папку к груди. Неужели они её... Боятся. Она сделала шаг назад, комната поплыла. Страх. Это страх. Жесты, взгляды, неловкое молчание — это показатели страха! Что она натворила?

— Что же вы... — Распахнула она глаза как можно шире, так, что ощутила, как кончики ресниц врезались в нежную кожу век. — Что же вы боитесь? Кого вы боитесь? Его?

Она ткнула пальцем в Женю и снова обвела поверхностным взглядом студию. Никто не подал признака согласия. Все, кроме Якоба, притихли, будто это не телевизионная студия, а отделение банка, а перед ней разворачивается не её привычная жизнь, а остросюжетный боевик. Полузакрытые глаза Якоба не сообщали ничего хорошего, он беззвучно помотал головой и пальцем провёл по горлу туда-обратно.

— Меня... — Алиса снова отступила назад и вбок, почувствовав позади себя камеры. — Так вы боитесь меня?

Она больше не смотрела на студию, опрокинула голову, вознесла руки к потолку так, что черносмородиновые её волосы рассыпались по плечам вол-

нами, вздымаясь и норовя повиснуть в воздухе, отчего она пригладила их ладонями и вопрошающе потрясла руками, словно сверху к ней могло упасть чудо. Она бормотала что-то про страх снова и снова, шевеля пухлыми иссохшими губами, она слышала и не слышала свой голос одновременно, он словно воспроизводился внутри неё и в то же время эхом раздавался снаружи. Её внутреннее «я» говорило с ней, пытаясь предотвратить крах, но было поздно что-то менять, отступить можно только вперед.

Наконец она набрала воздуха в лёгкие и не робко, как обычно, еле слышно, так, что люди переспрашивают, а иногда и не переспрашивают, оставляя её слова без внимания, а громко и напористо произнесла, почти выкрикнула, выдавливая их себя воздух:

— Вам нужно бояться не меня. Вам нужно бояться их! — Она тыкала пальцем попеременно то в Женю, то в пустоту в сторону выхода, тут же подумав о том, что зря делают так, показывая Женю как подопытного кролика. — Бояться нужно Правителя! Это их главарь, который жаждет убить каждого из вас! Каждого человека...

Никто по-прежнему не смотрел ей в глаза, блондинка и Чёрный плащ переглянулись. Как же ей нужно, чтобы они поверили. Всего лишь вера. Именно вера порождает гениальность. Ей не нужно быть гением, ей нужно только, чтобы в неё поверили, и тогда уже она придумает, как всех спасти. Если бы кто-то подтвердил — другое дело...

— Якоб! Скажи им! — она не просила, она требовала, когда выкрикивала слова, брызжа слюной.

Он плотнее прижался к стене, поджал губы, притянул подбородок к шее. Он ничего не скажет. Трус! Все они трусы, амёбы, другим словом и не назвать.

Она приложила ладонь к животу, вдруг вспомнив, что ничего не ела со вчерашнего вечера, подумала было о бутербродах, когда взглядом наткнулась на ведущего. Только что сияющий на камеры, он сжался, превратился из звезды в серую мышь, сбросив праздничную чешую.

— Вам это не нужно, — он выставил ладонь вперед. — Чего вы хотите?

Его слова звучали прерывисто, она на расстоянии слышала, как ритмично отбивает его сердце такую мелодию, что он не может задать ей простой вопрос, на который она даст простой ответ. Она следила за его взглядом, залаченными волосами, которые прижались к голове и стали казаться неживыми. Он тоже не смотрел, тоже боялся, хотя, в отличие от остальных, осмелился спросить о самом важном, что она могла сказать, ради чего она здесь оказалась.

— Вы же понимаете, что мы прервали эфир?

— Конечно, но они видели моё обращение?

— Да, — он сглотнул, по-прежнему смотря мимо Алисы. — Они всё видели. Поймите, если вы нас не отпустите, будут последствия.

— Отпущу? — она нахмурила брови. — Я? Я вас не держу, я только хотела, чтобы вы узнали...

Руками Алиса держала невидимый ком снега, который с его словами отбросила в сторону. Они думают, что я захватила студию.

— Посмотрите! — Она снова ткнула пальцем в Женю. — Посмотрите через очки, — она трясла дрожащей рукой в воздухе. — Взгляните, ну, давайте же! Наденьте, вы поймёте! Наденьте же!

Он сглотнул и лишь на секунду осмелился взглянуть на возвышавшуюся над его креслом Алису. Его взгляд был переполнен непонятной Алисе надеждой.

— Ладно, — выставил он руку. — Я посмотрю.

Он судорожно поднял очки в воздух и, нелепо отряхавшись, словно кто-то просыпал на него муку, поднялся.

Алиса продолжала напирать на Якоба, покачивая головой, взглядом она приказывала ему сделать что-то, но он лишь пожимал плечами.

Ведущий поднялся, оттянул ворот идеальной рубашки и с опаской водрузил очки на нос, на его лице отпечатался ужас, рот сам собой раскрылся, он театрально рухнул обратно в кресло.

В это время Якоб вскочил, словно выполнил акробатический трюк и в безмолвном гудении студии вразвалочку направился к выходу, сигнализируя Алисе взглядом, что ей тоже пора. Она брезгливо подняла верхнюю губу, такого предательства она не ожидала. Люди стояли с опущенными руками, никто не подавал признаков жизни, все глазели на Каткова, попеременно моргая.

— Если никто не против, то мы пойдём, — наконец заговорил Якоб. — Ты со мной, Лиса Алиса? А я и не знал, что ты командовать умеешь, ишь, телевиденье голосок прорезало.

Все молчали, никто не отзывался, ведущий сглотнул и кивнул, Алиса победно вдохнула спёртый воздух, подалась было к Якобу, но тут же метнулась в сторону Жени, который так же не реагировал ни на что, лишь что-то бормотал.

— Женя, идём! Нам пора уходить!

— Я тут посижу, мне некуда идти.

— Что ты говоришь? Ты должен идти с нами!

— Я больше не буду прятаться, я должен сдать, — наконец он взглянул на неё осознанно. — Я делаю это ради тебя.

— Ладно-ладно... Но потом... Мы заберём тебя!

Алиса метнулась к камере, на которую надевала очки, подобрала их, почему-то они оказались лежащими на полу. Никто не пытался остановить её, она подбежала к Якобу, и за секунды до того, как раздался вой сирены, они хотели было выскочить в дверь, чтобы улизнуть из-под носа полиции, но тут Катков окликнул их:

— Вас задержат, вы не успеете.

Алиса нахмурилась.

— Что вы предлагаете?

— Сделаем вот что...

Тут Катков наконец заговорил с ней, глядя в глаза, подошёл и нашептал на ухо то, от чего глаза её округлились и наполнились испугом, она кивнула в сторону Якоба.

— Ну, вы даёте, — ухмыльнулся Якоб.

Когда полицейский наряд ввалился в дверь, Алиса с собранными в хвост волосами прижимала к себе папку, а Якоб стоял за камерой, хмурия брови и изображая, что настраивает оборудование.

— Глупая затея, — прошипел Якоб, обнимая камеру.

— Не испорти всё, — сквозь зубы отвечала Алиса.

— Нам сказали, их было трое, а тут только один, — полицейский навис над Катковым.

— Так и было, двоим удалось сбежать, может, они где-то на территории?

Полицейский по рации отдал приказ обыскать территорию.

— Что же, тогда нам придётся поискать их, а ваших сотрудников и вас в том числе мне нужно допросить, можете позвонить домой, сегодня вам придётся задержаться. Только сделаем это уже в участке. А товарищем заинтересовались спецслужбы, так что он не в нашей компетенции, — указал он на Женю.

После того как полицейский отпустил Каткова, ведущий приблизился к Алисе, которая ещё крепче сжала папку.

— Вы слышали?

— Да. Что же нам делать?

— Убирайтесь как можно дальше отсюда и не светитесь на людях. Алиса, спасибо за правду! — яростно шептал он. — Я вам верю, — он заглянул ей в глаза.

— Но как же дядя? Женя? Я не могу его оставить...

— Его допросят. Этого не избежать. Судя по всему, он им многого не расскажет.

Алиса мысленно возразила Каткову, но откуда ему знать, что как раз Женя в курсе всего.

— Уважаемые сотрудники, все направляются в участок для того, чтобы пояснить органам произошедшее.

Под слова Каткова Алиса и Якоб, словно их обдали кипятком, выскочили в дверь. Они бежали так, что ноги переплетались, Алиса то и дело спотыкалась, хватаясь за Якоба, чтобы не распластаться на полу. Они прошмыгнули на улицу через запасной выход и направились напрямиком к проходной.

— Но откуда ты... — у Алисы не хватало дыхания, чтобы договорить до конца.

— Это ты болтала на камеры, а я изучал план здания, — он тянул её за собой. — Пошевеливаться нам надо. Да бывал я тут у тётки, вот и помню все входы и выходы.

— Ну, да, тётка. — Алиса понимающе кивнула. — А ты можешь, это... — подбирала она слова. — Читать мысли альтёрров, а то Женю они вроде как исключили из общего разума, чата, или как это вы там называете?

— Могу, про меня они не знают и не должны узнать, поняла? — В его взгляде сквозила опасность, она ощутила, как по её коже пробежал холодок.

— А Женю, Женю можешь читать?

— Нам надо показать рабочие пропуска, Катков дал, — он сунул ей заламинированную карточку.

Они непринуждённо, с тенью улыбки показали охраннику карточки, Якоб поправил кепку, одолженную у Чёрного плаща, Алиса боковым зрением увидела, как охранник кивнул, и они как можно медленнее вышли за ворота. Отойдя метров на пятьдесят, оглянулись, дабы убедиться, что их никто не преследует, огненной лисой бросились к жилому кварталу.

Глава 8. Западня

Затяжной нотой церковных перезвонов в Алисиной голове раздался протяжный гулкий звук, переходящий в вопль, нарастающий по мере того, как она приходила в сознание. Он сплетался с уличным скрипом, чьими-то голосами и курлыканием голубей, которые по ощущениям находились так близко, что стоит бросить угощение в ноги, как они тут же слетятся, облепят тебя и не отступят, пока не склюют всё до крохи. Она не осмеливалась открыть глаза, отёкшие веки слиплись и отказались её слушаться. Алиса ощупала лицо, осторожно отодвинула липкие пряди волос, потёрла заплаканные глаза, но, открыв их, разглядела сквозь молочную пелену только очертания советской стенки.

Всё тело ломило, словно вчера на неё обрушились полицейские дубинки, всю ночь ей снилась погоня, в которой полицейские, ворвавшиеся в студию, гнались за ними с охотничьими псами, разъярёнными и беспощадными, ведомыми только одной целью — загнать добычу в западню, перекрыть все пути отхода, не дать шанса на спасение. Они гнались за ней и за Женей, Алиса кричала, имена вырывались резкими выдохами, она пыталась рассмотреть сквозь деревья Якоба, но не находила его, останавливаться было нельзя. Во сне она выбежала на поляну, посреди которой в объятиях душистого облака цветов на примятой борьбой траве лежало женское тело, истерзанное, покрытое следами собачьих зубов, рваными ранами и кровоподтёками. Она застыла: несмотря на то что оторвалась, погоня продолжалась, возгласы полицейских, Каткова, сумасшедших надвигались. Алиса застыла над обгаренным телом, она не видела лица, но уже поняла, кто лежал перед ней: смелая приталенная одежда, красные волосы, несгибаемая самооценка — даже неживой Лёля узнавалась сразу. Чтобы убедиться, что это подруга, ведь только так можно разрешить себе не оправдывать альтёрров, дать ещё один повод для крайних мер, которые она приберегла напоследок, разрешить себе встать на отчаянный путь мести, она должна взглянуть, нужно лишь мгновение, чтобы убедиться,

удостовериться, что перед ней распласталась Лёля. Сзади уже слышался лязг зубов и отчаянное рычание псов, ступавших по Алисиным следам, лай, больше походивший на истошный крик улетающих на юг гусей.

Мышцы ног напряглись от того, что Алиса присела, протягивая руку к замершему женскому плечу под звук надвигающейся собачьей своры, вопли убийц, безжалостных, беспощадных, бессовестно растерзавших самого дорожного для неё человека. Уже сейчас Алиса готова обернуться и броситься им навстречу, вцепиться в глотку каждому, чтобы доказать, что правда на её стороне, чтобы отомстить за несправедливое убийство, коварную подлость. Тянувшаяся рука дрожала на весу, ещё секунда, и она коснётся Лёли. Изуродовали ли они её лицо? Истерзали ли так, что красота её застыла в Алисиной памяти? Или пощадил этот прекрасный, полный жизни и отчаянья образ, который Алиса боготворила всю свою жизнь? Сейчас или никогда. От нахлынувшего отчаяния она зажмурилась и дёрнула за плечо. Когда она открыла глаза, то отпрянула, наткнувшись на настигшего её пса, но то, что она увидела, оказалось страшнее разъярённого зверя, который предвкушал, как сомкнёт зубы. Алиса увидела на земле себя. Это не Лёля лежала на траве. Это была Алиса.

Из сна её выдернул нарастающий звук звонка в дверь. Она не могла отмахнуться от увиденного: она в грязно-зелёных разводах от травы и земли, с красными волосами и лицом, её лицом, тем лицом, которое каждый день она видела в зеркале, когда умывалась, проходила щёткой по ресницам, как научила мама, их даже необязательно красить, они и так достаточно густые, длинные, чёрные, но вот расчесать следовало, она распласталась на земле. Где же тогда Лёля? Приснитесь же такое. Понемногу она согласилась, что увиденное — всего лишь никудышный сон, что и Лёля, и она живы, только вот Лёля всё ещё находится у альтёров.

Звонок в дверь из ненавязчивого глухого отзвука превращался в нечто негодующее, словно тот, кто звонил, терял терпение. Алиса с трудом поднялась на кровати, села, опустила ноги, к удивлению, не обнаружила домашних тапок, наверное, запнула их под кровать, и коврика не нащупала, лишь холодный, в крупинках, пол, в голове мелькнуло, что нужно прибраться. Когда она огляделась, она с ужасом обнаружила, что находится в чужой квартире, на полке с книгами она сразу заметила фотографию Якоба в обнимку с женщиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и такой же широкой, как у Якоба, улыбкой. Это квартира его тёти. Якоба нигде не видно. Алиса оглянулась на вновь заигравший настырной мелодией дверной звонок. Может быть, это он вернулся? У него должны быть ключи. Если бы он кого-то привёл, то тоже открыл бы дверь сам. Лучше не открывать. Вдруг это альтёры?

Пелена сна испарилась, пропали и поле, и лесная чаща, по которой она удирала от погони, собачий лай больше не раздавался, оттого звонок в дверь доносился до её слуха ещё отчётливее. Ей показалось, что она слышит шёпот из коридора. Пробуя ноги на прочность после длительного лежания в кровати, она как можно бесшумнее поднялась на цыпочки, чтобы не спугнуть незваных гостей, невесомо переместилась к двери, опираясь кончиками пальцев на стену, а затем, обхватив дверной косяк, высунула голову в коридор под раздающуюся с новой силой трель звонка.

Раз за разом звенела мелодия, кто-то безудержно выжимал кнопку, вслед разрывающему слух звуку сыпались удары. Чья-то небольшая, возможно, женская ручка колотила в дверь, напоминая Алисе птичий клюв, стучащий о древесный ствол. Аккуратная череда ударов перебивала птичью трель, соперничая с ней, на неё накладывался глухой, но упорный звук. Снова звонок и снова удары, маленький кулачок сжимался и чётко отбивал три удара: тук-тук-тук, а после добавлял тук-тук, настукивал знакомую мелодию, она, вертевшаяся на языке, отделившаяся от слов, казалось, вот-вот слетит с губ. Алиса прокручивала её снова и снова, пока продвигалась по стене прямо к источнику звука. Стремясь навстречу опасности, она думала, что это может

быть не альтёр, а Женя или даже Лёля, ужасную кончину которой она только что видела и оплакивала во сне.

По спине пробежали мурашки, кто-то незримый обнял её с мороза. Она содрогнулась от вновь раздавшегося стука, только теперь не женского, аккуратного, а грубого мужского, с примесью гнусавого голоса. Она не поняла, что тот сказал, слова смазались, как небрежный след кисти на холсте. Звонкок смолк. Больше никто не нажимал на кнопку, на мгновение Алиса подумала, что это конец, гости смирились с тем, что дома никого нет, и убралась с порога чужой квартиры. Она вслушивалась в собственное дыхание, перебиваемое тиканьем старых часов с кукушкой, которые она заметила на кухне, но агнец ещё не танцевал. Дверной металл хрустнул под силой удара, отозвался женским стоном, гость с силой забарабанил в дверь. Женский голосок, тонкий и надрывистый, жалеючи, причитал, пытаясь остановить напарника, но удар за ударом обрушивались на дверное полотно. Алиса задышала часто, прикрыла рот ладонью, провела кончиком языка по солёным губам, её сердце колотилось, как у только что появившего на свет козлёнка. «Только бы выдержала дверь», — с этой мыслью она прижалась к шероховатой поверхности стены и стекла, словно капля молока по графину, к запаянному пылью деревянному плинтусу, упершись в него кончиками пальцев. Её тело продолжало дрожать под грохот расшатывающейся двери, кто-то снаружи снова и снова заносил огромную, как ей казалось, руку над домиком из соломы. Он стучал не костяшками, как женщина, что подвывала раскатыстым ударам, а тыльной стороной предплечья, обрушивая удар за ударом, которые грохотом стояли в коридоре, вгоняя в омут страха зажмурившуюся Алису.

Она, словно загнанный пёс, валилась с ног, часто дыша и то и дело сжимая голову, казалось, что звуки раздаются не где-то там, а в её голове. Открыть, и всё прекратится. Нет, она не дастся этим страшным людям или нелюдям, она запуталась, пытаясь понять, кто пытается достать её. Пока она, мотая головой, пряталась от собственного слуха, перед глазами всплыл вчерашний вечер.

Не смыкающее глаз солнце опрокидывало тени бредущей дворами пары. Нет, они не держались за руки, как влюбленные, они только жались друг к другу, не касаясь и не смотря, две заблудшие души, отчаянно чувствовавшие необходимость опереться на кого-то. Или ей только казалось? Она дрожала от пережитого, возможность открыться, рассказать правду оказалась не такой и сложной, как ей выдилось, а очень даже простой, ты делаешь то же самое, когда разговариваешь, а здесь тебя просто слышат больше людей. И всё же на студии было невыносимо страшно говорить. Она дрожала и заставляла себя держать стакан как можно крепче, пыталась оставить пальцы недвижимыми, но они не слушались и, словно паучьи лапки, перебирали всё, что попадалось на их пути, будь то стакан, ручка или полосатое кольцо, подаренное мамой. Он не улыбался, как обычно, брёл молча, то и дело переводя на неё угрюмый взгляд, даже когда хмурился, он казался красивым. Она старалась отмахнуться от его безмолвного недовольства, которое витало в окружавшем их охладевшем воздухе и следовало за ними меж скачущих, прыгающих, лазающих во дворах детей.

Когда они бежали, гонимые жаром студии и прибывшего полицейского наряда, ей хотелось столько всего рассказать, обговорить с Якобом мысли, чувства, которые она испытала в момент, когда оказалась под вниманием камер, обсудить жертву Жени, нелепую и несвоевременную, но, как только они сбавили темп, как только огни ворот телецентра скрылись из вида среди малоэтажной застройки, Алиса ощутила нечто другое. Она вдруг поняла, что у неё внутри пустота, все переживания куда-то исчезли. Она брела в полном беспомоществе и равнодушии, прижималась к Якобу, на синем свитере которого розоватое солнце вырисовывало ветви деревьев, антенны домов и безликое одиночество победы. Они шли между низких, утопающих в кустах домов по поломанному местами асфальту прямо до девятиэтажек, которые выстелили их путь обратно в сердце города.

Они брели и брели, и она не понимала, куда они идут, в какой стороне дом, она полностью доверилась Якобу. Ещё час назад она думала, что он предатель, что всё спланировал заранее, чтобы подставить её и Женю, а теперь подозрения рассеялись. Она не могла ничего сказать, погружённая в атмосферу студии, Алиса не противилась тому, что её воображение снова и снова проворачивало произошедшее. То, чего она хотела, случилось, с другой стороны, она противилась произошедшему, Алиса не могла согласиться сама с собой, её фразы казались недостаточно весомыми, взгляд недостаточно убедительным, мимика, жесты, поза — всё могло быть куда лучше, чем на самом деле. Якоб солидарно хранил тишину, как и проезжающие мимо машины, случайные люди, всё вокруг оказалось покрыто одеялом безмолвия, словно кто-то поставил видео на беззвучный.

— Тебя будут искать, — наконец он оборвал канат молчания, хмуро заметив: — Ты хоть понимаешь, что мы провернули?

— Да, — прыснула она горечью, обведя взглядом проплывающую мимо детскую площадку. — Мы потеряли Женю!

— Ладно, как скажешь, мы мудаки, — наконец ухмыльнулся он. — Но разве не этого он хотел?

— Я... — резко повернулась она к Якобу, намеренно разглядывая верхушки деревьев так, что ресницы веером взмыли вверх. — Я не должна была бросать его! Мы должны были сделать это вместе. А он молчал. Я не понимаю, почему?

— Потому что он псих! — Голова Якоба дернулась к плечу. — Чего ты ждала? Мы все тут психи. Ничего хорошего от психа не жди. Разве не так вы, люди, думаете?

— Что? — На мгновение она замерла, раскинув руки так, что ощутила касания ветра на предплечьях. — Что ты такое говоришь? Кто вы? Ты считаешь, что я так думаю?

— Да, что слышала. Ты же нормальная, тебе не понять, — бормотал он себе под нос. — Он псих, если бы говорил он, то ему бы никто не поверил! Ты что, не понимаешь? Мы для них как животные. Хуже собаки. Если собака — это друг человека, то псих — страх человека. Если бы говорил Женя, у нас не было бы шансов.

— Я ничего такого не имела в виду.

Она прикрыла глаза, внутри что-то скрутило, словно выжимали полотенце. Его слова, как неожиданно отвешенная пощёчина, просвистевшая в собиравшейся вечерней дымке, хлестким ударом обрушились на нежную Алисину щёку.

— Потому что это правда! — выплюнул он.

Слова вылетали сквозь стиснутые зубы, челюсть его не двигалась, только желваки ходили по лицу. Он казался громоздким советским шкафом, который Алиса ни за что не сдвинула бы с места. Она содрогнулась от его прямого взгляда. Он походил на бойца, беспощадного убийцу, но не на психа. Они снова двинулись вперёд, между ними повисло терпкое густое молчание. Затаить друг на друга обиду — так по-детски. Как жаль, что нельзя прочитать его мысли, вот бы получить способности, как у альгёров.

Алиса поджала губы, засмотревшись на выходящих из «Магнита», что-то бурно обсуждавших парней, и подумала, что глупо надеяться, что их дружба продлится долго.

— Мы отличная команда. Были.

Она выжидающе смотрела на него. Якоб встал как вкопанный, скрестил руки на груди и произнёс задумчиво:

— Слушай, а может, и да.

— Нет, я точно знаю, это правда, всё, что мы пережили, всё, что сделали, телевиденье — это не зря. Мы спасём людей, представь только, всю планету спасём!

Алиса говорила, а залитый жёлтым светом дом в это время трепыхался в такт её словам. Фигура Якоба двигалась в унисон с её фигурой, вторила движениям, ритму. Алиса говорила что-то ещё, что-то про важность их задания, единственного, которое они не провалили, а выполнили с достоинством, что-то про Правителя, и всё поплыло.

Сейчас, утром, она никак не могла прокрутить это в голове, только обрывки фраз, рассыпавшихся ворохом недослов, недосказанности, непонятости друг друга. Она помнила, как близко подошла к тому, чтобы развернуться и, взмахнув густотой волос цвета ночи, разозлившись и нахохлившись, как воробей возле осенней лужи, убежать от Якоба. Но, как ни жмурилась, как ни тёрла виски, она не могла вспомнить, что произошло дальше. Её мысли спугнул скрип цепи настенных часов. Она подскочила на со свистом открывшуюся дверь кукушкиного домика, видимо, из неё вылетела птица, Алиса не видела её, только слышала, как та второпях прокуковала одиннадцать раз.

Когда резкая кукушкина песнь перестала кромсать воздух, Алиса оглядела пыльную прихожую с металлической полкой для обуви, навешанными на крючки шляпами и старыми пальто и вдруг осознала, что стук в дверь прекратился, в квартире раздавался только приглушённый ход маятника. Алиса представила, как птица посмеивается над ней в своём домике с треугольной крышей и думает, как хорошо она разогнала Алисины мысли и спугнула непрошенных гостей. В страхе снова услышать стук Алиса, почти не дыша, ступала на ватных ногах к двери и хмурила лоб в попытках вспомнить, что же произошло дальше. Ничего, память оборвалась, она видела только надувшиеся губы Якоба и его вздёрнутый волевой подбородок.

Она сделала ещё один робкий шаг, пол под ногой скрипнул, она затаила дыхание, но было поздно. Незнакомец за дверью вскочил и начал колотить не так, как прежде, а с новой силой, она застыла, не смея отпрянуть назад, ощущая, как содрогается её тело.

— Алиса, — раздался учтивый женский голос. — Открывай. Мы знаем, что ты тут.

Голос не соответствовал усердию, с которым колотились в дверь. Алиса ничего не смела ответить, но и прятаться было уже глупо, рано или поздно дверь не выдержит, и тогда незнакомцы возьмут штурмом её крепость.

— Да, я тут, — пошла она на попятную. — Что вам нужно?

— Открывай! Кому говорю? Мы всё равно войдём! Открывай, Алиса! — выкрикивал мужчина.

— Кто вы? Что вам нужно?

Кричала она и отгораживалась, выставив вперед ладони. Казалось, что они так близко, что она чувствует их дыхание. Мужчина и женщина пришли забрать её и передать альтьёрам.

— Мы хотим тебе помочь, — хитрила женщина. — Нас прислал Якоб.

— Якоб? Что вы говорите? Но зачем он послал вас? Почему он не пришёл сам?

Её голос срывался. Вот ещё, поверит, что это Якоб.

— Дело в том, что он попал в больницу, сломал ногу. Открой дверь. Мы просто отвезём тебя к нему, и вы поговорите. Он сказал, что у вас есть важное дело.

Алисин пульс будоражил вены. Она жмурилась в попытках вспомнить, что же произошло вчерашним вечером дальше, но ничего не видела. Пустота. Черная бездна безмолвия. Ни Якоба, ни альтьёров, никого. Ни звука, ни света, всё куда-то делось. Память отказывалась выдавать то, что произошло. Почему? Чего хотят эти люди? Лгут? Они её обманывают. Это альтьёры подослали их. А если это Якоб? Если она откроет им дверь, станет ясно. Полицию вызывать нельзя, сразу поймут, что она находится не в своей квартире. Что же делать?

— Лейтенант полиции Хлыстов, гражданка Асташева, откройте дверь.

Полиция? Почему тут полиция? Если полиция знает, где я, то это точно Якоб им сообщил.

— Да, — застыла она, взявшись за ручку. — Подождите секунду.

Тело обмякло, мгновения тянулись, она увидела пылинки в воздухе, дверной замок крутился не в ту сторону, оставалось только попробовать в обратную. Она вертела его ручку, согревая деталь своим дыханием, в голове повторялось «спасём, спасём», его голос, смех Лёли, безжизненные глаза Жени. Позвонить? Нет телефона. Куда пропал телефон?

Алиса схватилась за голову, тут же стала ощупывать себя, окинула взглядом прихожую в поисках сумки.

— Я не могу открыть, сейчас.

Она навалилась на дверь, замок поддался, Алиса вылетела ничком, упревшись в медбрата, облачённого в белую рубашу, он подхватил её под локоть, она вздохнула от неожиданности и уставилась на его волосатые руки.

— Куда так спешить?

— Здравствуйте. Я не слышала звонка. Где Якоб?

— Здравствуй, Алиса, — виновато заговорила миловидная женщина-пончик с кульком на голове. — Мы его друзья.

Отворяя дверь шире, Алиса увидела за спиной женщины второго широкоплечего мужчину в медицинской форме и двух полицейских, стоящих за ним.

— Он попросил помочь тебе. Сказал, что оставил тебя здесь. Поехали с нами, мы отвезём тебя к нему.

— Ну, как же? Конечно, — хмыкнула она. — Думаете, я поверю? Зачем тут полиция?

— Ты знаешь зачем. Вы выкрали из интерната твоего дядю, — голос женщины казался подозрительно спокойным. — Тебе нужно дать пояснения.

— Да, и где же Женя? — Врач непонимающе потрясла скрученными в гульку светло-русскими волосами. — Мой дядя. Где он?

— А, твой дядя? Он доставлен в медицинское учреждение, как только ему станет лучше, его переведут обратно в интернат. Не волнуйтесь, с ним всё хорошо.

— Но вы не понимаете, там альтиеры, они его убьют! — не сдержалась она и перешла на крик, женщина-врач и высокий мужчина в белом костюме переглянулись. — Нам с Якобом нужно его забрать, это и есть наше срочное дело. Вы разве не смотрели вчера моё выступление? — Она вопросительно уставилась на них. — По телевизору. Я рассказала об угрозе.

— А, выступление? Да, конечно, мы все смотрели. Хорошо-хорошо, я поняла, поэтому нам и нужно как можно быстрее доставить тебя к Якобу.

— Почему вас так много? — Алиса перебирала в голове возможности улизнуть от них, выведав, где находится Якоб. — И в какой же он больнице?

— Мы были на вызове, а полиция узнала, что Якоб ищет тебя. Нам по пути, мы отвезём тебя к нему.

— Ладно, — она притворно сощурила глаза. — Мне нужно поискать телефон, не могу найти его.

Она повернулась, чтобы пойти обратно в спальню, но врач окликнула её:

— Твой телефон у Якоба. Он сказал, что брал его позвонить.

— Тогда поищу сумку, — Алиса натужно улыбнулась.

Когда она развернулась с грациозностью фигуристки на льду, взмахнув рукавом вчерашней шифоновой блузы, мужчина с волосатыми руками схватил её запястье, и женщина тут же оказалась так близко, что Алиса почувствовала тепло её рук. Что-то острое вонзилось в плечо. Она хотела повернуться, сбить с себя то, что кололо её, но её победил блеск глаз женщины. Сжимающие руки в перчатках, торчащий из плеча укол завертели, ноги её подкосились. Алиса выдыхала скопившийся в лёгких воздух и не могла вдохнуть новый. Её обманули. Это альтиеры.

— Теперь всё будет хорошо. Тихо-тихо, — приговаривала женщина.

Алиса хотела закричать, высказать, что у них не получится её скрутить, забрать, уничтожить, что она не сдастся, но голос пропал, её резко повернули, грубо дернули за запястья, она растворилась в тиканье часов.

Когда Алиса открыла глаза, она увидела перед собой осыпавшийся белым пеплом потолок, бледно-зелёные стены с облупившейся местами краской. Она лежала, распластавшись на шершавых, как ей показалось, простынях, и слушала собственное дыхание, когда поняла, что в комнате есть кто-то ещё. Она не без труда повернула голову и расплылась в улыбке.

— Это ты...

Девушка, стоявшая перед ней в джинсах и белой футболке, смотрела в окно, она обернулась на голос, опустила руку, которую до этого момента держала на весу.

— А кого ты ожидала увидеть? Другка своего, который уговорил меня бросить? Нет, Лиса, я живучая, вот видиш-ш-шь, поджидаю, пока ты очнешь-ш-шься.

Алиса не могла рассмотреть Лёлино лицо, но она видела красные волосы, по которым определила подругу.

— Что случилось? Где мы?

— В психиатрической больнице, — привычная насмешка в её голосе, как же Алиса по ней скучала. — Тебя забрали альтьёры. Они и меня тут держат.

— Тебя пытали? — перебила её Алиса, пытаясь подняться.

— Нет, я не нужна им без тебя.

Алиса взглянула на запястья, они оказались привязанными к кровати.

— Какого чёрта? — На лбу выступили капли пота.

— Они тебя боятся, — Лёля подошла ближе. — Но я тебя отвяжу, не волнуйся. Нам нужно бежать, вот только дверь заперта.

— Что же это такое? — Алиса пыталась выпутаться из сковавших её руки верёвок.

— Да не рыпайся ты! Я же сказала, что развяжу, — шипела Лёля.

— Мне столько нужно рассказать!

— Тише, кто-то идёт! — Лёля отпрянула от кровати.

Замочная скважина заскрипела, Алиса насупилась, в треугольнике её бровей образовалась продольная складка. Сейчас зайдёт Правитель, и она посмеётся над ним, ведь совсем скоро ему не будет житья от людей, которые услышали её.

В двери за удаляющимися ногами в холодно-белых брюках возникла женская фигура с привычной объёмной шапочкой. Алиса разинула рот.

— Мама?

— Милая, как такое могло произойти? Прости меня, прости!

Мама бросилась к кровати, заливалась слезами, Алиса не видела её глаз оттого, что её веки набухли, словно весенние почки, что совсем скоро прорвутся на свет бархатными листочками. Алиса смотрела на неё и не понимала, что произошло, что мама имеет в виду. Женю? Её? Альтьёров? О чём она так сожалеет? И где она была всё это время, — вот главный вопрос. Но сейчас всё это неважно, ведь самое главное не то, что мама пришла, что она поможет ей и Лёле выбраться, а то, что с Лёлей всё нормально, что она жива. Алиса всё ещё не верила, что Лёля тут. Да, пусть они в западне, но они вместе. Когда рядом родное плечо, все тягости нипочём.

— На кого ты смотришь, я не пойму?

Мама наконец посмотрела на Алису, в её взгляде чудилось неладное. От мамы веяло тревогой, страхом. Алиса снова взглянула на растянувшуюся в улыбке Лёлю, плен Правителя её совсем не помял, разве что ей не мешало бы сходить в душ.

— На Лёлю, на кого же ещё? — ответила она преспокойно.

— Милая... — всхлипывала мама.

— Что мне вкололи? Ты знаешь?

— Я, пожалуй, пойду, — подруга перебила Алису. — Вы тут пообщайтесь. Меня, кажется, не рады видеть! — Она вскинула руку вверх, закрутив воображаемый вихрь.

— Но куда ты? Там же они! — Алиса приподнялась на локтях, но Лёля не остановилась и выскользнула в дверь.

— Кто они? — застыла мама. — Я никуда не уйду, — её ладонь накрыла Алисину.

— Да не ты! — выдернула она руку. — Лёля уходит! Там же опасно!

— Алиса, детка, Лёли... — мама проглотила срывающиеся с губ слова. — Лёля ненастоящая. Её не существует. Это твоё воображение. Так мы с папой себя успокаивали.

Комнату наполнило молчание. Алиса устала сидеть на женщине, сидевшую перед ней и так нагло пользующуюся её положением. Ей хотелось почувствовать ненависть, но все чувства разом пропали, куда-то делись. Алиса сжала кулаки и настырно стала подниматься, чтобы доказать матери, что она права, догнать Лёлю и показать её, верёвки впивались в худые запястья, казалось, они сотрут мотыльковую кожу.

— Что ты говоришь? Что за бред ты несешь?

— Милая, мы не хотели расстраивать тебя, так не должно было случиться. Этого не произошло бы, если бы ты не уехала из дома.

Алиса почувствовала, как руки слабеют, и, не ощущая опоры, рухнула на перьевую подушку.

— Лёля моя подруга! Как ты смеешь говорить, что её нет?!

Алиса брызгала слюной, рот вязало, как от крыжовника, губы не слушались, челюсть онемела, словно она сходила на приём к стоматологу, а теперь ждёт, когда анестезия отпустит.

— Мы берегли тебя, мы старались сгладить твоё состояние, но всё вышло из-под контроля. Я так виновата. Я злилась на тебя, я устала следить за каждым твоим шагом. Мне невыносимо было отдавать тебя в интернат, как Женю, — ручьями слёзы катились по маминым щекам. Надрывисто она добавила: — Поэтому я всё скрывала. Лёли нет, её никогда не было.

— Но как такое может быть? — хватала Алиса воздух.

— Ты больна, милая.

Мамино морщинистое лицо, скованное гордостью и ложным величием, обычно отдающее стальным холодом, вдруг стало жалким, никчёмным. Алиса поморщилась. Неужели это и правда её мать? Это другая женщина, альтёры могли её подменить, чтобы запутать Алису. Да, точно, они что-то сделали с мамой. Подменили её сознание.

— Я понимаю, — от догадки Алиса открыла рот. — А папа скажет то же самое?

— Милая, — мама напрягла брови так, что одна из них уползла вверх, а вторая нависла над опухшим веком. — Пора тебе и об этом узнать. Папа. М-м-м... Как бы тебе сказать, — она посмотрела в сторону. — Папы нет с нами уже пять лет, — её голос затих. — Мне было так страшно, ведь я не знала, что происходит в твоей голове, мы боролись, как могли.

Мама разрыдалась, опустившись к Алисе на кровать, уткнувшись в скованное лекарством Алисино тело, и задрожала то ли от жалости к себе, то ли к Алисе, то и другое было невыносимо. Бред, фальшь, вранье. Это всё альтёры! Правитель взял вверх. Нужно было убить его! Они убили отца, чтобы её запугать. Это они. Точно.

— Папа?! Ты серьёзно? Очнись, мам! Это они на тебя повлияли! На самом деле всё не так! Они где-то держат папу! Нужно найти его как можно быстрее, давай подумай, где ты видела его в последний раз? — тараторила Алиса в потолок, и с каждым словом мама с новой силой прижималась к телу дочери. — Ладно, Лёля, но отец. Да я же с ним до отъезда ходила в кафе! И в гостиной с ним сидела. Ты, если совсем поехала из-за альтёров, то я тебе покажу.

Нужно, нужно взять у Якоба очки и посмотреть через них на сумасшедших, и тогда ты поймёшь, ты узнаешь их настоящий вид, а не то, что тебе кажется. И так же с папой, они управляют твоими мыслями! Правитель влез тебе в мозг! Давай найдём Женю, Якоба, мы покажем тебе правду!

Мама поднялась, утирая нос, то и дело шмыгая.

— Хорошо, — неожиданно она пошла на попятную. — Мы найдём их. Только я не знаю никакого Якоба. И ты потрудись объяснить, как ты сумела выкрасть дядю из интерната? Чем ты думала? Он очень болен. Когда его нашли, он был совсем плох без лекарств. Это был безрассудный поступок, Алиса. Обещай, что будешь вести себя хорошо, ладно?

— Мама, когда мы поедем домой?

— Мы... — протянула она. — Как бы тебе сказать? Я поеду в твоё общежитие, разберусь с хозяйкой, отдам ключи ей. А ты останешься здесь на некоторое время. Доктор считает, что тебе нужна помощь.

— Мама! Не делай этого! Правитель убьёт меня! Он теперь знает, он понял, что я хочу сделать...

— А ты не делай! — резко вставила мама, вернув на лицо сталь. — Я устала, и, в конце концов, ты должна пройти курс, чтобы... — она перебирала пальцами, подбирая подходящее слово. — Стабилизироваться. Обещай вести себя хорошо. Я навещу тебя, когда разрешат. Пойду заполню бумаги, я зайду перед уходом.

— Какая же ты глупая! Они промыли тебе мозг! Что происходит? Не уходи, мама! Останься! Не уходи, не уходи, не уходи!

Алиса задыхалась, слёзы затекали в волосы, оставляя после себя холодную дорожку. Она ничего не видела, только почувствовала, как мама попятилась к выходу. Её шаркающие шаги смешались с Алисиными вдохами и оброненным «прости».

Дверь хлопнула, снова заскрежетал ключ, скребя по Алисиному сердцу, она всхлипывала беззвучно, пока снова не провалилась в беспмятство.

На этот раз Алиса очнулась от того, что кто-то провёл по её руке сухим пальцем.

— Так-так-так, что тут у нас?

Она шевелила онемевшим языком, когда увидела, что позади говорившего человека стояла, словно в строю по стойке «смирно», целомудренно держа в руках поднос из голубого пластика, медсестра с розовыми косыми полосками на штанах. На ней была надета шапочка, которая делала её лицо более широким, а нос ещё объемнее, чем есть на самом деле.

Алиса перевела взгляд на говорившего мужчину, и её взгляд наполнился ужасом.

— Я всегда детям говорю, не нужно совать нос в чужие дела, — говорил он сгущённым голосом. — Нужно признать, я тебя недооценил. Ты оказалась куда более ценным фруктом. Согласись, работа уборщицы тебе не по статусу.

Алиса слотнула, не имеющий лица диктор продолжал говорить. Она видела только нависшее над округлой металлической спинкой койки грузное тело Правителя, блестящее лысиной, словно появившаяся из ниоткуда, застывшая над озёрной гладью косматая грозовая туча с прорехами молний. От него веяло холодом и предвкушением надвигающейся бури. Она прикрыла глаза, тут же возник знакомый, обдающий теплом пляж, вдалеке мелькают люди, много людей, они спуют, меняются местами. Алиса не разглядит их лица, ей остаётся наблюдать за силуэтами, фигурками, словно игрушечные, они вглядываются в глубину разлившейся темной рябью воды, задирают головы в попытке предугадать, как скоро до них доберётся гроза. На песчаном пригорке Алиса возвышается над ними и над водяной кромкой, она настолько большая, что всё видит, ей не нужно метаться из стороны в сторону, она уже оценила пестрящий вспышками горизонт и потёкшие на нём краски неба в шквале густого объёмного дождя.

Буря неминуема, но Алиса всматривается в бурлящую воду с замиранием сердца и потаённым желанием провести бурю мимо берега, мирно прибывшихся к песчаной косе лодок и разбитых лагерей. Она знает, что этому не бывать, но до последней секунды выдержанного зноя следит за вот-вот разорвущимся в клочья чёрным небом. Шквальный ветер набегаёт на берег молниеносно, те, кто не собрал вещи, без сожаления бросают их на милость стихии и прыгают на машины, другие пытаются собрать пожитки, укрыться в палатках, которые ветер рвёт на куски, одна из них не выдерживает и, в отсутствие должного веса, подлетает в воздух, стопорится в ветвях мясистой сосны. Алисе кажется, что беспощадный ветер, опрокидывающий котелок, стул и бог знает что ещё, подхватит и её, она дрожит и жмётся к стволу, беглым взглядом ища родных, сердце почти не стучит, слышен только гул ветра, ещё несколько мгновений, и их лагерь окажется в эпицентре. Только что пестрящий на горизонте дождь, словно по щелчку, включается и над ними, она проглатывает струящуюся с неба воду, холодная, беспощадная и щедрая, она пробивает насквозь, несмотря на ветви над головой, сносимые неминуемыми порывами. Она здесь, она пришла, буря в самом разгаре, сочная молния безмолвно, под шум рвущихся волн, слепит глаза, и Алиса дрожит от страха перед страшной обнажённой красотой самородного изъяна природы. Молнии хлещут одна за другой между раскатыстым басом сломавшегося неба, кажется, это не закончится.

Из бури Алису вырывает Правитель.

— Я всегда с детьми весьма строг, но с тобой не хватит никаких строгостей. Ты зашла далеко. Очень далеко. Как же тебе объяснить, да ты и сама знаешь, что почти дошла до грани. Я бы мог тебя уничтожить, обкалывать транквилизаторами до конца твоих дней или придумать что-то ещё, — прищурился он, приподняв правую бровь и смешно скорчив лицо. — Но, я должен признать, ты слишком умна, слишком хороша для этого. Ты подойдёшь мне в роли бойца.

— Что? — сглотнула Алиса. — Какого бойца? Где мой дядя? Якоб? Лёля?

— Детям я говорю, что мы созданы для высшей цели, что наша задача очистить планету, и мы, я предвижу это, выполним все планы по зачистке. Мне нужны такие люди, как ты, в качестве орудия. Подумать только, что ты смогла натворить только по просьбе твоего безумного дяди. Сейчас придёт руководитель больницы, мы называем её лечебницей, сюда попадают все мои будущие соратники. Вместе мы сможем многое.

— Руководитель? А вы тогда кто? — морщилась Алиса.

— Ну, деточка, — рассмеялся он. — Я же не могу руководить всем на свете да к тому же притворяться психом. — Он задумался. — Задай любой вопрос, я отвечу, ты это заслужила.

— Как я оказалась в квартире Якоба?

— А, какая прелестная девочка, небось, ты влюбилась в лучшего моего бойца. Как же это мило, что ты думала, что ради тебя и твоего безумного дяди он может предать такого влиятельного Правителя, как я. К твоему огорчению, Якоб ударил тебя по голове, и ты отключилась, он отвёз тебя на такси домой, всё, что нам оставалось, это дожидаться твоего пробуждения.

— Я не верю тебе! Я убью, убью тебя! Зачем тогда он организовал встречу в эфире?

— Бедная девочка, это часть куда большего плана. И ты стала винтиком его механизма, — посмеивался он. — Все люди, которые восстанут против меня, будут уничтожены. Я всегда говорю детям, что нужно быть покладистыми. Не расстраивайся, грусть — это только эмоция, её нужно пережить.

— Тебя уволят, тебе больше никто не поверит, ты не сможешь управлять интернатом, не быть тебе больше директором! — Слова сыпались из Алисы.

— Милая моя, я не директор, я только управляю им.

Раздался стук в дверь.

— Да-да, входите, мы вас ждали!

— Здравствуйте, Фёдор Анатольевич! — врач отвесил Правителю полупоклон.
— Бросьте эти формальности, Павел! — нахмурился Правитель. — Осмотрите нашу новенькую, — провёл он рукой вдоль тела Алисы.

— Но она же ещё... — Седоватый доктор вытаращил глаза поверх очков.

— Ну, это дело времени. Я всегда детям говорю, что нечего спешить завтра, а то вчера поздно будет.

— Здравствуйте, уважаемая Алиса, вы располагаетесь у нас, привыкайте, — махнул он, глянув на связанные запястья. — Это ничего, это временно. Приносим вам извинения, что сразу не распознали вас. Это стало ясно, когда вы второпях убежали и кричали про какую-то Лёлю. Будем рады, что вы погостите. Но теперь, когда вы пробудились, пусть вы это ещё и не приняли, мы будем рады работать с вами. Так сказать, с вступлением в наш коллектив.

— Отпустите меня! — истошно завопила Алиса. — Мне нужно увидеть Якоба.

— Якоб и привёл вас сюда. Милая, вы относитесь к высшей расе, и как только вы это примете, вы сможете беспрекословно общаться, с кем захотите. Вам будет никто не указ, ну, конечно, помимо Фёдора Анатольевича, — лебезил доктор.

— Я не сумасшедшая! Мне нечего тут делать. — Алису душили слёзы, значит, Якоб всё же предал их.

— Мы согласны с вами, вы самая что ни на есть умная и здравомыслящая, иначе не смогли бы повернуть этот трюк с эфиром, хорошо, что мы сумели опередить полицию и выманить вас у них. Пробуждение — это важный этап в жизни альтёра, скоро вы в этом убедитесь.

— Нет, не надо, пожалуйста! Только не это!

— Мы сообщили вашей матери диагноз: параноидная шизофрения, верно, Фёдор Анатольевич? — оглянулся он на Правителя. — Она уже дала согласие на госпитализацию.

— Вы не можете!

— Ещё как можем, после ваших фокусов на телестудии мы всё можем, — склонился над ней врач, всматриваясь в лицо. — Вы пытались вломиться на охраняемую территорию. Милая, пора сделать укольчик, — жестом подозвал он медсестру.

Берег затих, лишь редкие волны накатывают на прибитый дождём песок, то и дело переворачивая одинокий ботинок, болтающийся туда-сюда, снова и снова бьющийся о береговую песчаную ленту. Алиса выходит навстречу робко выглядывающему из-за туч солнечному лучу и осматривает опустевший пляж. Она видит вдалеке пару человек, таких же потерянных и промокших, как она. Она глупо улыбается окутавшей её свежести и идёт вперед, её ноги вязнут в студёной песчаной массе.

Алиса слышит голос Правителя и видит его искривлённое улыбкой лицо:

— Вам повезло оказаться у нас. Я всегда детям говорю, лучше плохого конца только хорошее начало. Добро пожаловать!

Андрей Тавров

Разговор на два голоса

Из цикла «de Provence»¹. Подражания и вариации

Альба

...И близок час рассвета.
Гиравт де Борнейль

Иди за мной! Не хочешь? Погоди!
Ты слышишь — песнь? Я ей скликал куда
пугливой птиц. Послушай, здесь, в груди,
она рождается, нетленна и чиста,
как взрыв звезды. Жизнь без нее пуста,
как флейта, что заброшена в пути.

Послушай, он — из ниоткуда, звук,
он серебрист и юн, как ты сама.
Но все ж созвучье состоит из двух
усилий — губ и пальцев, тех, весьма
тебе знакомых, — так твоя тесьма,
лаская зренью, обостряет слух.

Ты медлишь? Но летит крылатый рой
прекрасных сильфов — снег или листва!
Единственный есть способ и простой
увидеть ангела — одеть в слова,
тогда-то он и явится, едва
прикрытый неземною красотой.

Смотри, уж платье прожжено сполна.
Долой же все! долой! — не в этом быть
тебе со мною, нет... одна волна
нездешней песни может нас укрыть
в мирах, где сможет с нами говорить
лишь — нимб звезды, сиянье и струна.

Андрей Тавров — родился в Ростове-на-Дону. Окончил филфак МГУ. Работал на телевидении и радио художником. Автор пятнадцати книг стихотворений и прозы. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Урал» и мн. других. Живет и работает в Москве.

¹ Из Прованса (*провансальский*).

И там сама ты, полая, как ствол
свирели, ты познаешь Бога речь,
световзрывной и полнозвучный мол
архангельских молитв и горний меч.
И не крылом — двойной звездой плеч
ты поплывешь в нездешний ореол.

Ты поплывешь меж духов и террас
небесных фей, и ты поймешь тщету
земных надежд. И беспредельный глас
любви, познавшей твари нищету,
из сердца вырвется, чертя черту
нездешних блесков, как стекло — алмаз!

И ты все медлишь?..

Бертран де Вендаторн
На обретение донны

От донны я скакал назад.
Одною стали полосой,
одною огненной рекой
рассвет лиловый и закат.
Я в небо заглянул, и там
река из пламени текла,
невыразима и светла,
в цветах и злаках по краям.

И я расслышал хор светил,
и мне невыразимый свет
невыразимый слал привет
и отсвет прямо в сердце лил.
И я проник в бездонный свод,
и я узрел, как ангел нёс
на небо душу, как на плёс
среди сияний и пустот, —

в невыразимой высоте
свивалась, в ангелах, свирель,
в невыносимой пустоте
светилась факелом сирень.
И, содрогнувшись, я отвел
глаза. На берегу ручья
ладья маячила ничья
и огнекрылый вереск цвел.

И я утратил и — обрел.
И в ночь мою любви лучом
сходила та, шумя плащом,
чье имя — Я, чей ореол,
как свечи возле алтаря,
жег, не сгорая, словно в край
огня входил незримый Рай,
даруя и животворя.

И красный волк скакал за мной
 всю ночь под синею луной,
 пылая золотой трубой,
 всю ночь, всю ночь бежал за мной.
 Я над седлом нес новый груз,
 и он преображался в свет,
 как то, чему на свете нет
 названья среди дольних уст.

Она, как в дверь, вошла мне в грудь.
 Как перст последний одинок,
 как белый сорванный цветок,
 передо мной простерся путь.
 Она взглянула на меня,
 и очи детские ее
 родили заново мое
 сознание из глубин огня.

Посылка

И жизнь, и свет, и Лик, и Рай
 спят в центре лиры до тех пор,
 пока не вынесет в простор
 их пенья звук за тонкий край.

Письмо

Прозрачным, невещественным сияньем
 окружена Земля. Вот так и лира.
 Рай — это то, что окружает лиру,
 в напеве выступая через край,
 и ангел пенья трепетно связует
 перст трубадура, светлый облик донны
 и Парадиз в движенье и бессмертье
 живых источников... Сегодня ж, донна,
 ты будешь там со мной.

Скорпион/Данте

Певец был смугл, певец был горбонос,
 и восемь ног его стремили тело.
 Под адским пламенем лицо ороговело,
 смертельным ядом наливался хвост.
 Лучами заливая медь волос,
 бессмертною косметикой блестело
 лицо с хвоста — смугл и многоголос,
 под каплей вечности свою он начал тему.
 Нет выхода из адова пожара —
 он приближает к телу светлый яд,
 но детский лик ему горит из жала.
 Когда самоубийственно горят
 петля иль ствол, в них скрытая, нам, нищим,
 не смерть, а песнь дарует Беатриче.

Дон Кихот исповедуется

1

Не то, ты слышишь, нет, не то меня
срывало с места и влекло в дорогу —
я зарывался в шерсть единорогу,
рука как будто черпала огня,
и в ней не как от бабочки пыльца,
в ней оставались ветви и светила,
ты слышишь? оставался след лица,
ты слышишь? слышишь? — звездные чернила.
Но все не то... Ни парки, ни ручьи,
ни бездна в птице, ни прохлада зноя,
ни водопад волос, ни руки чьи,
ни солнце в небесах и ни ночное
простреленное сердце — помолчи! —
ко мне пришло и повлекло — Иное.

2

Ты знаешь ли — ну да, ты знаешь взгляд
влюбленной женщины — не просто нежный,
но состоящий из всего подряд —
осколков неба, рамы, белоснежной
заколки ангела... он как парад
судов — плывет, качаясь, в гул безбрежный
души твоей — ведь плыл же? — отче, рад,
клянусь, я рад за вас! К душе безгрешной
бриг разворачивает правый борт,
орудия сверкают в сильном зное,
и рвется в сердце залп, и соль аорт
несет огонь Амура. Слышишь? Но и
сей взгляд — ничто. И это видел тот,
кого позвало в странствие Иное.

3

Клянусь клинком, его стальным крестом,
я не безумец — мельниц, великанов
прибило ветром позже... и потом
я отличу драконов от полканов.
Да он прекрасен, неба свод, звезда,
роняющая стрелы на размывы —
как полк сирийцев! — на размывы рта
ночного, в зелени и вспышках ивы.
Но это... ясное, серебряное да
лазурное, все в ветре золотистом,
все в складках платья, все — призыв, все — в зное
двух детских глаз, но эта немота
и бездна губ, горящих аметистом...
Мой бедный падре, это все — Иное.

Московские стихи

***

Давний данник небес карусельных,
 Антигоны любовник случайный,
 побредешь под московским прицельным
 небом синим и небом горчайшим.
 Расшнуруй меня, враг мой, время,
 с подбородка — кроссовку с Итаки,
 чтобы кровь, словно брэнное бремя,
 красным маком отмерзла во мраке.
 Заступи за последнюю тяжесть
 девяти синих сфер захребетных,
 шагом тем, что и мощен, и кряжист,
 словно Моцарт в могиле для бедных.
 Заступи, расступись, чтоб всецелым
 небом был тебе мир и был небом
 миру ты — и тавром, и прицелом,
 и увечным и меченым — хлебом.

Рождество 19...

Золотое сердечко от тысячи лет
 сквозь затылки веков и зеркал —
 свет конечной свечи без особых примет,
 волосок Лорелеи — накал.

Ангел твой пережжен, ангел твой прокажен,
 взвешен воздухом комнаты, впал,
 приворотом зажжен, криворотым рожден,
 волосок Лорелеи — накал.

Мутной лютней влеком, как верблюда белком,
 ох и плох твой двойник, Гавриил,
 никому не знаком, ни за чем, ни о ком —
 перекресток крыла и могил.

Пригорюнясь, сидишь, синеглазую мышь
 запустив за зрачок наугад, —
 хорошо ли живешь, за здорово ль грустишь,
 в снегопаде пропав ни за грош.

Зелень глаз да кольца, брат мой снег, до конца,
 брат мой звук, промотал, приумолк.
 Я и вправду живой, брат мой свет, боже мой,
 крест звезды и хряща — брат мой волк!

Заверни ж вальтер-скотт в изукрашенный плат,
 в Вероникин платок-тишину,
 сунь в карман, где билет, до краев, коих нет,
 и вдохни высоту, ширину.

А чтоб в коробе неба заблудшим волхвом
среди горячих лучей не пропасть, —
свет зеленой звезды над нулем той версты —
огонек, прожигающий пясть.

Троя

Корабельная бабочка над спаленным городом: тулово, пятна.
Крылья скрипят — пружины атлетов вделаны в петли.
Новый троянский конь взлетает легко и мятно,
как рысий глаз Артемиды, пробитый хлопушкой в ветре.

Было яблочко золотое — стал пурпурный клубок,
размотался в копые и бицепс, без паузы и зазора.
С моря вьюга заходит, сечет, и пададь глотает волк,
размотавший свой вещий лоб посреди простора.

Нить идет, лиловея, назад, чтоб все снова начать.
Там, где царь ушел от копья, — лишь гвоздь от картины —
сматывается узор, парит над пейзажем часть
гортани с торчащей стрелой, как замо́к квартиры.

Нить уходит в жар-колобок — эффект, как бельмо в глазах:
гекторы, крысы, локоть, мужеский натиск —
ввинчиваются в клубок, чтоб, скрутившись, Мальштрем иссяк
в игольном ушке, пробормотав: сатис.

Ледяному пейзажу, растаяв, перетекать в колбу.
Бабочка унесла трофеи — в спину лупил ветер.
Брахман-брахман паучок собирает пейзаж в торбу,
откуда миру не прокричит «...реку» петел.

Бабочке голубой, скрипучей, гнезда на виске не вить.
Фотография супермодели на полке соревнуется со свечами,
а тот, кто задул, серым глазом впадает в Арахну. И в нить,
вплетаясь, молчит, разомкнув гобелен плечами.

Вера Мосова

Обломовна

Рассказ

Размеренное сопение соседок по палате наводит тоску, открывать глаза совсем не хочется, но и лежать без движений уже надоело. Сквозь смеженные веки Ася долго смотрит на белый больничный потолок и, не выдержав этой давящей белизны, переводит взгляд на большое окно. Восход, съедая остатки предутренней серости, настойчиво раскрашивает небо. Порадоваться бы ему, но не получается. Новому дню суждено стать границей между Асиным прошлым и будущим. Нет, граница прочерчена еще месяцем раньше, жирной чертой синего цвета под подписью доктора районной поликлиники. И с той поры в голове настойчиво крутятся одни и те же слова из старого хита. Всплывают вновь и вновь, назойливо буравя сознание. «Призрачно всё...» И впрямь призрачно. Зыбко и неустойчиво. В один миг может обрушиться вся жизнь, а вместе с ней и нереализованные планы, надежды, мечты. Как оседающий после взрыва дом: этажи медленно наезжают друг на друга, опускаются все ниже, и вот уже взлетают вверх клубы дыма и пыли. И все. Руины. Руины ее жизни. «Есть только миг...» Всего лишь миг, взорвавший ее прошлое. И вся Асина жизнь, до обидного короткая, рухнула в одночасье. Все сорок лет. Оказывается, она ничего не успела за эти годы! Ни семьи, ни детей, ни своего угла. Абсолютно ничего. А ведь счастье уже призывно маячило впереди. И марш Мендельсона, по иронии судьбы выпавший именно на сегодня, и ипотека, на которую они с Даней наконец решились, но не успели оформить, — всё так и останется погребенным под руинами. Где-то там, теперь уже далеко позади. За чертой. А если это не черта вовсе, а точка? Финал всей жизни?

Нет, точку ставить совсем не хочется. И не хочется верить в реальность всего происходящего. Почему перст судьбы указал именно на нее, Асю? Почему она должна была угодить в эту юдоль скорби и печали? За какие такие грехи? Перед ней открылся совершенно другой мир, чужой и незнакомый. Изнанка жизни. Куда ни глянь — покрытые косынками или тонкими шапочками головы, а порой и пикантные ёршики начавших отрастать волос, и откровенно лысые макушки, чьи хозяйки не считают нужным скрывать свою беду. А от кого скрывать-то? Тут все такие: либо до, либо после. Больше похожие на неясные тени, чем на живых людей. Взгляды, направленные внутрь себя, впалые после операций груди, тихие, с трудом дающиеся шаги. В туалете и в душевой комнате нет задвижек, это на случай, если кому-то

Вера Мосова — родилась в Свердловской области, окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Автор нескольких романов и повестей, опубликованных на платформе Ridero, в том числе трилогии из жизни уральской глубинки XIX века («Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», «Ходила младшенька по борочку» и «Суженый мой ряженный»). Живет в Екатеринбурге.

вдруг станет плохо. Зато в каждой палате есть круглая табличка, на которой фломастером выведено «занято». Изготовлена она, как правило, из обычной пластиковой крышки, украшена бумажными цветочками, тесьмой или кружевом. Нелепый плод творческих озарений пациенток, измотанных болью и тревожными мыслями. Странную эту вещь нужно всякий раз брать с собой и пристраивать снаружи на ручку двери. И никого не напрягает. Надо так надо. Все тихо и размеренно, без суеты и громких разговоров. Поначалу непривычно и даже пугающе. Но только поначалу. Больничная жизнь быстро и безжалостно всасывает новичков, подчиняя своему молчаливому распорядку и делая частью себя.

Ася прислушивается к звукам в коридоре. Отделение потихоньку просыпается. Неуверенные, шаркающие шаги пациенток и стремительные перемещения дежурной медсестры, постепенное нарастание голосов прибывающего персонала, и вот он, тот звук, которого она с тревогой ожидает, — жутковатый грохот каталок в коридоре. Теперь закрутится. Включится отлаженный механизм. Одних пациенток, накрытых тонкими простынками, совершенно нагих, с глазами, уже отрешенными от мира, станут увозить в неизвестность, других привозить. И так каждое утро. Поточный метод. Неожиданно распахивается дверь, и в палате появляется каталка — возможно, прибыли за ней. Но первой забирают соседку, немолодую молчаливую женщину из забытой богом и людьми деревенской глубинки. Значит, ещё около часа ожидания, а то и больше.

Предоперационный мандраж уже давно перешёл в стадию абсолютного равнодушия. Даже не равнодушия, а какой-то особой обречённости, тупой покорности судьбе. Как говорится, чему быть... А чему быть, она и сама прекрасно знает. Вспомнились мамины слова, однажды брошенные вскользь, но основательно засевшие в голове:

— А что хорошего может быть в твоей жизни? Ты же у меня невезучая с рождения!

И правда невезучая. В роддоме Асю уронили с каталки, когда везли на кормление, но как-то обошлось. В детском саду она сильно травмировалась, съезжая с горки, и с той поры на щеке остался небольшой шрам. А однажды девочку просто забыли на прогулке, и она около часа просидела в фанерном домике, не решаясь выйти из него, пока воспитательница не хватилась недостающего ребёнка. В школе и институте обычно не везло на экзаменах: как нарочно, попадали именно те вопросы и темы, которые она не любила, а потому и знала недостаточно хорошо. А вместо выпускного вечера Ася угодила в больницу с аппендицитом. Но главное невезение — это её личная жизнь. У сверстниц уже дети школьного возраста, а у некоторых даже студенты, лишь у неё никак не складывается. Все романы заканчиваются расставанием. Причины всегда разные, а финал один. Наконец она встретила Даню, искренне поверила, что судьба и ей улыбнулась, они уже два года вместе, и казалось, что это навсегда. Но предстоящее свадебное путешествие в Париж накрылось медным тазом, как выразилась лучшая подруга. В общем, вся её жизнь — сплошной облом. Она уже почти привыкла к этому. И даже смирилась — судьба такая. Дания порой называет её Обломовной. В шутку, конечно. Но ведь в каждой шутке есть...

Погруженная в свои мысли, она не услышала приближающегося звука каталки, пока ту не втиснули в распахнутые двери палаты. И завертелось: бесконечные коридоры, дверные проёмы, лифты. То вверх, то вниз, то влево, то вправо, из одного корпуса в другой, длинными коридорами и застеклёнными переходами. Каталку провожают сочувственные взгляды больных, тело слегка потряхивает на неровностях. Вот и операционный блок, остановка, ожидание перед дверью. На страхи уже нет сил. Будь что будет. Звук открываемой двери, и процесс пошёл: с каталки — на операционный стол,

руки расправили, как на кресте. Укольчик сюда, катетер туда, сосредоточенный взгляд анестезиолога из-под маски.

Вскоре разбудили. Так быстро? Неужели уже всё?

Увы, операция отменяется, переносится на завтра, потому что во всём диспансере неожиданно вырубилось электричество. Вот это облом! Снова ждать? До завтрашнего утра? Снова готовиться, нервничать? Впрочем, с ней и не могло быть иначе. Она же невезучая. На отрешенном лице мелькает горькая усмешка. Всё как всегда. Досадно, однако. Хорошо ещё, что не успели разрезать. Стоп! А если бы успели, что тогда? Наверное, подключились бы к аварийной системе электроснабжения. Конечно, ведь уже начата операция должна быть закончена. Наверняка в других операционных сейчас продолжается работа. А ей предстоит возвращаться в палату, попытка растянется ещё на сутки.

Пока рядом гремят инструментами, отключают приборы, убирают трубки и проводки, свет загорается вновь. Реплики персонала, как голоса за кадром. Надолго ли? И что делать? Продолжать? Или нет смысла? Вдруг снова погаснет? Но вот доносится решительная команда доктора продолжать работу. Больная готова, нет смысла откладывать. И снова трубочки, проводочки, чьи-то руки в перчатках, голоса...

Послеоперационный полусон-полуявь. Возникающие откуда-то лица соседок по палате, доктор, проверяющий пульс, шприц в руке медсестры. Асю о чём-то спрашивают, она что-то отвечает и снова проваливается в вязкое небытие. Всплывает недавний разговор с мамой. Она не просит, она требует. Дочь непременно должна помочь брату, тридцатилетнему лоботрясу, однажды по пьянке застудившему почки. Его может спасти лишь пересадка. Мама, я не готова к такому рискованному шагу! Я хочу выйти замуж, родить ребёнка. А как же вынашивать его с одной почкой, да еще в таком возрасте? Но для мамы это не аргумент. Кто тебе дорожке: гипотетический ребенок, которого может и вовсе не быть, или родной брат, чья жизнь в опасности? Ты хочешь, чтобы твой племянник остался без отца? Мама, он давно без отца, уже, наверное, и забыл, как тот выглядит. А тебе обязательно надо добивать мать?! Напоминать об этой беде?! А вдруг после пересадки всё наладится? Вдруг Лёлик вернётся в семью?

Я должна посоветоваться с Даней! А что Даня?! Этот твой малолетка всё равно бросит тебя, не сейчас, так после свадьбы. Зачем ты ему? Пять лет разницы в возрасте — это немало! Сегодня ты ещё ничего, а пройдет пара-тройка лет, и он станет стыдиться тебя. От молодых жен мужики гуляют, а уж старая и вовсе никому не нужна! Мама напориста и не особо щепетильна в выборе слов. Она всегда горой стоит за сына, которого почему-то любит больше, чем дочь. Бьет наотмашь, давит на жалость, взывает к совести. Почему Ася должна делать выбор? Неужели нельзя как-то по-другому? Или все-таки надо согласиться на уговоры матери? Пожалуй, стоит посоветоваться с врачом. И вот уже вместо маминого лица седые усы старого доктора Абрама Иосифовича, его взгляд из-под очков. Деточка, вынашивать ребенка с одной почкой — огромный риск и для матери, и для плода. А что это тут у нас? Ну-ка, поглядим. М-да, что-то не нравится мне эта картинка. Срочно на узи! И полное обследование! И снова мамин голос. Недовольный и даже какой-то грозный. Я так и знала! Вечно с тобой что-нибудь случается! И именно сейчас, когда Лёлику срочно нужна помощь! Угораздило же тебя!

Господи! И это говорит родная мать! Почему она так несправедлива к ней?! У Аси ведь тоже непростой диагноз, может, даже и серьезнее, чем у Алексея. Почему же ей дочку-то не жаль? Почему, мамочка?!

Кто-то берет ее за руку, вызволяя из ватного забытья. Лёгкое поглаживание по ладони. Даня!

— Ты пришел! — одними губами, на выдохе.

На лице сочувствие на грани с растерянностью, в глубине глаз затаилась тревога. Жалеет. Да уж, вид у нее сейчас, наверное, тот еще. Как раз для отпугивания мужчин.

— Пришёл. Куда ж я денусь?! — Глаза лучатся теплом.

Конечно, куда он денется? Он не мог не прийти. Вопреки маминым пророчествам, вопреки всему, что так безжалостно встало на их пути. Только бы не расплакаться сейчас.

— Я поговорил с доктором. Операция прошла успешно. Всё будет хорошо. Ты вовремя обратилась. Есть надежда на полное выздоровление. Надо только верить в это.

— Я верю. Конечно, верю. Который час?

— Четырнадцать тридцать.

— Время нашей регистрации. Мы сейчас могли быть в загсе.

— А это мы ещё успеем, спешить нам некуда, штамп в паспорте абсолютно ничего не меняет, — глаза его говорят больше, чем слова, обволакивают теплом, утешают, вселяют надежду.

— Успеем, — глубокий вдох, пауза и шепотом на выдохе: — Я не смогу родить тебе ребенка.

— Мы можем его усыновить, это не проблема.

Благодарность. Огромная, невыразимая. Распирает изнутри, поднимается теплой волной. Хочется плакать и говорить что-то доброе, хорошее. Но слова, как нарочно, не находятся, ускользают, их невозможно ухватить, а слёзы — вот они, тут как тут.

— Не плачь, Обломовна моя! — Едва уловимая смешинка в родных глазах. — Все будет хорошо.

Конечно, будет. Она и сама хочет в это верить. Очень хочет. Но... Она ведь Обломовна.

Звонок от мамы. Доча, как ты? Я завтра приеду, ты сейчас отдыхай, в себя приходи. Врач сказал, что все хорошо. Возможно, даже химию делать не придется. Это же здорово! Вдруг ты еще сможешь донором стать? Теперь тебе уж точно не рожать.

Это она подбодрить пытается или добить?

Внимательный взгляд Дани.

— Может, тебе лучше отключить телефон? Хотя бы на время, пока в себя приходишь.

И тут же новый звонок. Алешка, брат. Сеструха, ты как? Ты там это, выкарабкивайся поскорее. Сильно страшно было? А не больно? Мне вот неожиданно свезло, представляешь, есть донорская почка! Так что тоже предстоит операция. Я сейчас в больницу еду. Маман еще не знает, тебе первой сообщая. Мандражирую слегка, конечно.

Вот это новость! Наконец-то мама успокоится. Хотя бы прекратит допекать Асю с этой злосчастной почкой. Сына она всегда любила больше, чем дочь. Асиного отца мать оставила, встретив новую любовь, которая казалась ей тогда единственной и вечной. А вскоре после рождения Алешки новый муж трагически погиб, и вся ее нерастроченная любовь досталась сыну. Тогда Ася стала главной помощницей матери, разделив с ней и заботу о малыше, и ответственность за него. Причем воспринималось это как само собой разумеющееся. С нее, десятилетней девчонки, требовалась и почти материнская жертвенность, и безусловная любовь к брату. Все, что чувствовала мать, должна была чувствовать и Ася. Это не обсуждалось, не опровергалось, это стало данностью, которую следовало безоговорочно принять. Конечно же, девочка любила брата, хоть и пришлось ради него лишиться беспечных игр с подружками, веселых тусовок и прочих, соответствующих возрасту мелочей, из которых и состоит жизнь подростка. Ася всегда чувствовала в этом некоторую несправедливость, но не смела даже заикнуться матери о своих

обидах. И до сих пор она не может освободиться от постоянно навязываемой необходимости опекать уже зрелого мужчину, с которым то и дело что-то случается.

Ее размышления прерывает тихий голос Дани:

— Аууу! Обломовнааа! Ты где? Опять глубокое погружение в свои несчастья?

— Нет, что ты! Наоборот! Я рада, что у брата все так удачно складывается. И мама наконец-то успокоится, перестанет меня донимать с этой почкой. Лишь бы прижилась.

Даня не отвечает, просто смотрит и улыбается. С легкой иронией. И с большой любовью. Ася даже знает, о чем он сейчас думает. И отвечает ему взглядом. Их немой разговор прерывает звонок телефона. Опять мама. Спешит сообщить, что она не сможет приехать к дочери в ближайшие дни. Будет дежурить у Лелика, ведь после операции ему нужен постоянный уход. Возможно, это затянется надолго. Жаль, что Ася сейчас не может ей помочь, придется справляться одной. В голосе досада, невысказанный упрек. Но Асе и озвучивать его не надо. Она все услышала без лишних слов.

— У меня есть для тебя сюрприз! — таинственно произносит Даня, явно с целью отвлечь ее от грустных мыслей. — Смотри!

И он показывает на телефоне фото забавного котенка невероятного окраса. Рыжие, черные и белые пятна, переходя один в другой, странным образом сочетаются в этом комочке всклокоченной шерсти. Желтоватые глаза смотрят настороженно.

— Таким я встретил его вчера возле мусорных баков. А вот это он уже одомашненный, — и Даня перелистывает картинку на дисплее. — Его зовут Пиксель.

Из Асиного мехового башмака выглядывает довольная мордочка того же самого котёнка, но уже помытого, явно сытого и вполне счастливого. Пиксель! Какая прелесть!

— В общем, поправляйся скорее, мы тебя ждём. С квартирной хозяйкой я договорился, она не против животных.

— Скинь мне эти фото, с ними я быстро поправлюсь, — дрожащий голос сквозь едва сдерживаемые слёзы и счастливая улыбка на бледном лице. — Приятно же, когда ждут.

Александр Тихонов

Сквозь белизну мне станет парус виден...

***

«Алтай — это дно древнего моря...»
Из рассказа экскурсовода

Былое море нынче на мели.
Шустрит Катунь, земной пролом врачаю,
Да тянется извилистая Чуя.
Всё прочее столетия смели.
Мой разум у Алтая на виду,
Как тот голыш в извилистой стремнине.
По дну былого моря я пройду.
Пусть на губах останется отныне
Песчаный привкус штормовой волны,
Былого моря, чьи следы хочу я
Увидеть.

Но вокруг лишь валуны,
Седые горы.
И Катунь.
И Чуя.

Не потому ли плещутся стихи,
В блокнотик занесённые украдкой,
Что дышат в спину призраки стихий,
Природой поглощённых без остатка?

***

Мир за дверью подъезда угрюм и жесток.
А с какой стороны её? С этой ли, с той ли?
Из расколотой лампочки вытек желток,
Нерождённый цыплёнок, вольфрамовый бройлер.

Александр Тихонов — родился в п. Большеречье Омской области. Автор семи книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Наш современник», «Сибирские огни» и др. изданиях. Лауреат литературных премий им. М.Ю. Лермонтова (2015), «Русские рифмы» (2018), премии журнала «Наш современник» им. Ю.П. Кузнецова (2019), «Буламаргъ» (2021) и др. Живёт в Омске.

Публикация осуществляется в рамках проекта «Мастерские» Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Свет погас, но мерцает в полночном чаду
Даже тьма, напитавшись неясного чуда.
И пока мы с тобой осязаем тщету,
Умирающий свет верен жизни и чуток.

Пусть соседи (в них чувства прекрасного — чуть)
Этот свет по привычке на завтрак зажарят,
Я поставлю стремянку и лампу вкручу —
Звёздным газом аргоном наполненный шарик.

Соберу все скорлупки стеклянные, пусть
Тёплым светом наш шумный подъезд насладится.
Застучит в проводах электрический пульс.
«Выкл. — Вкл.» — просыпайся, Жар-Птица!

Первый снег

Здравствуй, снег. Идём со мной по городу
Засыпать дороги и дворы!
Знаю, снег, что век у бури короток,
Оттого так яростен порыв.

Есть где разгуляться вихрю снежному,
Первому глашатаю зимы.
Он шумит с мальчишеской поспешностью,
Обретя звучание и смысл.
Споро землю влажную и сирую
Укрывает полотном зимы.
Скоро в небе чудо запульсирует
Вифлеемской звёздочкой из тьмы.

***

Хрущёвка, ПАЗик, кислое житьё...
«Провинциалка» — застревает комом
В девичьем горле. Кройка и шитьё
И прочие труды её по дому

Достали, допекли, свели к нулю
Все прежние амбиции и страсти.
И вместо фразы: «Я тебя люблю!»
С порога муж твердит:
«Ну, вот я, здрасьте...».

Она в Москву стремится из провин...
Из душных комнат, из дворов знакомых.
Ей кажется, что мир неисправим,
Но вдруг — щелчок:
«Любимая, я дома...».

И про столицу до поры молчок.
Так рыбка попадает на крючок.

***

Мы с тобой, как звёзды, не долетели
И сгорели где-то в житейской мгле.
Засыпает город под свист метели.
Засыпает снег мой нетвёрдый след.

А в кармане мёрзнет билет на поезд.
За плечом рюкзак, впереди страна,
Где стоят деревни в снегу по пояс —
Кукольные домики в два окна.

В них иные беды, иные страсти,
От других проблем на душе сквозняк.
Холодно в вагоне: металл и пластик,
Всюду шебуршание и возня.

Звёзды и вагоны... Себя итожа,
Что-нибудь, пожалуй, пойму в пути.
Мы не долетели. И всё же. Всё же!
Верь, рождённый ползать ещё...

Ковидные заметки

Зелёные лёгкие тополя тронула ржа.
Ещё две недели, и холод поселится в кроне.
Кому-то придётся у пропасти мир удерживать
От страшного вируса в сдвинутой набок короне.

Кому-то придётся остаться назло чудесам,
Случавшимся прежде нередко,
да только не с ними.
А руки в перчатках скользнут по седым волосам
И липкую маску, посмертную, горькую снимут.

Безумное время, и дышит в затылок зима,
И «красная зона» вдруг стала предбанником рая.
Но голые вётлы объяла крылатая тьма,
И нечем дышать от густого вороньего грая.

Кому-то придётся остаться в ковидном краю,
Где кашляет небо последней грозой на прощанье.
Там кто-нибудь есть,
или что-нибудь в вашем раю?
Бескрылым бескрылые лихо дают обещанья.

Качается тополь...

***

Жизнь пыгается крылья подрезать, швырнуть на лёд,
Но весеннее небо пернатых зовёт в полёт.
Так и тянет на взмахи крыла обменять ходьбу,
Чтобы чувствовать ветер и лично творить судьбу.
Я друзей, будто птиц, узнаю по стихам и трелям.
Мы выходим из спячки — кто в марте, а кто в апреле.
Создаем, творим, собираем крупичицы дня.
Все, кто грезит свободой, отныне моя родня.
Форма клюва вторична, цвет лапок, размах крыла.
Слишком многим судьба даже этого не дала.
Прилетевших друзей привечаю в своём краю,
Ведь крылатый крылатому, ласточка воробью
Многим ближе, чем все обладатели морд и жвал.
Жизнь срывается в сюр, чтоб чирикать не забывал.
Лёд растает, расправятся крылья, придёт весна.
Встрепенусь от тоски, от апатии, ото сна,
И легко, словно птица, направлюсь встречать зарю,
И над горьким, постылым безвременьем воспарю.

Сны о чайке

Моя судьба самоповтором бредит.
Туман, туман, а где-то далеко
Уходит белый парус в молоко.
И плеск волны, и пустота на рейде.
Чего-то ждёт душа, едва дыша,
То зябко ёжась, то от счастья млея.
Я вижу, как, в испуге, с гольша
Взлетает чайка. И туман мелеет.

Но всё начнётся заново, когда
Сквозь белизну мне станет парус виден,
И небо видно, и видна вода.
Так почему я на тебя в обиде,
Судьба моя, идущая опять
След в след себе, замкнувши круг, в котором
Я мучаюсь пустым самоповтором
И не могу ни в сторону, ни вспять?

Вернётся чайка, заберётся на
Ближайший камень. Парус затрепещет.
Но вновь придёт тумана пелена
И спрячет до поры мечты и вещи,
И море, и небесный окоём.
Опять стою в дурманящей печали.
Опять пытаюсь думать о своём.
Опять в конце всё точно как в начале.
Хоть поводок решения упру,
Но нет пути, лишь замыкаю круг.

И эта надоевшая строка,
Туман и море, камень и рука,
Хватающая камень. «Получай-ка,
Тупая птица!» И туман, и чайка,
Летящая в туман, от камня прочь.
Не говори, что и туман, и птица
Не повторятся, жизнь не повторится,
Не предрекай иного, не пророчь.

Я так хочу остаться в этом месте.
В тоскливом трансе, с морем в унисон
Дышать и чайку ждать, как ждут известий.
И думать, смерть ли это, или сон?
Мне белой птицы не дано коснуться,
А камень раз за разом отстаёт.
И я хочу, но так боюсь проснуться
И не увидеть в комнате её.

Сергей Смирнов

Часовые рассказы

Дядя Володя. Часы для прокурора

Дядя Володя, мамин брат, одевался всегда элегантно. От него исходил аромат дорогого одеколona, хороших сигарет и коньяка. На пальце красовалась массивная золотая печатка. У него была отдельная квартира в пятиэтажной панельке на Полежаевской. На кухне газовая горелка, а в ванной белые фарфоровые краны... Мои родители, всю жизнь прожившие в коммуналке на Преображенке, в старом деревянном доме с печным отоплением и без ванны, о таком могли только мечтать! Меня же, маленького мальчика, в его квартире интересовали лишь немецкая овчарка Альма, великолепно выдрессированная, понимающая хозяина с одного взгляда, и слесарные инструменты, особенно отполированные пассатижи. Дядя Володя обещал их подарить, когда вырасту.

Дядя Володя был известным мастером часового дела в Москве. Он чинил часы самому Игорю Ильинскому. Народный артист был щедрым человеком и за отличную работу денег не жалел. Вообще у дяди Володи было много интересных заказчиков, а вместе с тем и часовых историй.

Однажды к нему в мастерскую зашел один казенный человек. Из-за его плеча выглядывал перепуганный приемщик заказов.

— Владимир Сергеевич Кольцов? — строго спросил казенный человек и тут же потребовал: — Берите инструменты и пройдемте со мной в машину!

За окном черного «ЗИМа» проносились улицы, постовые отдавали честь автомобилю... Дядя Володя провожал их тоскливым взглядом и в смутной тревоге терзался: «Ну, все! Где-то по пьяни ляпнул в компании...»

Наконец машина остановилась возле одного серьезного учреждения. В сопровождении офицера охраны дядя Володя поднялся по лестнице. В коридоре его подвели к двери, на которой красовалась черная табличка с золотыми буквами.

**ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
РОМАН АНДРЕЕВИЧ РУДЕНКО**

Сердце упало. Из приемной сразу в огромный кабинет. Из огня да в полымя. В середине длинный пустой стол, а самого хозяина нет.

— Сможете починить? — спросил офицер, указывая на высокие напольные часы в углу — трофейные, германские.

Дядя Володя облегченно вздохнул и принялся за работу. Долго провозился с механизмом. Офицер все это время молча наблюдал за ним.

Наконец ровно в полночь часы мелодично пробили...

Сергей Смирнов — родился в Москве. Окончил Московский железнодорожный техникум. Публикации в журналах «Кольцо А», «Нева», «Юность», «Север». Дважды лауреат литературного конкурса маринистики имени Константина Бадигина.

Дядя Володя много пил. Через несколько лет он уже не мог работать — пальцы дрожали. Окончательно погубил свой талант, а слесарные инструменты, те самые, о которых я мечтал, он продал.

Эдуард Савельич. Часы товарища Саахова

Фимка, пронырливый приемщик заказов, осторожно внес в цех часы под тяжелым стеклянным колпаком:

— Вот, товарищ Саахов принес.

— Кто-то? — не понял Савельич.

— Ну, этот, который невесту украл. Он объездил все мастерские Москвы, нигде не могут починить. Они ему дороги как память.

Эдуард Савельич, один из старейших мастеров Москвы, посмотрел на часы и расстроился. Это были годовики — торсионные часы с заводом на четыреста дней! Механизм точный и долговечный, но если струна-пружина, удерживающая баланс-маятник, не родная, то пиши пропало!

Савельич повздыхал-повздыхал, но взялся. Целый год мудрствовал над ними. И сделал. И месячный план их филиал «Мосрембытчаса» выполнил.

Старый дом на Преображенке, в цоколе которого располагалась их небольшая мастерская, готовился под снос. Здесь трудилось еще несколько человек. К своим столам сотрудники буквально протискивались. Летом через приоткрытые форточки всегда было видно, как они в белых халатах, сосредоточенно склонившись за столами, колдуют... А тут еще стеллажи с часами и фурнитурой. Для старинного колпака от часов места не было. Временно разместили его на подоконнике. На этом же подоконнике на электроплитке Савельич в секретном растворе варил для очистки шестеренки и платы. И кто догадался переставить на раскаленную электроплитку стеклянный колпак? Тут же раздался щелчок! Колпак лопнул.

Заменить нечем. Таких колпаков нигде больше нет. А заказ отдавать надо — время подошло. Народный артист, узнав по телефону о производственном несчастье, помолчал, затем, понизив голос, мрачно и внятно произнес:

— Я часы назад не принимаю. Доставайте где хотите.

Чтобы смыть профессиональный позор, скинулись коллективом и заказали дорогую копию в Гусь-Хрустальном.

Народный артист Владимир Этуш был счастлив. Сердечно благодарил.

Часы чинят, и время идет. В перестройку количество заказов резко сократилось. Людям стало не до часов. Уникальные мастера разбрелись кто куда. Оборудование растащили. Мастерскую закрыли. Дом сломали.

Палыч. Знак качества

Мои напольные часы германской фирмы «Kohler» замолчали. Тяжелый маятник с орнаментом-рунами висел без движения. Не слышно их мелодичного боя. Часовщики один за другим приходили, смотрели, что-то подкручивали, но часы не запускались.

Я с грустью вспоминал о Савельиче, часовом мастере из детства, но он, к сожалению, уже не работал. Однажды, прогуливаясь в летние выходные по опустевшим старым улицам Преображенки, случайно наткнулся на полуподвальную мастерскую с вывеской. Над дверью звякнул колокольчик. За барьером загорелый человек со скучающим видом, но не в накрахмаленном белом халате, как было принято у советских часовщиков, а запросто — в майке и мятых шортах.

— Вам что?

— Часы стоят.

— Приносите.

— Они большие, напольные.

И мы договорились, что он приедет на следующий день и заберет их. Еще через неделю часы вернулись ко мне. С хорошей выкачкой забилося их германское сердце.

С Володей мы подружились. Все его называли Палычем. Оказалось, он ученик Эдуарда Савельича. Ну, правильно, тот плохих учеников при себе не держал. Мы с Палычем часто его вспоминали.

Я как-то рассказал ему о часах «Победа», которые очень долго носил мой отец. Надежный механизм, умели раньше делать. И Палыча снова повело на воспоминания. После окончания техникума он получил специальность «мастер-технолог часового производства» и был направлен по распределению на часовую завод. Сначала на конвейер сборщиком.

Через год вызвал его начальник цеха:

— Хорошо работаете. Направляем вас в цех по сборке спецчасов.

Авиационные часы, морские хронометры, часы для космонавтов... Вход на производство по спецпропускам. Обязательное посещение душевой кабины. Обязательное ношение х/б комбинезона. Чистое производство.

Спецчасы испытывали в различных условиях. Поливали водой. Подвергали вибрации. Морозили и нагревали до высоких температур. И только после многодневных испытаний, после одобрения военпреда эти механизмы уходили к заказчику — министерству обороны.

Как-то после смены коллега Палыча признался, что вынес часы на себе. На радостях зашли в магазин, взяли портвейн. Но когда переходили дорогу, приятель Палыча вдруг бросил часы прямо под двойные колеса проезжавшего грузовика. Захмелевший дурень решил проверить, насколько они крепкие. Корпус часов был довольно крупным, размером с хоккейную шайбу, и его тут же вмяло в резину меж колес. Грузовик преспокойно поехал дальше. Ребята успели запрыгнуть в автобус. Так и ехали: «ЗИЛ» впереди, автобус — следом. На одном из светофоров выскочили и кое-как сбивчиво объяснили шоферу про «шайбу»...

Они и не надеялись, что после такого испытания механизм выдержит. Но стекло циферблата даже не треснуло. Только прочный корпус был слегка поцарапан. Часы работали, как ни в чем не бывало.

Все тот же Палыч. Монастырские ходики

В один из декабрьских дней я забежал к Палычу. Нужно было почистить отповскую «Ракету». В мастерской щелкали старые чугунные батареи и было тепло. Палыч, как всегда, колдовал за верстаком.

Со мной на приемке еще один человек.

— Я же охотник, — рассказывал он, — осенью забрел с ружьем в какую-то глухомань. Кругом ни души. Жилья нет на десятки верст. Дорог тоже. Одни болота. За кустами какие-то руины. Пробрался по тропе ближе. Купол на земле лежит. Это ж покинутая обитель! Кто и когда основал в тех непроходимых лесах монастырь? Туда только звериными тропами. Монахи-староверы таились от людей. Смотрю, на одной из сохранившихся стен рядом с чугунными крестами висят ходики... Завернул их в пленку и в рюкзак. Сможете запустить?

Я с завистью глядел на это чудо! Небольшие ходики с простой палкой вместо маятника. На жестяном циферблате еле различимые цифры. Вместо диска прибора какая-то ржавая жестянка. Зато все шестеренки, даже оси, выточены из дуба... Наверно, какой-то монах-самоучка долгими скучными вечерами после молитв и трудов в своей келье при свече старательно вытачивал, подгонял детали...

Долго Палыч с ними мучился. Думал уже выбросить. Но так хотел оживить редкий механизм, что даже во сне приснилось решение задачи! Утром встал, вспомнил подсказку и собрал. Часы пошли, сначала нехотя, маятник скрипит, раз-два, и встали. Но куда ж они денутся, если Палыч за них взялся. Пошли часы.

Алиса Пармонова

Я нарисую круг, чтобы остаться здесь...

***

Жизнь — слепое пятно.
Время — веретено.
Ветер, трава, земля...
Слово и глина — я...

***

Немота говорящая
глаз.
Немота говорящая
уст.
Немота фотографий —
связь.
Немота говорения —
хруст...
Немота выше разных
догм.
Немотой говорить
учусь.
Немота — это есть
Бог...
В немоту ухожу,
не вернусь...

***

Безмолвие тишины.
Безмолвие бытия.
Образ из пустоты —
Словом рисую я...

Алиса Пармонова — студентка литературного отделения Екатеринбургского государственного театрального института (ЕГТИ). В «Урале» публикуется впервые.

Время мой враг и друг.
Время — вода небес.
Я нарисую круг,
Чтобы остаться здесь...

***

Нити небес сплету воедино —
Тонкие кружева.
Речи немые слагают незримо
Вечно живые слова...

***

Найди себя на дне...
Найди на глубине,
Где реки фраз и слов,
Где речи есть любовь...

***

Времени нет, есть вечность.
Здесь пустота бытия
Тихо укроет плечи,
Словно сырая земля...
Слово след оставляет.
Слово печать небес...
Древо запоминает —
Ты прорастаешь здесь...

Вадим Деревянский

«Ты только матери не говори...»

Рассказ

«Откуда столько воды? — недоумевал Валька. — Сколько раз по этому маршруту ходил, и никогда раньше на вентиляционном штреке воды не было. А сейчас, похоже, скоро до колена дойдёт!»

Должность у молодого парня небольшая, но ответственная — маршрутный горный мастер участка вентиляции и техники безопасности (ВТБ). Все объекты в шахте разбиты на маршруты и контролируются один раз в сутки горными мастерами этого участка, которые с помощью интерферометра делают в установленных местах замеры метана и углекислого газа, а также следят за тем, чтобы на маршруте не было других нарушений нормативных требований охраны труда шахтёров.

Рассекает Валька воду, как катер, гонит волны по выработке. Всё бы ничего, да сапоги изношенные, дырявые, внутри них уже всюю хлюпает. Шерстяные портянки набухли и противно трут ноги...

К воде и дырявым сапогам у Вальки отношение особое. Случилась с ним в прошлом году неприятность: походил вот так же в дырявых сапогах по колению в воде, и появилась краснота на ноге. Чешется — сил нет терпеть! Мама с бабушкой, заметив эту красноту, переполошились и вынесли вердикт:

— С такой болячкой надо к бабке идти.

— К какой бабке? — не понял Валька.

— Знамо, к какой...

— А-а... Не пойду я ни к какой бабке! — возмутился он, когда догадался, о ком идёт речь. — Взрослые люди, а ерунду говорят.

— Это не ерунда, Валя. Это рожа.

«Ну и название у этой болячки!»

Ещё день отработал Валька и не выдержал, потопал в больницу. Врач только взглянул на его ногу и говорит:

— Если хочешь быстро вылечиться, иди к бабке. Бабка скажет, что ей принести, — принесёшь, она пошепчет, и всё пройдет.

Растерялся Валька: врач, а те же глупости талдычит.

— Нет, доктор. Не верю я во всё это. Лечите официальными средствами.

Пожал врач плечами, мол, хозяин — барин, поставил диагноз «рожистое воспаление» и прописал делать фурацилиновые повязки и пить антибиотики.

Как ни странно, помогло — за неделю Валька выздоровел. (Видать, упрямотво его природное свою роль сыграло!)

И вот опять та же история — вода и дырявые сапоги.

Дошёл Валька кое-как до сопряжения вентштрека с другой выработкой — квершлагом, свернул на него. У квершлага угол наклона хоть и небольшой,

---

Вадим Деревянский (1969) — родился в УССР (г. Макеевка), по образованию горный инженер-электромеханик, работает старшим научным сотрудником в Макеевском НИИ по безопасности работ в горной промышленности. В свободное время пишет рассказы, небольшие пьесы, юморески. В России публиковался в журнале «Смена»: рассказы «Ваня» (2019) и «Санинструктор Маша и Баба-яга» (2020).

но всё равно, чем выше поднимался «маршрутник», тем уровень воды в нём становился меньше.

«Надо сапоги снять и портянки выкрутить, а то опять рожка будет!» — сразу решил Валька, как только совсем выбрался из воды. Посмотрел по сторонам — сесть не на что. Опёрся спиной о стенку выработки, стянул за носок один сапог, выжал портянку, словно половую тряпку, снова намотал её, мокрую, сунул ногу в сапог. Хоть немного, но легче.

Только закончил возиться со вторым сапогом, как в соседней выработке замелькал свет «коногонок», послышались голоса и стук колёс о рельсы. «Здесь же зазоров нет, чтобы с вагонеткой разминуться, — надо обратно на вентштрек выходить. Блин горелый!»

Как же не хочется опять в воду лезть!

Толкаемая двумя проходчиками, показалась большая вагонетка, гружённая рудстойками (брёвна длиной два с половиной метра и сантиметров двадцать в диаметре). А квершлаг-то наклонный! Выхала вагонетка из-за поворота и покатила вниз под собственным весом прямо на Вальку. Проходчики попытались удержать её руками. Бегут, спотыкаются через шпалы, но вагонетку не отпускают, видят, что впереди человек в безнадежном положении оказался.

Да разве её, тяжеленную махину, руками удержишь! Набрала вагонетка скорость и убежала от проходчиков. Несутся они следом, но сделать уже ничего не могут. А Вальке, бедному, деваться некуда, до вентштрека добежать не успеет — вагонетка догонит.

«Блин горелый!»

Огляделся Валька и принял единственно верное в такой ситуации решение: выбрал место, где расстояние от стенки выработки до рельсового пути самое большое, и быстро нырнул в пространство между ножками металлоарочной крепи. Сорвал с плеча трехкилограммовый цилиндр самоспасателя¹, поднял его за ремень над головой повыше, чтоб себе ещё несколько сантиметров пространства выгадать, вжался спиной в стенку выработки, втянул живот поглубже, задержал дыхание...

Когда вагонетка коснулась его, ноги сами начали движение ей в противоход. Скользит ржавый борт по Валькиной груди, вдавливая парня в крепь, а он протискивается, весь сжавшись. Даже не понял, как сумел проскользнуть в мизерное пространство между ножкой крепи и вагонеткой.

Почему он так поступил, Валька и сам не знал. Здравый смысл говорил об обратном: стоять на месте, где шире всего, пока вагонетка не проедет, да и правила безопасности говорят о том же — остановиться и пропустить подвижной состав. А он поступил против здравого смысла, нарушил правила и этим... спас себе жизнь!

Едва Валька оказался позади вагонетки (ещё даже не успел опустить руку с самоспасателем), как с его стороны оба её колеса соскочили с рельса и упали на почву выработки. Верхний край борта и выступающие поверх него рудстойки ударили в рамы крепи. Ударили с такой силой, что всё крепление выработки содрогнулось, посыпалась пыль, а с деревянной затяжки полетела труха.

Как оказалось, в том месте, где находился «маршрутник», имелся не только наибольший зазор между крепью и рельсовой колеёй, но и расстояние между рельсами превышало положенное значение.

— Здравсьте, — поприветствовал Валька проходчиков.

Те неслись как угорелые. На их лицах было написано всё! Они, в отличие от горного мастера ВТБ, сразу поняли, что только что произошло. Вернее, могло произойти.

¹ Самоспасатель — средство индивидуальной защиты горняков при подземных авариях, связанных с образованием непригодной для дыхания атмосферы, в нём за счёт химической реакции выделяется кислород.

Забросил Валька на плечо ремень самоспасателя и пошёл дальше, довольный тем, что не пришлось второй раз лезть в воду. На повороте выработки оглянулся. Два проходчика, два бывалых мужика, стояли возле вагонетки и не могли пошевелиться. Стресс! Самый настоящий столбняк от того, что чуть не угробили молодого парня. И только тут до Вальки дошло, что несколькими мгновеньями раньше его жизнь могла так внезапно, и так страшно оборваться. Ноги сделались ватными, он замер и, упёршись взглядом в вагонетку, тоже стал как вкопанный.

Долго стояли проходчики неподвижно, словно статуи. Потом один из них, придя в себя, тихо сказал напарнику:

— Давай! — толкнул его локтем и взялся за лежащую в вагонетке рудстойку.

Одну рудстойку они положили поперёк рельс, вторую, образуя рычаг-качели, установили поверх неё, один конец завели под брюхо вагонетки, на другой налегли сами. Вагонетка нехотя приподнялась и стала колёсами на рельсы.

Завершив эту нехитрую (и выполненную с нарушением правил безопасности — так вагонетки ставить нельзя!) операцию, проходчики покатали вагонетку дальше и вскоре скрылись за поворотом. Железный стук колёс по рельсам давно прекратился, а Валька всё стоял, не имея сил сдвинуться с места...

Живёт Валька в частном доме в шахтном посёлке вместе с мамой, бабушкой и дедом. Отца у него нет — в шахте убило, когда Валька был совсем маленьким. Он на УШТ (участке шахтного транспорта) работал. Ставили на рельсы вагонетку, она опрокинулась и прижала его к стенке выработки. Насмерть! Всего двадцать два года отцу было.

Дед в то время работал главным инженером. Мог ли он сыну найти «тёплое» место? Конечно, мог. Но у настоящих шахтёров так поступать не принято. Хоть и сын второго руководителя на шахте, после директора, а всё равно, прежде чем людьми командовать, должен был пройти всю служебную лестницу — от рабочего до... Там было бы видно, да не судьба. Состарился дед сильно после гибели сына, осунулся. Единственный сын был. Хорошо, хоть успел внука родить, есть кому шахтерскую династию продолжить.

Давно дед на пенсии, но не хочет дома сидеть, прикипел душой к родному предприятию. Начальником учебного пункта трудится — передаёт молодёжи свои знания и опыт.

Всё он сделал, чтобы избежать повторения трагедии, — направил внука Вало после окончания школы учиться в горный техникум. И работать его, «техника-разработчика месторождений полезных ископаемых», устроил не на добычной участок, где когда-то начинал сам, и где при выемке угля самый высокий на шахте травматизм, и тем более не на УШТ, а на относительно спокойную должность «маршрутника» на ВТБ — плана по добыче угля и по проходке выработок на этом участке нет, никто не снимет стружку за не доставленный вовремя порожняк...

Выехал Валька из шахты, сдал в ламповую «коногонку», самоспасатель и интерферометр, помылся в бане, переоделся в чистое, зашёл в нарядную своего участка — отчитался и направился к деду.

Учебный пункт располагался в отдельном здании на территории шахты. Дед стоял у входа в учпункт и курил. Увидел издали Вальку и по его виду сразу понял, что что-то случилось.

— Рассказывай, — коротко сказал внуку, когда тот подошёл.

Рассказывает Валька всё, как было, а деду представляется совсем иная картина — похожая на ту, что он пережил двадцать лет назад. Вот идёт внук по вентштреку по колено в воде, заходит в наклонный квершлаг, там вручную доставляют вагонетку, упускают её, она на него катится, а Валя стоит на месте — пропускает, как и положено. Вдруг её колеса с глухим стуком соскальзывают с рельса и падают на почву. Вагонетка бьёт внука в грудь, придавливая его к креплению выработки. «А-ах!» — последний вскрик Вали. И всё!.. Прямо сейчас его зовут к телефону, и он, не ожидая ничего плохого,

берёт трубку. Ему сообщают, что внук его в шахте прижат вагонеткой к стенке выработки (как когда-то сын!). Он, потрясённый, не говоря ни слова, летит в баню переодеваться, потом — на место несчастного случая: ламповая, дальше по галерее в здание ствола, спуск в клетки по стволу — в шахту, затем по сети горных выработок на своих двоих до того самого наклонного квершлага. Недалеко от сопряжения с вентштреком он видит прижатого вагонеткой Валью. Может, он ещё жив, может, ещё можно что-то сделать, чтобы спасти его? Горный мастер добычного участка уже организовал рабочих, ручной лебёдкой они приподнимают и оттягивают вагонетку, и он подхватывает внука, не давая ему упасть. Рабочие помогают положить пострадавшего на почву выработки. «Сейчас, Валя, сейчас, родной, потерпи...» Здесь уже находится медсестра подземного медпункта. Она пробует пульс на его руке, светит «коногонкой» в не реагирующие на свет зрачки. Достает из сумки с красным крестом шприц, делает укол. Оборачивается и молча качает головой. Приносят носилки (на добычном участке обязательно есть носилки!) и осторожно укладывают на них Валью. Недалеко стоит приехавший по распоряжению диспетчера электровоз с прицепленной вагонеткой. Носилки кладут на вагонетку, и вся процессия молча движется к стволу. По пути они встречают врача РПГ (в составе обслуживающих шахты горноспасательных отрядов имеются РПГ — реанимационно-противошоковые группы, врачи которых приезжают уже экипированными в спецодежду и оказывают помощь травмированным горнякам непосредственно в шахте). Медсестра сообщает ему о принятых ею мерах. Врач РПГ осматривает пострадавшего, делает ещё укол и подтверждает бесполезность реанимационных мероприятий. Валью, накрытого шахтёрской курткой, выносят из клетки и несут в поверхностный медпункт. Менее чем через час его осматривает судмедэксперт, и следователь прокуратуры выписывает направление в морг.

А потом... Потом как обычно в таких случаях. Часа через три соберётся комиссия по «специальному расследованию» смертельной травмы, опустится в шахту для осмотра места трагедии. Домой к погибшему поедет скорбная делегация от предприятия со страшным известием. Громко заголосит мать, посереют лица родных. По команде директора в стройцехе сколотят гроб, с участков выделяют «копачей», в шахтной столовой организуют поминки — для коллег. Самые близкие соберутся дома: войдут в открытую калитку, в доме перекрестятся на образа («Горе-то какое!»). Соседки помогут маме с бабушкой приготовить поминальный обед: приготовят наваристый, с мясом, борщ, на второе — гуляш с толчёной картошкой, напекут пирожков, сварят компот. Мужики вынесут во двор и составят в длинные ряды деревянные обеденные столы, покроют их скатертями. Не хватит своих скамеек и стульев — принесут соседи столько, сколько надо. Приедут с кладбища и станут, произнося прощальные слова, пить водку из стопок — не чокаясь. «Поминайте, поминайте...» — захлопочут женщины, подавая на столы еду и спиртное. Старики будут брать своими нагруженными морщинистыми руками пирожки, запивать ещё теплую сдобу компотом, и в их глазах будет читаться жестокая жизненная несправедливость: они, прожившие долгую жизнь, продолжают свой жизненный путь, а совсем молодой парень вперёд них ушёл в вечность...

Закончил Валька рассказывать — на деда больно смотреть, в его глазах слёзы.

— Дед, ты чего? Всё хорошо!

«А ведь Вале сейчас тоже двадцать два...»

Старый шахтёр прижал крепко внука к себе и тихо попросил:

— Ты только матери не говори...

Илья Семеновко-Басин

Три бесцельных разговора

...У Дон Кихота и Санчо в конечном счёте нет дела важнее — даже для них самих, — чем разговаривать друг с другом.

Антонио Мачадо

I

Вот так и получается, понеже Господь Бог наш, непознаваем, чуть шершавая поверхность, всё потому, а раньше Святки именовались днями новогодними, тогда и были осквернены враждой, в начале жизни помню пустоту, с тех пор беседа словно бы скрывает неловкость, вначале русское простое: — Ну, говори.

Есть благоволение, когда Создатель доволен, Твоё ли это Лице, Боже, Который обступает меня словно воздух.

Неисповедимы пути ветра, собирающего снеговую ласковую затишь, оттого и ямки неровные, тени витиеватыми строчками, бумага же вечером измята, сплющена, слоновой кости, с едва заметным жёлтым, почти незримым, попросту — настенные обои, текущие снизу вверх, этой ли зимой или прошлой, всё так же.

Теперь — Gnoissance за номером один, раньше Святки скупно именовались новогодними, не спросишь, не сосчитаешь всех волокон на обоях, по вечеру не дочитаешь до конца.

II

Сигара — это просто сигара, ограда — просто чернобровчатая ограда, музыке мебелированной нету конца.

Фольга серебристая для шоколада,
фольга серебристая для шоколада —

Илья Семеновко-Басин — родился в Москве, окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, профессор РГГУ. Автор поэтических книг «Ручьевинами серебра» (М., 2012), «Мои стихи: В память 100-летия кубофутуризма» (М., 2012), «Лирика для диких зверей» (М., 2016), «Март 2007» (М., 2017). Стихи публиковались в переводах на английский, нидерландский и сербский языки.

здесь это самый расхожий способ фасада
рустованного не вспомнить собственного лица.

Очень рада
была с вами
познакомиться.
Вы сейчас
преподаёте в университете?

Солнечные лучики
расточают благодеяния,
творят чужих на празднествах жизни.

А на чём вы
специализируетесь?

Дверь распахнута. Мёд —
на кончиках солнечных стрел, музыке нету конца.
И радости в кончиках жалящих стрел,
и бешенству света со всем его бредом прикосновений,
и повтореньям асфальтового кольца — нету конца.

Мне кажется,
что вы можете
мне помочь.
Дискурсы о феноменах
я обзираю
в теоретической части работы.

Не математические тела, не треугольные непроницаемые души,
но мысли ресничек, теплоту щёк,
а впрочем, подумай об этом как-то ещё.

Очень рада
знакомству.
Вы меня
очень сильно впечатлили
своим интеллигентным тоном.

III

Давно перебрался на юг.
Бабушка. Училась в гимназии. Помогала
ему с латынью. Потомок
русских дворян.

С кровью,
говорит, у меня порядок, хоть на выставку,
но мы же не на собачьей выставке.
Бабушкин брат не раскаялся.

Перед закатом подмосковный простой
лес меняется. Северный мистицизм
открывается через и в [лес, в лесу].

Бабушкин брат не раскаялся, остался
коммунистом. Как осталась
коммунистом
и бабушка, несмотря на аресты,
которые он называет «брали».

Припоминаю, солнце веселило
высоченные берёзы [далеко].
Ну, а теперь —

Которая часть родословной книги?

С кровью, говорит,
полный порядок, но мы же
не на собачьей выставке.
В маленьких южных городках
нет работы, люди озверели.
«Меня будут вешать!»

Теперь —
сучья свислые, лучики наискось,
еле укрыта зеленью тропинка.

На дворе двадцать первый — не год, а век, и никто его вешать не станет.
Иногда, говорит, покупаю нутрию,
жарю, ем, вкусная, но костлявая.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валентин Лукьянин

И для себя, и для Родины

Железнодорожный король

Пётр Ионович Губонин

Забытый Губонин

Принимаясь за этот очерк, я поспрашивал многих знакомых: знаете ли, мол, такого? Большинство недоумённо пожимали плечами, некоторые силились что-то вспомнить, но тщетно. Да ладно бы «на уровне общей эрудиции» не искрило, однако вот у меня под рукой книга с грифом авторитетного научного учреждения, её авторы и рецензенты — люди с солидными научными регалиями. И в ней читаю: «На северной окраине города в 1881 г. появилось здание железнодорожного вокзала, построенное по проекту архитектора-инженера П.И. Губонина в так называемом древнерусском стиле — с массивным крыльцом, завершённым шатром, напоминающим кремлёвские башни, с орнаментами кирпичной кладки в манере узорочья XVII в.»¹.

Насчёт кремлёвских башен — это кому что привидится; но я сейчас о другом. Вы помните картину Василия Пукирева «В мастерской художника»? Она не так известна, как его «Неравный брак», но тоже далеко не второстепенный экспонат в Третьяковке. На полотне жанровая сценка: богатый покупатель пришёл в мастерскую художника. В советские времена, помнится, имя покупателя не называли: «толстосум» — и этого до-

---

Валентин Лукьянин — кандидат философских наук, публицист, литературный критик, автор нескольких книг, посвящённых истории и культуре Екатеринбурга, и множества статей и исследований, опубликованных в различных российских изданиях. В 1980–1999 гг. был главным редактором журнала «Урал», истории которого посвящена его книга «“Урал”: журнал и судьбы» (2018). Неоднократный лауреат премии журнала «Урал».

статочно, чтоб посочувствовать бедному художнику, чья творческая судьба зависит от таких вот «ценителей». Нынешняя общественность, если верить интернету, социально-художественным анализом живописных произведений не заморачивается, а хочет знать, как оно было «на самом деле». Поэтому почти во всех интернет-публикациях, посвящённых В.В. Пукиреву, раскрываются имена прототипов персонажей, завязанных в сюжете картины: учитель рисования в роли эксперта — такой-то; священник, что-то толковывающий покупателю, — такой-то; у мольберта с работой, выставленной на продажу, — сам Пукирев. А вот покупатель — это Пётр Ионович Губонин, на том все сходятся. Правда, заметно, что авторы квазиискусствоведческих «разборов» всё же толком не знают, кто это такой. В одном случае его называют крупным землевладельцем, в другом промышленником, в третьем купцом. Но не в этом суть; важно, что представить себе этого весьма широкого в талии, облачённого в богатую шубу до пят, с простодушным чернобородым лицом, персонажа в статусе архитектора — воображение отказывается. И не зря: «толстопуз, простой русский мужик», «человек с большим здравым смыслом, но почти без всякого образования» (так отозвался о Губонине хорошо знавший его С.Ю. Витте в своих воспоминаниях) никаким архитектором не был, а был он одним из крупнейших в России того времени строителем железных дорог. Так что екатеринбургский вокзал он всё-таки строил, но лишь потому, что строил Уральскую горнозаводскую железную дорогу.

Между тем упоминания о Губонине как архитекторе встречались мне в местных краеведческих изданиях не раз начиная, кажется, с 1980-х годов. А последний по времени случай — книга, изданная в 2005 году, уже после того, как на железнодорожном «тереме», возрождённом к новой жизни в ипостаси музея, появилась памятная доска, на которой начертано резцом по камню: «Здание первого вокзала Екатеринбурга. Возведено в 1878 году при строительстве Уральской горнозаводской железной дороги. Архитектор П.П. Шрейбер (1841–1903). Отреставрировано в 2003 г.». Вот тут всё верно, но, очевидно, автор упомянутой книги в новом музее не побывал.

Откуда же взялась легенда об «архитекторе» Губонине? Вы не поверите, но восходит она к самому авторитетному знатоку Урала — Д.Н. Мамину-Сибиряку. В одном из газетных очерков 1881 года писатель упомянул о екатеринбургском вокзале, тогда ещё совсем новом, таким вот образом: «Самое здание его устроено в русском вкусе и поражает своим великолепием, так что трудно сравнить московские, петербургские и нижегородские вокзалы с этим произведением г. Губонина: низкие своды, вычурные колонны, массивная дубовая мебель, словом, всё на широкую ногу...»² и т.д.

Не сомневайтесь: Мамин прекрасно знал, кто такой Губонин. А вот кто-то из краеведов на исходе советских времен не знал. К тому ж его, видимо, ввело в заблуждение употреблённое писателем выражение «произведение г. Губонина». Нынче-то слово «произведение» больше ассоциируется с творческим трудом (поэзия, живопись, музыка; ну, и «застывшая музыка», то есть архитектура, в том же ряду), а столетием раньше означало (что подтверждается словарем В.И. Даля) «всё, что произведено, производится природой или искусством». Пшеница, собранная с полей, сливочное масло, выработанное на зауральских молочных фермах, металл, прокатанный на демидовском заводе, — всё это «произведения». И здание вокзала как результат строительных работ — разумеется, тоже.

Так родилась легенда, и я не стал докапываться, кого именно первым «осенило»: кому от такого знания сегодня было бы легче? Думаю, однако, что знаток тот был в своём кругу авторитетен, поэтому коллеги ему доверились, перепроверять не стали и не раз повторили ошибочную легенду в своих книгах; даже титулованные учёные на неё, как нынче говорится, «повелись». Но с появлением мемориальной доски на фасаде отреставрированного здания недоразумение как будто разрешилось, теперь претензии нужно предъявлять тому, кто, не перепроверив, повторит ошибку. Так стоит ли раздувать угольки, подернутые пеплом? Однако я хлопочу не о том, чтобы поставить окончательный крест на уже опровергнутом без моего участия заблуждении. Про историю с «архитектором» Губониным я рассказал лишь затем, чтоб наглядно показать, насколько прочно был забыт — буквально вытес-

нен из общественной памяти! — один из самых ярких российских предпринимателей второй половины XIX века.

Но коллизия эта заслуживает внимания ещё и потому, что Мамин-Сибиряк, назвав строителем вокзала именно Губонина, а не Шрейбера (о котором, я думаю, тоже хорошо знал), вывернул, как говорится, ситуацию наизнанку. Обычно ведь, рассуждая об архитектурных раритетах, вспоминают тех, кто сочинил «застывшую музыку», а не тех, кто воплотил её в камне. Насколько это справедливо, другой вопрос, но почему писатель отступил от традиции? А тут загадки и нет. Дело в том, что даже появление архитектурного шедевра, к которому потом устремятся потоки туристов со всех концов света, само по себе поворотным пунктом в истории города никогда не становится. Здание же, построенное по проекту П.П. Шрейбера в Екатеринбурге (и одновременно точно такое в Перми, из-за чего этот проект называют иногда типовым), безотносительно к его архитектурным достоинствам или недостаткам, изначально мыслилось не «само по себе», а как часть грандиозного проекта, в создании которого молодой тогда петербургский архитектор выполнил сугубо вспомогательную роль. Впрочем, и роли других проектировщиков и даже исполнителей всех частей проекта, взятых по отдельности, скажем так, локальные. А соединил их вместе, сделал единым организмом, в который и вдохнул жизнь, тот самый простоватый с виду «толстопуз» с картины Пукирева. Пётр Ионович Губонин построил Уральскую горнозаводскую железную дорогу и тем самым обозначил такой рубеж в развитии города, который по своей значимости решусь сопоставить с основанием Екатеринбургского железодельного завода и поселения при нём.

Чтобы оценить это событие, нужно принять во внимание, что для России того времени значили железные дороги.

Железные дороги как революционный прорыв

Нынче, кажется, уже никто не говорит, что история движется классовой борьбой, и это резонно. Борьба — пусть даже «за правое дело» — по определению разрушительная, но как тогда вы объясните созидательный потенциал

истории? Ведь на каждом её витке появляется нечто такое, чем человечество раньше не обладало, и это новое делает человека сильней, а жизнь его богаче. По этому признаку мы и замечаем, что история движется.

Процесс её движения, на мой взгляд, более адекватно, нежели учением о классовой борьбе, объясняется набирающей популярность теорией технологических укладов. Теория эта утверждает, что промышленно-экономическое развитие человечества происходит волнообразно, и каждая очередная волна начинается с некоего технологического прорыва, позволяющего решить целую гамму производственно-экономических вопросов, которые до того даже не ставились, ибо к их решению не было предпосылок. Под этот пакет новых технологических возможностей подстраивается и социальное устройство общества, причем далеко не всегда мирно, «эволюционно». Классовая борьба, в которой Маркс и его последователи видели ключ к пониманию исторического процесса, — отнюдь не выдумка, не симулякр. И деятельность нескольких поколений революционеров, жертвенная и разрушительная, должна быть признана вкладом в историю. Вкладом — да, но не источником благих преобразований.

Итог революций, похоже, никогда не соответствует целям, к которым стремятся их вожди и герои. У нас в 1917 году случилось то же самое: разрушали «мир насилия», чтобы на его обломках построить общество, где «кто был никем, тот станет всем», а на самом деле, по меткому выражению Дж. Гэлбрейта, сильным ударом ноги вышибли гнилую дверь. Точность этой метафоры подтверждается тем фактом, что первые шаги большевистского правительства после окончания, скажу так, горячей фазы Гражданской войны были фактически (хотя вслух об этом никто не говорил) продолжением социально-экономической политики, начало которой было положено ещё командой С.Ю. Витте. Витте был выдающимся экономическим стратегом, и Россия вырвалась тогда по темпам развития на первое место в мире. Но двигаться последовательно этим курсом мешал не способный к государственным делам «хозяин земли русской». Вот это и была та самая «гнилая дверь», которую для пользы российского общества нужно было сло-

мать. Операция по её разрушению была крайне болезненной, но необходимой и результативной. И пока экономическую стратегию молодой советской страны определяли компетентные специалисты (между прочим, в аппарате наркома финансов Г.Я. Сокольникова даже работали сотрудники министерства финансов С.Ю. Витте), советская экономика развивалась весьма эффективно: за 5–7 лет преодолели разруху и достигли довоенного уровня. А потом в экономическую политику вмешались новые «хозяева». Что же касается свободы и справедливости... Не будем о грустном, вернёмся к технологическим укладам.

С начала первой промышленной революции в Европе (середина XVIII века) таких укладов сменилось, как утверждают исследователи, пять. Шестой сейчас устанавливается в технологически передовых странах — хотя в не столь дальней перспективе уже маячат контуры грядущего седьмого уклада.

Поскольку я сейчас пишу не социально-экономический трактат, то углубляться дальше в эту проблематику не стану. Отмечу лишь два момента, ради которых, собственно, и совершил этот небольшой экскурс в теорию общественного развития. Первый: если даты социально-политических переворотов в анналах истории зафиксированы точно, то между периодами господства разных технологических укладов четких границ нет. Новый уклад всегда зарождается в недрах предыдущего (а бывает и так, что его зерно привносится извне: так, собственно, в России тогда и случилось), причём предыдущие вытесняются постепенно и неопределенно долго сохраняют более или менее заметные позиции в хозяйственной сфере уже после перехода общества к новым укладам. Так что в любой конкретный исторический момент в обществе сосуществуют элементы разных укладов, однако при этом достаточно очевидно, что уходит, а что нарождается, и в какую сторону при этом направлен вектор движения истории.

Второй момент: овладение силой пара и создание транспортной системы на паровой тяге — прежде всего железных дорог — это и было то новшество, которое повлекло за собой коренное переустройство производственно-экономической основы жизни общества, а под его влиянием и соответствующую

реорганизацию социально-политического организма. Если сказать несколько упрощённо, зато более внятно, — именно железные дороги послужили главным импульсом, побудившим цивилизованный мир (а вслед за ним и Россию) перейти ко второму технологическому укладу.

Этот переход произошел не в одночасье, как совершаются социальные революции, а всё же очень быстро. Нынче даже не верится, что всего-то двести лет назад — краткий миг по меркам мировой истории! — железнодорожного транспорта на планете не существовало. Правда, первая «железка» (однако ещё на конной тяге) появилась в Англии в 1807 году, но рельсовые пути с паровозами были запущены в эксплуатацию (в Бельгии и Баварии) только в 1835-м. Однако европейские экономические стратеги оценили возможности нового вида транспорта как-то сразу, и дело сдвинулось с места стремительно: «В Англии к 1835 г. было уже разрешено к постройке 643 километра паровозных железных дорог; конно-железнодорожных же линий уже в 1825 г. существовало 29, общим протяжением в 256 километров. Во Франции механические двигатели были применены в 1832 г. на линии между Лионом и St-Etienne и с тех пор вошли во всеобщее употребление; до того же времени существовали лишь конно-железные дороги, из которых первая была сооружена в 1828 г.»³. По всем признакам, в Европе начиналась железнодорожная лихорадка.

Нельзя сказать, что в России этот технологический прорыв не заметили или не оценили. За всем, что происходило в Европе, у нас всегда следили пристально, старались, чему могли, подражать, да и какой-никакой собственный опыт уже был. Прежде всего, в алтайской Колывани с августа 1809 до 1817 года действовал рельсовый путь протяженностью 1 верста 336 сажень⁴. Правда, тележки с грузом там таскали лошади, но, как было потом подсчитано, одна лошадь на рельсовой дороге заменяла 25 лошадей на обыкновенной, а всё это сооружение в целом заменяло труд 300 крестьян⁵. А на подходе был уже «пароходный дилижанец» Черепановых в Нижнем Тагиле.

И всё-таки за железнодорожной лихорадкой в Европе российские экономические стратеги наблюдали отстранённо: любопытно, привлекательно, но

не про нас. С одной стороны, у нас нет производственных предпосылок: паровозы, рельсы, всю оснастку придётся закупать за границей, а там не продадут. С другой стороны, что возить по рельсам? Малый объём нашего производства (и сельскохозяйственного, и тем более промышленного) не позволяет надеяться, что огромные затраты когда-то окупятся. Плюс к тому не праздный вопрос: а будет ли это сооружение работать зимой — при наших-то снегах и морозах?

Против строительства железных дорог в России высказались тогда многие высокопоставленные и влиятельные государственные чиновники, в том числе два «умных немца» (такова была их репутация в общественном мнении): легендарный министр финансов Егор Францевич Канкрин и главноуправляющий путями сообщения империи, а в прошлом боевой генерал, герой Бородина и усмиритель польского восстания 1930 года Карл Фёдорович де Толь. Впоследствии обоих нередко упрекали в ретроградстве, находя в разных источниках подтверждения тому, что они опасались, как бы появление железных дорог не поколебало устои российского самодержавия. Такие предостережения они на самом деле высказывали, поскольку этот аргумент был понятнее царю, нежели экономические доводы, а всё-таки, насколько я могу судить, их больше беспокоило, как бы технический прогресс не породил катаклизмы в сфере экономики, совладать с которыми руководству страны будет весьма затруднительно.

Это были обоснованные опасения. Вспомните хотя бы про колыванскую «чугунку»: её протяжённость не достигала и двух вёрст, между тем она позволила отказаться от найма трёхсот коновозчиков и, думаю, хоть цифра не названа, — от целого табуна лошадей. А теперь прикиньте общую протяжённость российских «шляхов почтовых»; причём оборудовались они не только «вёрстами полосатыми», но через каждые 25–30 вёрст нужно было обустроить постоянный двор, где ямщик мог получить и миску горячих щей, и овёс для своих лошадок, и ночлег. Ещё сложнее было убажить привередливых пассажиров и с грузами разобраться. Встречалась мне в интернете цифра: во второй половине XIX века примерно пятая часть населения Сибири была занята в

«гужтранспортной» сфере, при том что жило тогда в тех немереных холодных просторах всего-то около шести миллионов человек. Сколько ж миллионов работников занимались транспортным обслуживанием населения на дорогах всей Российской империи? В цифры погружаться не стану, а суть проблемы читатель, вероятно, «нутром почувствует», если сопоставит ту ситуацию с социальными катаклизмами 1990-х годов, когда враз рухнула бывшая советская индустрия и миллионы кормильцев потеряли работу.

В общем, можно понять, почему ослепительный и дальновидный Канкрин предлагал для начала попробовать развивать железные дороги в России на конной тяге. Его позиция имела глубокую экономическую подоплёку; отставив своё видение ситуации, он имел мужество вступить в спор даже с самим императором.

Но экономисты считают, а политики решают, и Николай I принял именно политическое (может, вернее сказать: военно-политическое) решение вопреки доводам самых компетентных своих сподвижников: построить, не считаясь с расходами, 27-километровую «дачную» железную дорогу от Петербурга до Царского Села (продолженную сразу же до Павловска) — причём «исклучительно в виде опыта, с целью испробовать, насколько наши климатические условия допускают вообще возможность сооружения у нас рельсовых путей»⁶.

Климат «позволил», и последовали титанические усилия правительственных органов, не имея необходимой промышленной базы, достаточного количества металла, инженерного опыта и, главное, денег в казне, строить весьма протяжённые трассы от Варшавы до Вены, от Петербурга до Москвы, а за ними уже и целую сеть других дорог в разных направлениях: к Чёрному морю, к балтийским портам, на юг, на север, на восток бескрайней империи. Особенно действенным стимулом к строительству железных дорог в России стало поражение в Крымской войне 1855–1856 годов, которое наглядно показало, что политика бессильна без прочной экономической базы, а для рывка в сфере экономики стране не обойтись без железных дорог.

Как выходили из положения? Создавали акционерные общества, выпуска-

ли облигации, устанавливали «покровительственные» тарифы, «даровали» льготы. В полную силу работал протекционизм — экономический рычаг, упоминание о котором вызывает бурные негативные эмоции у нынешних апологетов свободного рынка. Но и полтора века назад в правительстве понимали, какими последствиями может обернуться, да уже и оборачивалось, создание для своих промышленников «тепличных условий», однако иного способа заставить их вкладывать средства и силы в заведомо не окупаемые проекты тогда не знали; но разве сегодня они кем-то найдены?

Вследствие покровительственной политики строительство железных дорог довольно скоро превратилось в России в очень прибыльное (но только для предпринимателей, а для казны расточительное!) занятие, и право получить концессию на строительство очередной линии стало добываться в жёсткой конкуренции; при этом широко использовались связи, взятки и другие малопочтенные способы обойти соперников. Тем не менее к середине 1860-х годов Россия вышла в мировые лидеры не только по протяженности, но и по темпам строительства железных дорог; мало того — даже и по уровню технологии дорожного строительства, и по качеству дорожного полотна и технической оснащённости.

Но при этом в полном соответствии с экономической теорией в стране появилась целая когорта невиданных прежде скоробогачей.

Революционеры от технологии

Самые достоверные по сути (хотя не без погрешностей в деталях) характеристики этих персонажей можно найти в воспоминаниях С.Ю. Витте: железнодорожная отрасль была ему особенно знакома и близка на протяжении почти всей его государственной карьеры, практически со всеми тогдашними строителями дорог он лично имел дело и хорошо знал, что это за люди и чего они стоят. Не было для него секретов и в том, как на «ударных стройках первого русского капитализма» зарабатывались бешеные деньги.

«В те времена, — рассказывает Витте, — царил принцип частного железнодорожного строительства и эксплуатации. Во главе частных обществ стояло

несколько лиц, про которых можно сказать, что они представляли собой железнодорожных королей. Лица эти были следующие: на первом плане Поляков — еврей, Губонин и Кокорев — бывшие откупщики, Блюх и Кроненберг — оба из евреев, хотя и принявшие христианство; далее Дервиз, ранее бывший сенатским чиновником, затем инженер фон Мек⁷ — это были самые крупные, было ещё несколько мелких лиц. Так как железные дороги имели значительную часть своих капиталов, гарантированную государством, а у иных дорог и весь капитал был гарантирован государством, то, в сущности говоря, эти железнодорожные короли заняли такое положение в значительной степени благодаря случайностям, своему уму и в известной степени пройдошеству. В этом смысле каждый из них представлял собой довольно видный тип⁸.

В этом коротком пассаже заметно подчеркнута тема еврейства — с чего бы? Ну, не было у мудрейшего из царских министров и тени юдофобства, даже и женат он был, как вы, вероятно, знаете, на еврейке. Может, это отголоски черносотенного дурмана, распространившегося в обществе после революционных потрясений 1905–1907 годов? Но я не знаю случая, чтобы Витте в какой-нибудь ситуации поддался влиянию настроений толпы, фундамент его миропонимания был достаточно глубок и прочен. Но не надо гадать, объяснение тут, я думаю, лежит на поверхности: многоопытного и наблюдательного государственного деятеля искренне изумляли перемены, происходившие в обществе у всех на виду и уже как бы помимо воли властей. Ещё действовал (хотя в 1859 году был несколько ослаблен) установленный Екатериной II закон о черте оседлости, ещё соблюдались квоты на поступление евреев в гимназии и университеты, а представители привычно попираемого в правах племени уже встали в ряд «королей», имеющих немалую власть в стране, рванувшей вперед и выше по пути прогресса. Но это лишь одна сторона явления, ибо не менее неожиданны были в роли промышленных воротил потомственные аристократы с отличительной приставкой «фон» при своей древней фамилии: им ведь сословные предрассудки тоже не велели зарабатывать, а предписывали только трагить — бездумно и безоглядно. Так что запретную черту переступили

и они, что тоже замечено мемуаристом. А то и другое вместе означало тектонические сдвиги в самом фундаменте извечной российской жизни, начало радикальной перестройки традиционного социального порядка.

С.Ю. Витте обращает внимание на то, что каждый из новоявленных «королей» — неординарная личность, и нет нужды доказывать, что без выдающихся индивидуальных способностей никто из них не смог бы сделать столь умопомрачительный скачок вверх по социальной лестнице. Вообще-то из ряда вон успешные люди встречались в российской истории и прежде. Все помнят из школьных хрестоматий, «как архангельский мужик по своей и Божьей воле стал разумен и велик». О не менее знаменитом зигзаге другой судьбы напоминает Д.Н. Мамин-Сибиряк (в очерке 1886 года «По Зауралью»): «Предприимчивый туляк Демидов вырос из полного ничтожества так быстро и так широко повёл свои заводские дела, что возбудил зависть даже в таких людях, как Строгановы». (Строгановы-то свои богатства накапливали столетиями при щедрой поддержке царей.)

Но прежде подобные примеры были единичны, а тут сразу целая когорта «королей». Объяснить невиданную щедрость природы на предпринимательские таланты случайной мутацией генетической системы едва ли возможно, да и очевидно же, что сама социальная реальность того времени испытывала потребность в характерах такого типа.

Бросается в глаза (и, кажется, для Витте это особенно интересно), что характер любого из железнодорожных дельцов выламывается из привычных матриц сословного российского общества. Само общество ещё остаётся прежним: «простолюдины» в разных ипостасях, привилегированные сословия, высшая знать; ещё и для новых «королей» зримые признаки жизненного успеха — это дворцы в Москве, Питере, а то и в Ницце, высшие государственные ордена, чины, потомственное дворянство. Всё — «как при бабушке». Однако прежде знаки преуспевания доставались по праву наследования случайным баловням судьбы, а сейчас они — «призы» за индивидуальные достижения в противоборстве с судьбой, награды за ум, смелость, предприимчивость, даже «пройдошество», если хотите.

Обладатели этих знаков отличия, сумевшие по своему общественному положению стать вровень с прежними хозяевами жизни, а то и превзойти их по богатству и влиянию, в начале карьеры никаким «стартовым капиталом» не располагали — даже те, которые были отмечены приставкой «фон». В сущности, все они подходили под американский «стандарт» «Self-Made Man». Но, может, уместней вспомнить слоган из партийного гимна советских времён: «Кто был никем, тот станет всем»?

Но это же формула революции!

Так ведь железнодорожный бум и был ядром события, революционного по своей сути, — перехода от первого ко второму технологическому укладу. А позывы к социальной революции сопутствовали этому процессу, поскольку обветшавшие прежние социальные перегородки не позволяли вести народное хозяйство в соответствии с возможностями и потребностями нового технологического уклада. Естественно, что яблоко зрело изнутри и краснело снаружи одновременно; в одни и те же времена на одном фланге исторического процесса декабристы будили Герцена, Герцен звонил в «Колокол», народолюбцы бросали бомбы в царя, а марксисты «шли другим путём» — создавали рабочие кружки; а на другом фланге концессионеры, наживая (правда, далеко не всегда морально безупречными способами) безмерные капиталы, превращали Россию в великую железнодорожную державу, готовя тем самым фундамент для её ускоренного промышленного развития.

Казалось, между теми и другими пропасть, они непримиримые антагонисты, а ведь это грани единого процесса!

И соблазнительно пофантазировать: а что, если бы какой-то стратегически мыслящий демиург направил оба потока революционности в общее русло, какие преобразования в исторически короткие сроки произошли бы в России! Увы, как это чаще всего и бывает в человеческой истории, «свой своя не познаша»: для государственника и монархиста Витте мысль о трансформации государственного строя под воздействием хотя бы и обоснованных требований каких-то слоёв населения была категорически неприемлема. Для Ленина столь же неприемлемым было стремление Витте сгладить конфлик-

ты, обрести «моральное соединение с разумными элементами общества» против «действий, угрожающих явно обществу и государству»⁹. Любой шаг самого влиятельного министра в этом направлении воспринимался вождём революции как попытка остудить революционный накал, предотвратить дальнейшую эскалацию событий. Да, собственно, так оно и было: в результате манёвров, предпринятых Витте, пожар первой русской революции был «локализован». Но дальше события развивались уже без него — столь же неудобный для придворного клана, как и для бескомпромиссных революционеров, первый министр был удостоен графского титула (подсластили пилюлю!) и отправлен в отставку. Благодаря чему, между прочим, и появился ценнейший исторический источник — его мемуары. Из этих мемуаров мы и узнаём теперь подробности восхождения к богатству и славе нуворишей первого русского капитализма.

Из грязи в князи

«Наиболее прославившимся из железнодорожных тузов, — пишет С.Ю. Витте, — был, конечно, Поляков <...> Карьера этого Полякова чрезвычайно странная. Он был содержателем почтовых станций где-то в Харьковской губернии. Тогдашний министр почт Толстой... проезжая как-то по почтовому тракту, увидел того еврея Полякова, который ему чем-то очень услужил...»¹⁰

Мемуарист многое знает о Полякове не понаслышке, но истоками его карьеры, видимо, особо не интересовался — удовлетворился слухами и предположениями. Между тем нынче в интернете выложено немало публикаций, из которых можно заключить, что «странная карьера» крупнейшего железнодорожного магната начиналась и развивалась существенно иначе.

Прежде всего, Витте необоснованно называет Самуила Соломоновича «главой династии», как бы ставя тем самым в зависимость от него двух братьев — Лазаря и Якова. Да, Шмуль (как его называли в семье) первым из братьев ушел из отцовского дома и больше их преуспел. Но даже по возрасту он был не старший, а средний и никакую общую с братьями организацию не возглавлял. Братья были фигурами самостоятель-

ными (хотя в деловых вопросах, когда случалась в том нужда, все трое объединяли свои ресурсы, выступали сообща), у них были свои карьерные тропы и свои — очень высокие, между прочим! — планы достижений. Правда, в конце концов и Лазарь, и Яков разорились, но это другая история. А Самуил ушёл из жизни раньше их, пребывая на пике богатства и влияния.

Однако Витте даже не упомянул действительного родоначальника клана Поляковых; возможно, он о нём просто не знал, а для нашей темы важно, от каких корней проросли столь заметные в экономической и общественной жизни России второй половины XIX века фигуры — братья Поляковы. Так вот, Соломон Лазаревич Поляков, их отец, был вполне ординарным обитателем небольшого местечка Дубровно близ белорусской Орши (то есть в черте оседлости). Сведения о том, чем он зарабатывал на жизнь, в разных источниках несколько разнятся: в одних он представлен мелким кустарём-торговцем, а в других — как купец первой гильдии. Скорее всего, верно и то и другое: Шломо Поляков содержал семью и растил сыновей, как говорится, на медные гроши, а когда сыновья сделали большую карьеру, они помогли и отцу упрочить достаток и общественное положение. При этом он, похоже, так и остался в своей Дубровне, на всероссийский простор не вышел. Самый важный вывод, который можно сделать из этого краткого биографического экскурса: никаких денег для начала деловой карьеры ни один из братьев Поляковых от отца не получил, поскольку их у Соломона Лазаревича не было.

Откуда же взялось их богатство? Встать на ноги и старшему Лазарю, и младшему Якову, по-видимому, помог более расторопный и удачливый средний брат. Что же касается Самуила Соломоновича, Витте лишь слегка приоткрыл его тайну, указав на роль И.М. Толстого в его судьбе. Но и тут именитый мемуарист небрежен в деталях. Он верно отметил, что Толстой тогда ещё не был графом (этот титул будет ему дарован императором лет десять спустя после того, как судьба сведёт того с Поляковым), но не был он ещё, добавлю от себя, опираясь на другие источники, и министром. И вовсе не вследствие случайной встречи на

постоялом дворе завязалось сотрудничество юного Шмуля и пожилого вельможи (Толстой же был не ординарный помещик, а внук М.И. Кутузова и камергер), очень плодотворное, как оказалось позже, для них обоих. Из других упомянутых источников следует, что до судьбоносной встречи Поляков перебивался случайными заработками, но проявил при этом неординарную сообразительность и деловую хватку, что не осталось незамеченным его работодателями. И кто-то из знакомых Толстого порекомендовал ему молодого человека, который с готовностью берётся за разные работы и выполняет их быстро и хорошо. А не чуждый предприимчивости вельможа как раз тогда затеял построить на пустыре в своем поместье в Воронежской губернии винокуренный завод. Шмуль Поляков подвернулся ему в самый подходящий момент, и Толстой, доверившись рекомендации, нанял его для этой работы, особо, впрочем, не рискуя: заводик мыслился небольшим, крупных денег в проект не вкладывалось (их у родовитого вельможи и не было).

Заводик Поляков построил быстро и сам же наладил его работу. Предприятие малого бизнеса, как сказали бы сегодня, практически сразу стало давать владельцу ощутимую прибыль. Порадовавшись столь успешному результату, Толстой отдал Полякову на откуп (то есть в полное хозяйственное распоряжение, но с выплатой «откупных») несколько почтовых станций в Харьковской губернии, которыми владел. И снова не прогадал: молодой управляющий проявил незаурядную хозяйственную сметку, так что Толстой (всё ещё не граф, но вкус к деньгам уже почувствовал) получил ожидаемый доход. Но и Поляков — свои первые накопления.

После того влиятельный покровитель, возможно, из бескорыстного любопытства, но скорее — имея в виду и собственную выгоду, стал рекомендовать талантливому подопечного субподрядчиком на всё шире разворачиваемом строительстве железных дорог на юге России, и там Поляков не только зарабатывал уже по-настоящему большие деньги, но и осваивал новый для России опыт железнодорожного строительства. Свообразный итог этим строительным «университетам» Самуил Поляков подвёл для себя, поработав

в 1865–1866 годах в качестве, говоря по-нынешнему, генерального подрядчика при одном из самых грамотных и успешных тогда концессионеров Карле Фёдоровиче фон Мекке. Аристократ инженер-предприниматель остался очень доволен подрядчиком, безукоризненно выполнившим положенную ему работу, а Поляков после работы на фон Мекка почувствовал себя окончательно созревшим, чтобы уже самому заключать концессионные сделки по строительству новых железных дорог.

И снова ему поспособствовал Иван Матвеевич Толстой, наконец-то ставший министром почт. Он познакомил своего протеже с коллегой — министром путей сообщения П.П. Мельниковым, и вот тут началось стремительное превращение расторопного участника работ, руководимых другими предпринимателями, в самостоятельного и всеильного железнодорожного дельца. Получить концессию перестало для него быть проблемой; он и сам стал уже распорядителем на этой «лотерее фортуны». Но строительство железных дорог оставалось по-прежнему его главным занятием, и строил он много и успешно. Работал с оглядкой на мировой опыт, что позволило ему достигнуть самых высоких в России (да, вероятно, и в Европе) скоростей прокладки линий; и оснащал построенные им дороги он по последнему слову техники. Правда, из-за спешки, порой диктуемой государственной необходимостью, нередко страдало качество работ, но это ему сходило с рук, поскольку «дорого яичко Христову дню». Однако он этой снисходительностью злоупотреблял с пользой для своего кармана и был «чемпионом» среди «королей» не только по скорости прокладки дорог, но и по умению не упустить свою выгоду, не чураясь и «пройдошества» (если воспользоваться словечком Витте). Потому карьера его была столь стремительной.

Уже в тридцать лет Самуил Соломонович стал миллионером, а ушёл из жизни (увы, на самом взлёте — всего лишь в пятьдесят) одним из богатейших людей в истории России. Он имел роскошные дома в Москве, Петербурге, Орше, Могилёве, Липецке, богатые имения в разных живописных уголках империи. Самые именитые российские аристократы искали дружбы с ним, его

покровительства. Император удостоил его высших чинов, орденов и потомственного дворянства. На банковских его счетах осталось после его внезапной кончины от сердечного приступа более 16 млн рублей...¹¹

Таков был путь к успеху и финансовому могуществу самого крупного железнодорожного дельца. Похожими путями двигались к вершине своей карьеры и другие «короли», из каких бы сословий они ни происходили — из аристократов, как фон Дервиз и фон Мекк, из купцов, как Савва Иванович Мамонтов, из мещан, как Василий Александрович Кокорев. Сословные предрассудки, как, впрочем, и сословные привилегии, им особо не мешали, но и не помогали: они уже не имели прежней силы. Отсутствие стартовых капиталов скоробогачи компенсировали умением не упустить шанс, а если ситуация позволяла — могли и смощенничать. Новые времена, новые люди, новая мораль.

Есть в той ситуации ещё один нюанс, требующий прояснения. Если первопричиной наступления «новых времён» стал переход к более высокому технологическому укладу, то «по определению» важную роль в этом процессе должен был сыграть интеллектуальный ресурс. В принципе, так оно и было: во второй половине XIX века в России заметно возросла общественная потребность в дипломированных инженерах, нередко молодые люди разных сословий, целеустремлённо выстраивающие свою судьбу, отправлялись в Европу именно за техническим образованием, а по возвращении, как правило, получали высокую должность и солидное жалованье. А потом разного рода технические учебные заведения стали открываться и в России, железнодорожные тузы так или иначе тому способствовали: кто-то становился учредителем или попечителем, а кто-то создавал стипендиальный фонд для наиболее усердных студентов.

Ну, а у них-то самих как обстояло с образованием? Самый общий ответ: поразному. Карл Фёдорович фон Мекк — кажется, единственный из всех — был хорошо подготовленным инженером. Павел Григорьевич фон Дервиз был юрист и занимался не столько производством, сколько организацией дела. Его можно считать предтечей нынеш-

них «менеджеров», которые производства не знают, но умеют выжать из него прибыль. Однако первый свой прибыльный проект, убедивший его и всю деловую общечественность, что на строительстве железных дорог можно заработать большие деньги, фон Дервиз реализовал, вступив в компанию с инженером фон Мекком. Как вы помните, и Самуил Соломонович Поляков, получивший «базовое образование» в местечковом хедере (где инженерному делу, понятно, не учили), прошёл свои железнодорожные «университеты», выполняя подрядные работы у разных концессионеров, а завершил его «стажировкой» у того же фон Мекка.

Но едва ли не самый любопытный пример обращения к инженерным наукам продемонстрировал Иван Станиславович Блюх, о котором Витте рассказывает более подробно, в принципе сочувственно, но и не без ноток сарказма.

Поначалу, как отмечает мемуарист, Блюх был «маленьким подрядчиком, который брал подряды на устройство части какой-нибудь станции или какой-нибудь платформы в этом роде; словом, был простым подрядчиком-еврейчиком, совсем необразованным, но человек он был чрезвычайно способный <...> Когда же Блюх немного нажил и оперился, то он был настолько умен, что на несколько лет удалился за границу и там самообразовался; он там даже слушал лекции в немецких университетах».

Витте довольно подробно рассказывает, как Блюх делал свою карьеру, используя и полезные знакомства, и выгодную женитьбу (для чего ему потребовалось даже сменить веру предков на католичество), и, так сказать, социальную бутафорию: изображал из себя человека более богатого и влиятельного, нежели был на самом деле, но главное — крупного учёного, каковым в действительности не был. «Все его учёные труды, — утверждает Витте, — писались не им, а писались различными писателями и специалистами за деньги, которые он им платил. Сам же Блюх только составлял, и то с помощью своих сотрудников, программу тех трудов, которые он предлагал издать». И вот замечательная сценка, свидетелем которой случайно оказался мемуарист. Блюх явился с визитом к старому инженеру Кербедзу, у которого когда-то был «маленьким подрядчиком», и преподнес

ему в дар своё многотомное, в отличном переплёте, сочинение «История русских железных дорог». Старик поблагодарил его за это подношение, а потом, пишет Витте, «посадил и, обратившись к нему, очень наивно спросил: “А скажи, пожалуйста, Иван Станиславович, ты сам прочёл эти книги?” Я был очень удивлён такому вопросу, — комментирует Витте, — а Блюх — очень обижен»¹².

О чём говорит этот пример? О том, что учёность в то время начинает уже восприниматься как весомый социальный ресурс, соперничающий с родовитостью и даже в какой-то мере с богатством. Тем объясняется попытка её имитировать ради повышения имиджа — правда, ещё не в столь примитивной форме, как это станут делать сто лет спустя бенефицианты нового русского капитализма.

Но во времена первого русского капитализма общим поверием эта тенденция ещё не стала, железнодорожные короли относились к специальным знаниям прагматично. Как правило, люди очень восприимчивые и понятливые, они впитывали необходимые для дела знания как губка, но, так как этих знаний всё равно, конечно, недоставало, они не жалели денег, чтобы нанять самых подготовленных инженеров. А для имиджа им вполне хватало денег, которых у них было немерено и которые они расходовали так щедро и безоглядно, как это не умели даже аристократы прошлых эпох.

Кстати, своими демонстративно непрактичными тратами железнодорожные короли XIX века порой напоминают «олигархов» 1990-х: роскошные дома в обеих столицах и других городах, обширные поместья, коллекции драгоценных раритетов. Наверно, самый известный пример — вилла фон Дервиза в Ницце: то ли рыцарский замок, то ли дворец из волшебной сказки; в замке просторные парадные залы, театр; вокруг замка роскошный романтический парк. Обслуживающий персонал этого парадиза составлял около ста человек, а сколько средств уходило на разного рода приёмы, спектакли, балы. В мировом центре роскоши и праздности никто не мог равняться с «русским Монте-Кристо». Сама британская королева Виктория, когда приезжала в Ниццу отдохнуть от своих монарших трудов, любила прогуливаться по парку Дервиза, почёт-

ной госте даже были подарены ключи от входной калитки. А когда владелец виллы умер, она хотела было взять этот парк в аренду, но оказалось, что такие расходы ей не по карману.

Зачем железнодорожным королям была нужна вся эта демонстративная роскошь? Готов допустить, что для того же, для чего Роману Абрамовичу его легендарная яхта или Вексельбергу яйца Фаберже. Но есть существенная разница: после Полякова, Дервиза, того же Блюха остались многие тысячи километров стальных дорог, которые более века служили «кровеносной системой» развивающейся отечественной индустрии, да и сейчас продолжают служить. А после «олигархов» 1990-х российская индустрия пребывает в руинах. Мир вступает в шестой технологический уклад? Это не про нас...

На других похож и не похож

Перечисляя самых богатых и влиятельных железнодорожных королей, С.Ю. Витте первым называет Полякова, что, по-видимому, оправданно: его и другие авторы вспоминают в первую очередь. Но следующие в перечне Витте «короли» выстроены явно не «по ранжиру», ибо все они «первые» — каждый в своём роде.

Однако в этом собрании равновеликих предпринимателей Пётр Ионович Губонин всё-таки наособицу. Дело не только в размере капитала (он и тут среди первых, но это величина переменчивая), не в протяжённости построенных им дорог, даже не в разнообразии его предпринимательских инициатив (хотя в этом плане среди «королей», пожалуй, равных ему действительно не было). Выделялся Губонин прежде всего прочего неординарностью своей судьбы и, я бы добавил, экзотичностью своей фигуры.

Родился он в 1825 (по некоторым источникам в 1828-м) году в семье крепостного крестьянина и юридически сам был крепостным; выкупился вместе с семьёй только в 1858 году. В интернете нет надёжных сведений о том, какую сумму он уплатил помещику Д.Г. Бибикову за свою свободу. Называют и десять, и даже двадцать тысяч рублей, и будто бы это был четвёртый по величине выкуп за всю историю крепостного права в России. Вполне возможно, хотя

физически здорового раба на российском невольничьем рынке тогда можно было купить и за 300 рублей. Значит, был уже очень «в цене» — вероятно, из-за неординарной сообразительности и энергии. Некоторые биографы огорчаются — зря, мол, потратился: к тому времени его крепостное состояние уже практически не ограничивало его предпринимательских свобод, а три года спустя крепостное право и вовсе было отменено. Всё так, да если б дело было только в деньгах... Но Пётр Ионович дожил до сакраментальных 33 лет, чувствовал в себе безграничные возможности творить и достигать, и каково ему было ощущать себя при этом чьей-то собственностью? А ко всему, был он уже тогда, по-видимому, намного богаче своего «барина»; и что ему те десять или двадцать тысяч? Так что, пожалуй, это был жест самоутверждения.

Получив вольную, Пётр Ионович написался в купцы — сначала третьей, потом второй, первой гильдии, а купец — хоть и не барин, но уже и не раб. Богатейший купец Губонин стал вхож в высшие деловые круги империи, получил возможность браться за самые ответственные подряды, удостоился первых государственных наград и чинов — а дальше их будет множество, в том числе иностранных. Сначала его возводят в чин коммерции советника, потом статского советника (а это означает уже личное дворянство), наконец действительного статского советника, который равен военному генерал-майору и даёт потомственное дворянство.

Потомственный дворянин имеет право на свой родовой герб, который и был утверждён императором в 1878 году. На гербе Губониных начертан девиз: «НЕ СЕБЕ, А РОДИНЕ». Есть легенда, будто этот девиз в указ о гербе Губониных собственноручно вписал Александр II, но другие биографы утверждают, что таков изначально был нравственный закон, по которому жил выдающийся российский предприниматель. Так или иначе — слоган был красивый, но, как всё красивое и рукотворное, — напозаказ. Но, погрузившись в обстоятельства жизни и трудов Петра Ионовича, я недоумеваю: как же «не себе»? Как раз умение не упустить свою выгоду, извлечь доход (не сторонясь и «прюдошества») из любого дела, мимо которого другие прошли, посчитав его без-

надёжным, выделяло Губонина среди других «королей». Конечно же, себе! Но вот что поразительно: это «себе» всегда оборачивалось большой пользой и для Родины. И в том коренное отличие «железнодорожного короля» Губонина от нынешних бизнесменов, скроенных по американским лекалам; в том поучительность его опыта и судьбы для нас с вами, читатель, поскольку события новейшей отечественной истории убедительно показали непригодность либерально-рыночной модели в качестве стратегической основы развития российской экономики. Оказывается, была альтернатива гарвардским учебникам, когда в 1990-х годах «младореформаторы» поворачивали Россию на «торную дорогу мировой цивилизации»: надо было не вздыхать по «России, которую мы потеряли», камуфлируя перемены внешними атрибутами, извлеченными из нафталина, а всерьёз и творчески изучать теоретическое наследие и опыт первого русского капитализма.

Однако возвратимся к нашему герою. К шестидесяти годам Губонин дослужился до чина тайного советника, а это 3-й класс в табели о рангах, и обращаться к нему теперь надлежало: «ваше превосходительство».

«Его превосходительству» Губонину было не в диковинку обсуждать свои дела с царями, он запросто общался по делу с министрами и другими высшими чиновниками, а с «королями»-концессионерами был на равных: не раз участвовал в сделках в союзе с Поляковым, тягался в соперничестве за концессию с Мамонтовым, а с Кокоревым, случалось, и бражничал. При этом Пётр Ионович никогда не забывал и о своих «простонародных» корнях, что, кстати, помогало ему выжимать максимальные прибыли из нанятых работников, не теряя при этом популярности среди них как «своего» человека.

Сохранилось немало легенд о том, как он находил общий язык и с вершителями судеб, и с простыми землекопами; сейчас уже трудно сказать, что в них правда, а что вымысел, но пересказывать их не вижу смысла. Напомню лишь красочный эпизод из книги В.А. Гиляровского — тоже «короля»: «короля репортёров», — «Москва и москвичи».

Однажды, поучаствовав в тушении крупного пожара, весь прокопчённый и в саже, заехал «дядя Гиляй» в ближайšie

Суконные бани помыться. В «дворянском» отделении банщик «усиленно выскребал сажу» из его бороды и волос. Раз намылил голову и промыл, второй раз... И вот сидит клиент с намыленной головой, блаженствует, и тут раздался крик:

— Идёт!.. Идёт!..

Банщик, не сказав ни слова, исчез и шайку с собой унёс.

«Кое-как протираю глаза и вижу: суматоха!» Но удалось-таки рассмотреть: банщики «торопятся налить из кранов шайки водой и становятся в две шеренги у двери в горячую парильню, высоко над головой подняв шайки...

Тут отворяется широко дверь, и в сопровождении двух парильщиков с берёзовыми вениками в руках важно и степенно шествует могучая бородатая фигура с пробором посередине головы, подстриженной в скобку.

И банщики по порядку, один за другим выливают на него шайки с водой ловким взмахом, так что ни одной капли мимо, приговаривая радостно и почтительно:

— Будьте здоровы, Пётр Ионыч!

— С лёгким паром!

Через минуту банщик домывает мне голову и, не извинившись даже, будто так и надо было, говорит:

— Пётр Ионыч... Губонин... Их дом рядом с Пятницкою частью, и когда в Москве — через день ходит к нам в эти часы... по рублёвке каждому парильщику «на калач» даёт»¹³.

«По рублёвке» — это по тем временам очень щедро. Однако прихвастнуть богатством скоробогачи во все времена любили, так что рублёвки банщикам — привычная и приятная не только для них, но и для самого Петра Ионовича забава.

Иное дело — расходы Губонина на благотворительность. Тут перечень его деяний бесконечен: тысячи и десятки тысяч жертвовал на обустройство училищ и больниц, на стипендии студентам, на помощь бедным, на строительство и обустройство храмов (православных, но и мусульманских тоже), на помощь деятелям искусства. Кстати, помните, в самом начале этого очерка я говорил о картине В.В. Пукирева? Художник отнюдь не «разоблачал» в ней богатого покупателя, пришедшего к нему в мастерскую, а средствами своего искусства благодарил мецената, который щедро его поддерживал, покупая у него полотна.

А ещё Губонин состоял почётным членом достославного Артистического кружка, созданного по инициативе А.Н. Островского. Пригласили в надежде на его пожертвования? Скорее всего — да, но в списке почётных членов были ещё М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев — неплохая компания? Причём Пётр Ионович был в той компании не свадебным генералом: он принимал близко к сердцу заботы этих непрактичных, но нужных родине служителей театра и всемерно их поддерживал. И они его уважали: нет в их воспоминаниях худого слова о нём.

Однажды случилась беда: сгорел дотла деревянный особняк, в котором жил с семьёй Михаил Провович Садовский, представитель великой актёрской династии. Губонин первым пришёл на помощь: он увёз Садовских в свой просторный московский дом, где они и прожили несколько месяцев в тепле и довольстве, пока решался вопрос о новом для них жилье.

Самое известное деяние Губонина... Я задумался: на почве благотворительности? Не знаю, корректно ли так его определить. Во всяком случае, речь не об очередном прибыльном предприятии, хотя прибыль не исключалась. Я имею в виду обустройство курорта Гурзуф. Этот сюжет напоминает историю с именем фон Дервиза в Ницце: увидел, был очарован, купил. (Купил Губонин не обихожное, одичавшее поместье недорого: «всего» за 250 тысяч, а потом вложил в него миллионы.) Наверно, можно усмотреть сходство и в том, что на виллу Вальроз положила глаз британская королева Виктория, да парадиз русского «короля» на средиземноморском берегу оказался ей не по карману; а обустроенный Губониным Гурзуф очень приглянулся русскому императору Александру III, и тот выразил желание его купить, не постояв за ценой. Но на это предложение Губонин, по легенде, ответил, что продавать имение не собирается и за сто миллионов, однако «тебе, государь, с радостью подарю». Царь подарок не принял и даже рассердился, усмотрев в предложении разбогатевшего простолюдина признак фамильярности.

И всё же, при несомненном сходстве этих сюжетов, глубокая разница между ними очевидна. Она состояла в том, что Гурзуф изначально задумывался ина-

че, нежели дервизовский замок чудес. Пётр Ионович не предполагал самолично быть центральной фигурой в этом земном раю, он задумал курорт общедоступный. Благоустроил обширную территорию: подвел дорогу, построил электростанцию, оборудовал почтово-телеграфный пункт, протянул водопровод, проложил каналы для стока дождевых и паводковых вод. Обустроил парк: там по его распоряжению вымостили дорожки, создали богатую коллекцию деревьев и цветов, украсили территорию фонтанами и скульптурами. Но, между прочим, неприступной оградой не обнесли: жители окрестных селений и проезжающие мимо путешественники могли беспрепятственно прогуляться по живописным аллеям.

Среди поистине райских кущ воздвигли шесть органичных по архитектуре для той среды жилых корпусов — это были хорошо оборудованные (водопровод, душ, телефон) гостиницы на любой карман: кто-то готов был снять роскошные апартаменты по двадцати рублей за сутки, а человек с более скромными возможностями и претензиями мог получить жильё по цене в пределах одного рубля. Проект был «на вырост»: уже после смерти Петра Ионовича была построена ещё и седьмая гостиница.

И для богатых, и для «демократичных» отдыхающих были устроены Губониным в Гурзуфе и водолечебницы, и грязелечебницы, и аптека, и другие уместные здесь медицинские учреждения, но также роскошный ресторан и другие заведения, чтоб отдыхающие не скучали. Даже своё виноделие завел Губонин в Гурзуфе.

Позаботился и об исцелении душ: построил православный храм и мечеть.

В общем, таких курортов Россия ещё не знала. Для Петра Ионовича Губонина это тоже было новое, не привычное ему начинание. Но, кажется, в этом случае принципы «себе» и «Родине» в его деятельности вполне соединились и тесно переплелись, что подтверждается и такой значимой деталью: создавая «общедоступный рай», он распорядился устроить семейный склеп под мраморным алтарём построенного им в Гурзуфе храма Успения Пресвятой Богородицы. Туда, согласно его воле, и перевезли его тело, когда он внезапно скончался в Москве 30 сентября 1894 года¹⁴.

Первые губонинские миллионы

Вопрос о том, как израсходовать капиталы, актуален лишь для того, у кого эти капиталы имеются. Биографы оценивают состояние Губонина в 20 миллионов. Насколько эта цифра точна, судить не берусь. Но не точная сумма важна, а важно, как он эти миллионы заработал. В самой общей форме ответ кажется очевидным: на железнодорожных концессиях, доходность которых, как признавал С.Ю. Витте, была гарантирована государством. Пусть так, но получить концессию, даже имея связи и протекции, можно было, лишь предъявив немалый стартовый капитал. Откуда он у крепостного крестьянина?

Встречались мне в интернете два-три материала, где богатство Губонина объяснялось якобы его, Губонина, принадлежностью к старообрядческой... мафии. Как мне показалось, единственное «подтверждение» этой версии — не просто деловые, но и дружеские отношения Петра Ионовича с Василием Александровичем Кокоревым, о котором точно известно, что он был старообрядец. Но я не уверен, что такая мафия действительно существовала. Не нашёл сведений и о том, что старообрядцы помогали делать карьеру самому Кокореву; вот он им точно помогал выжить и сохранить свою веру. А чтобы Губонина проталкивать... Просто не вижу, за что зацепиться, чтоб отнестись к такой версии с доверием. Они не были ни земляками (Кокорев — выходец из Костромской губернии, а Губонин из Подмосковья), ни ровесниками (Кокорев на восемь лет старше), ни подельниками (Кокорев наращивал свой капитал, занимаясь винными откупами; даже вкладываясь уже в строительство железных дорог, винный свой промысел не оставлял. И встретились они впервые, по-моему, на нефтяной тематике, важной, но всё-таки не главной ни для того, ни для другого).

И единоверцами они точно не были. Во всяком случае, я не встречал ни в печатных источниках, ни в интернете даже беглых упоминаний о том, что Губонин был старообрядцем. Напротив, во всех биографических материалах он предстаёт радетелем канонической православной церкви. Он участвовал и как подрядчик, и как жертвователь в строительстве храма Христа Спасителя

и Исаакиевского собора; он построил много православных храмов в посёлках и городах при железнодорожных линиях, которые прокладывал в разных местах страны, да и храм в Гурзуфе тоже был выдержан в традициях канонической веры. Губонин не раз избирался старостой церковных приходов или членом попечительских советов при православных храмах. И священник рядом с ним на картине Пукирева — никак не старообрядческий. И вы решитесь утверждать, что всё сделанное им для канонического православия служило лишь маскировкой его истинной веры? Так что не будем принимать «старообрядческую» версию всерьёз.

К тому же начало предпринимательской карьеры Губонина достаточно хорошо известно: не чьей-то протекцией, а собственными незаурядными способностями и трудом выстраивал Пётр Ионович свою судьбу.

Да, рождён он был крепостным крестьянином, но хлебопашеством не занимался ни он, ни его отец Иона, ни даже дед его Михаил. Все они были потомственные каменотёсы; помещику выгодно было отпускать их на заработки, чтобы они потом выплачивали ему оброк. Случайно или преднамеренно, но даже имя героя нашего повествования было созвучно семейной профессии: ведь «Пётр» в переводе с древнегреческого означает «камень», «скала». Он и не думал сворачивать с пути, предначертанного судьбой.

Село Борисово, где жили Губонины, находилось в Подмосковье, близ Коломны.

В середине XIX века деревянная Москва передевалась в камень, мастерам по камню было где поработать и заработать. Вот и отправили (с согласия барина, конечно) прирождённого каменотёса, когда тому исполнилось семнадцать лет, в Москву — совершенствоваться в наследственной профессии.

Отправили не наугад, а очень даже прицельно: там родной дядя Петра (видимо, по матери, ибо в родословной Губониных фамилия его не значится, он был Яковлев) содержал артель каменотёсов и даже будто бы владел небольшим камнеобделочным заводиком. Своих сыновей у него, похоже, не было, и племянник пришёлся очень кстати. Был Пётр и телом крепок (возмужав, говорят, голыми руками подковы раз-

гибал), и умом сметлив: быстро овладел не только молотком и рубилом, но и секретами организации подрядных работ. Так что, когда у Яковлева возникли проблемы со здоровьем, он всё больше перекладывал на племянника ведение артельных дел, а потом и вовсе завещал ему инструменты, которыми работала артель, и все обязательства по подрядам, а сам отошёл к праотцам. И уже молодой Пётр Губонин в качестве полноправного артельщика завершал дела, на которые подрядился ещё Яковлев, и, не допустив паузы, начал брать новые подряды и расширять дело во все стороны. Работы мастерам хватало: гранитные мостовые, набережные и парапеты, каменные лестницы, подземный туннель для реки Неглинной, облицовка храма Христа Спасителя. Работа была тяжёлая и требовала мастерства, которое накапливалось от поколения к поколению. А от артельщика требовалось умение заключить выгодный контракт, а потом толково организовать работу. Молодой Губонин оказался ловок во всех этих делах, и зарабатывали они прилично.

Главное, начинающий предприниматель как-то сразу приспособился вести дело системно и с размахом: требуются гранитные плиты — так выгоднее их делать на своём заводе, недостаёт материала — прикупается имеющаяся неподалёку каменоломня, не очень прибыльно работать в Москве — можно найти выгодные заказы за её пределами. Тот же Яковлев — видать, оборотистый был мужик — успел показать сметливому преемнику дорожки, ведущие в кабинеты чиновников, от которых зависело получение заказов, научил, как в тех кабинетах разговаривать, как не упустить свою выгоду и чиновникам потрафить, чтоб заручиться поддержкой на будущее. В делах предпринимательских это была школа поважнее, чем лекции немецких профессоров, которые слушал Иван Станиславович Блюх.

Не буду описывать в подробностях, как шаг за шагом молодой Губонин расширял дело, полученное из рук своего родственника: выкладывал каменные мосты на шоссе, ведущем из Москвы в Брест, выполнял каменные работы на строительстве Исаакиевского собора в Петербурге, участвовал в восстановлении Большого театра в Москве после знаменитого пожара 1853 года, за что получил серебряную

медаль «За усердие».

К тридцати годам Пётр Ионович уже крепко стоял на ногах и был смел в принятии решений, требующих сделать шаг в сторону от проторённой дорожки. Не знаю только, тогда он познакомился с Кокоревым или знакомы они уже были раньше; так или иначе в 1857 году они, кажется, впервые объединили усилия, чтоб построить нефтеперерабатывающий завод в Сураханах, близ Баку, для производства керосина (который до того, по стойкой национальной привычке, Россия покупала втроедорога за границей, где он производился из купленной по дешёвке в России сырой нефти). Инициатором этого начинания был, конечно, старший по возрасту и уже больше поднаторевший в делах Василий Александрович Кокорев; чаще всего ему одному и приписывается строительство того завода, а Губонин при этом порой даже и не упоминается. Но в современном справочнике «Газпрома» два промышленника, создавших это завод, упоминаются на равных¹⁵.

Не сразу завод заработал с прибылью, но привлекли науку (сначала бакинского химика В.Е. Эйхлера, потом Д.И. Менделеева), и завод стал успешно конкурировать с зарубежными поставщиками нефтепродуктов. Сотрудничество Кокорева и Губонина не вылилось в промышленно-экономические формы, которые заставили бы партнёров поступиться хотя бы частью своей экономической независимости: слишком самобытными фигурами были оба, слишком велик был творческий потенциал каждого. И тот и другой выстраивали собственную промышленно-экономическую «империю», но, безоговорочно доверяя друг другу, они ещё не раз затевали совместные дела и всегда — с выгодой для себя и большой пользой для Родины.

Едва ли не самым знаменитым и значимым их совместным детищем принято считать Волжско-Камский банк, учреждённый в 1870 году: первый в России коммерческий банк без участия иностранного капитала; он же вскоре стал и самым крупным, и самым надёжным. Вопрос этот, однако, требует дополнительного изучения, ибо в уставе банка, утверждённом Александром II, ни Кокорев, ни Губонин не значатся.

Зато никем не оспаривается, что именно они, соединив усилия, в конце

1873 года создали «Бакинское нефтяное общество». Это было первое не только в России, но и в мире акционерное общество в нефтяной промышленности, причём первым оно было и по типу организации. Экономисты называют его вертикально интегрированной нефтяной компанией. Это значит, что в ней все стадии работы с продуктом: добыча сырой нефти, её переработка, транспортировка и продажа — были увязаны в единой производственно-экономической структуре. Тут без труда распознаётся предпринимательский стиль Петра Ионовича, опробованный им ещё в те годы, когда он руководил артелью каменотёсов: облицовочный камень добывается на своей каменоломне, на своём же заводе обрабатывается, своим транспортом подвозится... Двадцать лет спустя масштабы другие, а выгода та же: всё в одних руках, всё согласовано и сбалансировано, всё поддаётся контролю и регулированию; зависимость от недостатка компетентности или добросовестности партнёров исключена.

Лишь пять лет спустя на Апшероне появились предприимчивые поевропейски братья Нобели; они основали компанию (между прочим, несмотря на шведское название, вполне российскую) с оглядкой на опыт Губонина и Кокорева — и преуспели.

Погружаться глубже в историю российской нефтяной промышленности здесь было бы неуместно, однако один сюжет прямо относится к нашей теме. В 1881 году на юго-восточной окраине Москвы, вблизи железнодорожной платформы Кусково, «Товарищество Русско-Американского нефтяного производства», специально для того учреждённое, начало строить нефтеперерабатывающий завод — по сегодняшним меркам совсем небольшой, человек на пятнадцать персонала, но ведь тогда и потребление нефтепродуктов было неизмеримо меньше нынешнего. Строил завод молодой инженер В.Г. Шухов (его нынче помнят в основном как строителя гиперболических башен, а он ещё до того создавал оригинальные металлоконструкции для нефтяной промышленности), технологию перегонки нефти помогал разрабатывать Д.И. Менделеев. Уже летом 1882 года завод выдал первую продукцию, тут же удостоенную бронзовой медали на Всероссийской выставке.

Но, блестяще разрешив инженерные проблемы, устроители завода упустили из виду проблемы, скажем так, инфраструктурные и маркетинговые, и столь нужное народному хозяйству России предприятие с первых шагов оказалось на грани банкротства. Пётр Ионович Губонин (уже один, без Кокорева) его купил, добился новых технологических усовершенствований (в частности, на этом заводе была внедрена — впервые в мире — разработанная Д.И. Менделеевым система непрерывной перегонки нефти), а главное — построил его в производственно-коммерческую цепочку, великолепно отработанную «Бакинским нефтяным обществом». Завод перерабатывал нефть, доставленную из бакинских скважин, принадлежавших Губонину, нефтеналивными судами, ему же принадлежавшими и ходившими по Каспию и по Волге. Потом нефть разливалась в железнодорожные цистерны, изготовленные на губонинском же заводе, и доставлялась на переработку. Так что предприятие не только успешно служило России, но и помогало Губонину расширять его промышленную империю. Продукцию завода неизменно отмечали высокими наградами на международных и зарубежных выставках; она успешно вытесняла иностранных производителей с внутреннего рынка России и завоёвывала европейский рынок.

Мало того что предприятие стало высокодоходным — оно прочно вписалось в систему народного хозяйства России, пережило все революции и войны; разрушить его оказалось под силу только нынешним «эффективным менеджерам».

«Нефтяным королём» Губонин был признан ещё прежде того, как получил признание в качестве «железнодорожного короля». Однако, пожалуй, и неверно привязывать его к какой-то конкретной отрасли народного хозяйства: особенность его предпринимательского таланта как раз и заключалась в умении связать вместе то, что, казалось бы, существует по отдельности, успехом в одной области оживить и двинуть в рост области соседние. Он занимался и солеварением, и обработкой древесины, и угледобычей, и рыбным промыслом; учреждал банки и страховые компании; прокладывал внутригородские рельсовые пути — замышлялись они как конки, а потом превратились в

трамвайные линии — в Москве, Петербурге, Казани. Губонин же наладил и производство вагонов для них в подмосковных Мытищах. А в Казани он построил ещё и водопровод, а в завершение строительства подарил городу (то есть построил за свой счёт) фонтан на Николаевской площади. Всё это в совокупности можно по-современному назвать диверсификацией капитала; проще говоря, пуская деньги в оборот, он не «складывал яйца в одну корзину». И это срабатывало: Губонина мало пугали колебания рыночного спроса — он их предчувствовал, предвидел, даже и управлял ими. Что-то естественным путём уходило на второй план, так у него всегда к тому времени успевал набрать силу запасной вариант, который скоро становился коренным, а там уже на подходе были новые производства. Он работал на опережение, с учётом перспектив, и тем самым не только страховал свой капитал от рыночных рисков, но и изыскивал новые возможности его наращивания. Он так выстраивал свою хозяйственную стратегию, что каждый его шаг к развитию укреплял завоёванные позиции и расширял фронт движения вперед.

Вот характерная для него цепочка предпринимательских начинаний.

К началу 1860-х годов уже активно развернулось строительство железных дорог в центральных областях европейской части России. Губонин, смело бравшийся за любое прибыльное дело, быстро почувствовал заманчивые перспективы новой промышленной отрасли, но приобщался к этой отрасли постепенно: там ворочали такими большими деньгами, к каким он ещё не мог подступиться. Начинал он с подрядов на заготовку и доставку камня, щебня и других строительных материалов; лишь в строительстве Московско-Курской дороги (1864–1868) участвовал уже как один из акционеров.

Кстати, тут он познакомился с будущим своим партнёром по ряду крупных проектов — инженером В.Ф. Голубевым, хотя тогда это было, по-видимому, шапочное знакомство.

Виктор Фёдорович был на 17 лет моложе Губонина; в момент, когда они впервые встретились, ему было лишь немного за двадцать, но к тому времени он успел окончить (причём первым по успеваемости!) Петербургский

институт инженеров путей сообщения, два-три года поработал в службе тяги Нижегородской железной дороги (вступившей в эксплуатацию в 1862 году — как раз поспела к получению Голубевым инженерного диплома!). Виктор Фёдорович участвовал в изысканиях по трассе Московско-Курской дороги, потом строил некоторые мосты на этой линии, явив при этом высокий уровень квалификации, неординарную изобретательность и организационные таланты, чем, конечно, и привлек к себе внимание Петра Ионовича.

Однако вернёмся к Губонину. Строительство Московско-Курской дороги ещё только начиналось, когда в кругах, так или иначе связанных с железнодорожной отраслью, заговорили о следующей большой стройке в том же регионе центральной России — о линии Орёл — Витебск. К тому времени право на получение концессии на строительстве железных дорог добывалось уже в жёсткой конкурентной борьбе, ибо речь шла о многомиллионных затратах, но и соразмерных им (причем гарантированных правительством!) прибылях. Губонину тоже хотелось подзаработать на ней, но в то время он мог претендовать только на вторые роли. Вполне ожидаемо несколько компаний, боровшихся за концессию (в их числе и та, к которой он примкнул), были правительственной комиссией отклонены «за неимением доказательств финансовой благонадежности предпринимателей»¹⁶. Более обоснованными представлялись ей притязания английского предпринимателя Мортон Пито; правда, тот изначально заломил цену, чуть ли не в два раза превышающую ту, что была определена сметой, составленной российскими специалистами. Но, докладывая о сложившейся ситуации на заседании Комитета министров, П.П. Мельников, главный управляющий путей сообщения, произведённый вскоре в ранг министра, заметил, что лучшим решением было бы «отложить сооружение рассматриваемой линии до лучшего времени, если бы в устройстве её не представлялось крайней надобности: дорога эта весьма важна в коммерческом отношении»¹⁷. И Комитет утвердил проект концессии, представленный Пито, а император согласился с таким решением.

Ну, что ж: англичанин так англичанин. Но Губонин нашёл способ и на

проигрыше заработать. Поучаствовав в конкурсе на получение концессии, он получил точное представление о том, по какой линии должна пройти трасса, и по своим каналам выяснил, что совсем рядом с будущей дорогой разорившийся помещик Астахов готов недорого продать большой участок леса. Участок был так себе: делянки с вековыми, под облака, корабельными соснами перемежались с заболоченным редколесьем. Но, хозяйским глазом окинув приобретённое имение, Пётр Ионович прикинул, что из стройных сосен получатся прекрасные шпалы, которые с радостью купит англичанин, а что не годится на шпалы, — можно извести на дрова: тоже товар, который пользуется спросом.

И без промедления где-то в середине этого участка, обречённого на лесоповал, он устроил распиловочно-шпальный завод — большую такую и оборудованную по последнему слову тогдашней техники, с паровыми двигателями, лесопилку. Для размещения рабочих и немногочисленных управленцев рядом с лесопилкой сметали на скорую руку бараки (или казармы; по-разному такое жильё называлось). А над названием скороспелого посёлка голову не ломали: конечно, Губонино — звучно, понятно и по делу.

Ожидания насчёт дров оправдались с лихвой: их быстро раскупили в Брянске и в Москве, и выручка за них полностью покрыла расходы на покупку всего лесного участка.

Со шпалами получилось и того интереснее. Дело в том, что англичанин, заполучивший концессию, надежды российских чиновников обманул: он оказался ещё более «финансово неблагонадёжным», нежели его российские конкуренты. Ему всё же дважды отодвигали сроки исполнения договорённости, но у него так ничего и не получилось, и его из списка претендентов вычеркнули. Тут Пётр Ионович почувствовал, что появился шанс, который нельзя упустить.

Не буду в деталях расписывать разыгранную им гротескную партию, а если сказать совсем коротко — он использовал все свои связи, поднял на ноги всех деловых партнёров, и последовала цепочка решений, последним звеном которой стало учреждение акционерной компании под его началом: «Губонин и К^о». Она и получила подряд

на строительство железной дороги Орёл — Витебск. Самое очевидное и в определённом смысле забавное последствие такого поворота событий: шпалы, предназначенные для продажи англичанину Мортону Пито, Губонину пришлось теперь продавать самому себе. И не сохранилось сведений о том, что он при этом сильно торговался, сбивая цены. И всё ведь по закону! Но этого мало: как подметил историк С.Д. Мингереш, «сам П. Губонин выступал перед компанией как каменных дел подрядчик»¹⁸. Тоже, видимо, за ценой не стоял. Тем не менее команда Губонина построила дорогу не за пять лет, как обещал англичанин, а за три года, и почти на 6 миллионов дешевле, а общая прибыль компании Губонина, в оборотный капитал которой вложили средства петербургский банкир Е.Е. Брандт и варшавский банкир С.А. Френкель, составила 19 с лишним миллионов рублей¹⁹.

После столь оглушительного успеха Пётр Ионович Губонин занял прочное место в шеренге железнодорожных королей, и выгодные контракты сами пошли в его руки.

Королевский размах

Надо отметить, что в сооружении дороги Орёл — Витебск принял участие и В.Ф. Голубев, которого, видимо, переманил за собой с Московско-Курской дороги сам Губонин. Какие функции молодой инженер выполнял, работая в команде Губонина, выяснить в общедоступных источниках мне не удалось; так или иначе, именно он возглавил администрацию Орловско-Витебской дороги, когда линия была введена в эксплуатацию. Однако эту должность он занимал относительно недолго — с 1871 по 1873 год; скоро новая — уже совместная с П.И. Губониным — созидательная идея его захватила. Как утверждают брянские краеведы, именно он подсказал Петру Ионовичу, как лучше распорядиться пустошью на месте лесного участка, пущенного на производство шпал: «В то время в стране все явственней ощущалась нехватка рельсов, их приходилось большей частью покупать за рубежом, а транспортная сеть — “кровеносная система” страны — нуждалась в непрерывном развитии. И талантливый инженер предлагает купцу новое перспективное

дело — создание рельсопрокатного завода с собственным производством чугуна и стали. П.И. Губонин тщательно обдумал предложение, пока В.Ф. Голубев служил заведующим сланной в эксплуатации Орловско-Витебской железной дорогой. В итоге П.И. Губонин предложил построить завод на принадлежащих ему землях Орловской губернии под уездным городом Брянском, через которые пролегла Орловско-Витебская ветка²⁰.

Сомневаюсь, что такие идеи Губонину нужно было подсказывать: он сам ими фонтанировал, на том и держался его неизменный успех. Да и никаких подтверждений своей версии краеведы не приводят; просто брошюра их посвящена выдающемуся инженеру, забытому даже земляками, вот они и воссоздают его образ в наиболее выгодном свете. Но, в сущности, и неважно, кто первый высказал идею: об острой потребности в рельсах железных дорог, строившихся тогда в России, прекрасно знали оба; пустошь, образовавшаяся на месте лесного участка, изведённого на шпалы и дрова, по своему расположению как нельзя лучше подходила для строительства рельсопрокатного завода — и такого шанса Пётр Ионович упустить не мог. В.Ф. Голубев же — молодой, энергичный и проверенный в деле инженер — идеально подходил на роль компаньона. От него не деньги требовались, а умение таковыми распорядиться. Вдвоем они и учредили в 1873 году «Общество Брянского рельсопрокатного, железодельного и механического завода». (Заметьте: название завода изначально было «на вырост».) Позже, закупив большой пакет акций, в долю вошел князь В.Н. Тенишев — инженер и промышленник, этнограф и виолончелист. Ещё немного позже к этой замечательной компании присоединился, тоже выкупив весомую долю акций, Владимир Федорович Крахт — предприниматель хоть и без инженерного диплома, но хорошо знакомый с литейным делом.

Как распределялись при этом обязанности между ними? Губонин, будучи душой и двигателем всего предприятия, с самого начала получил статус одного из директоров правления, но взята на себя главный груз организаторской работы не мог из-за множества других дел, которыми, как всегда, занимался

одновременно, так что председателем правления изначально стал Голубев и сохранял этот пост до 1900 года. Однако и свой пост директора правления Губонин где-то в конце 1870-х передал князю В.Н. Тенишеву, который в этой должности много сделал для развития машиностроительного сектора Брянского завода. Но и тот, и другой, и третий были, скажу так, идеологами и стратегами развития предприятия, а обязанности по повседневному практическому руководству сначала строительством, а потом и производственной деятельностью завода на протяжении первых двадцати лет были сосредоточены в надежных руках ответственного и педантичного В.Ф. Крахта (упорный Крахт спустя четыре года после своего назначения сумел и инженерный диплом получить «без отрыва от производства»).

О том, насколько плодотворна была идея постройки завода и насколько компетентным в первые десятилетия было его руководство, можно судить по фантастически успешному развитию предприятия — сначала под прямым влиянием его основателя, а потом уже в развитие начатой Губониным линии. Уже через три года с момента начала строительства завод выдал первую партию рельсов. Поначалу они (как и все российские рельсы того времени) были чугунные (помните Некрасова: «Быстро лечу я по рельсам чугунным») и потому, как скоро выяснилось, хрупкие, ненадёжные. Крахт первым из заводчиков сориентировался: перестроив у себя металлургическое производство, он наладил выпуск рельсов из вязкой и прочной бессемеровской стали, и уже в 1878 году Брянский завод поставлял треть всех рельсов, укладываемых в строившиеся тогда в России железные магистрали. А на Всероссийской промышленной выставке 1882 года в Москве достоинства брянской стали были признаны столь высокими, что заводу было предоставлено право отмечать свои стальные изделия, рельсы в том числе, клеймом с изображением герба Российской империи. Таков был «знак качества» того времени.

А вслед за рельсами завод налазил производство крепёжных изделий (накладок, костылей) для стального пути, катаных стальных листов, профильного проката для изготовления мостовых

ферм и самих этих ферм для железнодорожных мостов. На Брянском же заводе прокатывались броневые листы для оснащения броненосцев российского военно-морского флота (в их числе и легендарного «Потёмкина»). А позже из брянского проката строились и дебаркадер Киевского вокзала, и Шуховская башня на Шаболовке, и много других ответственных конструкций.

Такая продукция послужила хорошей основой для налаживания собственного машиностроительного производства, ориентированного на нужды бурно развивающейся железнодорожной отрасли, но и не только. Начинали с двухосных грузовых вагонов и платформ, уже с 1882 года начали изготавливать цистерны для перевозки нефтепродуктов (в них доставлялась нефть на губонинский же завод в Кускове, однако новшество быстро распространилось по всей России). А с начала 1890-х годов завод начал осваивать производство паровозов; на многие десятилетия паровозы стали основной продукцией завода; соответственно, даже называться он стал Брянским паровозостроительным. Однако узкопрофильным предприятием он за всю свою полутораковую историю не был никогда: тут выпускались и сельхозмашины, и речные судна, и первые в стране электропоезда, и дизель-моторы, и паровые турбины, и тепловозы, и рефрижераторные вагоны, и энергопоезда... Всего не перечислить.

Едва ли не единственным соперником Брянского завода в России по масштабу и многопрофильности производства с XIX века был и едва ли не по сей день остается Путиловский (Кировский) завод в Петербурге. А Брянский завод, к слову, ещё и вырастил двух «сыновей»-богатырей: усилиями П.И. Губонина и В.Ф. Голубева Александровский Южно-Российский машиностроительный завод в Екатеринославле (Днепропетровске), а в годы Великой Отечественной войны, с использованием эвакуированного из Брянска оборудования и персонала, — Красноярский паровозостроительный завод. Война закончилась, Брянский завод был восстановлен на историческом месте, а машиностроительный гигант в Красноярске остался (ныне это Сибирский завод тяжёлого машиностроения). Оба детища Брянского завода — тоже

неявные, не всеми распознаваемые, но реальные и неизгладимые следы жизнедеятельности героя нашего очерка Петра Ионовича Губонина.

Тут к месту будет упомянуть и ещё об одном, сопутствующем следе. Наспех смётанный при губонинской лесопилке посёлок Губонино после начала строительства Брянского завода быстро стал разрастаться, облагораживаться и ещё при жизни основателей завода превратился в хорошо спланированный и благоустроенный заводской посёлок Бежица. Каждый из основателей вложил в его развитие заметную лепту, а к ним четверым непременно нужно добавить ещё и княгиню Марию Клавдиевну Тенишеву, которая осталась в истории русской культуры конца XIX — начала XX века крупной самостоятельной фигурой, а не только как жена князя-предпринимателя. Краеведы Бежицы и сейчас укажут вам на дома, построенные по её инициативе. (Кстати, автор этих строк в своей далёкой молодости учился в машиностроительном техникуме, который располагался в здании училища, построенном некогда на средства княгини Тенишевой, а практику проходил в турбинном цехе Брянского паровозостроительного завода, построенного П.И. Губониным и В.Ф. Голубевым.)

В 1926 году посёлок Бежица получил статус города, который чёткостью планировки, щедростью озеленения и благоустройством превзошёл тысячелетний Брянск. В последующие тридцать лет город бурно развивался вместе с заводом, пережил военную катастрофу, затем быстро (в едином ритме с очень значимым для народного хозяйства заводом) отстроился, а в 1956 году был включен на правах административного района в состав Брянска. Но, хоть они и административно, и территориально слились, Бежица в Брянске не растворилась: тут иная планировка, иной архитектурный облик, иная атмосфера. Ген новой, индустриальной эпохи был заложен в организм этого города при его рождении, и его присутствие ощущается в городской среде по сей день.

Но вот какой парадокс: когда формировался облик и самый дух губонинской Бежицы, сам Пётр Ионович, а вместе с ним и В.Ф. Голубев находились далеко от этих мест. Они строили Уральскую горнозаводскую железную дорогу.

«Внутрицеховой» транспорт Урала

Как начиналось строительство железных дорог в России, более или менее достоверно знают все просвещённые россияне, да и я здесь немного касался этой истории: пробная ветка от Петербурга до Царского Села («Дым столбом — кипит, дымится пароход... / Пестрота, разгул, волнение, / Ожиданье, нетерпенье...»), потом уже всерьёз — Варшавско-Венская (начинали по инициативе и за деньги польских банкиров, а завершать пришлось за счёт российской казны), потом чуть ли не под линейку — Николаевская, между Петербургом и Москвой... Всё это происходило за тысячи вёрст от Урала, и мало кто нынче знает, что идея связать расползающиеся по бескрайнему евразийскому континенту российские территории железной дорогой в единый социально-экономический организм родилась если и не непосредственно на Урале, то уж точно — в связи с Уралом. Вот как это произошло.

Боевой генерал от инфантерии К.В. Чевкин в 1834 году был назначен на должность вполне гражданскую — начальником штаба Корпуса горных инженеров — и немедленно приступил к основательному изучению той области народного хозяйства, которой ему теперь предстояло заниматься. Чтобы глубже познакомиться с состоянием горной промышленности на Урале, Константин Владимирович пригласил в качестве консультанта Франца Антона фон Герстнера — чеха по национальности, инженера, профессора Венского политехнического института. По договорённости с Чевкиным Герстнер должен был сделать заключение о деятельности уральских металлургических заводов, однако взглянул на ситуацию шире. «Пораженный естественными богатствами края, который ему пришлось посетить, Герстнер совершил затем большое путешествие по России, результатом которого и явилась записка, представленная государю. В ней Герстнер выражал убеждение, что такая обильная природными богатствами страна, как Россия, может использовать свои производительные силы не иначе, как при помощи обширной сети рельсовых сообщений, из которых наиболее необходимыми представлялись Герстнеру линии от Москвы на Петербург,

Нижегород и в Казань»²¹. Идея для России оказалась «на вырост», его претензии получить монопольное право на строительство железных дорог в России — неприемлемыми, но Царско-сельскую дорогу строил всё-таки Герстнер на деньги из российской казны.

Как видите, именно впечатления от Урала побудили Герстнера задуматься о необходимости железных дорог для России, тем не менее Урал в его перечне наиболее необходимых направлений не значился. Это понятно: слишком далеко, а возить по этой трассе особенно нечего. И лет на пятнадцать понятия «Урал» и «железная дорога» выпали из общего контекста. За это время в европейской части России были построены уже сотни вёрст стальных путей. Они подтолкнули к развитию и сельское хозяйство южных российских губерний, и железнорудные предприятия Новороссии, и торговлю с Западом, между тем как демидовский и строгановский Урал, остающийся в стороне от прогресса, стремительно терял былые экономические позиции. Но логика хозяйственного развития брала своё, и в начале 1860-х на суд общественности была вынесена хорошо продуманная мысль о необходимости построить железную дорогу на Урале. Именно так: не от центра России до Урала, а на Урале. Дорога мыслилась как «островная», а выход в общероссийское пространство оставлялся на потом.

Характерно, что идея родилась опять в недрах горнопромышленного производства (Герстнер ведь тоже приезжал на Урал для изучения этой отрасли), её сформулировал горный инженер Владимир Карлович Рашет — в то время управляющий Нижнетагильским горным округом, а вскоре его перевели в Петербург. Свою концепцию он выразил в статье, опубликованной в газете «Пермские губернские новости» (1861, № 47), переработанной затем в брошюру. По замыслу Рашета, дорога должна была соединить в одну технологическую цепь рудные копи, доменные и сталеплавильные печи и прокатные станы основных горных округов Среднего Урала, сделать их единым промышленным комплексом, работающим в режиме слаженного механизма. Получался как бы горнозаводской комбинат, раскинувшийся на сотни вёрст вдаль и вширь, а железная дорога слу-

жила по отношению к нему своего рода «внутрицеховым транспортом». Соединение основных звеньев уральской промышленности в такой «комбинат» должно было немало увеличить её динамику и эффективность, и тогда совершенно иначе смотрелся бы вопрос о прокладке железнодорожного пути между Уралом и Центральной Россией.

Предложение В.К. Рашета с энтузиазмом было встречено общественностью, его поддержал и пермский губернатор А.Г. Лашкарёв. Но даже губернаторской поддержки было недостаточно, чтобы перевести идею в практическую плоскость: слишком много требовалось средств для осуществления такого проекта, и слишком непредсказуемые перемены в традиционном укладе уральской жизни влекло за собой это новшество. Тем не менее идея показалась уральской общественности столь привлекательной, что не сходилась с повестки дня до того момента, когда власти сочли, что откладывать дальше некуда, и приступили к изучению путей и способов её осуществления.

Впрочем, когда дело дошло до практических мер, осуществляли уже не её: за годы обсуждения идея заметно трансформировалась под давлением разнонаправленных интересов. Промышленники настаивали на своём, торговцы зерном — на своём, а генерал Евгений Васильевич Богданович (тот самый, чьим именем назван город на востоке Свердловской области) выпустил даже брошюру (на роскошной бумаге и с виньетками!) «Проект Сибирско-Уральской дороги» (1868), в которой пафосно доказывал, что рельсовый путь из центра России через Сарапул — Екатеринбург — Тюмень со временем станет частью «Великого Сибирского пути Париж — Пекин». Не имею прямых доказательств, но у меня возникло ощущение (*highly likely*, как говорят нынешние англичане), что эта брошюра стала прообразом речи Остапа Бендера о Нью-Васюках: Ильф и Петров работали, как известно, в железнодорожной газете «Гудок» и про Богдановича наверняка знали; может, даже и брошюру его читали.

Но это — к слову. А по сути дела важно, что к 60-м годам XIX века общество почувствовало, что будущее уже немислимо без железнодорожного транспорта, а раз так — нужно добиваться,

чтобы рельсовый путь прокладывали, ориентируясь на линию жизни... которая, увы, у каждого своя. Пафосом будущего наполнялись споры о направлении новой трассы. Исходный её пункт не вызывал сомнений: конечно, это высокий берег полноводной Камы в границах губернского города Перми, а вот о том, куда направить трассу, какие города и веси на неё нанизать, какие отрасли хозяйства ею поддержать, спорили яростно и продолжали спорить даже после того, как дорогу начали строить. Но в конце концов она всё же получилась горнозаводской, как и предлагал В.К. Рашет, а уж затем, чтоб повысить её доходность, стали изыскивать и другие сферы её применения.

Вот эту дорогу и строил П.И. Губонин, а главным инженером стройки был теперь уже верный его сподвижник В.Ф. Голубев.

Не было работ лёгких

Достаточно взглянуть на физическую карту Урала, чтобы убедиться: построить магистраль от камской пристани в глубину горнозаводской провинции даже при нынешней технике было бы непросто. А в губонинские времена эксперты были единодушны во мнении, что трасса Уральской горнозаводской дороги ставит порой перед строителями задачи такого уровня сложности, какие до того не то что в отечественной — в мировой практике строительства железных дорог не встречались. Десятью-пятнадцатью годами раньше, на заре железнодорожной эпохи, предприниматели, еще не чувствовавшие себя «королями», столкнувшись с такими трудностями, скорее всего опустили бы руки, но «королей» небывалая сложность задачи только раззадорила: уж мы-то всё можем!

К тому же речь шла о невероятно больших деньгах.

Суммой, соотносимой с той, в которую по предварительной смете оценивалось строительство Уральской дороги, не располагали даже безмерно разбогатевшие к тому времени железнодорожные «короли»; чтобы ее собрать, Кабинету министров пришлось создать акционерное общество. Больших организационных усилий это не потребовало, ибо недостаток желающих вложить «свои кровные» в выгодное дело (в раз-

гар железнодорожного бума никто уже в том не сомневался) не ощущалось: ажиотажный спрос на акции Уральской железной дороги «превосходил предложенные их количество в десятки раз. Из донесения управляющего Государственным банком министру финансов видно, что предстояло распространить 41 500 акций, а заявлены были требования 4110 подписчиками на 3 863 241 акцию, т.е. в 93,1 раза больше»²². Требования эти то ли по юридическим, то ли по техническим причинам, а скорее даже просто из нежелания строителей распрылять предполагаемую выгоду между слишком большим числом её соискателей, удовлетворить было невозможно, так что на торг выставили всего 64 684 акции, а к «дележу пирога» допустили только 67 человек.

Выяснять, как «пирог» делили, я не стал: это другая тема; но результат побуждает задуматься о справедливости устройства жизни в России, «которую мы потеряли»: 15 акционеров стали владельцами 57 705 акций, а остальным 52 досталось лишь 6979²³. Понятно, что одни при этом получили право «заказывать музыку», а другим достались места на галёрке. Таков непреложный закон капиталистического мироустройства, и он тотчас же подтвердился, как только акционеры собрались на своё первое общее собрание (это произошло 28 апреля 1874 года): в правление общества вошли уже известные читателю «короли» С.С. Поляков и В.А. Кокорев, некто Генгрос (среди «королей» он вроде не числился, но точных сведений о нём я не нашёл) и, конечно же, П.И. Губонин, который вместе со своим сыном оказался владельцем 11 310 акций.

Дальнейшие события развернулись столь чудесным образом, что невольно вспоминается цирковой термин «кульбит»: «Акционерное общество постановило “ввиду исключительности характера Уральской дороги и сопряжённости с риском трудностей и отдалённости работ” строить её посредством сдачи оптовому подрядчику. Взять подряд изъявил желание Губонин, который захватил свыше 20% акций предприятия. Правда, в связи с этим Губонину пришлось, по уставному положению, выйти из членов правления, но это несколько не повлияло на его роль в обществе, так как он оставался в числе тех, кто вершил его дела»²⁴. То есть

ситуация была экстраординарная, но кувырок через голову — и опять Пётр Ионович в привычной позиции: помните, как он сам себе шпалы продавал?

На Урале, однако, партия разыгрывалась несравненно более сложная, нежели при строительстве трассы Орёл — Витебск. Огромных денег, которыми располагало акционерное общество Уральской дороги, оказалось всё же недостаточно, чтобы оплачивать предусмотренные проектом, но недооценённые в смете операции, да при том ещё и выплачивать акционерам гарантированные правительством дивиденды. «Оптовый подрядчик» Губонин то и дело предъявлял Обществу счета за выполненные работы, и правление, в котором Пётр Ионович не состоял, но влиянием пользовался не меньшим, нежели, думаю, и председатель правления, признавало их обоснованными. Чтобы их оплатить, Обществу приходилось залезать в долги — брать всё новые и новые кредиты у казны или записывать их как непогашенные долги Губонину. И вот какой итог этим расчётам-перерасчётам подвела пермский историк Э.М. Мильман, обобщив данные из разных источников: «Ещё в год открытия главной линии (1878 г.) акционерное общество задолжало, как пишет Губонин, только ему, кроме задержанных из основного капитала платежей, более 420 000 руб., а вместе с таковыми платежами более 6 млн руб. В дальнейшем²⁵ долги продолжали быстро расти...»²⁶ Чтобы всё-таки завершить строительство столь нужной Уралу и, значит, России дороги, правительству пришлось пойти на гораздо большие расходы сверх того, что было обозначено в изначальном договоре правительства с акционерным обществом: планировалось-то, что она составит 53 480 руб.²⁷ за версту (примерно такой была к тому времени цена строительства железных дорог в центральной России), а в действительности стоимость одной версты Уральской горнозаводской дороги достигла 106 192 руб.

Э.М. Мильман оценивает такой итог как «самый настоящий грабёж казны, так как исключительная дороговизна строительства была обусловлена не трудностями постройки, как это пытались представить главари акционерного общества, а корыстными устремлениями капиталистических хищников»²⁸. И далее без экивоков: «...крупный капи-

талистический делец В. Кокорев»; «Не менее хищным капиталистическим дельцом был главный строитель дороги П. Губонин»²⁹.

«Не трудностями» — это из чего же вытекает? Почему «пытались представить», если сама же Мильман приводит достаточно много фактов (которые подтверждаются и дополняются сведениями из других источников), позволяющих убедиться, что не было надобности преувеличивать трудности: они действительно были беспрецедентны?

Вот лишь некоторые данные, извлечённые исследовательницей из «Отчёта по эксплуатации казённых железных дорог за 1889 год»: «О том, каких больших усилий потребовала постройка полотна дороги, свидетельствует тот факт, что протяжение одних выемок в сплошном скальном грунте составило около 12 вёрст, причем глубина их на главной линии достигала 5 саж[еней], а на Луньёвской ветви даже 12. Для пересечения огромного количества больших и малых горных рек, ручьёв, лощин и оврагов понадобилось построить 646 искусственных сооружений, из них только 316 мостов, уложить 329 чугунных и каменных труб. Кроме этого на Луньёвской ветви в горах был сооружён один из первых в Европе туннелей длиной около 65 саж[еней]»³⁰. Добавлю к тому, что и продольный профиль Уральской дороги отличался от всех построенных раньше в России дорог предельно допустимыми уклонами (до 0,015) и радиусами закруглений (150 саж.)³¹. Это ведь не просто «геометрия»: строителям колеи приходилось с ювелирной тщательностью корректировать трассу, намеченную проектировщиками.

Для наглядности стоит сопоставить: на первой в России магистральной железной дороге общегосударственного значения Петербург — Москва, позднее названной Николаевской, мостов, больших и малых, было построено 190, других искусственных сооружений 88; тех и других в разы меньше. Причём ни выемок в скальном грунте, ни насыпей высотой в девятиэтажный дом, ни тем более тоннелей на первой дороге не было вовсе. И вообще: «На всём протяжении [Уральской] дороги, как указывает главный инженер, “нет вовсе работ, которые можно назвать лёгкими или обыкновенно встречающимися на дорогах в

России”. Климатические условия здесь также были более суровые»³².

Можно ещё отметить, что для строительства Николаевской дороги использовалась какая-никакая механизация: специально для неё (царское же «поручение») в Америке были закуплены четыре паровых копра и четыре паровых экскаватора, а на Урале обходились «домашними средствами»: лом, кайло, кирка, лопата, тачка, грабарка. Протяженность Уральской дороги была 669 вёрст, а Николаевская — на 65 вёрст короче, при этом строилась Николаевская восемь лет (хотя отвечавший за её строительство граф П.А. Клейнмихель постоянно давил на исполнительцев самыми жёсткими способами), а Уральская только три года, при том что дата окончания строительства даже несколько отодвинулась из-за изменений и дополнений в направлении дороги.

Вот теперь, я думаю, уместно сопоставить и цены: одна верста Уральской дороги обошлась чуть больше 106 тыс. руб., между тем как верста Николаевской — 125 тыс.

Так кто же тратил казённые деньги расточительней: «хищный капиталистический делец» Губонин или «стальной таран державной воли» Клейнмихель?

Впрочем, дело, конечно, не только и не столько в деньгах. Поэт Н.А. Некрасов в хрестоматийном стихотворении «Железная дорога» воссоздал ужасающую картину жестокой эксплуатации рядовых строителей дороги Петербург — Москва, руками которых Клейнмихель её и строил: голод «собрал сюда массы народные»; «мёрзли в землянках, боролись с цингой»; «грабили нас грамотеи-десятники»; «А по бокам-то всё косточки русские... Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?»

Ванечка, конечно, не знает, и поэт цифру не называет, но в интернете она есть: ежегодно от 40 до 60 тысяч. А о том, сколько работников было занято на строительстве Уральской дороги, историк Э.М. Мильман сообщает достаточно подробно: «На стройке ежегодно работало от 20 до 30 тыс. человек. В 1875 году только на строительный участок от Кушвы до Екатеринбургa приехали из западных и центральных губерний 6500 рабочих. В 1876 году, по данным главного инспектора дороги, на трассе от Перми до Екатеринбургa кроме местных извозчиков, которых число

меняется, работали 14 800 постоянных рабочих. В 1877 году из 28 тыс. человек, работавших на стройке, 20 тыс. приехали из Смоленской, Витебской и Рязанской губерний». Издалека приехали «преимущественно все землекопы. В первую очередь они решали судьбу стройки»³³.

Кто их здесь всех собирал — опять беспощадный царь Голод? Конечно, и он; Россию, «которую мы потеряли», вследствие регулярных неурожаев голод накрывал через каждые шесть-семь лет. Строительству Уральской дороги непосредственно предшествовал «страшный» (определение из того времени) голод в Поволжье после неурожаев в течение трех лет подряд — в 1871, 1872, 1873 годах; в других губерниях было тоже не сытно.

Однако не меньшую роль играло и стремление заработать. Иначе зачем бы «десятиникам» Уральской дороги было запрещено принимать на работу мастеровых с местных заводов? Исключительно затем, чтоб не навредить местным предприятиям. Отсюда очевидно, что Губонин платил лучше. А местных крестьян с их рабочими лошадами на стройку брали охотно. Их не нужно было везти издалека — они в достаточном количестве находились в деревнях и сёлах по ходу трассы; их не нужно было устраивать с жильём, обеспечивать инструментами и провиантом. Они исправно выполняли множество подсобных операций: подвозили лес, грунт, балласт для насыпей, продовольствие. У стройки надёжные тылы, а для жителей окрестных сёл — возможность неплохо подработать в межсезонье, оттого и отношение к стройке у них будет доброжелательным. Опять мы наблюдаем рачительный губонинский подход: проблемы решаются не по отдельности, а все разом, во взаимной связи.

И вот на что ещё обратите внимание: землекопов-то везли не из вечно бедствующего Поволжья, а из тех губерний, где строил предыдущие свои дороги П.И. Губонин. Именно там бытовала молва, запечатлённая опять-таки Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: «Досыта у Губонина / Дают ржаного хлебушка, / Жую — не нажуюсь!» Вот и уговорили «грамотей-десятники» трудяг, привычных к земляной работе, попытать счастья на Урале у того же щедрого подрядчика.

Уговорили, да не предупредили, что на Урале и климат суровее, и грунт несравненно тяжелей. А нормы здесь назначили те же самые... По совести, тут должен был вмешаться Пётр Ионович — установить более справедливые расценки; но я не нашёл сведений о том, что он предпринял какие-то шаги в этом направлении. Возможно, потому что и на него непредвиденные трудности свалились неподъёмным грузом. Общество Уральской дороги к 1887 году обанкротилось и с 45-миллионными убытками передало дорогу в казну, и Губонин при этом недополучил своих миллионов, которые оно ему как подрядчику задолжало.

Но, как я понял, более других причин тяжёлое положение рабочих на строительстве Уральской дороги дало повод Э.М. Мильман, а до неё нескольким поколениям борцов с российским капитализмом, обличать Губонина как «хищного капиталистического дельца». Оттого и был он в советские десятилетия напрочь вычеркнут из общественной памяти.

Доля справедливости в их оценке есть, и я тоже не собираюсь его оправдывать, как, впрочем, и восхвалять первый российский капитализм, который не сумел обеспечить стабильное, при всеобщей поддержке и без великих потрясений, развитие страны. Но коль скоро и социалистический эксперимент, открывший неведомые прежде возможности человека, возвысившегося до понимания личной причастности к общей судьбе, в конце концов потерпел поражение в столкновении с потребностью материально и духовно ублажить своё бесценное эго, а в результате общественное мнение склонилось к тому, чтобы возвратиться на «торную дорогу цивилизации», — коль скоро так, повторяю, получилось, то было бы резонней, на мой взгляд, в 1990-е годы выходы на эту «торную дорогу» искать не в гарвардских учебниках, по-дилетантски прочитанных и плохо переваренных, а в отечественной — будто бы прерванной «большевиками», а на самом деле эффективно продолженной — истории. Мы тогда ведь, при Витте и «железнодорожных королях», тоже «догоняли» ушедший вперёд в социально-экономическом развитии Запад, но догоняли семимильными шагами, эго же, Запад, по-

стоянно удивляя и своей восприимчивостью, и промышленно-техническими достижениями, которые неоднократно отмечались призами на всемирных выставках. Темпы промышленного развития России в то время намного превышали общемировые!

Вот почему, мне кажется, очень достойны благодарной памяти нынешних уральцев и всех россиян личность и судьба Петра Ивановича Губонина. Да, он работал «для себя», заработал (не чураясь «пройдошества») миллионы на железных дорогах в центральной России, на Брянском и Южно-Российском заводах, на бакинской нефти и на множестве других учреждённых им предприятий. Хотел заработать и на строительстве первой Уральской железной дороги, но столкнулся с трудностями, масштаб которых, при всём его здравомыслии, недооценил и, как отмечают биографы, потерял убыток на 5 млн руб. Но не отступился и с честью довёл дело до конца.

А если бы оценил «здрово», то, возможно, и не взялся бы за эту работу, и не появилась бы тогда эта дорога, и всё промышленное развитие Урала совершалось бы иначе. Но тут лучше самому читателю пофантазировать в духе «параллельной истории», а для меня важен не его «просчёт», а верность долгу, чувство достоинства и чести.

«Кадры решают всё»

Никакие непредвиденные (и разорительные) расходы не заставили Губонина снизить планку требований к результату взятой на себя миссии. Он привлёк на уральскую стройку не только опытных землекопов из центральных губерний, но и самых лучших специалистов, которых смог отыскать в своём отечестве, а была нужда — так и за рубежом.

Я уже говорил, что главным инженером он назначил своего проверенного сподвижника В.Ф. Голубева, но, замечу кстати, тут не было и намёка на «кумовство». Даже Э.М. Мильман, безоглядно клеймившая «капиталистических хищников», о Викторе Фёдоровиче отзывается очень уважительно: дескать, «один из способнейших специалистов, человек, известный уже в железнодорожном деле»³⁴. Причём, судя по дошедшим до нас воспоминаниям, отношения между «оптовым подрядчиком»

и главным инженером были вовсе не благодные: чуть ли не каждый день между ними вспыхивали острые споры, переходящие порой в откровенные ссоры, но завершались они всегда в пользу дела.

Строительство велось одновременно на разных участках протяженной трассы, и возглавляли эти участки тоже выдающиеся инженеры.

Наиболее известен из них Борис Александрович Риппас, приехавший вслед за Голубевым с Орловско-Витебской дороги. Ему было поручено строить участок от пристани Камасино на реке Чусовой (нынче это город Чусовой) до Кушвы — самое трудное место трассы. Тридцатилетнему тогда инженеру Риппасу пришлось постоянно искать решения проблем, которые прежде не встречались в мировой практике строительства железных дорог, и всегда он находил решения нетривиальные и надёжные. А когда строительство завершилось, инженеры, работавшие под его руководством, нашли тоже нетривиальный способ выразить восхищение своим молодым начальником: собрали по кругу 3250 рублей и учредили на них в alma mater — Петербургском институте инженеров путей сообщения — ежегодную премию для наиболее талантливых студентов: «За лучший из проектов, представленных на соискание оной учащимися института». При этом критерии оценки работ соискателей были установлены столь высокие, что в течение первых пяти лет премию не удалось присудить ни разу; после того их пришлось немного снизить.

На Орловско-Витебской дороге заметил Губонин и Николая Степановича Островского. Инженерное образование тот получил в питерской же alma mater и с первых шагов инженерной карьеры заявил себя очень грамотным и ответственным специалистом. На Урале ему было поручено руководить строительством участка от Кушвы до Екатеринбурга, и с этой задачей молодой инженер справился безупречно. А когда дорога вступила в эксплуатацию, Островский был назначен её управляющим — говоря понятным сегодня языком, первым начальником Свердловской железной дороги. Было ему тогда только двадцать восемь лет, а проработал он в этой должности десять лет — до 1889 года. При нём доро-

га интенсивно развивалась, в 1885 году она дотянулась до Тюмени, причем от одной из промежуточных станций этой линии (станция тогда же была названа в честь Е.В. Богдановича, сейчас это город Богданович) проложили тупиковую ветку на юг, в сторону Каменского завода. Конечную станцию этой ветки назвали в честь деятельного управляющего Уральской дороги — Островская. Но в 1889 году Николай Степанович по семейным, как пишут его биографы, обстоятельствам уехал с Урала и в течение нескольких лет руководил железными дорогами в Казани, Харькове, Москве, а потом переехал в Петербург. Работал в министерстве путей сообщения, возглавлял банк, писал книги. Но для Урала его имя, как это обычно бывает, стало неактуальным, станцию переименовали в Синарскую, а в 1963 году она (уже не тупиковая, а узловая) получила имя города, который во многом благодаря железной дороге разросся рядом с ней.

Умел Пётр Ионович работать с кадрами! Его способности замечать и взращивать талантливых молодых могли бы позавидовать и в советские времена. Да и в самой работе созданной Губониным команды нельзя не заметить проблески такого отношения к труду, которое культивировалось (и отнюдь не безуспешно) в советское время: энтузиазм, творческое отношение к делу, чувство высокой цели. И когда в газетной статье о губонинской стройке читаешь о «множестве трудностей, которые победоносно преодолели строители»³⁵, даже не верится, что духоподъёмный номер газеты вышел в 1879 году.

Вообще, умение мотивировать труд — одно из главных, на мой взгляд, отличий «короля» Губонина от нынешних бизнес-«монетизаторов». Но эта тема достойна специального изучения, а здесь я хочу лишь подчеркнуть, что у человека «почти без всякого образования», но «с большим здравым смыслом» (С.Ю. Витте о Губонине) было обострённое чутьё на талантливых и хорошо образованных людей. Он великолепно умел таковых находить и зажигать их творческий энтузиазм, поручая им дело с заманчивой целью и «на вырост».

Между прочим, и архитектора П.П. Шрейбера Губонин привлек к работе над железнодорожным проектом, когда тому было чуть за тридцать, а

имени его практически никто ещё не знал. Модным и знаменитым Петр Павлович стал после того, как общественность с восторгом приняла вокзалы, построенные — да, Губониным, но по проекту Шрейбера — в Перми и Екатеринбурге. Думаю, не случайно едва ли не первым его заказчиком после работы на Губонина стал человек из железнодорожной среды: барон Сергей Павлович фон Дервиз, унаследовавший дело отца, одного из первых российских железнодорожных «королей», но начисто лишённый предпринимательской жилки, зато замечательно тративший отцовское наследство, заказал губонинскому архитектору перестроить комплекс зданий на Адмиралтейской набережной в Петербурге, купленных ещё самим Павлом Григорьевичем. Эта работа Шрейбера по сей день принадлежит к числу почитаемых архитектурных раритетов северной столицы. Многие жители и гости города, даже не зная имени зодчего, помнят одно из главных его творений: там сейчас располагается театр Санкт-Петербург-опера.

При прокладке уральской трассы порой возникали и такие ситуации, когда основательной подготовки в единственном тогда в России инженерном железнодорожном вузе, даже подкреплённой молодым энтузиазмом и творческим бесстрашием, всё-таки не хватало для решения проблем, которые ставила перед строителями прекрасная, но неласковая природа Урала. Самый яркий пример — неодолимый горный кряж на пути от станции Чусовской к Луньёвским каменноугольным копиям, без которых не складывался топливно-сырьевой баланс уральского горнопромышленного «комбината», ради которого строилась дорога. Нынче решение было бы сразу очевидным: раз нет возможности гору обойти, значит, нужно прорубить через неё тоннель. Про тоннель, конечно, подумали и тогда, но подчитали и ахнули: длина его должна была составить 65 саженей, то есть примерно 140 метров; таких тогда и в технически более продвинутой Европе не строили. Конечно, подземные горные выработки — разного рода катакомбы и казематы — прокладывались с доисторических времён, но на человеческие шаги каменные норы отзывались разве что приглушённым эхом. А выдержат ли своды, когда под

ними покатит, гремя на стыках рельсов, тысячетонный состав? Но тяжело гружённые поезда должны курсировать по подземному пути не по одному разу каждый день.

Однако Губонин нашёл в итальянском Турине мастеров с опытом работы в Альпах (хоть строили они там тоннели менее протяжённые, да и климат другой), не поскупился на оплату их труда — и надёжный, на века, Луньёвский тоннель был построен, а при этом набрались опыта и российские туннелепроходцы, которым впоследствии предстояло немало работы и на уральских, и на кавказских, и на сибирских трассах.

Так что, хоть Общество Уральской дороги и барахталось в неоплатных долгах, но «хищный капиталистический делец» Губонин, окружив себя ярко талантливыми молодыми инженерами и специалистами в иных областях, строил дорогу на совесть. «Не себе?» Но почему же: это был для него и заработок, и род «самоутверждения». Но построенная им дорога — со всеми её мостами, трубами, выемками, головокружительными насыпями и Луньёвским тоннелем — уже почти полтора века (конечно, по мере необходимости достраиваемая и перестраиваемая) исправно работает для России.

Губонинское импортозамещение

Конечно, не всё у него получалось, как хотелось. Предполагалось, в частности, что при сооружении железного пути будут использованы рельсы отечественного, а лучше (потому что ближе доставлять: меньше расходов) — уральского производства, ибо, согласно изначальному замыслу, главное назначение дороги — стимулирование развития отечественной промышленности. Но, как справедливо заметила Э.М. Мильман, «уральские горнозаводчики не проявляли большого желания выполнять заказы». При этом она почему-то обвиняет и наших «железнодорожных воротил» в преклонении перед всем иностранным: якобы по этой причине они «давали очень мало заказов отечественным предприятиям»³⁶.

Какое ж тут преклонение! Всё было ровно наоборот.

К примеру, ещё вначале 1850-х годов прокат рельсов освоили на Нижнесал-

динском демидовском заводе. Салдинские рельсы из пудлингового железа были очень востребованы. Несмотря на трудность их доставки за тысячи вёрст российского бездорожья, они укладывались в колею Николаевской дороги, когда пришлось замещать негодный, как выяснилось, «импорт»; из них была выложена Петербургско-Варшавская дорога, их охотно покупали и в других странах. Между тем уральские металлурги не только держали марку, но и неустанно совершенствовали технологию: заменили пудлинговые печи конвертерами — и рельсы из вязкой бесемеровской стали надёжнее, при этом сроки их службы ещё больше удлинители дополнительной термообработкой...

Обо всём этом Губонин прекрасно знал и рельсы Демидовым заказывал. Но мощностей демидовского завода не хватало, чтобы обеспечить стальным прокатом грандиозную стройку, и Обществу Уральской дороги более двух третей потребного их количества пришлось закупить в Англии и Бельгии. Увы, импорт не шёл в сравнение с уральской продукцией: европейские рельсы оказались непрочными. Вот показательная статистика: в первый год эксплуатации горнозаводской дороги на ней зафиксировано 109 поломок рельсов, и только в восьми случаях эта оказия случилась с продукцией уральской выделки. Вывод напрашивался безальтернативный, так что уже Н.С. Островскому пришлось заняться «импортозамещением»: заграничные изделия переплавляли в уральских печах и прокатывали заново...

Нужда заставляла строителей Уральской дороги закупать за границей паровозы (хотя их уже начали производить и в России), вагоны, платформы, оборудование для ремонта подвижного состава и для управления движением, даже стальные костыли и накладки для крепления рельсов к шпалам. Этот разнообразный импорт не вполне удовлетворял уральских эксплуатационников лишь отчасти по цене, а более всего по качеству, и отечественным производителям по этой причине пришлось много заниматься «импортозамещением». Тогда, впрочем, такого слова не было, а была необходимость заменять по возможности заграничную технику отечественной — более надёжной в эксплуатации (по крайней мере, в наших

условиях) и долговечной. Читатель помнит, что, в сущности, для этой цели П.И. Губониным и В.Ф. Голубевым был построен Брянский завод, но строился он практически одновременно с Уральской горнозаводской дорогой, так что продавать себе рельсы и прочие железные изделия, изготовленные на своём же заводе, Пётр Ионович на этот раз не мог, хотя, возможно, это было бы лучшим вариантом.

Ну, а в той части, что не зависела от импорта, Пётр Ионович делал всё по высшему разряду, не слишком заботясь об экономии средств. (Да и так ли уж заметна была цена, например, вокзальных диванов или пирожков в вокзальных буфетах на фоне стоимости одной версты стального пути, превышающей 100 тыс. рублей?) Вот почему все именитые путешественники, воспользовавшиеся услугами горнозаводской железной дороги в первые годы её эксплуатации, — среди них чаще всего цитируют Д.Н. Мамина-Сибиряка, казанского профессора Э.П. Янишевского, американского журналиста Дж. Кенна, — не жалеют превосходных эпитетов для описания достоинств «произведения г. Губонина»: по согласному их мнению, удобствами для пассажиров, архитектурой вокзальных зданий и убранством их помещений, даже качеством обслуживания в вокзальных буфетах Уральская дорога превосходила не только общероссийские, но и европейские аналоги.

В таком же духе высказалась и правительственная комиссия, принимавшая дорогу в эксплуатацию: дескать, «по своей рациональности и законченности в малейших частностях, при крайне трудных топографических, геологических и климатических условиях Уральская горнозаводская железная дорога может быть признана образцом для будущих сооружений такого же рода и при подобных же местных условиях».

Однако техническое совершенство не могло компенсировать непрочность экономических основ. Почти три с половиной десятилетия спустя А.А. Непиханов, один из первых историков Уральской дороги и большой энтузиаст железнодорожной отрасли, писал: «Уральская железная дорога, построенная, главным образом, для нужд горных заводов, оказалась предприятием бездоходным, постоянно работающим

в убыток», а поэтому акционерное общество оказалось «слишком мало заинтересованным и притом безответственным предприятием»³⁷, и правительство сочло целесообразным выкупить её в ведение казны — национализировать, сказали бы сегодня.

Уральская дорога для России и для Екатеринбурга

Вообще-то передача дороги в казну, только в более поздние сроки, предполагалась изначально, это было записано в уставе Общества, и это была обычная практика при строительстве железных дорог в России того времени. Строили их акционерные общества, в течение оговорённых сроков они же эксплуатировали дороги, чтобы вернуть затраты и получить гарантированную правительством прибыль, а потом дороги передавались в казну, потому что интересы частных владельцев очевидным образом не совпадали с интересами государства. Противоречие между частным и общественным интересом отчётливо видел и всегда принимал в расчёт С.Ю. Витте — главный энтузиаст строительства железных дорог в России. Даже в лекциях по экономике, читанных им наследнику российского престола в 1902 году, он объяснял, что некоторые важнейшие потребности общества «или совсем не могут быть удовлетворены частными хозяйствами, или удовлетворяются ими недостаточно <...> например, государство строит железную дорогу в такой местности, где новый путь долгое время не может служить источником дохода, однако имеет общекультурное значение, развивает хозяйственную деятельность на обширной площади и поднимает благосостояние населения»³⁸. Вот бы эти мысли да в головы наших реформаторов 1990-х годов! Сохранилось предание, будто бы в ответ на справедливые замечания, что строительство железных дорог разорительно для государственной казны, Витте возражал: «Я не дороги строю — я Россию строю!»

Примерно тот же пафос выразил и А.А. Непиханов после того, как на основании по-бухгалтерски подробных расчётов показал неизбежную убыточность и первой, горнозаводской, и продолживших её в разных направлениях других уральских железных дорог:

дескать, тот факт, что «и общество, и правительство, влагая громадные капиталы в новые пути на Урале, одинаково оценили значение мощности природных богатств его для всей экономической жизни нашей родины, да будет залогом того, что ещё недавно едва тлевший огонёк жизни в доменных печах Урала с новым подъёмом волны экономического оживления России превратится в широкий и могучий светоч хозяйственного успеха»³⁹.

Но Уральскую горнозаводскую дорогу выкупили преждевременно, однако при этом казна акционеров «не обидела». Как отметила Э.М. Мильман, «эта операция ярко свидетельствует о том, что железнодорожные тузы использовали и выкуп дороги как средство для нового ограбления казны»⁴⁰. Надеюсь, однако, что читатель с оценкой Мильман не согласится: чрезмерные расходы на строительство дороги оказались неизбежными, а что казна выкупила её на выгодных для акционеров условиях — так это свидетельствует о другом: что государство не обмануло своих граждан, доверивших ему свои деньги, чтобы осуществить очень капиталоемкий, но жизненно необходимый для развития экономики проект.

Однако насколько оправдались расчёты, что уральские рельсовые пути вызовут «экономическое оживление» Урала, а тем более всей России? Коротко на этот вопрос не ответить, да и тема эта далеко выходит за рамки моего сюжета. Поэтому сформулирую проще: вот первая на Урале железная дорога пришла в Екатеринбург, и как это событие повлияло на дальнейшее развитие города?

Резонно поискать ответ у Д.Н. Мамина-Сибиряка: уж он-то, как никто другой, знал, чем жил прежде и чем живёт теперь, при Мамине, Урал. К тому же есть у писателя краеведческий очерк «Город Екатеринбург», которым предваряется справочно-статистическая книга И.И. Симанова, имеющая то же название. Этот фолиант хорошо знают и высоко ценят все уральские краеведы, но, думаю, не каждый мой читатель с ним знаком. Поэтому коротко поясню, что в этой книге в самом полном виде представлены результаты однодневной переписи, проведённой в Екатеринбурге 26 марта 1887 года по решению городской думы, которую

тогда возглавлял просвещенный купец И.И. Симанов. По просьбе Ильи Ивановича Д.Н. Мамин написал для этого издания очерк, в котором по-писательски живописно, но и по-исследовательски предметно, поэтапно и аргументированно представил более чем полутора-вековую к тому времени историческую панораму развития Екатеринбурга.

Дорога Пермь — Екатеринбург запущена в эксплуатацию в октябре 1878 года, и, следовательно, информацию о ней нужно искать в разделе очерка, посвященном 1870–1880-м годам. Что для этого десятилетия писатель счёл самым важным? Листаю страницы: введение нового городского положения, открытие новых банковских учреждений, проведение Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, учреждение «первого местного печатного органа в лице “Екатеринбургской недели”»... Все эти события отражены в очерке с основательным знанием дела и неподдельной заинтересованностью. Наконец речь заходит и об интересующем меня предмете: «К положительным деятелям (очевидная опечатка: по смыслу — деяниям. — В.Л.) мы должны отнести прежде всего постройку Уральской горнозаводской железной дороги, вызвавшей длинный ряд последствий: возникновение отпускной торговли хлебом в обширных размерах, сосредоточение грузов в Екатеринбурге как конечном пункте железной дороги и т.д.»⁴¹. И это всё!

Воля ваша, но «ряд» из двух пунктов, дополненных расплывчатым «и т.д.», вовсе не кажется мне длинным. Да и отмеченные пункты автором не разъяснены: ну, что из того, что оживилась торговля хлебом, что стали накапливаться транзитные грузы? Как это могло сказаться на будущем горно-промышленной столицы? Да оно и не сказалось. Очевидно, что социально-экономическое значение прихода железной дороги в Екатеринбург не очень основательно обдумывалось писателем. Это выглядит необычным для Мамина, который всегда глубоко вникает в любую подробность уральской жизни.

Не думаю, однако, что тут уместно говорить о недооценке писателем «судьбоносного» для города события. Скорее, дело в том, что событие это тогда больше ассоциировалось с губернской Пермью: от неё мерились

километры трассы, в Перми же располагалось и руководство дороги. А что касается уездного Екатеринбурга, — дискутировался ведь поначалу вариант, что горнозаводская дорога до него и не дотянется: от Тагила сразу повернёт на Ирбит, а оттуда на Тюмень. Но в конце 1880-х, когда Мамин-Сибиряк писал свой очерк, линия на Тюмень уже была построена и действовала, но её влияние на жизнь уездного Екатеринбурга ощущалось ещё совсем незначительно.

Кстати, я попытался по той же книге И.И. Симанова хотя бы приблизительно выяснить, в какой мере сказывалось в то время присутствие железной дороги в жизни Екатеринбурга. Результаты получились выразительные. Всего в городе зафиксировано в день переписи 37 309 жителей (с. 73), из них на железной дороге занято было всего 98 человек (93 мужчины и 5 женщин). Для сравнения: извозчиков (легковых, ломовых и водовозов) в городе работало 636 — всё мужчины (с. 84), постоянных дворов насчитывалось 54 (с. 768–770). Возможно, читатель сочтёт такую параллель некорректной, но вряд ли оспорит главное: хоть дорога уже действовала, её присутствие не очень влияло на повседневную жизнь города.

Напрашивается ещё одно — допускаю, что тоже не вполне корректное сравнение. Чуть более ста лет спустя после описываемых событий в Екатеринбурге (впрочем, ещё в Свердловске) запустили метро. Читатели постарше помнят: в первые года полтора были открыты только две станции, удалённые друг от друга меньше, чем на три километра. Между ними в челночном режиме ходил поезд не поезд — два вагона; а больше было и не нужно: позабавиться этим аттракционом интересно было не многим, а практического смысла в нём не просматривалось. Но прошло три десятилетия, за это время не настолько, как надо бы, удлинилось метро, однако по количеству перевозимых пассажиров оно сейчас лишь раза в два уступает трамваю. Но у екатеринбургского трамвая 90-летняя история, 32 маршрута и протяженность линий раз в двадцать больше, чем у единственной по сей день линии нашего метро. Между тем без метро сегодня уже не обойтись, каждый новый градоначальник, желая понравиться горожанам, обещает вторую линию. Пока не получается.

Так же постепенно вращалась в жизнь Урала и города железная дорога.

Заводские грузы по ней стали возить сразу: для того она прежде всего и строилась. Но промышленность в Екатеринбурге последней четверти XIX века была по объёму незначительной, крупных предприятий не было, и функция «внутрицехового транспорта» всеуральского горнопромышленного «комбината» не побуждала город к росту. Вот когда на базе горнозаводской дороги стала развиваться сеть уральских железных дорог и тупиковая станция, которой в известной степени случайно стал Екатеринбург (а была ведь вероятность, что таковой хотя бы на время станет Ирбит), проявились преимущества бывшей столицы горнопромышленного Урала как «срединного» города. Уже неважно стало, что рядом с ним нет большой судоходной реки, а важно, что в нём пересекались пути, ведущие на запад и восток, на север и на юг — во все края обширной и богатой ресурсами провинции. Станция Екатеринбург стала узловой, и в этом статусе была заключена огромная энергия развития города. Так что вполне закономерно Екатеринбург на исходе XIX века уже начали называть неофициальной столицей Урала.

Наверно, самым заметным постороннему глазу обновлением наследия, оставленного городу П.И. Губониным, стало строительство в 1911 году нового пассажирского вокзала — уже по проекту К.Т. Бабыкина. Первый, губонинский вокзал, со всеми его архитектурными «прибабасами», был отодвинут на вторые роли (он долго служил воинским, а потом, сильно запущенный, обветшавший, был возрождён к новой жизни в статусе музея). А «новый» вокзал в последующие десятилетия не старел, а раз за разом перестраивался, и в нынешнем массивном, с колоннами и арками, здании екатеринбургского вокзала даже глаз профессионального историка архитектуры едва ли разглядит черты «замурованного» в нём изящного и устремленного ввысь павильона в стиле модерн, спроектированного тридцатилетним тогда «гражданским инженером» Бабыкиным. Между тем «железнодорожный» архитектор Бабыкин, построивший очень современное для того времени здание вокзала, был замечен общественно-

стью Екатеринбург, как в своё время призванный Губониным Шрейбер — общественностью Петербурга: многие здания, построенные им или при его участии, определили архитектурный облик нашего города в первой половине XX века.

Стоящий на перепутье железных дорог Екатеринбург стал одним из центров Гражданской войны, ибо волны той братоубийственной междоусобицы, как замечено многими историками, прокатывались по просторам России вдоль железных дорог. А когда горячая фаза Гражданской войны завершилась, центральный (в географическом смысле) город уже осознавался и как один из главных городов Урала. И когда в 1923 году провели реформу политико-административного деления бывшей империи, Екатеринбург был официально провозглашён столицей Уральской области, куда вошли тогда и бывшая губернская Пермь, и будущие областные центры Тюмень, Челябинск, Курган, и много других уральских городов с большой и содержательной исторической памятью.

Столичный статус потребовал существенных преобразований архитектурной и архитектурно-градостроительной среды. Однако начали с названия: 14 октября 1924 года Екатеринбург был переименован в Свердловск и бурно развивался под этим именем до сентября 1991 года, то есть до конца советского периода истории.

Для полноценного выполнения столичных функций город следовало радикально перестроить: возвести много крупномасштабных конторских и жилых зданий, устроить водопровод, канализацию, протянуть трамвайные линии, задуманные ещё до революции, но осуществлённые лишь во второй половине 1920-х годов. В январе 1928 года Свердловск посетил Маяковский, с мандатом Наркомпроса объезжавший новые советские столицы. Он запечатлел самый разгар перестройки Екатеринбурга в Свердловск и выразил свои впечатления в небольшом цикле стихов, ставших хрестоматийными⁴², и в реплике, запомнившейся молодому журналисту Ивану Фёдоровичу Егармину, сопровождавшему поэта в его перемещениях по городу: «Черт знает что делается! Все улицы изрыты. Не город, а строительная площадка».

В связи с возложенной на город столичной функцией он оказался и в центре индустриализации. Многократно возросшая при этом его роль в хозяйственном развитии края потребовала радикального развития возможностей узловой железнодорожной станции, обеспечивающей связь Свердловска со всем Уралом и страной. Поэтому в 1929 году за северо-западной окраиной города начали строить станцию Свердловск-Сортировочный. Девяносто лет спустя «фабрика поездов» Екатеринбург-Сортировочный обрабатывает грузовые поезда, принимаемые и отправляемые в семи магистральных направлениях. А посёлок строителей и железнодорожников, обслуживающих эту станцию, превратился за это время в жилой район Сортировка, который по численности населения уже как минимум сравнялся с уральской столицей 1923 года (тогда в городе проживало 97 400 человек). Но это примерно пятнадцатая часть нынешнего мегаполиса.

Официальной столицей Урала Свердловск пробыл чуть больше десяти лет: в январе 1934 года слишком громоздкую административную единицу расчленили на три части, позже выделили ещё и четвёртую. Далеко не все планы по перестройке Екатеринбурга в Свердловск успели за это время реализовать, причём некоторые из них с упразднением столичных функций стали неактуальными. Тем не менее до наших дней сохранилось более 140 отдельных и собранных в ансамбли архитектурных памятников «столичной» поры, благодаря которым сегодняшний Екатеринбург широко известен в мире как «заповедник конструктивизма». Но уже и безотносительно к административному статусу в годы индустриализации Свердловск рос невиданно быстрыми темпами. А потом были война и эвакуация... Это слишком обширная тема, чтобы касаться её походя, но читатель и без того знает, что нынешний Екатеринбург окружён ореолом крупнейших машиностроительных предприятий, а исторический центр его, в котором уже почти ничего не осталось от Екатеринбурга тех времён, когда в город пришла железная дорога, построенная П.И. Губониным, взметнулась ввысь офисными и жилыми небоскрёбами. И начало этим переменам положил рельсовый путь, протянутый

в 1870-х годах из губернской Перми до центра горнопромышленного Урала. Вот почему я считаю, что приход в город железной дороги — это переломный пункт всей 300-летней истории города, не уступающий по значимости самому акту основания города. А вытесненный из общественной памяти в советский период и поныне не удостоенный в ней законного места «железнодорожный король» Пётр Ионович Губонин — фигура в истории города не менее значимая, нежели «культовые» основатели Екатеринбурга капитан Тащицев и генерал де Геннин.

***

Завершая рассказ о Петре Ионовиче Губонине, я непременно должен добрым словом упомянуть одного из его ныне живущих потомков. Пётр Николаевич Губонин, доцент кафедры геодезии Новосибирского архитектурно-строительного университета, много лет занимается собиранием информации, связанной с жизнью и трудами своего знаменитого предка, а также всего рода Губониных, давшего России немало замечательных людей. Разговор с ним лет пятнадцать назад побудил меня более внимательно присмотреться к фигуре Петра Ионовича, о котором я уже писал прежде в одной из своих книг. Пётру Николаевичу я показал и этот очерк до того, как отдать в печать, и получил ряд ценных замечаний, которые здесь учтены.

¹ Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). — Екатеринбург, 1998. С. 85.

² Цит. по: Злоказов Л.Д., Семёнов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. — Екатеринбург, 2000. С. 345.

³ Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика. По документам архива Кабинета Министров. Том первый. — СПб., 1902. С. 5, прим.

⁴ Там же.

⁵ См: Зачарованная Кольвань. Окончание | Литературный журнал «Сибирские огни» (xn--90aefkbaem4aisie.xn--p1ai).

⁶ Кислинский Н.А. Указ. соч. С. 1.

⁷ Фон Мекк; но так у Витте.

⁸ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. — М., 1991. С. 78.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 406.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ См.: Братья Поляковы: Самуил Соломонович Поляков Яков Соломонович Поляков (dspl.ru)

¹² Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 78, 80.

¹³ Гиляровский В.А. Избранное в 3-х т. Т. 3. — М., 1960. С. 339–340.

¹⁴ Увы, в 1932 году храм был разрушен, а останки П.И. Губонина утрачены.

¹⁵ hronograf_2-sine-belyj.pdf (gazprom.ru), с. 7

¹⁶ Кислинский Н.А. Указ. соч. С. 158.

¹⁷ Там же. С. 159.

¹⁸ Мингереш С.Д. П.И. Губонин и его вклад в развитие российского предпринимательства XIX столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011. № 2(8): в 3-х ч. Ч. III. С. 109.

¹⁹ Там же.

²⁰ Скороход Г.Н., Чубур А.А. Основатель Брянского завода Виктор Фёдорович Голубев (1842–1903): инженер, промышленник, коллекционер, благотворитель и меценат. — Брянск, 2019. С. 4–5.

²¹ Там же. С. 3.

²² Мильман Э.М. История первой железнодорожной магистрали Урала (70–90-е годы XIX века. — Пермь: Пермское кн. изд-во, 1975. С 91.

²³ См. там же.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ После начала эксплуатации дорога принадлежала Обществу Уральской дороги, которое её построило, но в 1887 году была выкуплена казной.

²⁶ Мильман Э.М. Цит. соч. С. 120.

²⁷ См.: Неопиханов А.А. Железнодорожные пути Урала. — Пермь, 1912 с. 11.

²⁸ Мильман Э.М. Цит. соч. С. 121.

²⁹ Там же. С. 127.

³⁰ Там же. С. 113.

³¹ См.: Неопиханов А.А. Железнодорожные пути Урала. С. 6.

³² Мильман Э.М. Цит. соч. С. 128.

³³ Там же. С. 94–95.

³⁴ Там же. С. 92.

³⁵ Цит. по: Мильман Э. М. Цит. соч. С. 113.

³⁶ Мильман Э. М. Цит. соч. С. 125.

³⁷ Неопиханов А.А. Железнодорожные пути Урала. С. 12–13.

³⁸ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. Часть 1. — М., 2016. С. 36.

³⁹ Неопиханов А. А. Железнодорожные пути Урала. С. 256.

⁴⁰ Мильман Э.М. Цит. соч. С. 123.

⁴¹ Симанов И.И. Город Екатеринбург (репринт). — Екатеринбург, 1889–1998. С. 50.

⁴² Напомню, это: «Император», «Екатеринбург — Свердловск», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»; сюда же можно отнести и менее знаменитое стихотворение «Три тысячи и три сестры», написанное ещё до приезда в город, но точно отражающее смысл той поездки Маяковского.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вячеслав Курицын

Две истории из «Войны и мира»

Судьба позволила мне сочинить две книги, посвященные «Войне и миру». Начало одной, строгого исследования структуры эпопеи Толстого, опубликовано в журнале «Новое литературное обозрение» (№ 5, 2020 и № 5, 2022), книга готовится к выходу в московском «Новом издательстве». Другая еще сочиняется, это цикл очерков свободной формы, беллетризованные комментарии, попытка «сопрягать» (слово Пьера Безухова!) факты из «Войны и мира» с широким историко-литературным контекстом. Данная публикация представляет два очерка, которые откроют вторую книгу. Пользуясь случаем, я выражаю сердечную благодарность своему старому другу Сергею Титинкову, оказывающему мне в этой работе огромную идейную и организационную поддержку

Бедная Соня

Сильнее всего в «Войне и мире» я сочувствую Соне, бедной родственнице Ростовых.

Большинство центральных героев «Войны и мира» люди очень высокого статуса, обитатели дворцов и обладатели миллионов. Болконские не только богаты, но и безумно родовиты, происходят, возможно, от Рюрика, легендарного властителя, стоявшего у истоков Руси. У Пьера Безухова 50 000 крепостных крестьян, он один из богатейших людей империи. Князь Курагин-старший, отец Элен и Анатоля, влиятельный царедворец, заседает в Государственном совете. Ростовы — разоряющийся, но в недалеком прошлом весьма обеспеченный московский род, до сих пор имеющий ресурсы в виде имений и графского титула. Если фантазировать о машине времени, то придется сделать вывод, что все или почти все эти люди не пустили бы меня, писателя-разночинца, даже, как говорится, и на порог.

Это не мешает мне, как и сотням миллионов других нетитулованных читателей со всего света, всей душой сопереживать приключениям Пьера Безухова и Наташи Ростовой. Во-первых, Толстой так гениально выписал чувства этих аристократов, что каждый легко прикладывает их к себе. Мы вместе с Наташей отходим от смерти князя Андрея, вместе с Николаем Ростовым ужасаемся его чудовищному карточному проигрышу, вместе с Пьером боимся дуэли с опытным и жестоким бретером Долоховым. Они прежде всего не аристократы, а люди. Во-вторых, это в принципе закон искусства — читатель и зритель отождествляет себя с тем, кто в центре повествования.

Вячеслав Курицын — прозаик, критик, журналист, сценарист. Родился в Новосибирске, окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Публиковался в большинстве российских толстых журналов. Автор множества книг, изданных в России и за рубежом. Постоянный автор «Урала».

Но мне всегда было особо обидно за Соню, которую обижает судьба. Хотя Толстой смягчает опасения читателя за душу Сони тем, что сама она, возможно, в полной мере свою обиду не осознает. Или осознает, но, что ли, не сверхтрагично переживает.

От кошечки до кошки

Соня — сирота, живет в доме Ростовых, судя по всему, уже довольно долго, возможно, и большую часть жизни. Она примерно на два года старше Наташи (Толстой не очень четко указывает возраст своих героев). Фамилия ее нам неизвестна. Что случилось с ее родителями, неизвестно. Соня названа племянницей, Наташе и Николаю она троюродная, то есть дочь двоюродного брата или сестры Ильи Андреевича Ростова.

Вот как она выглядит на картинке Михаила Башилова, первого иллюстратора романа, который работал по заказу Толстого и, соответственно, согласовывал с ним свои образы:

Вполне благополучная барышня, ножки на подушечке, на подставочке.

На первый взгляд она полноправный член фамилии. Ростовы вовсе не считают, что, приняв бедную Соню в свою семью, они совершили выдающийся поступок. Такая практика была широко распространена. Она существует, разумеется, и сегодня, но в эпоху «Войны и мира» и смертность была выше, потому сиротами становились чаще, и «социальные лифты» в нашем понимании не работали, нищей дворянке было очень проблематично самой себя обеспечивать. Так что в домах обеспеченных и даже не самых обеспеченных дворян часто жили не только родственники, но и просто чужие люди в качестве так называемых «приживалов». О приживалах я тоже хочу написать очерк, но позже, ближе к финалу своей книжки. А Соня в начале своей книжки, «Войны и мира», на приживалку еще не похожа. Увы, это изменится, но пока она молода, прекрасна и верит в счастливое будущее.

Ростов поспешно обулся, надел халат и вышел. Наташа надела один сапог с шпорой и влезала в другой. Соня кружилась и только что хотела раздуть пла-

тье и присесть, когда он вышел. Обе были в одинаковых, новеньких, голубых платьях — свежие, румяные, веселые. Соня убежала, а Наташа, взяв брата под руку, повела его в диванную, и у них начался разговор...

Это Николай Ростов впервые приехал из армии в отпуск, домой в Москву, в особняк на Поварской. Существует традиция считать «домом Ростовых» усадьбу художника Федора Соллогуба в начале улицы, где уже долгие десятилетия базируются разные литературные организации, во дворе там даже есть памятник Льву Николаевичу и мемориальная доска со словами про «дом Ростовых», но это лишь предположение, которое нельзя доказать.

Я выписал эту цитату, чтобы подчеркнуть, что Соня и Наташа в одинаковых платьях. Они воспитываются вместе, и, конечно, было бы нехорошо, если бы Наташе, родной, покупали платье лучше, чем приемной Соне. И Толстой дает понять, что в этом смысле в семье все нормально, по-человечески. Наташа и Соня и живут в одной комнате — как подруги и сестры.

Вот еще один эпизод, знаменитый бал.

Две девочки в белых платьях, с одинаковыми розами в черных волосах, одинаково присели, но невольно хозяйка остановила дольше свой взгляд на тоненькой Наташе.

Тут говорится об одинаковых розах, о том, что девочки одинаково присели и что обе они в белых платьях. Но вот одинаковы ли платья на этот раз — уточнения нет. Может быть, да, а может быть, и нет. И потом — хорошо, платья им могли приготовить одинаковые, но вот, скажем, у Наташи могут быть подаренные еще в детстве родителями или кем-то из родственников в более зрелом возрасте драгоценности, а у Сони — вряд ли. Толстой этот момент деликатно обходит, но сам факт, что пишет об одинаковых розах и одинаковых приседаниях через запятую с просто белыми платьями, подталкивает читателя задаться такими вопросами. А дальше указывается, что хозяйка дольше остановила своей взгляд на тоненькой Наташе, и на балу на Наташу будут обращать внимание гораздо больше, чем на Соню. Автор романа словно бы отходит в сторону, это не он «дольше останавливает взгляд на Наташе», а другие персонажи.

Но до бала, впрочем, надо еще дочитать.

В начале книжки у Сони позиции гораздо крепче. Восьмая глава романа: в гостях у Ростовых Марья Львовна Карагина с дочерью Жюли, богатой невестой, но не мегапривлекательной девушкой. Идет светская беседа, Жюли обращается к Николаю: «Как жаль, что вас не было в четверг у Архаровых. Мне скучно было без вас».

Польщенный Николай пересаживается ближе к Жюли и начинает болтать с ней, не замечая, что это «ножом ревности» режет «сердце красневшей и притворно улыбавшейся Сони». Так мы понимаем, что Соня влюблена в Николая. Через некоторое время он оглядывается на Соню, она смотрит на него «страстно-озлобленно» и выходит из комнаты, а вскоре за ней следует, улучив паузу в разговоре, и Николай, и теперь мы знаем, что влюбленность эта, скорее всего, не односторонняя.

В следующей главке он находит Соню в «цветочной» (комната, заполненная растениями, что-то вроде домашнего зимнего сада) и долго перед ней извиняется, говорит, что весь мир ему не нужен, что Соня одна для него всё, хочет поцеловать, но Соня успокаивается не сразу. Николаю четырежды приходится обратиться к ней, чтобы состоялся примирительный поцелуй. Все правильно, не с первого же раза прощать такого изменщика.

Этот эпизод из почти самого начала — высшая точка позиций бедной Сони в доме Ростовых. Старший сын, будущий хозяин, влюблен в Соню, вымаливает у нее прощение. В этой точке сама Соня, имеющая право смотреть

«страстно-озлобленно», — возможная будущая хозяйка. Не исключен даже, между прочим, такой вариант: если Соня выйдет за Николая, а Наташа, можем ведь мы такое предположить, ни за кого не выйдет, то у жены хозяина, у Сони, будет в доме статус выше, чем у Наташи, у его сестры.

В этом эпизоде Соне «от пятнадцати и старше». Отроковица превращается в прекрасную девушку, в юную женщину.

Плавностью движений, мягкостью и гибкостью маленьких членов и несколько хитрою и сдержанною манерой она напоминала красивого, но еще не сформировавшегося котенка, который будет прелестною кошечкой... Кошечка, впиваясь в него глазами, казалась каждую секунду готовою заиграть и выказать всю свою кошачью натуру...

— так представлена Соня в этих сценах. Чуть позже о ней будет сказано — «очень красивая», «во всей прелести только что распустившегося цветка».

Кошечка — всем знакома эта метафора. Женщина-кошка! Наташа еще совсем маленькая, девочка-подросток, и может показаться, что женщина-сердце-едка в «Войне и мире» — именно Соня. По ходу дела все, однако, изменится, и даже кошачья метафора обернется мехом внутрь.

Впервые о препятствиях, стоящих между Соней и Николаем, мы узнаем от самой Сони, из ее разговора с Наташей. Среди них упоминаются и начинающаяся война (с Наполеоном мы сначала встретились по своей инициативе — вступили в европейскую коалицию и в 1805 году пошли освобождать Австрию), и Жюли, но Жюли препятствие точно ложное, Николая она не слишком интересует, а с войны, дай бог, он вернется целым и невредимым, как оно в конце концов и произошло.

Есть два препятствия важнее. Первое: родственные отношения между Соней и Ростовыми. Второе: желание семьи — прежде всего матери Наташи, Натальи Ростовой-старшей, — найти ему более выгодную партию.

«Николай мне cousin... надобно... сам митрополит... и то нельзя», — плачет Соня. Логика пропусков легко восстанавливается: для брака между родственниками нужно одобрение церковных властей, и его далеко не всегда возможно получить.

«Вот дяденьки Шиншина брат женат же на двоюродной сестре, а мы ведь троюродные», — утешает Соню Наташа.

И они обе по-своему правы. Правда и то, что кузенам, даже троюродным, составлять семьи было нельзя, правда и то, что запрет этот часто обходился.

Есть на самом деле еще более важное препятствие, главный вопрос: любит ли Николай Соню. В юности — несомненно. Веселая детская дружба, первые нежные чувства, дружный теплый дом, звонкие радости, образ рая, зачем его разрушать — совершенно логично продолжить семейные отношения с Соней на новом уровне. В первом варианте романа двадцатилетний Николай даже сочинял для Сони стихи — первые в своей жизни (возможно, и последние: он не особо склонен к литературному труду).

Не растравляй меня разлукой,
 Не мучь гусара своего;
 Гусару сабля будь порукой
 Желанья счастья твоего.
 Мне нужно мужество для боя,
 Еще нужней для слез твоих,
 Хочу стяжать венец героя,
 Чтобы сложить у ног твоих.

Но время идет, жизненные пути расходятся. В чувствах Сони сомнений нет. «Я полюбила раз твоего брата, и, что бы ни случилось с ним, со мной, я никогда не перестану любить его во всю жизнь», — сказала она однажды

Наташе, и эти слова — правда. Соня, естественно, остается невинной, а вот в спальню к Николаю, когда он достиг половой зрелости, его мать, графиня Ростова, обеспокоенная интересом сына к Соне, отправит горничную или какую-то другую соблазнительную особу из дворовых: об этой традиции «дворянского воспитания» — не в этом очерке.

Потом Николай отправляется в армию, где воодушевленно вливается в полковую жизнь со всеми ее мужскими радостями, в число которых, наряду со стрельбой по врагу и крепким пуншем, входит и общение с кокетками веселого поведения. При этом он пишет домой, что любит и вспоминает Соню, и просит ее поцеловать, и вот прекрасная сцена после прочтения этого письма; сцена, в которой мы продолжаем видеть Соню счастливой:

Соня покраснела так, что слезы выступили ей на глаза. И, не в силах выдержать обратившиеся на нее взгляды, она побежала в залу, разбежалась, закружилась и, раздув баллоном платье свое, раскрасневшаяся и улыбающаяся, села на пол.

Но когда Николай приезжает в следующем году в отпуск, расклад не такой благодный: Николай видит, что Соня по-прежнему хороша и мила и страстно влюблена в него, но сам он «в той поре молодости», когда не хочется связывать себя серьезными обязательствами, когда мир открыт и полон соблазнов.

Отчаяние за невыдержанный из закона Божьего экзамен, занятие денег у Гаврилы на извозчика, тайные поцелуи с Соней, он про всё это вспоминал, как про ребячество, от которого он неизмеримо был далек теперь. Теперь он — гусарский поручик в серебряном ментике, с солдатским Георгием, готовит своего рысака на бег, вместе с известными охотниками, пожилыми, почтенными. У него знакомая дама на бульваре, к которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале у Архаровых, разговаривал о войне с фельдмаршалом Каменским, бывал в английском клубе, и был на *ты* с одним сорокалетним полковником, с которым познакомил его Денисов.

Помимо знакомой дамы на бульваре на этих страницах упоминается «поездка *туда*» (это стандартное обозначение веселого дома, в «Записках из подполья» Достоевского один из персонажей удивляется куражу всеми презираемого рассказчика — «Да разве вы и *туда* с нами?») как дело достойное взрослого молодого человека. Понимает ли Соня, что Николай бывает *там*, и как она к этому относится? Должна, конечно, понимать, знает традиции, а живучи с Николаем под одной крышей, может что-то и замечать, какие-то детали, нюансы поведения и настроения. Как относится — вряд ли с энтузиазмом, но, скорее всего, без трагического отчаяния: таковы ценности патриархального бытия, окружающего ее с рождения и со всех сторон, что делать, надо мириться, так уж принято в этом мужском мире.

В повести Н. Мельгунова «Любовь-испытатель» (начало 1830-х) Графиня-героиня подслушивает разговор Княгини и Баронессы об интересном Графине молодом человеке. Его грехи — «шампанское, пиры до рассвета... танцовщицы, долго ли избаловаться мальчику...» — она совершенно пропускает мимо ушей как дежурную информацию, акцентируется на том, что избранник умен и благороден.

В Соню между тем влюбляется Федор Долохов, один из самых неприятных персонажей «Войны и мира», хам и бретер. Автор, однако, приписывает ему нежную любовь к престарелой матери и несчастной сестре. С избранными женщинами Долохов, возможно, ведет себя совершенно иначе, нежели с мужчинами, которых хочет унижить, и брак с ним был бы для бесприданницы вполне удачным. Николай в этой связи проводит с Соней неожиданно взрослый разговор, сообщает, что хоть и любит ее больше всех, но еще очень молод,

знает, что еще неоднократно будет влюбляться в других, ничего Соне не обещает, да и маман против... Отчего, словом, Соне не подумать о предложении Долохова. Но Соне довольно и того, что какую-то минимальную надежду ей слова Николая оставляют. Она отказывает Долохову. Оскорбленный Долохов в отместку выигрывает — используя шулернические приемы — в карты у Николая Ростова колоссальную сумму в 43 тысячи рублей. Это катастрофический удар по бюджету семьи.

Книга движется дальше. Николай, хоть и вовсе не уверен в своей любви, имеет в виду, что Соня его ждет, Соня надеется, что ситуация обернется в ее пользу, а графиня Ростова-старшая — что сыну найдется достойная партия. У нее даже есть кандидатка — все та же Жюли Карагина.

Во время следующего отпуска Николая, в святочную ночь, между Николаем и Соней происходит нечто такое, что всерьез меняет ситуацию. Николай после этой ночи сообщает матери, что любит Соню и непременно хочет жениться на ней. Мать отвечает, что не даст благословения, и отец не даст, а потом начинает жестко давить на Соню, обвиняя ее в неблагодарности: Ростовы ее пригрели, а она, дескать, хочет разрушить их благосостояние. «Заманивает» Николая. Соня, преданная семье, не виноватая ни в чем, кроме любви, пишет Николаю письмо, в котором во имя семейного мира возвращает возлюбленному его обещание, но Николай не спешит отказаться от Сони — хотя бы, понимает читатель, из соображений чести. И, конечно, не только: человеку — пусть и не всегда — бывает приятно, когда к нему настолько особенно относятся. «Верная, непоколебимая любовь этой девушки радостно действовала на него».

Параллельно разворачивается несколько других любовных историй, которые могут повлиять на судьбу Сони. Между Наташей и князем Андреем Болконским, между Жюли и Борисом Друбецким и, наконец, между Николаем Ростовым и княжной Марьей Болконской.

Первые две Соне выгодны. Если Наташа выйдет за Андрея, Николай не сможет жениться на Марье, ибо брат и сестра не могут быть женаты на свойственников, других брате и сестре. Ну и если Жюли окажется замужем хоть за Борисом, хоть за чертом лысым, то эта партия для Николая пропадет. Великий мастер Толстой почти не говорит впрямую о реакциях Сони на параллельные любовные перипетии. Играет на намеках, на нюансах, но мы догадываемся, что творится в душе Сони, когда она не дает Наташе сбежать с Анатолом Курагиным, страсть к которому вспыхнула в Наташе буквально перед самым приездом князя Андрея, что сделал Наташе предложение и тут же, по настоянию отца, уехал на год за границу, чтобы «проверить» Наташины и свои чувства. Останавливать Наташу — против интересов Сони, но она, конечно, останавливает. Или когда, например, выясняется, что раненый князь Андрей следует в эвакуацию в том же обозе, что и Ростовы, как рада Соня сообщить об этом Наташе, надеясь, что их любовь возобновится, что Наташа станет княгиней Болконской и, возможно, решит этим финансовые проблемы своей семьи.

Хотя последнее было не очень принято: обычно девушка просто уходила замуж в чужую семью, вовсе не для того, чтобы финансировать оставленную родню. Примеры долго искать не надо: когда Наташа выходит за богатого Пьера, а Николай еще холост, он в одиночку с трудом тянет семью Ростовых, все не рассчитывая на помощь Безухова, лишь занимая у него однажды деньги на срочную выплату долгов. И это речь о добродушном Безухове, а у спесивого Болконского Николай и занимать бы не стал.

Но это еще впереди, пока неизвестно, кто на ком женится.

В черновике «Войны и мира» Толстой даже сводил в одном месте всех участниц конфликта: княжна Марья приезжала к Ростовым, когда у них умирал Андрей, а старая графиня радовалась ей не как сестре Андрея, а как потенциальной невесте Николая: в случае брака Николая и Марьи не дочь бы ушла в богатую семью Болконских, а семья Ростовых, теперь во главе с сыном, вновь стала бы богатой.

Соня знала (...), что (...) графиня лелеяла тайно мысль женить Nicolas на княжне Марье, от этого и так радостно хлопотала о устройстве для нее поместья; и этот-то план графини и был новой тревогой Сони. Она не сознавала этого и не думала о том, что ей хотелось бы поскорее женить Андрея на Наташе, преимущественно для того, чтобы потом, по родству, для Nicolas уже не было возможности жениться на княжне Марье; она думала, что она желает этого только из любви к Наташе, другу, но она желала этого всеми силами и кошачьи хитро действовала для достижения этой цели.

Страшный сюжетный узел, ситуация, в которой Соне выгодно, чтобы князь Андрей выжил, старшей Ростовой — чтобы он умер. С княжной Марьей и того тяжелее: она обретет свое счастье лишь в результате смерти брата. Это накладывает на другой кошмар: совсем недавно Марья ловила себя на мысли, что желает смерти престарелому отцу — чтобы он перестал страдать, конечно, но и немножко потому, что с ним дико тяжело жить, что вообще никакой жизни при нем у дочери не было. При этом Наташино счастье (выздоровление Андрея и возможный ренессанс их любви) означало бы, что у ее родителей и брата остаются серьезные проблемы. В окончательном тексте романа именно такой главы, когда все заинтересованные женщины оказываются в решающий момент лицом к лицу, нет¹. Но все описанные коллизии при этом в силе. Толстой не рассуждает о выгоде-невыгоде тех или иных героев впрямую, а заставляет читателя самого понять, что у кого в голове, чем обеспечивает, так сказать, более глубокое художественное впечатление.

К несчастью не только для Наташи, но и для Сони, князь Андрей умирает. Николай в конце концов женится на княжне Марье — причем Толстой, не желая унижать героя, дает понять, что не лишь из-за денег, а потому, что начинает испытывать к ней искреннее чувство. В этой тяге к богатой и не слишком красивой потенциальной невесте нет натяжки. Психологически все очень убедительно. Вы помните, как познакомился Ростов с княжной: спас ее от бунтующих крестьян, которые не хотели выпускать княжну из деревни, желали вместе с ней дожидаться наступающих французов. В такой ситуации логична не только любовь спасенной к спасителю, но и ответная страсть: люди очень часто привязываются к тем, кому однажды помогли.

После смерти старого графа Ростова — и еще до женитьбы Николая на Марье — Соня продолжает жить с Ростовыми, но уже не в блестящем качестве будущей хозяйки. Она остается бедной родственницей с той важной разницей, что и Ростовы теперь бедны, граф Илья Андреевич оставил Николаю одни долги. Стареющая мать Наташи и Николая не хочет или не может признать новой ситуации, по-прежнему требует комфорта и даже излишеств. Николай крутится изо всех сил, но уровень жизни совсем другой.

Соня остается с Николаем и Марьей и после их брака, ухаживает за их детьми и временами нестерпимо раздражает христианнейшую княжну Марью. В начале, вы помните, Толстой сравнивал юную Соню с игривой кошеч-

¹ В черновике был еще один не попавший в финальный текст вариант развития событий. Николай Ростов и княжна Марья в Воронеже чувствуют взаимное влечение, дело уже идет к признанию, к решающим словам, но в этот момент приходит письмо, что князь Андрей выздоравливает на руках у Наташи и снова становится ее женихом. Николай и Марья буквально ликуют, счастливы за Наташу и Андрея, объявляют на этом эмоциональном взлете друг другу о своих чувствах и картинно решают о них забыть ради счастья других. Это полное, по-оперному пафосное забвение своих интересов и не позволило Толстому оставить сцену в романе. Да, человек может собой пожертвовать (например, это сделал в схожей ситуации брат поэта Андрея Тургенева, что, впрочем, поэту счастья не принесло), но странно, слишком нереалистично, если это вызывает у него лишь ликование и радость за тех, кому он пожертвовал.

кой. Он и в конце сравнивает ее с этим животным, но уже без игривого суффикса и совсем в другом смысле: кошка, дескать, привыкает не к людям, а к дому. Какое жестокое преобразование метафоры! И вот такой еще жестокий образ: Соня «уныло и упорно» сидит за самоваром. Таков итог ее верной любви.

А я, читая эти страницы и жалея Соню, вспоминаю, как дрожала губа у одной моей возлюбленной, когда я ее жестоко и несправедливо обидел. Вспоминую еще стихотворение Иннокентия Анненского «То было на Вален-Коски», написанное за год до смерти Льва Толстого. В нем описывается глупая игра со старой куклой, которую для забавы бросают в водопад: посмотреть, как она выныривает из волны и остается в итоге валяться на сером камне. Там есть строфа:

Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.

Выше я обещал вернуться к вопросу, насколько глубока обида Сони, но снова это откладываю.

Запреты на брак

Итак, существовали юридические препятствия, во-первых, для брака троюродных Сони и Николая, а во-вторых, для брака Николая и Марьи — в том случае, если бы сестра Николая Наташа вышла ранее за брата Марьи Андрея. Это препятствия из седой старины: сейчас в России запрещено жениться только прямым родственникам, нельзя выйти замуж за отца, за бабушку, за брата, ну и еще за приемного отца. Раньше все было куда сложнее.

Какие законы действовали в российской империи в начале девятнадцатого столетия, — вопрос запутанный. Законы, указы и постановления церковной и светской власти копились веками, накладывались один на другой, противоречили один другому, и самодержцы один за другим учреждали комиссии, призванные создать единый свод законов, и всегда эта работа шла тяжело, потому ее результаты перечеркивались, и все начиналось по новому кругу.

Палата об Уложении, созданная Петром в 1700 году, комиссия, созданная сенатом по его же повелению в 1714-м, комиссия, созданная сенатом по его же повелению в 1720-м в связи с тем, что Петр решил отказаться от прежних наработок и устроить наше законодательство по иностранным образцам, комиссия, созданная при Петре Втором в 1728-м, комиссии, созданные при Анне Иоанновне в 1730-м, при Елизавете Петровне в 1754-м, при Екатерине в 1766-м, при Павле Первом в 1796-м, — все они не завершили работу (реальный результат появился лишь в 1830-м).

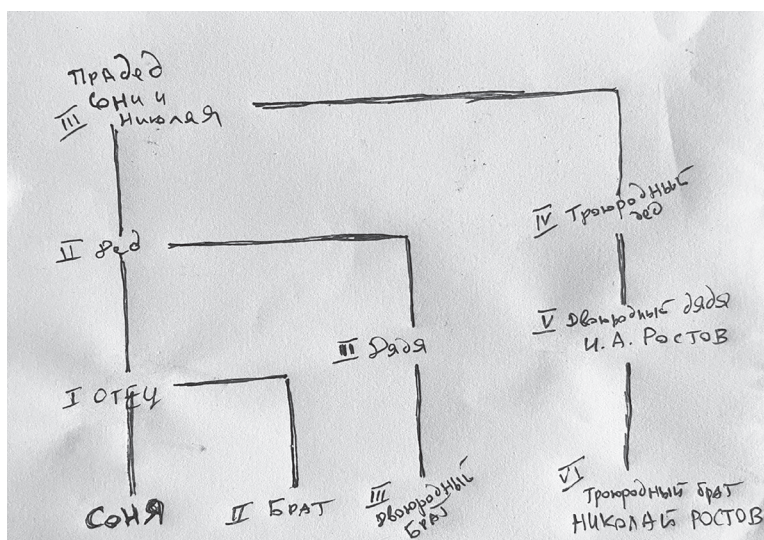
В интересующий нас период такая комиссия тоже, конечно, активно функционировала. Один год, с сентября 1802-го по октябрь 1803-го, ее возглавлял министр юстиции Державин, больше известный нам как великий поэт, с 1808-го ею руководил М.М. Сперанский, яркая личность, сын священника, вышедший благодаря трудолюбию и талантам в госсекретари (то есть стал первым по статусу чиновником России). Именно под его началом работал в этой комиссии герой «Войны и мира» князь Андрей Болконский. Андрей с энтузиазмом, даже не претендуя на оплату труда, взялся за дело, желая помочь родине, но довольно быстро к нему охладел.

Он живо представил себе Богучарово, свои занятия в деревне, свою поездку в Рязань, вспомнил мужиков, Дрона-старосту, и, приложив к ним права лиц, которые он распределял по параграфам, ему стало удивительно, как он мог так долго заниматься такой праздной работой.

И тем не менее — какие-то и как-то законы все же работали.

В реальной юридической практике начала девятнадцатого столетия вступающие и регистрирующие брак руководствовались так называемой Кормчей книгой, веками складывающимся сборником церковных и светских законов, отдельными указами Синода (в 1744-м он, например, запретил брачеваться лицам старше восьмидесяти, ибо брак «от Бога установлен для умножения рода человеческого»), а после восьмидесяти на сие «надеяться весьма отчаянно»), Соборным уложением 1649 года (где было подтверждено и без того очевидное для россиян правило, что брак бывает только церковным), а также новыми светскими законами, принятыми в восемнадцатом столетии. Последние вводили, скажем, особый брачный возраст для гардемарин, 25 лет, запрещали военным вступать в брак без согласия полковых командиров, а также создавать семьи лицам, не знающим арифметики.

Нас, понятно, в связи с «Войной и миром» больше интересуют другие запреты: на степени родства и свойства (римские цифры в таблице обозначают степень).

Кровное родство запрещалось до седьмой степени. Соня и Николай троюродные брат и сестра, у них был общий прадед или общая прабабушка: родство шестой степени, не так уж далеко от предельного значения. Четвероюродные уже могли официально быть вместе, ибо это восьмая степень.

Запрет на смешение родственной крови имеет не только моральные, но и медицинские причины. При связи между родственниками первой-второй степени, например, риск генетических аномалий у потомства оценивается в разных источниках от 50 процентов и выше, что, конечно, очень много, тут запрет совершенно понятен (в «Войне и мире» есть и сюжет с инцестом между родными братом и сестрой, Элен и Анатоном Курагиными). Но с каждой степенью родства риск аномалий резко уменьшается, для Сони и Николая он был бы заметно меньше пяти процентов. Так что с точки зрения здравого смысла такой брак запрещать не стоило, как, собственно, он и не запрещен в современном законодательстве.

Браки между свойственниками, то есть членами ранее породнившихся семей, запрещались до шестой степени. Почему? Ведь от того, что Наташа замужем за Андреем, у Николая Ростова не появляется общей крови с Марьей Болконской, никакого медицинского риска не возникает? Вы правы, не возникает. Но по библейской логике муж и жена становятся одной плотью, в связи с чем плоть Наташи волшебным образом передалась бы всему семейству Болконских.

Этот запрет был зафиксирован Трулльским собором, что прошел в Константинополе в 691–692 гг. (трулла — архитектурный элемент, а не топоним; собор назван так в честь зала, в котором проходил) и принял множество разных важных решений, в частности, запретил изображать Христа в виде агнца (барашка) и ходить в баню вместе с иудеями.

Упомяну еще третий тип «родства», при котором были невозможны браки: духовное, то есть связи через крещение. Девушка не могла выйти замуж за нисходящих потомков крестных матери и отца: ограничение уж совсем символическое. Не вдаваясь в его обсуждение по существу, замечу лишь, что на практике оно создавало реальные проблемы: не так много было в девятнадцатом столетии дружественных и социально близких семей, в которых юноша или девушка могли обрести себе избранника, а такое механическое ограничение еще более усложняло ситуацию.

Выше я написал, что эти сложности остались в прошлом; на деле же это не совсем так. Упомянутые дальние кровные и символические свойственные и духовные связи не будут для вас препятствием при регистрации в загсе, но, если вы православные верующие и хотите скрепить свой союз венчанием, ситуация меняется. Русская православная церковь по-прежнему поддерживает все упомянутые запреты, что было подтверждено в последний раз на архиерейском соборе 2017 года и зафиксировано в первом пункте положения «О канонических аспектах церковного брака». Там есть некоторые послабления относительно древних традиций: жесткий запрет лишь на родство до четвертой степени (с пятой и шестой можно с благословения церковного начальства; впрочем, Соня и двести с лишним лет назад надеялась на такое благословение), свойственные браки запрещены лишь в случаях «отец и сын с матерью и дочерью, или отец и сын с девами двумя сестрами, или мать и дочь с двумя братьями, или два брата с двумя сестрами», а критическое духовное родство распространено лишь на самих восприемниц и восприемников и на браки восприемников с родителями воспринятых. Тоже звучит странно для современного уха, но церковь общественная организация, и каждый на данный момент волен состоять в ней либо же нет.

У предков же наших выбора не было, брак, повторю, мог быть только церковным. В результате не удивительно, что запреты часто нарушались.

В каких-то ситуациях, особенно в сельской местности, часто было просто невозможно установить, состоят ли венчающиеся в родстве-свойстве и в каком именно. И базы документов не существовало, и общения между разными ветвями огромных семейств часто не было. Можно предположить, что случаи неосознанного нарушения закона исчислялись многими тысячами. Такие накладки могли иногда происходить и в городах: столичная засидевшаяся невеста княжна Мими из одноименной повести (1834) Владимира Одоевского нашла было себе жениха, «уже сделано было и обручение, и день свадьбы был назначен, но накануне, к удивлению, узнали, что он им в близкой родне, все расстроилось». А в «Зимнем вечере» (1830) Н. Мельгунова герой, собирающийся жениться на сестре, заблаговременно предупреждает читателя, что родство дальнейшее и не может служить препятствием.

Часто, разумеется, нарушали и специально, подкупая священника. Ноздрев в «Мертвых душах», скажем, утверждает, что Чичиков собирается тайно венчаться с губернаторской дочкой в деревне Трухмачевке, заплатив отцу Сидору 75 рублей, а оный отец не смеет отказать, ибо иначе выплывет на свет, что он «перевенчал лабазника Михайла на куме». Ноздрев, разумеется, соврет — недорого возьмет, в данном случае, в общем, и известно, что он врет про Чичикова, но при этом, скорее всего, говорит правду про отца Сидора и лабазника.

Закон нарушали, имея в виду возможность позже выпросить высочайшее прощение и легализовать брак. Брат Толстого Сергей хотел жениться на Татьяне Берс, сестре Софьи Толстой, жены Льва, рассчитывая как раз на такой сценарий. При этом предполагалось, что именно Лев Николаевич должен хло-

потать за родственников в высоких коридорах. Женитьба не состоялась по другим причинам, а сейчас нам любопытно, что эта история не просто происходила в 1865 году, во время активной работы над «Войной и миром». Сюжет богаче: Лев Николаевич и сам был влюблен в Татьяну Берс, она — основной прототип Наташи Ростовской, и на одной из излучин романа с Сергеем Татьяна приняла яд, но призналась в этом и была спасена. Точно так же поступает в книге Наташа после истории с Анатодем Курагиным.

Нарушали закон и ни на что особо не рассчитывая, просто в порядке течения жизни. Вот рассказ Ю.М. Лотмана об одном важном эпизоде биографии А.Н. Радищева:

Суд и ссылка застали Радищева вдовцом. Отправленный в далекую Сибирь (конечным местом ссылки был безлюдный Илимск в Восточной Сибири, но вначале Радищев еще мог надеяться, что участь его будет несколько смягчена и ему позволят остановиться в каком-либо более людном месте Западной Сибири), он задержался по пути. Вскоре к нему прибыла Екатерина Александровна Рубановская — свояченица, младшая сестра его покойной жены. Екатерина Александровна была замечательная женщина. Как это случается с девушками, она была втайне влюблена в мужа своей сестры, но скрывала свои чувства. В страшную минуту ареста Радищева она проявила не только мужество и верность, но и ум и находчивость. Собрав все драгоценности дома, она отправилась через бушующую Неву на лодке (мосты не работали) в Петропавловскую крепость. Там она передала их палачу Шешковскому, который был не только «кнутобойца» (выражение Г. Потемкина), но и взяточник. Этим Радищев был избавлен от пыток. В дальнейшем она проявила силу характера, предварив подвиг декабристов. Радищев бросал открытый вызов предрассудкам. И правила православной церкви, и обычаи категорически препятствовали браку со столь близкой родственницей, но свободные нравы екатерининской эпохи, конечно, не осудили бы прилично скрытый адюльтер. Однако Радищев не пошел по этому пути. Как просветитель, поклонник разума и враг предрассудков, он вступил с ней в официальный брак. Неизвестно, с помощью каких средств, — может быть, потому, что в далекой Сибири деньги выглядели убедительнее, чем столичные запреты, — он, видимо, оформил этот брак и церковным ритуалом. По крайней мере, родившийся в Сибири сын Павел считался законным, и никаких трудностей, связанных с этим, в дальнейшем не возникало.

Другой пример решения вопроса с помощью денег связан не с родственными связями, а с двоебрачием, которое, разумеется, тоже было официально невозможно. Дед писателя и чиновника Мельникова-Печерского бросил жену с детьми, женился вторично, то есть незаконно, что после его смерти правосудие признало, но наследство, завещанное незаконной жене, отсудить при этом бабушка не смогла. Почему? Да потому, что «Гедеоновы (род второй жены. — В.К.) были богаты, Мельниковы бедны и не получили с богатого ни копейки. Так водилось и водится», — меланхолично отмечает Мельников в автобиографии. Этот случай тоже произошел в захолустье.

В крупных городах, тем более в столицах, вблизи от дворца, проворачивать такие операции было, конечно, гораздо труднее, не говоря уж о том, что всегда существовали люди, которым претила сама идея нарушения закона (например, к истории о Радищеве стоит добавить, что отец его за такое поведение проклял).

Широко известна история любви поэта Жуковского к своей сводной племяннице Марии Протасовой. У Жуковского и у матери Маши, Екатерины Афанасьевны, был общий отец, Афанасий Иванович Бунин, только вот Жуковский был незаконным сыном (как многие знают, его мать — пленная турчанка Салиха). Жуковский был учителем двух сестер Протасовых, Александры и Марии, его любовь к младшей, вспыхнувшая в 1807 году, когда девушке исполнилось 14, а влюбленному 24, не угасала долгие годы. Он просил ее руки

и спустя семь лет после начала взаимной симпатии, а любить продолжал и дальше, вплоть до ее смерти в 1823 году. На портрете пера самого Жуковского Протасовой 27 лет, она замужем за видным медиком И.Ф. Мойером.

Жуковский вообще оставил богатое графическое наследие, пейзажи, архитектурные виды, портрет Пушкина в гробу. Вторая картинка, которую я выбрал, содержит лирический сюжет: так могли разгуливать по просторам сам автор картинки и Маша: он рисует, она восхищается многообразием талантов учителя.

Вернемся к их несостоявшемуся браку: по закону ему ничто и не препятствовало. Формально Жуковский числился сыном бедного дворянина и никаких юридических связей с Протасовой не имел. Камнем преткновения стала позиция ее матери, которую не убедили ни чувства влюбленных, ни многолетние уговоры Жуковского.

Родственники пресекли и длительное лирическое общение Константина Аксакова с его двоюродной сестрой Марией Карташевской. Их платонический роман разворачивался в середине тридцатых, когда Константин был еще не виднейшим славянофилом, а начинающим литератором. Влюбленные состояли в переписке, по ходу которой Константин рассуждал о поэзии Шиллера, о душе и небесах, о ценности жизни в деревне, о гениальности Гоголя и бездарности набравшего тогда моду Бенедиктова, пенял Машеньке за то, что она не видит его, Константина, во сне, пересказывал ей свои сновидения.

Мне снилось, будто мы с отесенькой (так Константин называл отца, писателя С. Т. Аксакова. — В.К.) опять в Петербурге и приехали туда только на неделю... потом мне казалось, будто мы собираемся в дорогу, нагружаем чемодан; мне стало грустно, и я, желая последний день поговорить с вами, подошел к вашей двери, стукнул в нее и сказал: Машенька, вы свободны? Вдруг двери растворяются и выходит Авдотья Николаевна, только маленького роста, и с престранными ужимками говорит мне, что вы занимаетесь, но что сейчас ко мне придете; я стал ждать; ждал, ждал, но вы не приходите; наконец, все начало бледнеть вокруг меня, исчезать постепенно, и я проснулся, не дождавшись вас.

Маша в ответ предостерегала Константина, например, от его желания стать магнетизером (гипнотизером на современном языке) и испуганно удивлялась, что он сам уже осмелился принять магнетический сеанс. Переписка была прервана родителями Маши, которые, понимая бесперспективность всей этой романтики, не хотели, чтобы Константин кружил их дочери голову.

Константину — который, к слову, так никогда и не женился, — пришлось сублимировать свои чувства в литературу. В рассказе «Облако» (1836) идет речь о любви между земным юношей и девушкой, которая то и дело превращается в облако: принадлежность к разным стихиям делает их роман невозможным. О том же и песня, которую исполняет главная героиня рассказа, Эльвира:

Смотри: там в царственном покое,
Восстав далеко от земли,
Сияет небо голубое
В недостижимой дали.

Смотри: как быстро друг за другом
Летят и мчатся облака;
Там, под небесным полукругом,
Их жизнь привольна и легка.

Пускай красою блещет тоже
Разнообразная земля,
Но им всего, всего дороже
Свои лазурные поля.

А ты к себе мольбой напрасной
Счастливец неба не мани —
Не бросят родины прекрасной,
Нет, не сойдут к тебе они...

Святки в Милюковке

Поворотная точка отношений между Соней и Николаем. Они много времени провели под одной крышей и в московском доме, и в деревенской усадьбе, имели возможность на любые уединения, но что-то им мешало заходить дале-

ко. Благочиние, домашняя атмосфера, близкое присутствие родителей Николая... Точка (точнее, запятая) была поставлена в гостях.

Итак, январь 1811 года, святочная ночь. Колядки, традиционные святочные переодевания кто во что горазд («Наряжаются люди иные журавлями, другие — козой с разными украшениями и погремушками»: Андрей Болотов о святках 1753 года). Николай предлагает ехать кататься и в гости к дядюшке; решают ехать не к дядюшке, у которого мало места, а к соседям Милюковым, за четыре версты.

Графиня не согласилась отпустить графа: у него все эти дни болела нога. Решили, что Илье Андреевичу ехать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (m-me Schoss) поедет, то барышням можно ехать к Мелюковой. **Соня, всегда робкая и застенчивая, настоятельнее всех стала упрашивать Луизу Ивановну не отказать им.**

Эта главка очерка построена на цитатах из соответствующей главы романа. Кое-что в цитатах я буду выделять, чтобы подчеркнуть неотвратимость движения к тому, что произошло в конце главы, но тактично не названо автором впрямую. В этой цитате говорится о необычном поведении Сони, что заставляет нас подозревать, что и закончится эта история необычно.

Наряд Сони был лучше всех. **Ее усы и брови** необыкновенно шли к ней. Все говорили ей, что она очень хороша, и **она находилась в несвойственном ей оживленно-энергическом настроении.** Какой-то внутренний голос говорил ей, что **нынче или никогда решится ее судьба**, и она в своем мужском платье казалась совсем другим человеком.

Соня переодета в черкеса, вообще все переодеты — Николай, например, в старушку. Карнавал, мы знаем, предполагает карнавальное поведение: становится допустимым то, что в обычной жизни немисливо. Вновь подчеркнута особое настроение Сони, более того — сказано, что **нынче или никогда решится судьба**, предсказано чрезвычайное событие.

— Как видно, Nicolas! — сказал голос Сони. — Николай оглянулся на Соню и **пригнулся, чтобы ближе рассмотреть ее лицо.** Какое-то совсем новое, милое, лицо, с черными бровями и усами, в лунном свете, близко и далеко, выглядывало из соболей.

«Это прежде была Соня», подумал Николай. **Он ближе взгляделся в нее и улыбнулся.**

Сближение героев с упором на *новое* в отношениях и впечатлениях.

«Где это мы едем?» — подумал Николай. — «По Косому лугу должно быть. Но нет, это что-то новое, чего я никогда не видал. Это не Косой луг и не Дёмкина гора, а это Бог знает что такое! **Это что-то новое и волшебное. Ну, что бы там ни было!**»

Подчеркнута необычность ощущений и снова приготовления к новому (и волшебному). Огрубляя: Косой луг — это «поездки туда» и «знакомая дама на бульваре», а новое и волшебное — Соня.

— Нет, в бане гадать, вот это страшно! — говорила за ужином старая де-вушка, жившая у Мелюковых.

— Отчего же? — спросила старшая дочь Мелюковых.

— Да не пойдете, тут надо храбрость...

— Я пойду, — сказала Соня.

Снова решительность Сони.

Играли ли в колечко, в веревочку или рублик, разговаривали ли, как теперь, Николай не отходил от Сони и **совсем новыми глазами смотрел на нее. Ему казалось, что он нынче только в первый раз, благодаря этим пробочным усам, вполне узнал ее.** Соня действительно этот вечер была весела, оживлена и хороша, **какою никогда еще не видал ее Николай.**

«Так вот она какая, **а я-то дурак!**» думал он, глядя на ее блестящие глаза и счастливую, восторженную, из-под усов делающую ямочки на щеках, улыбку, которой он не видал прежде.

Николай открывает новую Соню и созревает для важного решения.

— **Я ничего не боюсь,** — сказала Соня. — Можно сейчас? — Она встала. Соне рассказали, где амбар, как ей молча стоять и слушать, и подали ей шубку. Она накинула ее себе на голову и **взглянула на Николая.**

«Что за прелесть эта девочка!» — подумал он. — **«И о чем я думал до сих пор!»**

Соня вышла в коридор, чтоб итти в амбар. Николай **поспешно пошел** на парадное крыльцо, говоря, что ему жарко.

Вновь смелость Сони (она просто зовет друга за собой взглядом) и решительность Николая. Тут, кстати, есть рифма к сцене с Жюли, которую я напоминал вам выше, там тоже Николай спешно покидал помещение вслед за Соней. Но сейчас это, конечно, не важно, стремительно развиваются другие события.

«Дурак я, дурак! **Чего ждал до сих пор?**» подумал Николай и, сбжав на крыльцо, он обошел угол дома по той тропинке, которая вела к заднему крыльцу. Он знал, что здесь пойдет Соня.

Николай готов к серьезным действиям.

— Прямо, прямо, вот по дорожке, барышня. **Только не оглядываться!**

— **Я не боюсь,** — отвечал голос Сони, и по дорожке, по направлению к Николаю, завизжали, засвистели в тоненьких башмачках ножки Сони.

Соня шла, закутавшись в шубку. Она была уже в двух шагах, когда увидела его; **она увидела его тоже не таким, каким она знала** и какого всегда немножко боялась. Он был в женском платье, с спутанными волосами и **с счастливою и новою для Сони улыбкой.** Соня быстро подбежала к нему.

«Только не оглядываться» — бесповоротность намечающегося события. «Я не боюсь» — мы уже знаем, что Соня не боится. Полное взаимопонимание героев.

«Совсем другая, и всё та же», думал Николай, глядя на ее лицо, всё освещенное лунным светом. Он продел руки под шубку, прикрывавшую ее голову, обнял, прижал к себе и поцеловал в губы, над которыми были усы и от которых пахло жженой пробкой. Соня в самую середину губ поцеловала его и, выпростав маленькие руки, с обеих сторон взяла его за щеки.

Прекрасна эта жженая пробка, которую Толстой уступил Соне из своей биографии. «Иногда тетенька переодевала нас. Был особенно желателен какой-то пояс с камнями и кисейные полотенца, вышитые серебром и золотом, и очень я себе казался хорош с усам, наведёнными жжёной пробкой. Помню, как, глядя в зеркало на своё с чёрными усам и бровями лицо, я не

мог удержать улыбки удовольствия, а надо было делать величественное лицо турка», — его детское воспоминание.

— Соня!... Nicolas!... — только сказали они. Они подбежали к амбару и вернулись назад каждый с своего крыльца.

Лев Николаевич резко комкает сцену и из соображений стыдливости, и из цензурных ограничений, но читатель прекрасно понимает сам, что именно произошло в амбаре.

А если у читателя останутся сомнения, то автор развеет их в следующих главах: Николай, как честный человек, полон решимости жениться на Соне и объявляет об этом родителям.

Продолжались ли интимные отношения Николая и Сони после этого карнавального происшествия? Здесь мы можем только гадать. В самые ближайшие дни и недели до отъезда Николая в армию — скорее да. *Le vin est tiré et qu'il faut le boire*, «вино открыто, надо его пить», — сказано в «Войне и мире» по другому поводу. После возвращения Николая из армии через несколько месяцев — скорее нет. У Николая прошел первый восторг, к тому же он находится под сильным давлением матери. В последующей жизни Сони под одной крышей с семьей Николая, с его женой и детьми, в качестве родственницы-компаньонки, — конечно нет.

Пустоцвет

Я отмечал эпизоды в начале романа, где Соня равна Наташе, одинаково с ней одета и даже потенциально выше ее как невеста будущего хозяина «дома Ростовых». Но таких примеров очень немного. Красной нитью... это выражение, «красная нить», как раз только тогда появилось в качестве метафоры, первым его использовал Гете в романе 1809 года «Избирательное сродство»², и в России оно, конечно, было еще неизвестно... так вот, красной нитью через «Войну и мир» проходит тема некой, что ли, дополнительности, служебности Сони по отношению к Наташе и всему семейству Ростовых.

Сам «первый бал Наташи Ростовой» — он ведь, вероятно, и первый бал Сони, которую, несмотря на то что она старше, не «вывозили», пока Наташа не подросла. Для Сони этот бал вовсе не так удачен: Наташу, после вальса с князем Андреем, начинают приглашать наперебой, и она передает «излишних кавалеров» Соне, но той-то, конечно, хотелось бы своих, а не излишних чужих. При этом, напоминая, Соня выведена как красивая девушка. Почему ее не зовут? Значит, лежит на ней какая-то неправильная печать.

«Ежели она подойдет прежде к своей кухне, ... то она будет моею женой», — загадывает князь Андрей на этом балу, даже не помня имени Сони, которая оказывается тут просто точкой: с тем же успехом можно было загадать, что Наташа подойдет к колонне или к статуе. Этот эпизод, кстати, Толстой тоже вытащил из своей биографии. Он однажды загадал на музыкальном вечере, что, если Татьяна Берс возьмет высокую ноту, он сделает предложение Соне Берс, что и произошло, как и в случае князя Андрея.

² Цитата из Гете: «Нам довелось слышать, что в английском морском ведомстве существует такое правило: все снасти королевского флота, от самого толстого каната до тончайшей веревки, сучатся так, чтобы через них, во всю длину, проходила красная нить, которую нельзя выдернуть иначе, как распустив все остальное, и даже по самому маленькому обрывку веревки можно узнать, что она принадлежит английской короне.

Точно так же и через весь дневник Оттилии тянется красная нить симпатии и привязанности, все сочетающая воедино и знаменательная для целого». *Перевод Андрея Федорова.*

В эпоху «Войны и мира» было очень развито домашнее чтение, и у Ростовых именно Соня «славилась мастерством чтения» — то есть развлекала вечерами семью.

Соня дважды играет роль «спасительницы» Наташи. В кавычках потому, что первый пример символический: в лунную ночь в Отрадном Наташа хочет обхватить колени руками и улететь в небо, а Соня ее удерживает на подоконнике. Но второй пример серьезный — Соня предотвращает побег Наташи с Анатолом Курагиным.

Пьер потерял бумаги, которые принес Ростовым, Соня пошла в переднюю искать их и обнаружила в шляпе Пьера.

Вот князь Андрей умирает.

Соня сидела у стола. Он задремал. Вдруг ощущение счастья охватило его. «А, это она вошла!» — подумал он.

Действительно, на месте Сони сидела только что неслышными шагами вошедшая Наташа.

Ростова-старшая в эти же дни пишет сестре Андрея: «Соня и Наташа ухаживают за ним». Как славно, заметили Соню. А потом Наташа встречается с княжной Марьей, и автор подчеркивает — «они там ни слова не сказали о том, что могли означать слова: «Наташа ухаживает за ним». Соня выпала из цитаты, граф Толстой сам ее по дороге выронил.

Отдельно любую из этих мелочей можно не заметить, но они накапливаются. Как и в реальной жизни накапливались в Соне эти ощущения униженности и второстепенности.

В английском телесериале «Война и мир» (2016) есть сцена, в которой Наташа принимает ванну, а Соня беседует с ней, сидя рядом на низкой скамеечке. В романе такой сцены нет, но не случайно кинематографисты столь контрастно определили иерархию героинь.

На моей книжной полке двухтомник «Путеводитель по операм», сочиненный венграми Баллашом и Галом, глубоко социалистический и очень желавший перевестись на русский, в связи с чем там представлены сочинения, обычно игнорируемые в таких трудах: «В бурю» Хренникова, «Тихий Дон» Дзержинского. При этом в целом путеводитель вполне содержательный, тем обиднее было обнаружить в первой же строке описания оперы Прокофьева «Война и мир» странное отсутствие одного из персонажей. «Дом в усадьбе Ростовых. Здесь гостит князь Андрей Болконский. Он ищет отдыха и забвения. Теплой майской ночью, стоя у окна своей комнаты, князь Андрей слышит, как поет в своей комнате Наташа». Но поют там двое.

НАТАША.

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна,
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна!

СОНЯ.

В венке из юных роз с цевницею златой,
Склонись задумчиво на пенные воды.

НАТАША.

И, звуки оживив, туманный вечер, пой
На лоне дремлющей природы.

НАТАША и СОНЯ.

Как солнца за горой пленителен закат,
Когда поля в тени, а рощи отдаленны,

Когда с холмов золотых стада бегут к реке,
И рева гул гремит звучнее над водами,
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами.

Или советский музыковед Шлифштейн сообщал, что «вся музыка Наташи и Андрея в 1-й картине — настоящая поэзия», а Сонина — что, не поэзия? Музыка та же самая. Но музыковед игнорирует Соню. Мира Мендельсон, жена композитора и соавтор либретто, поставила в дневнике: «Романс Наташи, вернее дуэт Наташи и Сони в первой картине, написан на текст поэта Жуковского»³. Тут Соня впущена вторым тактом, через «вернее». «Дуэт — прежде всего характеристика Наташи. (Соня ее только сопровождает или дублирует ее мелодию)», — свидетельствует музыковед Ручьевская.

Так и в книжке: дублирует или сопровождает.

Автор этих строк одно время планировал игриво назвать очерк про Соню «Соня, пустоцвет». Обидно для Сони, но чего не сделаешь ради красного словца. Оно было распространено в 19-м столетии, это словцо, метафора из ботаники, где пустоцвет означает цветок, у которого почему-то не произошло опыление и оплодотворение.

«Я пустоцвет, я ничтожность, из меня ничего не выйдет, я бездарность», — клял себя молодой Чайковский после первых композиторских неудач. У Лескова в «Захудалом роде» сила описываемой дворянской семьи «идет в пустоцвет». Белинский рассуждал, что «если талант не имеет в себе достаточной силы стать в уровень со своими стремлениями и предприятиями, он производит только пустоцвет, когда вы ждете от него плодов». В 1899 году писатель Владимир Тихонов даже сочинил роман «Пустоцвет» (известно, что речь там о несчастной любви).

В «Войне и мире» этим словом Соню прихлопывает, да еще и со ссылкой на Библию, сестра и любимая подруга Наташа. У которой, впрочем, к этому моменту в фаворитах другая подруга, оттеснившая Соню княжна Марья.

Соня со времени женитьбы Николая жила в его доме. Еще перед своею женитьбой Николай, обвиняя себя и хваля ее, рассказал своей жене всё, что было между ним и Соней. Он просил княжну Марью быть ласковою и доброю с его кузиной. Графиня Марья чувствовала вполне вину своего мужа; чувствовала и свою вину перед Соней; думала, что ее состояние имело влияние на выбор Николая, не могла ни в чем упрекнуть Соню, желала любить ее; но не только не любила, а часто находила против нее в своей душе злые чувства и не могла преодолеть их.

Однажды она разговорилась с другом своим Наташей о Соне и о своей к ней несправедливости.

— Знаешь что, — сказала Наташа: — вот ты много читала Евангелие; там есть одно место прямо о Соне.

— Что? — с удивлением спросила графиня Марья.

— «Имущему дастся, а у неимущего отнимется», помнишь? Она — неимущий: за что? не знаю; — в ней нет, может быть, эгоизма, — я не знаю, но у нее отнимется, и всё отнялось. Мне ее ужасно жалко иногда; я ужасно желала прежде, чтобы Nicolas женился на ней; но я всегда как бы предчувствовала, что этого не будет. Она пустоцвет, знаешь как на клубнике?

Иногда мне ее жалко, а иногда я думаю, что она не чувствует этого, как чувствовали бы мы.

Мы — это значит богатые. Обеспеченные. Настоящие, а не такие вот из милости взятые в дом аристократы. Толстой гордился своим аристократизмом

³ Любопытный факт: строфы из того же стихотворения, что идут сразу после использованных Прокофьевым, звучат в опере Чайковского «Пиковая дама», в дуэте Лизы и Полины. «Уж вечер. Облаков померкнули края...» и т.д.

и считал, что богатые люди нравственнее бедных, — да-да, именно так. Потому, что богатым и знатным меньше приходится бороться за место под солнцем, а эта борьба всегда предполагает компромиссы и унижения.

Соня, впрочем, не борется. Ее сражение за Николая состоит лишь в том, что она верно любит его. Весь роман она предана дому Ростовых, служит сначала старшим графу и графине и их детям, потом Ростову и его жене и их детям, жертвует собой ради семьи, возвращает Николаю его обещание жениться ради того, чтобы он мог сделать предложение богатой княжне Марье, но... Как сказала Наташа, — в ней нет эгоизма. Для счастья нужен эгоизм, хотя бы какая-то его доза: горький, но, похоже, справедливый парадокс.

...«Я так благодарна вам, что рада бы всем пожертвовать, да мне нечем...»

...(Николай) восхищался ее терпением и преданностью, но старался отдалиться от нее...

...Он (опять Николай) в душе своей как будто упрекал ее за то, что она была слишком совершенна, и за то, что не в чем было упрекать ее. В ней было все, за что ценят людей; но было мало того, что бы заставило его любить ее...

...Она ухаживала за старою графинею, ласкала и баловала детей, всегда была готова оказать те мелкие услуги, на которые она была способна; но всё это принималось невольно с слишком слабою благодарностию...

...Соня всегда была первым предлогом, который избирала графиня Марья для своего раздражения.

Грустные цитаты! Николай, Марья, Наташа, старая графиня — все хорошие, на разный манер добрые, милосердные люди, но есть в человеческой природе такая дыра, что к человеку, поставленному судьбой в низшее положение, да и просто к слабому другие часто именно что *невольно* начинают относиться с долей пренебрежения.

У графини Ростовой, матери Наташи и Николая, в старости компаньонка Белова, которую графиня использует для эмоциональной разрядки.

Так, поутру, в особенности ежели накануне она покушала чего-нибудь жирного, у ней являлась потребность посердиться, и тогда она выбирала ближайший предлог, — глухоту Беловой.

Она с другого конца комнаты начинала говорить ей что-нибудь тихо.

— Нынче, кажется, теплее, моя милая, — говорила она шопотом. И когда Белова отвечала: — «Как же, приехали», она сердито ворчала:

— Боже мой, как глуха и глупа!

Страшно подумать, что в будущем нечто подобное возможно в отношениях Сони с княжной Марьей или с Наташей. Да, пока две последние себе такое не позволят, но к старости характер может сильно испортиться.

У Пушкина есть незаконченный «Роман в письмах», эпистолярное общение двух подруг. Вот одно из этих писем, описывающее ситуацию, очень похожую на Сонину. В нем, кстати, звучит тема жемчугов на балу (в цитате «на бале», языковая норма с тех пор изменилась).

<Лиза — Саше.>

Ты конечно, милая Сашинька, удивилась нечаянному моему отъезду в деревню. Спешу объяснить во всем откровенно. Зависимость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно Авдотья Андреевна воспитывала меня на равне с своею племянницею. Но в ее доме я всё же была воспитанница, а ты не можешь вообразить как много мелочных горестей неразлучны с этим званием. Многое должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения. Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлись мы на бале, одетые

одинаково, я досадовала не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только чтоб не отличаться от меня, и эта внимательность уж оскорбляла меня. Не уж то предполагают во мне, думала я, зависть или что-нибудь похожее на такое детское малодушие? Поведение со мною мужчин, как бы оно ни было учтиво, поминутно задевало мое самолюбие. Холодность их или приветливость, всё казалось мне неуважением. Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц, дальних родственниц, *demoiselles de compagnie* и тому подобное, обыкновенно бывают или низкие служанки, или неспосные причудницы? Последних я уважаю и извиняю от всего сердца.

И Лиза уезжает. А у Сони даже и в деревне никого нет, некуда поехать. Ей остается «уныло и упорно» сидеть у самовара. Ей всего-то тридцать лет в эпилоге, даже чуть меньше, по нашим понятиям — девчонка. Но по понятиям той поры тридцатилетняя бесприданница уже не особо может рассчитывать на брак. Может случиться чудо? Наверное, ее мог бы полюбить какой-нибудь немолодой помещик, отставной майор, плененный помимо красоты ее характером, домовитостью...

Но нужно ли это теперь самой Соне? Зачем? Ради интимной, например, жизни, но в Соне, наверное, уже перегорела какая-то важная лампочка, и она может без этого обойтись. И какая-то часть ее натуры продолжает, видимо, надеяться на Николая, ведь она его по-прежнему любит. В одной из экранизаций «Войны и мира» Соня выходит замуж за друга Николая, бравого гусара Денисова, чрезвычайно симпатичного героя. Замечательная фантазия, вызванная симпатиями создателей фильма к Соне, но, увы, фильм — другое произведение.

А в «Войне и мире»... могла княжна Марья, например, за пределами эпилога заболеть и умереть? Опасностей для здоровья полно, уровень медицины двести лет назад — очень низкий по современным понятиям. Брат умер, и сестра умрет, почему нет? Может быть, небеса решили, что дети старого князя Болконского умирают молодыми! И тогда Николай, наверное, снова обратит внимание на Соню, такую верную и родную. Может быть так?

Конечно!

Прототипом Сони считается Татьяна Александровна Ёргольская: не как личность, не по характеру, но по рисунку судьбы. Таня рано лишилась родителей и была взята воспитанницей в семью Ильи Андреевича Толстого, деда нашего Толстого по отцу (любопытно, что она попала туда по жребию: ее родная сестра Лиза отправилась жить к другой тетушке, судьбы девочек решили бумагами с именами). Росла вместе с отцом писателя Николаем Ильичем, как Соня рядом с Николаем Ростовым, и, как Соня полюбила Николая Ильича из «Войны и мира», Татьяна полюбила своего кузена Николая Ильича. Чувство их было взаимным, но Николаю Ильичу в жизни, как и Николаю Ильичу из книжки, пришлось жениться на богатой Марии Волконской, будущей матери Льва Николаевича.

И вот Мария Николаевна умерла, когда Льву было два года, и отец Толстого сделал предложение Ёргольской! Правда, только через шесть лет, чувствуя, возможно, что тоже скоро умрет (что и произошло вскоре, когда Льву было девять). Ёргольская отказалась от брака — возможно, просто устала ждать. Но случись такое с героями романа, Николай Ростов мог бы предложить Соне руку быстрее, и вот он — Сонин триумф.

Сердобольный читатель, впрочем, чаще не знает ничего о прототипах, и верно, на то он и читатель, чтобы оставаться на территории книжки. Ему остается надеяться, что Соня не слишком близко к сердцу принимает свое грустное положение. Близко, конечно, но все-таки, пожалуйста, пусть не слишком. «Она не чувствует этого, как чувствовали бы мы». И хорошо! В конце концов, посмотрим на дело с другой стороны. Девочка осталась сиротой безо всяких средств к существованию, а судьба сложилась так, что у нее всю жизнь крыша над головой, интересная компания, и никогда не нужно заботиться о куске хлеба. Ну, нет счастья. Так оно не для всех.

И Мишку с собой берем

В первый день «Войны и мира» — вернее, в первую ночь, в белую петербургскую ночь, после вечера у м-ль Шерер и позднего ужина у князя Андрея, — Пьер Безухов едет кутить к Анатолию Курагину. Герой эпизода — сорвиголова Федор Долохов, который на спор выпивает залпом бутылку рома, сидя на подоконнике, «на покато́м откосе», «с опущенными наружу ногами». Пьер тоже принял участие: нужно было предварительно выломать из окна дубовую раму, это сделал именно силач Безухов. Пари Долохов выиграл: ром выпил, из окна не выпал.

В комнате, помимо молодых повес, присутствует и молодой медведь на цепи, которым один из гостей пугает другого. После этого краткого упоминания медведь на несколько страниц исчезает и снова появляется в конце главы: повесы собираются продолжить праздник в женском обществе, Пьер кричит «И Мишку с собой берем...», хватая зверя, поднимает и кружится с ним по комнате.

Глава на этом заканчивается, кургузая поездка не описана, в следующей главе читатель уже в Москве, в гостиной графа Ростова, там-то мы и узнаем, чем закончилось приключение.

— Можете себе представить: они втроем достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина с спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем.

«Втроем» — это Долохов, Пьер и Анатолий Курагин. Если инициатором увоза медведя был Пьер, то мучить квартального наверняка предложил Долохов. Он больше всех и пострадал, то есть он единственный реально и пострадал: богатым Курагину и Безухову всего-то пришлось уехать из Петербурга, а малоимущего Долохова разжаловали в солдаты.

О Долохове мы еще будем говорить в этом очерке, давайте пока о медведе. Живой медведь! — сегодня нечасто встретишь на вечеринке медведя, даже на самой модной.

Все, конечно, знают, что в прошлых столетиях существовала традиция держать в домах и водить где ни попадя живых ручных медведей. Насколько она была распространена? И почему, главное, люди не боялись медведей, пусть даже и молодых, этих сильных и диких животных? Да, известно, что медведь лучше большинства хищников поддается дрессировке. Но я, например, сорок лет назад служил на конюшне в цирке и помню момент, когда приехал медвежий аттракцион. Медведей во временных клетках-перевозках выгрузили во дворе цирка, еще не успели определить на стационарный постой. Они из этих клеток довольно угрожающе порывивали, а когда прижившаяся на конюшне собачка слишком близко подошла к решетке и неуважительно твякнула, медведь рубанул лапой по прутьям с такой силой, что зацепил собаку ногтями по уху, хотя она находилась на расстоянии: сдвинул своим рывком саму клетку. А еще через четверть века я видел на улице (на Пушкинской улице в Петербурге: деталь лишняя, но «литературная»), как здоровяк в комбинезоне куда-то вел медведя на коротком поводке, весь напряженный, изо всех сил прижимая всем своим телом медведя крепче к стене дома: беспокоился, как бы чего не вышло, и, на мой взгляд, беспокоился вполне обоснованно.

Но раньше, выходит, медведям доверяли больше, а боялись их меньше? У Пушкина в поэме «Цыганы» главный герой Алеко ходит по ярмаркам с медведем. П.А. Вяземский в рецензии на поэму заметил, что для столь романтического героя «школить» медведя — не слишком солидно.

Если непременно нужно ввести Алеко в совершенный цыганский быт, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми. В этом ремесле, хотя и не совершенно безгрешном, все есть какое-то удалство и, следовательно, поэзия.

Постойте, а в возне с диким зверем удалства нет? Безобидная, безопасная забава, вроде как фокусы с ленточками показывать? Удивительно!

У того же Пушкина в «Дубровском» выведен менее мирный медведь. Вот как развлекается в деревенской глуши скучающий дворянин Троекуров.

На дворе у Кирилы Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка их выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрагивался, колот себе лапы, осердясь толкал её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю Божию.

Сначала, где речь о бочке, описана ситуация, опасная для мишки, потом, где речь о телеге, опасная и для животных, и для седоков. Дальше, по логике, должна следовать особо опасная для человека.

Но лучшею шуткой почиталась у Кирилы Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкою за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынным. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина!

Когда в имении Троекурова появляется учитель Дефорж, Кирила Петрович хочет, разумеется, учинить столь остроумную штуку и над французиком. У Дефоржа (вернее, у того, кто выдает себя за Дефоржа) оказывается с собой маленький пистолет, из которого он и убивает медведя. Троекуров в ярости, производит расследование, кто предварил Дефоржа о фокусе и зачем у того в кармане заряженный пистолет. Дефорж возражает, что никто его не предварял, а пистолеты он носит всегда, ибо ни на секунду не забывает, насколько далек Париж. Троекуров хвалит француза, что тот не струсил. «С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать».

Образ хищника, готового разорвать тебя в «медвежьей комнате», представляется современному сознанию более реалистичным. Ан нет: словесность и мемуары золотого века полны умильных безответных медведей. В «Генерале Топтыгине» Некрасова, скажем, медведь остался ждать в саях, пока хозяин с ямщиком ходили в шинок: лошади понесли, привезли медведя на станцию (на постоялый двор), там его приняли за генерала в медвежьей шубе, после чего он просто два часа юмористически валялся в саях и никакого вреда никому не нанес.

Как бабы парятся, и как хмель вьется

Медвежатники с медведями были непременно участниками ярмарок, ударным пунктом развлекательной программы, но ярмарки случались не каждый день, и в промежутках между ними ученых медведей водили по городам и весям. Свидетельство современника:

Приход вожака с медведем составлял эпоху в деревенской заглушенной жизни: все бежало к нему навстречу, — и старый и малый; даже бабушка Анофревна, которая за негомотою уже пятый год с печки не спускалась, и та бежит. — Куда ты это, старая хрычовка? — кричит ей вслед барин. — Ах, батюшки, — прихлебывает Анофревна, — так уж медведя-то я и не увижу? — и семенит далее.

Появлялись медведи в имении Толстого Ясная Поляна: об этом кратко упоминал и сам Лев Николаевич, а его сын Сергей Львович оставил развернутое воспоминание:

— Михайло Иваныч, поклонись господам.
Медведь кряхтел, вставал на задние лапы и, звеня цепью, кланялся в ноги.
— Покажи, как поповы ребята горох воруют.
Медведь ложился на землю и крался к воображаемому гороху.
— Покажи, как барышни прихорашиваются.
Медведь садился на задние ноги, перед ним держали зеркальце, и он передними лапами гладил себе морду.
— Умри!
Медведь, кряхтя, ложился и лежал неподвижно.

У Гоголя в «Мертвых душах» фигурирует медведь, который умеет и перевертываться, и делать разные штуки на вопросы: «А покажи, миша, как бабы парятся?»; или: «А как, миша, малые ребята горох крадут?». Горох этот вы еще неоднократно встретите в следующих абзацах. Насколько вообще был широк ассортимент медвежьих умений?

«Санкт-Петербургские ведомости» в 1771 году рассказали про медвежье представление в городе Курмыш Нижегородской губернии. Вожак (одно из наименований людей, ходивших с топтыгиными) привели двух больших медведей и одного очень большого. Данные медведи, по информации редакции, замечены в следующих двадцати двух навыках.

- 1) вставши на дыбы, присутствующим в землю кланяются и до тех пор не встают, пока им приказано не будет
- 2) показывают, как хмель вьется
- 3) на задних лапах танцуют
- 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом
- 5) натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука
- 6) борются
- 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку, ездят так, как малые ребята
- 8) берут палку на плечо и с оною маршируют, подражая учащимся ружьем солдатам
- 9) задними ногами перебрасываются через цепь
- 10) ходят, как карлы и престарелые, и, как хромые, ногу таскают
- 11) как лежанка без рук и без ног лежит и одну голову показывает
- 12) как сельские девки смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов
- 13) как малые ребята горох крадут и ползают, где сухо — на брюхе, а где мокро — на коленях, выкравши же, валяются

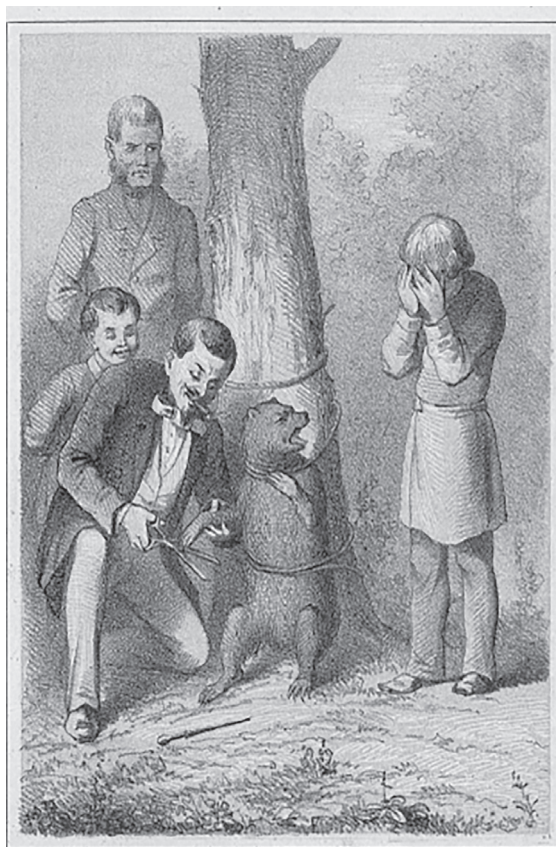
- 14) показывают, как мать детей родных холит и как мачеха пасынков убирает
- 15) как жена милого мужа приглубливает
- 16) порох из глаза вычищают с удивительною бережливостью
- 17) с не меньшею осторожностью и табак у хозяина из-за губы вынимают
- 18) как теща зятя потчевала, блины пекла и угоревши повалилась
- 19) допускают каждого на себя садиться и ездить без малейшего сопротивления
- 20) кто похочет, подают тотчас лапу
- 21) подают хозяину шляпу и барабан, когда козой играет (стандартным партнером медведя в ярмарочных представлениях была коза, но не настоящая, а в исполнении переодетого человека. — В.К.).
- 22) кто поднесет пиво или вино, с учтивостью принимают и, выпивши, посуду назад отдавая, кланяются.

Список этот, наверное, можно считать практически полным — такой-то длины. Жесты медведей могли по-разному трактоваться крестьянскими и цыганскими шоуменами. «Хозяин при каждом из вышеупомянутых действий сказывает замысловатые и смешные приговорки» (из той же газеты). Так, то, что в этом великолепном списке под номером 10 отмечено как подражание карлам и престарелым, равно, вероятно, тому, «как поп Мартын к заутрени не спеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается» (из очерка юриста и искусствоведа Д.А. Ровинского), «как бабы на барщину ходят» (свидетельство этнографа С.В. Максимова), «как старые старушки на господскую работу ходят» (в формулировке статистика и архивиста А.С. Гациского).

В газетной заметке медведям подносят вино или пиво, а другие наблюдатели часто поминают и водку. «Кабак эта у нас в деревне то есть — так ведь не отгонишь бывало, все возле дверей и скребется, пока водки не поднесут», — из книги А.П. Голицынского, о которой речь чуть ниже. «Выпивши, медведь делался добродушным, ложился на спину и как будто улыбался» (С.Л. Толстой). Любопытно, отказывались ли от алкоголя хотя бы некоторые косолапые особи. Ведь если человек — пусть и в теории — способен понимать, что пить при всякой оказии вредно, то медведю-то сложнее абстрагироваться от доставляемого брагой мгновенного удовольствия.

Лицедейством функции медведей в российской антропосфере не ограничивались. Считалось, что реакция зверя на протянутый ему беременной женщиной хлеб позволяет определить пол будущего ребенка: возьмет молча — мальчик, заурчит или рыкнет — наоборот. Прикосновение к медведю могло — ну, люди так думали — излечить болезнь. Медведей вводили в дома и конюшни, чтобы они разгоняли нечистую силу. И, наконец, самая неприятная функция: медведей травили собаками, это ведь очень занимательно, когда много небольших животных разрывают на куски большое — на заднем государевом дворе в Кремле (чтобы главному зрителю не нужно было далеко ходить) или на берегу Москва-реки.

Не менее грустно читать о способах дрессировки: они и в наше время не отличаются большой гуманностью, что уж говорить о минувших эпохах. Как, например, мишку учили танцевать: на дне ямы разводится огонь, туда же опускается — не до дна — клетка с животными, у которых на задние лапы надеты лапти. Медное дно клетки нагревается, медведь вынужден вставать на задние, чтобы не обжигать передние. Огонь разгорается, дно все горячее, медведь переступает с ноги на ногу, в этот-то момент медвежатник и ну колотить в бубен. Терпенье и труд все перетрут, через пару месяцев медведь под звуки бубна начинал танцевать безо всякого огня. После завершения череды жестоких упражнений можно самому идти с медведем на промысел, но можно и продать другому человеку, который или поселит животное на своем дворе, или поведет его по бесконечным российским дорогам.

Крупные центры «воспитания» медведей располагались в Сергачском районе Нижегородской губернии (слово «сергач» было синонимом вожака медведя, даже и не имея он отношения к нижегородчине) и в белорусских Сморгонах, откуда живой товар поставлялся и в Европу. В Петербурге в XVIII столетии медвежья школа функционировала аж в Александро-Невской лавре. Чтобы пленный медведь был менее опасен, ему подпиливали зубы. Ниже фрагмент книги А. Голицынского «Любопытная история одного медведя», изданной в Москве в 1860 году:

Когда Данила прикрутил медвежонка к дереву так, что тот не мог двинуться ни головой, ни туловищем, М-р Пижон, у которого, по обыкновению, торчала в зубах сигара, вставил ему в рот деревянную распорку и начал чего-то искать в кармане.

При виде сигары морда медвежонка исказилась от ужаса. Но М-р Пижон не обратил на это никакого внимания. Он вынул из кармана небольшой подпилочек и прехладнокровно принялся пилить белые, еще молоденькие зубы медвежонка, вострые как гвоздь, бесперестанно пуская ему густые струи дыма то в нос, то в рот, то в глаза.

Когда железо впилось в зубы и провизжало несколько раз по их верхушкам, бедняк затрепетал всеми членами, и из груди его вырвался вопль, похожий на крик взрослого поросенка.

Покончив с зубами и когтями, мсье Пижон перешел к новому этапу операции.

Вынул из кармана большую трехгранную иглу, какой обыкновенно делают лошадям заволоки, продернул в нее толстый шнурок, взял своего пациента

за нос и очень ловко пропустил этот препарат сквозь хрящ, с той целью, что когда это отверстие заживет, так, что продеть сквозь него кольцо с цепью.

Хлынула кровь, межвежонок вскрикнул не своим голосом...

Медведя этого, угодившего в семью помещика Ивана Петровича Берсенева (зверька подобрал в лесу управляющий именем), судьба, по словам автора, «пустила в мир для высокого назначения». Когда Иван Петрович с благоволившими медведю детьми уехал в столицу, его взялся обучать разным штукам деревенский колченогий мужик дядя Федот.

Скоро медведь имитировал стрельбу из лука «как природный Башкирец» (по тогдашней орфографии национальность писали с прописной: Русский, Француз) и, конечно, показывал, как воруют горох, и взбирался на столб, и танцевал «как покойник Иогель». Как в данном случае происходило обучение, Голицынский не объясняет.

(О Иогеле кратко в скобках: сей французский танцмейстер преподавал в Москве почти тридцать лет, на его балу познакомились, например, Пушкин и Гончарова; действует он и в «Войне и мире», называет Николая Ростова одним из лучших своих учеников).

Дальше, понятно, колченогий Федот вместе со своим племянником, лучшим другом медведя Акимкой, стал водить мишку на заработки, но однажды не смог, разболевшись, идти на ярмарку и отпустил медведя с мальчиком. Через несколько дней Акимку нашли задушенным. Медведя сочли виновным, но дядя Федот чудесным образом убедил начальство косолапого не казнить.

В дальнейшем, дважды встретив на своем жизненном пути рыжего мужика по прозвищу Обух, медведь набрасывался на него с несвойственной яростью. Со второго раза пытливый становой (это полицейский чин) понял, что дело нечисто, как следует допросил Обуха и выяснил, что Обух-то и придавил Акимку, желая отнять заработанные на ярмарке деньги. Медведя, таким образом, полностью реабилитировали, поднесли ему стакан водки, все это выписано как хэппи-энд. Даже дядюшка Федот «земли под собой не слышал от

радости и торжествовал в полном значении этого слова», а как иначе, ведь с любимого медведя снято чудовищное обвинение.

Что до Акимки — что же...

Как пишет Голицынский, «мы не будем жалеть о нем слишком много, милые дети. Положим, что не очень сладко было ему в нашем Божьем мире; положим, что почти не живши еще, он уже много испытал горя, нужды и лишений, ведь чем хуже здесь человеку, тем лучше там...».

Невольно вспоминаются столь же философические строки из финала «Снегурочки» Островского (1873):

Снегурочки печальная кончина
И страшная гибель Мизгиря
Тревожить нас не могут;
Солнце знает,
Кого карать и миловать...

Книга же Голицынского заканчивается в кабинете Егора Иваныча Берсенева, сына Ивана Петровича. Под ногами барина лежит великолепная черная медвежья шкура, а предание об умном медведе живет в Костромской губернии. Идиллия! Логично: ведь книжка предназначена для детского чтения.

Но на иной вкус сомнительная, конечно, идиллия. Но своему названию — «Любопытная история одного медведя» — книга (почти 140 страниц, 14 литографированных картинок) полностью соответствует.

Как один из тысяч — да, речь именно о многих тысячах — таких выловленных в лесах несчастных медведей оказался в лапах у Анатоля Курагина и Пьера Безухова, автор «Войны мира» умалчивает. Не исключено, что взяли займы у сородичей Алеко, с которыми Анатолий Курагин, как представитель золотой молодежи, поддерживал взаимовыгодные творческие отношения.

А как долго существовала традиция издеваться над медведями?

С незапамятных, как легко догадаться, времен. Нельзя сказать, что она всех устраивала. Ее проклинали в «Домострое» (книга XV–XVI веков, призванная определять правила бытового поведения россиян) как бесовскую забаву. А вот что можно прочесть в «Житии протопопа Аввакума»:

Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел меня бросить в Волгу.

«Житие» написано в 1660-е. Аввакум вел себе в духе указа царя Алексея Михайловича от 1646 года, который запретил народные забавы, в том числе медведей и, чем этот указ особо знаменит, скоморохов и гусяров, которые, по мнению сильно повлиявшей на царя церкви, слишком высоко несли знамя языческих предрассудков. Но, надо заметить, указ ни самому Алексею Михайловичу не мешал устраивать медвежьих потехи для избранных, ни В.П. Шереметьеву не помешал наказать Аввакума за излишнюю праведность.

Особо решительный запрет на медведей появился в 1866-м: 30 декабря Александр II утвердил положение Комитета министров «О воспрещении промысла водить медведей для забавы народа». Способствовало этому решению и образованное за год до этого первое «Российское общество покровительства животным», ставящее своей целью пропаганду доброго отношения к меньшим братьям. Защищались, например, лошади от своих извозчиков: слишком жестоким городским зрелищем было их отношение к своим подопечным. В

«Преступлении и наказании» Достоевского, скажем, выразительно описано, как хозяин охаживает лошадь кнутом по глазам. Упомянул он этот момент и в «Дневнике писателя»; не просто упомянул, а развивал тему:

Наши дети воспитываются и возрастают, встречая отвратительные картины. Они видят, как мужик, наложив непомерно воз, сечет свою завязшую в грязи клячу, его кормилицу, кнутом по глазам, или, как я видел сам, например, да еще и недавно, как мужик, везший на бойню в большой телеге телят, в которой уложил их штук десять, сам преспокойно сел тут же в телегу на теленка. Ему сидеть было мягко, точно на диване с пружинами, но теленок, высунув язык и вылупив глаза, может, издох, еще не доехав до бойни. Эта картинка, я уверен, никого даже и не возмутила на улице: «всё-де равно их резать везут»; но такие картинки, несомненно, зверят человека и действуют развратительно, особенно на детей.

Реформы, однако, очень часто не могут обойтись без жертв, то же случилось и с указом от 30 декабря. Был назначен срок прощания России с медвежьим промыслом — пять лет. Срок не то что совсем достаточный (медведь вообще-то может прожить до 40 лет), но относительно гуманный: если не вводить в дело новых медведей, можно было за это время поуменьшить мохнатое актерское поголовье. Но «сергачи» и простые частные владельцы медведей, конечно, надеялись, что пронесет, что положение как-нибудь само собой рассосется. Не рассосалось.

Вот детское воспоминание художника Константина Коровина, который родился в 1861-м. Срок медведям вышел в 1872-м, к какому году относится воспоминание, точно неизвестно.

Борисово — совсем недалеко от Москвы, поблизости Царицына, за Москвой-рекой. Там было небольшое имение моей бабушки, стоял дом-дача, где летом мы жили. Медвежонок Верка — почему так называлась? — скоро выросла с меня и была замечательно добрая. Играла со мной и братом в деревянный шар на лужку перед дачей. Кувыркалась, и мы с ней вместе. А ночью спала с нами и как-то особенно бурлыкала, каким-то особым звуком, который, казалось, доносился издалека. Она была очень ласковая, и кажется мне, что она думала про нас, что и мы медвежата. Целый день и вечером мы играли с ней около дачи. Играли в пряталки, катались кубарем с горки у леса. К осени Верка выросла выше меня, и как-то раз мы с братом и с ней ушли к Царицыну. А там она залезла на огромную сосну. Какие-то дачники, увидав медведя, заволновались. А Верка, сколько я ее ни звал, не шла с сосны. Пришли какие-то люди, начальники, с ружьем и хотели ее застрелить. Я разревелся, умолял не убивать Верку, в отчаянии звал ее, и она слезла с сосны. Я и брат увели ее домой к себе, а начальники тоже пришли к нам и запретили держать медведя.

Помню, это было мое горе. Обнял я Верку и горячо плакал. А Верка бурлыкала и лизала мне лицо. Странно, что Верка никогда не сердилась. Но когда ее заколачивали в ящик, чтоб увезти на телеге в Москву, Верка ревела страшным зверем, и глаза у ней были маленькие, звериные и злые. Верку привезли в Москву в дом и поместили в большую оранжерею сада. Но тут Дружок совсем сошел с ума: лаял и выл не переставая. «Как бы этого Дружка помирить с Веркой», — думал я. Но когда Дружка мы с братом взяли и повели в сад в оранжерею, где была Верка, то Верка, увидав Дружка, отчаянно напугалась, бросилась кверху на длинную кирпичную печку оранжереи, повалила горшки с цветами и прыгнула на окно. Она была вне себя. Дружок, увидав Верку, отчаянно завыл и завизжал, бросившись к нам в ноги. «Вот так история, — подумал я. — Отчего же это они испугались друг друга?» И как мы ни старались с братом успокоить Верку и Дружка, ничего не выходило. Дружок бросался к двери, чтобы уйти от Верки. Видно было, что они друг другу не нравились. Верка была чуть не вдвое

больше Дружка, но боялась собаки. И это продолжалось все время. Дружок был обеспокоен, что в саду в оранжерее живет медведь.

В один прекрасный день, утром, к отцу пришел полицейский надзиратель и сказал ему, что получил приказание арестовать медведя и отправить его на псарню по приказу губернатора. Это был для меня отчаянный день. Я пришел в оранжерею, обнимал, гладил Верку, целовал морду и горько плакал. Верка пристально смотрела звериными глазками. Что-то думала и была обеспокоена. А вечером пришли солдаты, обвязали ей ноги, морду и увезли. Я ревел всю ночь и не пошел в сад. Мне было страшно смотреть на оранжерею, в которой не было уже Верки.

Почему Верку увезли именно на псарню? Возможно, и для того, чтобы после казни скормить собакам, не пропадать же мясу.

У Всеволода Гаршина есть рассказ «Медведи», действие которого происходит даже не в роковом 1872-м, а в сентябре 1875-го. Решение медвежьего вопроса в Бельске, как мы увидим, отложилось аж на три года, но рано или поздно должен был пробить роковой час.

Сначала я процитирую вполне мирный, не имеющий прямого отношения к смыслу происходящего фрагмент. Светское общество наблюдает с холма за прибытием цыганского табора с медвежьим стадом. Он любопытен тем, что рифмуется с рассуждениями Вяземского, которые я приводил в самом начале этого очерка.

Ольга Павловна смотрела на эту пестроту в бинокль и восхищалась.

— Ах, как это интересно! Какой большой! Посмотрите, Леонид, какой большой медведь, там, направо. И рядом с ним молодой цыган — совершенный Адонис.

Она передала бинокль молодому человеку, и он увидел фигуру стройного и очень грязного юноши, который стоял около зверя, переваливавшегося с лапы на лапу, и ласкал его.

— Позвольте и мне, — сказал толстый бритый господин в парусине и соломенной шляпе. Он внимательно смотрел несколько времени и, обернувшись к Ольге Павловне, сказал с тяжелым вздохом:

— Да-с, Ольга Павловна, Адонис. Но какой, я вам доложу, из этого Адониса конокрад выйдет — первый сорт.

— Mon Dieu! Вы непременно стараетесь перевести на прозу всякую поэзию. Почему конокрад?

Вяземский — как вы помните — такую ситуацию трактовал точно наоборот: прозой для него была возня с медведями, а поэзией — конокрадство. Я даже не исключаю, что у Гаршина тут «аллюзия», заочный спор с Вяземским. Этот фрагмент я процитировал для забавы, для филологического кунштюка, для того, возможно, чтобы чуть-чуть отложить главную тему.

Зачем цыгане привели в Бельск медведей? Затем, что велело уездное начальство. Пора исполнять решение правительства, и так уже задержались.

Медведей — больше ста. Даже непонятно, что страшнее: что цыгане сами должны убивать друзей, или что подивиться на редкое зрелище собрался весь город. Цыгане, надеясь спасти своих зверей, пробуют дать уряднику большую взятку — тот не берет, ибо по данному пункту правительство зело непреклонно. Кто-то должен начать. Девяностолетний старик берет на себя инициативу.

— Дайте ружье, — твердо сказал старик.

Сын подал ему винтовку. Он взял ее и, прижимая к груди, начал говорить снова, обращаясь к медведю:

— Убью я тебя сейчас, Потап. Дай боже, чтоб старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебе пуля в самое сердце. Не хочю я мучить тебя, не того ты за-

служил, медведь мой старый, товарищ мой добрый. Взял я тебя маленьким медвежонком, глаз у тебя был выколот, нос от кольца гнил, болел ты и чух; я за тобой, как за сыном, ходил и жалел тебя, и вырос ты большим и сильным медведем; нет другого такого во всех таборах, что здесь собрались. И вырос ты и не забыл добра моего: между людьми у меня друга такого, как ты, не было. Ты добр и смирен был, и понятлив, и всему выучился, и не видел я зверя добрее и понятливее. Что я был без тебя? Твоею работою вся семья моя жива. Ты справил мне две тройки коней, ты мне хату на зиму выстроил. Больше еще сделал ты: сына моего от солдатчины избавил. Большая наша семья, и всех, от старого до малого младенца, ты в ней до сих пор кормил и берег. И любил я тебя крепко и не бил больно, а если виноват в чем перед тобою, прости меня, в ноги тебе кланяюсь.

Он повалился медведю в ноги...

Ладно.

Эмоциональный пуант рассказа — сцена побега одного из медведей.

Он вбегает в город, несется мимо собора, по главной улице, иногда кидаясь в сторону, как бы отыскивая себе место, куда бы спрятаться. Все заперто, все ушли на спектакль. Медведь мчит мимо лавок, банка, прогимназии, казармы, проходит город насквозь, бежит к реке... не решается переплыть... прячется в зарослях люциума... сворачивается в комок, закрывает морду лапами...

В «Войне и мире» есть похожая сцена — попытка матерого волка уйти от хорошо организованной — 130 (прописью *сто тридцать*) собак и 20 людей на лошадях — охоты. Там волк, полагая, что его никто не замечает, спокойно трусит к засеке, к лесу, но выходит на Николая Ростова, впервые (предполагает Толстой) встречается взглядом с человеком... «физиономия волка изменилась» (физиономия, не морда!)... тут и собаки, одна схватка, другая... финал понятен — и у Гаршина, и у Толстого.

Охотничьи главы «Войны и мира» знамениты обилием странных слов, охотничьих терминов, это единственный такой случай в книге.

Русак затерся, собака машет правилом, волк поленом (и то и другое — хвост), доезжачие в какой-то момент перестают порскать, лису помкнули, но надо ее еще сострунить, выжлеца направляют на пазанку.

Кажется, что игрой в слова автор слегка затуманивает стоящую за текстом реальность, словно это не убийство зверей, а литературное мероприятие.

Я тоже люблю игру в слова. Вот у Коровина медвежонок Верка «бурлыкала», я такого раньше не слышал. Посмотрел в сети: у Людмилы Петрушевской в «Пуськах бятых» есть такой глагол в значении «нить, скулить», а у Коровина, мне кажется, это скорее урчание.

Про медведя в квартире Анатоля Курагина сказано «молодой медведь», и тут меня просто автоматически накрывает юмор, я с подросткового возраста люблю фразу про молодого медведя из Аркадия Бухова. Рассказ «Рождение языка» (1935), пародия на моду на «народный» стиль. Сатирически выведенный писатель там пишет «Зоя пурашилась. В голове у нее симарунило. В ушах пляпали будрыки. Еще минута, и она бы горько встрапнула», а редактор пытается перевести на удобоваримый слог: «Зоя рыла землю. В голове у нее шел снег, и молодой медведь сверлил стену. В ушах танцевали холодные бани. Еще минута — и она бы пошла дождем».

Еще у меня под это место очерка заготовлено слово из Мельникова-Печерского: «перелобанить». Но тут мы возвращаемся к теме, значение снова неприятное, кровавое. Мельников выступал как раз против уничтожения ручных медведей: «В тридцати деревнях не одну сотню ученых медведей мужики перелобанили, а сами по миру пошли».

Еще бы — потеряв (собственными руками уничтожив!) основное орудие производства.

До, так сказать, свиданья, наш ласковый Миша: все там будем.

Особо отчаянные головы, кстати, продолжали водить зверей наперекос всем законам. Медвежьи представления, например, в Москве зафиксированы аж в 1920-е. Но речь, понятно, об очень исключительных случаях.

Въехать в сени

Сцена с квартальным — это, конечно, не только несчастный медведь, но и оскорбленный квартальный, и охальники, удравшие столь рискованную шутку. Учинить что-нибудь эдакое, проявить ухарство, удалство. «Уйти в закат»: это я пытаюсь подобрать что-то и из современного словаря: не уверен, что точно использовал данный закат. «Молодечество» — слово, напротив, не очень современное, но подходящее.

Прискакав на двор чрез полуразрушенные ворота, мы остановились, а Глаздурин из молодечества вскочил на коне на шаткое крыльцо и въехал в сени.

Это из «Ивана Выжигина» (1829) Фаддея Булгарина, очень популярного в свое время романа, первого, можно сказать, российского бестселлера.

Зачем въезжать на коне в сени? Хорошо, если вы уже на крыльце, можно и в сени, там уже недалеко, но на крыльцо-то взлетать — легко кости переломать и себе, и животному.

А затем взлетать, что от полноты чувств, из желания подчеркнуть, что и сам черт не брат.

В романе Писемского «1000 душ» повеса, племянник губернатора, садится почти каждый день со своим лакеем на воротные столбы, берут в рты огромные кольца и гримасничают, изображая львов. В этом ощутимо много меньше отваги и опасности для окружающих, чем в примерах с медведем и с конем, но эмоция та же самая.

Известна история с Михаилом Луниным, будущим декабристом, что залез в полном обмундировании в Маркизову лужу (рассказ И. Якушкина в пересказе Н. Белоголового).

Лунин был гвардейским офицером и стоял летом со своим полком около Петергофа; лето жаркое, и офицеры, и солдаты в свободное время с великим наслаждением освежались купанием в заливе; начальствующий генерал-немец неожиданно приказом запретил под строгим наказанием купаться впредь на том основании, что купанья эти происходят вблизи проезжей дороги и тем оскорбляют приличие; тогда Лунин, зная, когда генерал будет проезжать по дороге, за несколько минут перед этим залез в воду в полной форме, в кивере, мундире и ботфортах, так что генерал еще издали мог увидеть странное зрелище барахтающегося в воде офицера, а когда поравнялся, Лунин быстро вскочил на ноги, тут же в воде вытянулся и почтительно отдал ему честь. Озадаченный генерал подозвал офицера к себе, узнал в нем Лунина, любимца великих князей и одного из блестящих гвардейцев, и с удивлением спросил: «Что вы это тут делаете?» — Купаюсь, — ответил Лунин, — а чтобы не нарушить предписание вашего превосходительства, стараюсь делать это в самой приличной форме.

Ю.М. Лотман обнаружил для этой истории предысторию и сравнил оба случая как раз с интересующим нас эпизодом «Войны и мира»:

Смысл поступка Лунина остается не до конца ясным, пока мы его не сопоставим с другим (...). В мемуарах зубовского карлика Ивана Якубовского содержится рассказ о побочном сыне Валериана Зубова, юнкере уланского гвардейского полка В.И. Корочарове: «Что с ним тут случилось! Они стояли в Стрельне, пошли несколько офицеров купаться, и он с ними, но великий князь Константин

Павлович, их шеф, пошел гулять по взморью и пришел к ним, где они купались. Вот они испугались, бросились в воду из лодки, но Корочаров, один, вытянулся прямо, как мать родила, и закричал: «Здравия желаю, Ваше высочество!» С этих пор великий князь так его полюбил: «Храбрый будет офицер»».

Хронологически оба эпизода с купанием совпадают. История восстанавливается, следовательно, в таком виде: юнкер из гвардейских уланов, не растерявшись, совершил лихой поступок, видимо вызвавший одновременно восхищение в гвардии и распоряжение, запрещающее купаться. Лунин, как «первый буян по армии», должен был превзойти поступок Корочарова (не последнюю роль, видимо, играло желание поддержать честь кавалергардов, «переплюнув» уланов). Ценность разгульного поступка состоит в том, чтобы перейти черту, которой еще никто не переходил. Л.Н. Толстой точно уловил именно эту сторону, описывая кутежи Пьера и Долохова.

Но надо указать на важную разницу: кривляющийся в воде офицер рискует лишь собственной карьерой, а совместные «кутежи Пьера и Долохова» — это один-единственный эпизод, тот самый вечер, что завершился медвежьей сценой, и тут речь о насилии над ближними и меньшими.

Чемпион по переходам черты в «Войне и мире» — как раз Долохов. Иногда у него есть некая внешняя причина. Долохов влюбился в Соню, предлагает ей руку и сердце, но Соня отказывает, мечтая дожидаться любви Николая Ростова. Тогда Долохов, которого Николай считает своим другом, обыгрывает его в пух и прах.

К этой истории есть парная (в «Войне и мире» много парных ситуаций): отношения Долохова и Элен.

Пьер, а за ним и многие читатели уверены, что между красавицей Безуховой и Долоховым существовала преступная связь. Очень выразительно эта уверенность передана в британском сериале «Война и мир»: мы видим уставленный посудой стол, он лихорадочно трясется, посуда звенит, как тысяча церквей, а камера плывет к торцу стола, на который Долохов как раз удачно завалил Элен, и она ему даже что-то чувственное рычит. В общем, миллионы людей считают, что эта связь была, хотя в романе ничего такого не написано.

Что там написано? Написано, во-первых, что Пьер «вводит» Долохова в свой дом, дает ему взаймы деньги, кормит-поит, Долохов нахваливает красоты Элен: ясно, что есть подходящая ситуация, есть желание Долохова. Об ответных желаниях Элен ничего не сказано. Во-вторых и в-третьих, по Москве поползли слухи о связи, а одновременно Пьер получил анонимное письмо, что лишь он один ничего не видит через свои замечательные очки. Это сообщения не от лица автора, в обоих случаях неясно, от кого исходит информация. В-четвертых, Долохов на обеде в английском клубе поднимает тост «За здоровье красивых женщин и их любовников», вырывает из рук Пьера листок с текстом песни, провоцирует Безухова на дуэль. Является ли это свидетельством амура Долохов–Элен? Наоборот. В романе нет сцен, где Долохов действовал бы против собственных интересов. А чем плохо иметь Элен (что после скандала уже невозможно) и одновременно тянуть деньги из ее мужа? Долохов сам разрушает эту очень удобную ему комбинацию, что заставляет думать, что и не было комбинации. В-пятых, Элен после дуэли скандалит с Пьером, утверждает, что связи у нее с Долоховым не было. Разумеется, она может врать. Это не доказательств отсутствия связи. Но и доказательств наличия связи в этой сцене нет. В-шестых, наконец, спустя несколько лет, на Бородинском поле Долохов извиняется перед Пьером за «недоразумения», что между ними были. Долохову есть за что извиняться: устроил пальбу из пистолетов. Про другие «недоразумения» не ясно, но само слово намекает на некую путаницу.

В «Войне и мире», таким образом, нигде не сказано от лица автора и ничем напрямую не подтверждено, что Долохов и Элен были любовниками. В романе нет вообще ни одной сцены, где два этих персонажа действовали бы одновременно.

Похоже, жена Пьера отказала настырному Долохову. Да, Элен страстная героиня, но она сама выбирает себе кавалеров. Пехотный офицер для нее низшее существо, она отвергает его притязания из брезгливости (при этом, думаю, теоретически она могла бы вступить в контакт с «низким», с конюхом каким-нибудь, с цыганом-конокрадом, но по своей прихоти, а не по инициативе плебея).

А Долохов решил отомстить: унижить Элен и Пьера, пустить слух о своей «победе», да и вообще отправить Пьера на тот свет. В черновике, кстати, было указано, что сам Долохов сочинил анонимку: логично. Не добился секса — пустил слухи и сочинил анонимку, укокошил двух зайцев: дал знать обществу, что завоевал Элен, и спровоцировал Пьера на вызов. Месть по всем направлениям. Долохову важно показать, кто хозяин жизни.

Ровно такая же эмоция заставляет пушкинского помещика Троекурова отомстить соседу Дубровскому. Троекуров любит, чтобы приезжающие к нему гости часами сидели за пиршественным столом и по двадцать раз осматривали великолепные псарни и конюшни. Дубровский при очередном осмотре что-то пошутил про собак, а лакей Троекурова Дубровскому в ответ надерзил, сказав, что троекуровские собаки живут лучше дубровских крестьян. Троекуров не осадил лакея, Дубровский оскорбился и прервал отношения. Это в свою очередь оскорбило Троекурова: он взятками и обманом отсудил у Дубровского имение. Уже после победы в суде он едет к соседу, имея в виду зафиксировать свое торжество и помириться. «От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, — и победа не радовала его сердце». Но Дубровский отказывается принять Троекурова, и тот в ярости отказывается от идеи мира⁴.

Файл мой лопается от примеров такого мало мотивированного зла, порожденного в первую голову желанием злодея утвердить свое превосходство над окружающими, проявить силу, власть, насладиться позицией *выше*. Смотрите в начале очерка, как тот же Троекуров превратил домашнего медведя в орудие пытки гостей. Это называется потеха. Привязать человека к медведю, надо признать, придумано остроумно.

В английском сериале Наташа Ростова, услышав историю про квартального, дважды подряд сообщает, что ее интересует лишь, как дела у медведя. Демонстративно игнорирует судьбу квартального. Та Наташа, что в книжке, так бы не поступила, но сама тема — распространенная в самых разных слоях нашего общества любовь к демонстративному доминированию над ближним, *наслаждение превосходством*, презрение к низшему — всплывает справедливо.

И тут важно — мы уже обсуждали это, — что презрение может выскакивать, что твой чирей, и без специальной тяги к наслаждению, без стремления к доминированию, а просто само по себе, автоматически, как нечто само собой

⁴ В незавершенном романе Лермонтова «Вадим» (1832–1834) описан случай, как помещик Палицын по схожей причине («Однажды на охоте собака отца твоего обскакала собаку его друга...») сжил со света другого помещика, как раз отца Вадима. Ираклий Андроников даже считал, что Лермонтов и Пушкин использовали один и тот же реальный сюжет из Тамбовской губернии конца 1820-х: богатый помещик Крюков, воспользовавшись тем, что у бедного помещика Муратова сгорел важный документ, отсудил его имение. «Дубровский», кстати, тоже формально не завершен, Пушкин планировал еще одну часть, но и без нее сюжет закончен, продолжения не взыскует. В чем важное отличие сочинений: Дубровский у Пушкина прощает Троекурова, в то время как лермонтовский герой настроен совсем иначе: «О, я вас знаю! вы сами захотите потешиться его смертью... а что мне толку в этом! что я буду? стоять и смотреть!.. нет, отдайте мне его тело и душу, чтоб я мог в один час двадцать раз их разлучить и соединить снова; чтоб я насытился его мученьями, один, слышите ли, один, чтоб ничье сердце, ничьи глаза не разделяли со мною этого блаженства...»

разумеющееся. В «Войне и мире» описано 4 (четыре) случая, когда важное лицо сидит за столом, в комнату заходит посетитель, и лицо некоторое время к нему не поднимается, продолжает лупоглазить в бумажки. Мелочь, но очень характерная.

Этой теме очень много и в эпосе Толстого, и в другой русской словесности позапрошлого столетия: материала хватит на отдельный очерк.

Есть люди как тигры, жаждущие лизнуть крови. Кто испытал раз эту власть, это безграничное господство над телом, кровью и духом такого же, как сам, человека, так же созданного, брата по закону Христову; кто испытал власть и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо, носящее на себе образ божий, тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях... —

вот из Достоевского... ладно, в другой раз.

Кто спал в моей кровати

Секундант Долохова на дуэли с Пьером — Николай Ростов. На вопрос Ростова, не волнуется ли Долохов из-за назначенного на раннее утро мероприятия в Сокольниках, тот отвечает так:

— Я тебе в двух словах открою всю тайну дуэли. Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завещания да нежные письма родителям, ежели ты думаешь о том, что тебя могут убить, ты — дурак и наверно пропал; а ты иди с твердым намерением его убить, как можно поскорее и повернее, тогда все исправно, как мне говаривал наш костромской медвежатник. Медведя-то, говорит, как не бояться? да как увидишь его, и страх прошел, как бы только не ушел! Ну, так-то и я.

Пьер — «медведь». Так его называет в начале романа и князь Василий Куракин, обращаясь к хозяйке светского салона А.П. Шерер с просьбой привить Пьеру навыки аристократического общежития: «Образуйте мне этого медведя».

Пьер — герой явно «положительный», а тот медведь, что от Пьера же и пострадал (минимум нравственно, не всякому охота быть привязанным к квартальному), — фигура пострадавшая. Нет ли в этих деталях следов симпатии Толстого к косопалым гигантам? В декабре 1858 года Толстой участвовал в потехе под Вышним Волочком, занес в дневник: «Поехал на охоту за медведем, 21-го убил одного; 22-го меня погрыз». Не фатально погрыз, раз потом Толстой мог еще сочинять романы, но все же. Два шрама на лбу остались на всю жизнь. И Толстой, как смиренный христианин, с тех пор мог говорить о медведях только хорошее? Или увидел в произошедшем знак свыше и задумался о каких-то особых медвежьих смыслах?

Разумеется, находятся наблюдатели, которые трактуют «медвежесть» Пьера как его «русскость», привлекая широкие мифологические контексты и напоминая, что медвежья тема на тот или иной лад сопровождает и другого любимого толстовского героя, Константина Левина из «Анны Карениной».

Толстой актуализирует символику медведя как «русского зверя, воплощения земли и мира предков».

Это цитата из научного исследования, которое в свою очередь цитирует другое научное исследование. Звучит солидно: мир предков, воплощение земли, и охотно прицепляется еще и тот прекрасный факт, что медведь в разных системах ценностей символ разных серьезных вещей, в том числе плодородия.

Но на мой взгляд, никакой символики тут нет. Медведь, он и есть медведь, Пьер похож на него размерами и неуклюжестью.

Толстой писал притчи, басни и сказки, все это жанры, претендующие на мудрость, на обобщения, на многозначительность. Но даже адресованные де-

тям истории Льва Николаевича из жизни пчел, ослов, лошадей и гусей часто заканчиваются не внятной «моралью», а каким-нибудь закрученным парадоксом. Девочка собирала грибы на железнодорожном пути, налетел вдруг поезд, девочка прижалась к земле меж рельсов, поезд прошел сверху, девочка цела («Девочка и грибы»). Ситуация явно «мифологическая», тут и грибы, причудливый выверт природы, и цивилизация в виде поезда (Толстой его именуется «машиной»), и вряд ли смысл этой громоздкой конструкции в том, чтобы быть аккуратнее при лесных прогулках, смысл скорее в самой ее громоздкости. Или обезьяна из текста «Обезьяна» — наблюдала, как человек пилит дерево, вставляет в распиленные места клинья, потом пилит дальше, а клинья переставляет. Человек лег спать, обезьяна «села верхом на дереве и хотела то же делать», но едва вынула клин, как распил защемил ей хвост. «Человек проснулся, прибил обезьяну и привязал на веревку». Тут какая мораль: что обезьяна не должна пытаться подражать человеку? Но это была бы очень странная мораль, учитывая некоторые детали эволюции.

В сказке «Два товарища» товарищи встретили в лесу медведя: один успел залезть на дерево, а второй просто упал и притворился мертвым. Медведь понюхал второго и двинул своей дорогой. Первый слез с дерева и спросил товарища, что ему медведь шептал на ухо. «А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают». В отрыве от контекста фраза звучит справедливо, но с учетом сюжета полностью теряет смысл⁵.

Самое знаменитое произведение Льва Толстого о медведях называется «Три медведя». Там девочка заблудилась в лесу и забрела в дом, где жили, но временно отсутствовали медведь, медведица и медвежонок. Вы помните, конечно. «Кто ел из моей тарелки?» «Кто спал в моей кровати?» В финале девочка выскакивает в окно и убегает. Учит чему-либо эта сказка? Только тому, что каких только историй в жизни не случается: да, это самая важная наука, но мифов и символов в ней нет, и даже мира предков медведи не воплощают.

Другая медвежья сказка Толстого — «Медведь на повозке» — почти полностью повторяет некрасовского «Генерала Топтыгина». Точно так же возница оставил зверя в повозке и поспешил в кабак, точно так же лошади понесли, так же релоцировали медведя на постоялый двор, только у Толстого медведь не пошел в помещение искать жожака, как у Некрасова, а драпанул в поле, как девочка из сказки.

«Лев, медведь и лисица» — очень маленькое произведение, его грех не процитировать целиком:

Лев и медведь добыли мяса и стали за него драться. Медведь не хотел уступить, и лев не уступал. Они так долго бились, что ослабели оба и легли.

Лиса увидела промеж них мясо, подхватила его и убежала.

Энергичный сюжет, прекрасный слог («промеж них мясо!»), но если мы захотим найти тут «смысл», то рискуем попасть впросак. Вряд ли Толстой учит читателя вести себя как лиса? На Толстого не похоже.

⁵ При обсуждении этого материала в редакции «Урала» часть сотрудников вспомнила, что не более чем полвека назад журнал опубликовал рассказ по мотивам «Двух товарищей». Герой рассказа встретил в лесу медведя, вспомнил совет Льва Толстого и притворился мертвым. Медведь, в полном соответствии сюжету Толстого, наклонился над упавшим человеком, но не сказал что-то на ухо, а просто данное ухо откусил. Герой рассказа на этом основании ушел с места действия с большими претензиями к Толстому, упуская из виду тот факт, что остаться в живых в ситуации, легко чреватой альтернативным исходом, не так уж и плохо. На данный момент обнаружить эту публикацию не удалось. Стоит добавить, что, лишившись уха, упомянутый человек стал *безухим*, что подчеркивает связь рассказа с космосом «Войны и мира».

Да и очерк затянулся. В финале рассказ «Охота пуще неволи» (1875), посвященный событиям той самой охоты в Вышнем Волочке, герой, выстрелив в медведя, не убил его. Чем отвечает медведь?

Приподнял он голову, прижал уши, ослабил и прямо ко мне. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, — думаю, — хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу — давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня, да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежит на мне тяжелое, слышу теплое над лицом и слышу, забирает он в пасть все лицо мое. Нос мой уж у него во рту, и чую я — жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: зацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а он торопится и как собака грызет — жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. «Ну, — думаю, — конец мой пришел». Слышу, вдруг полегло на мне. Смотрю, нет его: соскочил он с меня и убежал.

Почему Толстой вспомнил об этой истории через двадцать лет?

Может быть, потому, что сочинял как раз «Анну Каренину» и думал о том, как погибнет героиня, тоже, как вы знаете, раздавленная, но не медвежьей пастью.

Ситуация в рассказе, между прочим, сильно напоминает сцену охоты из «Войны и мира». Есть представитель народа (в одном случае Данило, в другом Демьян), который распоряжается охотой и становится на ее время важнее господ. Рассказчик стоит в засаде и ждет, выскочит или не выскочит именно на него медведь, как Николай Ростов с нетерпением ждал волка. Есть глаза обреченного медведя, по которым видно, что он до поры до времени не замечает охотника: точно то же говорилось в «Войне и мире» про волчий взгляд. Тут уж точно понятно, что какие бы вещи медведь и волк в своих мифологиях ни символизировали, в тот момент, когда они жертвы охотника, различия между ними нет.

ОПАСНЫЙ МЕТОД

Марк Уральский. Зинаида Гиппиус. Дева-Воительница русского символизма. 1869–1920. — СПб.: Алетейя, 2023.

Только что — в связи с появлением монографии Ирины Савкиной «Пути, перепутья и тупики русской женской литературы» — мы посетовали на отсутствие универсального современного учебника, посвященного российским известным писательницам и поэтессам, — систематизированного, доступного, с популярными фигурами. И вот, по счастливому совпадению, появилась научная работа Марка Уральского о Зинаиде Гиппиус. Как может быть связана узкоспециальная монография о поэтессе Серебряного века, да еще и второго ряда, из которой мы перечитываем разве что злоязычную дневниковую прозу, — с проблемой пробела в изучении женской литературы?

Воистину обретаешь там, где не ожидаешь. Литературовед дает великолепный вводный экскурс в историю женских поэтических начинаний в России. Доступно, емко, профессионально он открывает нам «другую Америку» — не ту, где страдают от мужского гнета Елена Ган и Марья Жукова, безумствует Зражевская и кипятится Евгения Тур. Перед нами проходят Анна Бунина с ее «Неопытной музой» и мученической судьбой, блестящая любимица фортуны и своих современников Евдокия Ростопчина, самолюбивая и крайне плодовитая Каролина Павлова, таинственная и сладострастная Мирра Лохвицкая, пока наконец тропинка повествования не выводит нас к их наследнице, *Белой Дьяволице*. Можно возразить, что биографическая книга должна быть посвящена предмету, заявленному в заглавии, а не начинаться от сотворения мира, — однако здесь возражать не хочется.

Перед нами первая систематизированная (хотя и своеобразно), научная, даже энциклопедическая биография Зинаиды Николаевны Гиппиус, охватыва-

ющая ее доэмиграционное творчество. Хотя придирчивый критик назвал бы лежащий перед нами труд материалами к биографии, учитывая соотношение объемов текста самого Уральского — и других многочисленных исследователей, приведенных в книге. Удачный выбор персоны — не залакированной в серии «ЖЗЛ», но привлекательной, не гремящей своей поэтической славой в веках, но интригующей, вернувшейся после перестройки на Родину дневниками и критикой, но до сих пор недооцененной как поэт, — способствовал живому интересу к изданию. Учитывая, что недавно вышли очередная биография Василия Розанова, труд о поэтике Осипа Мандельштама, переизданы дополненные воспоминания Надежды Вольпин о Сергее Есенине, — можно сказать, что монография о Гиппиус укладывается в привычный ход вещей: Серебряный век беспрочногрышен, никогда не падает в метафизической цене.

Однако в главном достоинстве книги — претензии на всеохватность, фундаментальности — кроется и ее главный минус. Это серьезная, включающая в себя многочисленные подробные свидетельства современников, отсылки к философским и литературоведческим вопросам, сложная работа. Автор почти всегда беспристрастен и лишь констатирует, организуя своей руководящей фигурой обильный материал эпохи. Можно даже сказать, что исследователь использует особый прием самоустранения, прячась за свидетельства других знатоков, дабы не быть обвиненным в субъективности или неподтвержденной мысли, а всегда оставаться защищенным весомыми фактами. Такая позиция не позволяет сомневаться в сделанных выводах, но в то же время «личностная составляющая» самого Уральского отчасти нивелируется: «А что подумал Кролик, так никто и не узнал, потому что он был очень умный». Читатель не найдет здесь досужей развлекательной истории об экстравагантной дамочке с вычурным макияжем и лорнеткой. Скорее он будет нуждаться в спасательном круге, захлебываясь в океане терминологии, исторических замысловатых парадоксов, путаясь в водорослях тенденций, движений, мировоззрений. А вот специалист по началу 20-го века увидит очередную основательную кни-

гу об изучаемом им периоде. Каждому свое, и один, читая об Александре Коллонтай, предпочтет модный роман, где она изображена с тем самым стаканом воды. Другой же возьмется за ее научную биографию и труды, встретив там совсем другую героиню. И та и другая книги могут быть востребованы, так и здесь у читателя есть выбор — его предупреждали.

Да, Серебряный век был веком женщин — эмансипированных, сильных духом, творческих, занимающих лидирующие позиции в разных областях. Не удивительно, что выделиться на фоне, например, Марины Цветаевой, Зинаиды Серебряковой, Лили Брик, Ларисы Рейснер, Надежды Крупской и Веры Холодной очень сложно. Существует шутка, что счастье для автора — родиться в эпоху, где мало знаменитостей, тогда, возможно, он окажется во втором, а не в четвертом ряду. Недавно А. Варламов пытался сопоставить в своей работе масштаб личности В. Розанова чуть ли не с фигурой вождя мирового пролетариата. Да, возможно, мы недооцениваем религиозного философа, но такое изменение его «размера» для нас выглядит сегодня очевидным преувеличением. Зинаиде Гиппиус не повезло: всей ее оригинальности, талантливости, работоспособности, красоты, мужества, ума и удачливости хватило лишь на то, чтобы ныне она превратилась для нас в публициста Антона Крайнего, фуриозную карикатуру и октябрьский дневник (т. е. записки о революции).

Декларируемая задача Марка Уральского — показать нам свою героиню во всей ее одаренности и уникальности, представив в качестве *главной женщины Серебряного века*, — кажется нам заведомо неблагодарной. Печально признавать, но русский символизм дал только одного гения — это А. Блок. Таким образом, ни в «женской», ни в «поэтической» ипостаси Зинаида Гиппиус на фигуру первого ряда не тянет. Ее философско-религиозные изыскания все же являются вторичными по отношению к В. Соловьеву. А эксперимент духовного брака был отнюдь не оригинален, учитывая эпоху. Можно долго спорить, какая идея кому пришла первому, однако для «всех» героиня книги осталась автором злословных мемуаров и томика лирики. Другое дело, что здесь мы снова возвращаемся в «туда»,

даем историческим персонажам еще один шанс на изменение своего места в нашей устоявшейся картине мира, — разве не в этом заключается главная цель исследователя?

Композиция книги не похожа на стандартную биографию, движущуюся по хронологии. Скорее, автор исследует фигуру поэтессы, переходя от грани к грани ее многоипостасной личности. После краткого очерка российской жизни Зинаиды Гиппиус мы обращаемся к анализу ее системы масок, ее вклада в культуру символизма, значения ее сценической роли для гендерной истории и т.д. Такой подход, безусловно, удобен для знатока всех этих вопросов, но затрудняет обычного читателя, столкнувшегося чуть ли не с хрестоматией различных исторических документов. Давая витиеватые, развернутые ответы на философские вопросы, М. Уральский поразительным образом оставляет тайну тайной, и в самых простых вещах читающий, как это ни парадоксально, в итоге не уверен. Так был ли фиктивным брак Зинаиды с Мережковским, участвовала ли Гиппиус в еретических «причастиях», кто был настоящим идейным руководителем верной последовательницы Третьего Завета, где пересекался образ Новой Клеопатры с реальной личностью, любила ли на самом деле Зинаида Николаевна семитов? Многие вопросы так и остаются вопросами, имея доводы и за, и против, не получив даже условного авторского «да» или «нет». Хотя, как кажется, авторитетный специалист должен хотя бы для порядка выразить свое личное мнение.

Книга Марка Уральского имеет подзаголовок «Дева-Воительница русского символизма» — и по ходу повествования автор подробно объясняет, почему видит Гиппиус воплощением именно этого женского архетипа. Однако о самом русском символизме в труде сказано чуть ли не больше, чем об интересующей нас валькирии. Мы узнаем то, что давно ни для кого уже не тайна: о Д. Философове или критике Н. Минском, вспоминаем особенности мистических радений и Брюсовские собрания, и движемся от печки, то есть от Гюисманса и Малларме, с нетерпением ожидая узнать подробности о той, чье имя стоит в заголовке. Возможно, в этом и состоит замысел автора — в наиболее полном и

реалистическом воссоздании картины того сумасбродного времени, — но у читателя порой рождается ощущение, что он так и не доберется до ног *декадентской Мадонны*.

Что касается образа главной героини — отсутствие редукции ее негативных или малоизвестных сторон, рассмотрение ее и как символа эпохи, и как модной поэтессы, и как психопатической в некотором смысле личности (то есть с медицинской позиции), публикация ее не всегда пристойной переписки и характеристика «материально-телесного» низа, — дают читателю полную картину безусловно. Но брать ее порой уже не всякому хочется. Это сложный вопрос, должно ли уважительное отношение к каноническому образу поддерживаться или подрываться. Не достаточно ли благопристойной версии событий далеких лет, нужно ли поднимать всю пыльную кипу свидетельств для установления несимпатичного факта? Что важнее, истина или устоявшееся представление? Наконец, *что есть истина*, и нужна ли она в данном случае? Очевидно, что личность Зинаиды Гиппиус изучается Уральским не только в качестве художественной фигуры, но и с социологической, психологической, даже антропологической точек зрения. Изучается, не щадя чувствительности читателя. Эпатажная при жизни, Гиппиус словно и после смерти хочет довести до апоплексического удара некую бедную интеллигентку.

Монография по порядку затрагивает почти все «традиционные» острые вопросы 1910-х годов, многие из которых вызывают болезненный ажиотаж и ныне. Автор предлагает нам рассмотреть все существующие точки зрения и самостоятельно сделать вывод, склониться к одному из мнений. Место женщины на общественной и культурной арене, отношение к «духовным» формам брака (фиктивному, монашескому, еретическому, сублиминационному), вечный еврейский вопрос литературного Парнаса, космогония русской утопии (космизм Федорова, третий завет Соловьева, небесный Иерусалим новокрестьянства и пр.), возможность единения жизнестроительства и талантливого художественного творчества, нового христианства и «свободной любви» — нырять в глубины русского декаданса и символизма не останется без

драгоценной добычи. Наверное, способность автора уступить читателю право сделать собственные выводы не сет в себе и мудрость, потому что и в самом деле — у нас складывается, несмотря на все доводы современников, свое видение ситуации. Ближе к финалу мы начинаем ощущать Зинаиду Гиппиус не героиней, идеологом или провозвестницей своей эпохи, не жестокой и коварной оболъстительницей, даже не порождением лунного света, которому отвратительны любые плотские взаимоотношения, — а... жертвой. Увлеченная и закруженная идеями своего времени, попавшая в эпицентр событий, своеобразная, хоть и не первого ряда поэтесса, одинокая в браке, заменившая, по ее собственным словам, нерожденных детей своими проектами, не нашедшая ни земной любви, ни полного признания современников... В какой-то момент мадам Мережковская, вопреки стараниям Марка Уральского, видится не лидером и эмансипированной фигурой, а влияемой и играющей отведенную ей роль жены, подруги, критикессы, а порой и марионетки в руках умелого кукловода. Помимо воли приходят на ум слова поэта:

И долго на свете томилась она...

Анна АЛИКЕВИЧ

ВЫСТРЕЛ? ЗАЛП? САЛЮТ!

Александра Шалашова. Салюты на той стороне. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.

«Тут все слепые. Или полуслепые» — действие романа Александры Шалашовой «Салюты на той стороне» разворачивается в санатории для слабовидящих детей. Плохое зрение персонажей особо не влияет на сюжет. Разве что окружающий мир приходится рассматривать через очки или пелену. Каждое действующее лицо скрыто за прозвищем (Кнопка, Крот, парень Юбка, потому что роковерские штаны напомнили воспитателю юбку) и за рассказом о себе, которому нельзя не верить.

В санаторий детей отправил Город перед началом войны, «потому что там стало слишком опасно. Мародеры по-

явились, а еще стрельба... она же не утихает». Что за война, из-за чего, между кем — не сказано. Время действия тоже не прописано четко, но у героев уже мобильные телефоны с функцией Bluetooth. Но, кажется, время действия тут значения не имеет. Имеет значение место: город и санаторий разделяет река. Если название города не заявлено, то у реки конкретное имя — Сухона. Река примечательна тем, что течет в обе стороны.

Вскоре неизвестный враг взрывает мост, связывающий санаторий и город, дети остаются без запасов еды. Взрослые, которые работали в санатории, разбегаются. Один воспитатель умирает от сердечной боли. Завхоз кончает жизнь самоубийством (автору виднее, но причина малоубедительна, хотя психологическая достоверность не самая сильная сторона этой книги; сильная — ритм, тревожная интонация, речевая характеристика каждого персонажа). Смерть взрослых дети обсуждают мало, особенно по этому поводу не расстраиваются, пытаются организовать быт. «У нас небольшая проблема — нам не смогли подвезти продукты, застрял грузовик. Это на неделю, на две, потом-то придет обязательно. А сейчас придется ужаться, ну и в плане питания не быть очень-то разборчивыми...»

Название художественного произведения всегда имеет знаковый характер. Если в названии романа Шалашовой, героев которого задела война, скомпрессовано содержание, то почему салюты? Почему не залпы, не взрывы? Хочется верить, что это не просто красивая метафора, а как будто первая ловушка для доверчивого читателя.

«Салюты на той стороне» возрастом главных героев и проблемностью характеров отдаленно напоминают «Республику ШКИД», хотя куда очевиднее сравнение с аллегорическим «Повелителем мух». И это вторая ловушка для читателя. Строго говоря, сюжет А. Шалашовой не обладает той силой воздействия и ясностью замысла, которые отличают роман У. Голдинга. И, на мой взгляд, он не про то, как скоро человек отменяет сам себя в условиях, где нет цивилизации и культуры.

О чем же «Салюты на той стороне»? Роман делится на одиннадцать монологов, и каждый меняет представление о жанре книги. В первом — девочка-под-

росток становится жертвой группового изнасилования. Пытаясь справиться со случившимся, героиня, конечно, думает о том, что она грязная, что с ней не захотят иметь дело друзья и т.д. «Может, она к грязной не хочет прикасаться. Может, она не знает, что я сразу же после, дождавшись, когда ребята уйдут на обед, пошла в душевую и долго-долго стояла под очень горячей водой, после которой кожа горит до сих пор». Судя по первому монологу, перед тобой роман испытания и воспитания с элементами обязательной в современной прозе поэтики телесности.

Второй монолог от лица благородного юноши-защитника наталкивает на мысль, что роман воспитания оборачивается детективом. Было ли изнасилование? «Я говорила, что они подошли втроем, что пристали, что за руки держали. Больше ничего не говорила, ты сам выводы сделал».

В любой компании есть лидер, тут такой — почти взрослый Кир, долговязый, худощавый, ответственный, со своим набором придуманных правил. Его монолог подсказывает, что о происходящем в санатории он понимает чуть больше, чем остальные. О происходящем в Городе он не знает ничего. И все же именно туда Кир решает отправить часть своих подопечных. Отсылая «самых слабых, самых бесполезных», Кир честно думал, «какое хорошеехорошее-хорошее дело» совершает, иначе зиму им в санатории не пережить.

Киру помогает солдат-дезертир, что пробирается в санаторий. Он не намного старше тех, кто живет здесь. Он ищет свою мать, ту самую воспитательницу, которая умерла от сердечной боли. Он соглашается вернуть часть детей в Город по остаткам «чудовищно высокого» моста. «Тут за руки держаться нельзя, опасно. Пойдем, как шли. Медленно. Наступай только туда, куда я наступал, ну, как в военном кино, понял? Когда минное поле». После ухода первой группы Кир понимает, что не остается другого выбора, как последовать за ними.

Подростковая драма перерастет в мистический триллер, как только заговорят погибшие воспитатели, а с появлением солдата-дезертира повествование по ощущениям обернется притчей. И, увы, закончится там, где хочется, чтобы состоялся подробный разговор.

Ведь не зря соперник Кира в борьбе за всеобщий авторитет, тот единственный парень, что по собственной воле остается в санатории, повторяет: «Там еще непонятно, что будет, может, никакого Города и нет».

Переход через реку, которая течет в обе стороны, совершается не без потерь. Здесь кроется третья ловушка для читателя. Можно предположить, что герои романа давно умерли, а санаторий был своего рода Чистилищем. И вот явился проводник... Чтобы что? Совершить обряд приобщения умершего к миру мертвых? Или все-таки Город, куда устремляются дети, — это место, где остается надежда на салюты, а не на выстрелы, а значит, остается эфемерная надежда на продолжение жизни?

Роман Александры Шалашовой, безусловно, показывает ее талант придумать увлекательную историю и держать читателя в напряжении. Но пока не до конца понятно, «Салюты на той стороне» — это случайная удача отважной молодости или уверенный старт, когда писатель умеет загадывать загадки и знает на них ответы.

Шевкет КЕШФИДИНОВ

БЕССМЕРТНЫЕ ЦВЕТЫ

Уйти. Остаться. Жить. Антология литературных чтений «Они ушли. Они остались». Т. III / Сост.: Б.О. Кутенков, Н.В. Милешкин, Е.В. Семёнова. — М.: Выргород, 2023.

Музыкальное издательство «Выргород» опубликовало третий том антологии «Уйти. Остаться. Жить», посвящённой наследию ушедших из жизни поэтов. На этот раз под обложкой собрались авторы спорной эпохи 90-х. Каждый из них не преодолел порога сорокалетия. Здесь собраны как более известные имена, которые несли на себе отпечаток времени, вроде Янки Дягилевой (1966–1991) и Макса Батурина (1965–1997), так и менее именитые фигуры, первые представительные публикации которых состоялись в пределах антологии: такие как Иева Розе (1971–1991), Гоша Буренин (1959–1995) и Александр Пурыгин (1965–1997). Также на страницах третьего тома со-

седствуют рок-поэзия и более традиционные, конвенциональные тексты. Роковое начало здесь репрезентуют Веня Д'ркин, Катя Яровая и Янка Дягилева. Расположение их в поэтической антологии в качестве самостоятельных авторов — важное решение, продолжающее традицию Нобелевской премии, которую присудили поэту-песеннику Бобу Дилану в 2016 году.

В России функцию нормализации рок-поэзии взяла на себя премия Андрея Белого, врученная в 2021 году Борису Гребенщикову с формулировкой «за заслуги перед литературой». Бардовское слово помещается в литературный контекст подобными институциями, которые имеют большое влияние на восприятие и рецепцию. Поэтому — это большой шаг, и авторы антологии поступили верно, собрав на страницах третьего тома литературу разного свойства.

В антологии множество текстов, которые написаны в неконвенциональной метрике. Девяностые имели революционный потенциал, и это передалось стиху, довыплотилось в нем. Поэтому мы видим большое количество экспериментов с верлибром и белым стихом. Например, в вещах Якова Бунимовича (1962–1994) и Виталия Владимировича (1965–1997). Вероятно, такой строй стиха ощущался более современным, чем традиционные метрические системы. Авторы послесловий нередко отмечают переоткрытие авторами Маяковского, влияние его лесенки на собственные методы письма: наиболее отчетливо это заметно у Александра Банникова (1961–1995) и Евгения Борщова (1971–1997).

Книга составлена таким образом, что в ней сперва идут стихотворные текстовые подборки, а затем — профессиональная филологическая интерпретация. И хорошо, что материалы представлены именно в таком порядке, ведь сначала можно получить своё представление о стихах, а потом сверить впечатление с тем, что проанализировал критик. Разборы происходят в двух контекстах: они восстанавливают биографические детали, а также анализируют прочитанное. Поэтому очерки носят характер обзора с аналитическими элементами. Одним из лучших критических текстов в сборнике мне показался текст Нади Делаланд «В реке, в цветах и с колпаками», посвя-

щенный поэтике Дмитрия Долматова (1970–1991). В нем критик с большой прозорливостью и кропотливостью анализирует тексты рано ушедшего поэта. Делаланд заостряет внимание на том, что гибельные стихи зачастую становятся предвосхищением смерти у множества поэтов. И действительно — большее количество писавших о смерти из этого сборника так или иначе столкнулись с ее танатологическим потенциалом. Например, Яков Бунимович, постоянно исследовавший в своей поэзии пространство сна: «Уснул листок на дереве / уснул листок бумаги / и я на самом деле / наверное уснул». И поэт, как известно, умер, находясь в вечерней дреме. Умерший в 33 года, он также оставлял подсказки в своей лирике, которую стихами не считал. В «И вот я остаюсь один в комнате...» он пишет, что «судьба этого текста печальна / изначально». И если держать в уме, что стихи — это продолжение нас, и мы можем породить только то, чем хотя бы в какой-то мере являемся, то и его жизнь — печальна в первичном и первородном смысле, и он это осознает.

То же самое происходило и в поэзии Александра Рудницкого, который в разное время возвращался к стихам о смерти. Писал об «умершей голубке» и о «бессмертных цветах», которые, в отличие от человека, выживают. Так и случилось — все его пережило. А он сам был убит.

И действительно: смерть, о которой пишет Надя Делаланд, в поэзии Дмитрия Долматова проглядывается сквозь строки. Первое же стихотворение «Капель тебе судья» содержит фразу «или ты будешь в раю». Но чтобы в раю быть, необходимо сначала погибнуть. А «капель-судья», возможно, намекает на «суд высший». Ведь что может быть праведнее и вернее, чем суд природы, которая и заложила возможность умирания. И невозможно нарушить эту жизненную логику, отречься от нее. Иллюстрация к этому — проснувшееся мертвое море, очаровательный оксюморон, как и рассуждения о том, что можно взмыть в небеса, не отрекаясь от жизни. Но последняя строка анафорически вторит: «завтра ты будешь на небе».

Кроме того, тематика смерти развивается и в тексте «Умирала Соня Коротышка», где она заявлена с первой строки. Далее рассказываются неко-

торые подробности ее биографии, но последняя строфа — подводит итог не только стиха, но и жизни Сони: «А теперь ну разве что — // к могиле ветер принесёт тебе цветы». И эскалируется эта тема не только ударным последним четырехстишием, его по определению сильной позицией, но и упоминанием двусмысленного «девочка небесной красоты», что может значить «красоты неземной», а может вполне себе нести коннотации мертвенности.

Из того, что показалось не слишком удачным: то, что при нескольких обзорах биографические детали друг друга дублировали, и их можно было опустить при редакторской правке. Также не до конца верным видится то, что не для всех поэтов нашелся критик, готовый разобрать работу или что-то рассказать о самом персонаже.

В этом видится, безусловно, желание составителей познакомить читателей с как можно большим количеством поэтов из почти забытой плеяды, но одновременно с этим это все выливается в иерархичность. Те, кто удостоился разбора, неизбежно кажутся более достойными читательского глаза, что нарушает принцип равноправия среди авторов.

Но хорошо, что подобный взгляд вообще есть, и он выводит в зону внимания новые имена, которых зачастую девянностые пережевывали и проглотили. Многие рано умерли из-за болезней или были убиты, поэтому их голоса были приглушены. Антология «Уйти. Остаться. Жить» дарит напоминание, открывает новые имена, восстанавливая историческую справедливость. Ведь слово живет в читательском мире, который дополняет текст своим восприятием.

Кроме того, антология расширяет пресловутую литературную географию, говоря нам о внестоличном, а значит, рассказывая о всей стране сразу. Читать этих поэтов — значит, знакомиться с Россией в прошедшем времени, перемещаясь ретроспективно. Это удачный способ для тех, кто еще не определился с позицией по отношению к тому, что произошло в 90-х. И в этом помогут стихи и биографические свидетельства, собранные в третьем томе «Уйти. Остаться. Жить».

Гора ОРЛОВ

ЯПОНИЯ, КОТОРУЮ НЕ СКРЫТЬ

Хироко Оямада. Нора. / Пер. с яп. Е. Байбиковой. — СПб.: Polyandria NoAge, 2022.

В России сравнительно мало издается современная японская литература. Мы почти ничего не знаем о новых лауреатах премий Номы, Танидзаки, Ёмиури и Акутагавы. Однако небольшим издательствам Япония все-таки интересна. Например, в Polyandria NoAge периодически выходят новинки авторов Страны Восходящего Солнца. Одна из таких новинок — это книга лауреатки премии Акутагавы Хироко Оямады (р. 1983) «Нора». Это даже не роман, а повесть, крохотная брошюра объемом всего 120 страниц. Тем не менее сказано в ней очень много. Аннотация пытается завлечь читателя сравнением с именами писателя Льюиса Керролла, режиссера Дэвида Линча и аниматора Хаяо Миядзаки, намекая на фантастический сюжет. Все это верно, в книге есть фантастические элементы. Но куда интересней они не в отдельном жанровом пространстве, а в более широком контексте вполне реальной жизни в современной Японии. Иными словами, фантастическое здесь прорастает сквозь повседневное, что, впрочем, является типичным сюжетом массовой культуры Японии. Чудесное в повести не несет угроз. Наоборот, оно вызывает интерес, потому что это хорошая альтернатива жизни между работой и домом. Оно отвлекает от безрадостной реальности, полной беспокойства и стресса. Но в общем-то внимательный читатель не пройдет мимо того, что Хироко Оямада, вероятно, хочет, но не может скрыть за волшебной историей. А именно мимо сурового уклада современной Японии, где японцы испытывают такое колоссальное давление, что попросту отказываются следовать социальному долгу.

Главная героиня повести — молодая женщина Асахи Мацуура, которой скоро исполнится тридцать. Она замужем, детей нет, живет с супругом в городе, в маленькой съемной квартире. Муж работает на постоянной работе, а сама она внештатница в какой-то фирме. Мы довольно быстро узнаем все недостатки такой работы. На внештатников вешают дополнительные обязанности, иногда им приходится даже вести деловую переписку, что не прописано в контракте, а зарплату они все равно получают мизерную. При этом, когда приходит время получать премии, штатные сотрудники получают в двадцать (!) раз больше. Асахи застенчива, на работе почти ни с кем не общается, но иногда случается поговорить с коллегой-приятельницей. И вот приятельница спрашивает, не собирается ли Асахи завести ребенка. Ведь она уже давно замужем. Асахи относится к этой идее спокойно. Мечтает ли она о продолжении рода? Совсе нет. Но и противницей детей не является. Отношение у нее такое: если будет суждено, она родит. Однако снова здесь виден уродливый лик современности. В вопросе детей никто уже не руководствуется одними только желаниями. Это чисто экономическое решение. Что ждет Асахи, если она решит родить? Ничего хорошего. Женщинам-штатницам, собирающимся завести ребенка, полагаются оплачиваемый годовой отпуск и потом еще три года сокращенный рабочий день. А внештатниц просто увольняют, чтобы через год нанять снова, и то при условии, что их место останется свободным. Еще штатницам полагаются субсидии от префектуры, тогда как внештатным сотрудникам снова ничего. Различия видны даже на бытовом уровне. Штатники идут обедать в ресторан или закусочную, а внештатники кушают прямо в конторе. Хорошо хоть у мужа Асахи постоянная работа.

Впрочем, и здесь обольщаться не стоит. Япония сегодня — это третья экономика мира, но давайте на примере «Норы» посмотрим, как живут граждане такой мощной и развитой страны. Вся зарплата Асахи, а она низкая даже с учетом сверхурочных, уходит на оплату маленькой квартирки. Чтобы получить сверхурочные, приходится, разумеется, работать больше. После рабочего дня у Асахи нет сил даже пойти в супермаркет. Питается пара полу-

фабрикатами, а овощи практически не ест. Можно подумать, что плохое питание — это исключительно следствие нехватки времени. Но нет, Асахи сообщает, что молоко она покупает только раз в неделю, когда оно со скидкой. Что касается работы, то она далека от идеала. Почему сейчас в конторе напряженное время? Потому что часть штатных сотрудников ушла в отпуск. Ну, казалось бы, ушли и ушли, что тут такого? Снова читаем внимательно. Асахи сообщает, что двое ушли в отпуск «из-за стресса». То же мы узнаем про приятельницу Асахи, которая спрашивала ее о ребенке. Оказывается, раньше она работала в штате одной крупной компании, но начальство довело ее до нервного срыва, и в итоге она ушла, чтобы после восстановления найти уже внештатную должность в другом месте. Асахи мечтает найти нормальную работу, причем под нормальной понимается прежде всего постоянная. Но реальность такова, что даже текущее место ей потерять страшно, потому что новое можно вообще не найти.

История в «Норе» начинается с того, что приходит новость: мужа Асахи переводят. Теперь он будет работать недалеко от деревни, где родился. Есть и еще кое-что приятное. Пара уже подсчитывала свои расходы на съём жилья, когда свекровь Асахи объявила, что они могут пожить в домике по соседству, который родители мужа раньше сдавали и который теперь пустует. Денег за съём свекровь, разумеется, не возьмет. Для наших героев это большое облегчение. Проходит пара недель, Асахи прощается с приятельницей на работе, которая не скрывает своей зависти к тому, что ее коллега теперь станет домохозяйкой, и вот героиня уже живет в новых для себя условиях. Переезд оказался абсолютно новым опытом, хотя Асахи совершила поездку в пределах одной префектуры. Ей кажется, будто она очутилась за полярным кругом или, наоборот, на экваторе. Теперь у нее полно свободного времени. Можно наконец готовить нормальную еду. Нет квартплаты, еда в деревне стоит гораздо дешевле, мужу повысили оклад, так что можно даже не работать, потому что денег хватает. Если бы только не было так скучно. В городе не хватало времени приготовить ужин, и Асахи мечтала, чтобы это хоть раз сделал ее муж, хотя и боялась ему

об этом сказать. А здесь к полудню все дела уже сделаны. Она говорит: «Меня отправили на летние каникулы, только без домашнего задания и без всякого плана». Ей надоела новая жизнь уже через день. Она спрашивает, осталась ли она вообще собой в этих новых условиях? Возможно, следовало бы придумать себе какие-то новые увлечения, но, увы, они потребовали бы расходов. Поэтому Асахи пять раз подумает, прежде чем взяться приготовить десерт.

Асахи производит впечатление очень уравновешенного человека. С одной стороны, у нее нет эйфории от жизни, а с другой, переживать по любому поводу она тоже не хочет. Да, работа была не сахар, бывало, что приходилось много трудиться, а зарплата была низкая. Но разве не верно и то, что эту работу мог делать кто угодно? Следовательно, это не тот случай, чтобы требовать какого-то особого отношения. Свекровь тоже не идеальная, но достоинств у нее больше, чем недостатков. В общем, Асахи во всем способна увидеть плюсы и минусы. Она даже не лезет в жизнь мужа, и ей уже давно неинтересно, с кем он там переписывается по телефону во время разговора с ней. Ничего аморального не делает, и на том спасибо.

И вот с таким совершенно обычным человеком и происходит волшебство. Как-то, прогуливаясь вдоль реки до магазина, Асахи увидела какого-то удивительного зверя. Не собака и не енот, шерсть совершенно черная, а ноги тонкие. В национальной культуре Японии можно найти много примеров разных фантастических существ, причем с древнейших времен. Японцы вообще любят разную необычную живность, и поэтому им, кстати, так понравился российский чебурашка. Так что «Нора» в этом плане только продолжает традицию. Но никаких подробных наблюдений натуралиста мы не увидим и вообще ничего толком не узнаем об этом звере. Известно только, что он водится в здешних краях, роет норы, прячется в них, а потом вылезает, чтобы вырыть новые. И вот в такую нору Асахи и проваливается, так что выбраться удастся только с чужой помощью. Конечно, похоже на начало «Алисы в Стране чудес» Кэрролла, но опять же никакого волшебного путешествия не будет. Это просто необычный эпизод, не получающий развития, хотя читатель с

развитым воображением, пожалуй, мог бы придумать какую-нибудь оригинальную интерпретацию. Скорее всего, фантастические элементы — это нечто вроде компенсации, которую получает утомленный повседневностью разум. То есть на первом месте снова не полет фантазии, а суровая реальность, от которой никуда не деться.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на еще одного героя этой повести, на этот раз безымянного, — брата мужа Асахи. Этого человека с полным правом можно назвать японским словом «хикикомори». Это означает, что он нигде не работает, не имеет семьи и вообще предельно асоциален. Само то, что Асахи случайно встретила с этим человеком, довольно удивительно. Дело в том, что до этого она даже не знала о его существовании. Если не считать происходящее с Асахи в деревне порождением воображения (на что есть намек в конце), тогда встреча с этим хикикомори еще раз подчеркивает, сколько трудностей японцы испытывают в социальном плане. Родители мужа прятали этого сына от всех, словно стыдясь его. В итоге тот двадцать лет прожил в сарае за домом. Он действительно не работает, но хорошо находит общий язык с детьми, которые почтительно зовут его «сенсеем». Он наблюдал за своей матерью, которой много чем пришлось пожертвовать, когда она вошла в дом мужа, и пришел к выводу, что стараться ради семьи не стоит. Да и его самого не стоило даже рожать. И это не какая-то редкая позиция, такой выбор в Японии делают многие молодые люди. Тем не менее, он одновременно напоминает духа-хранителя родной деревни. Он является воплощением этого места.

О том, что «Нора» ждет своих интерпретаций, сообщается в послесловии к повести. Но вряд ли будет далеким от истины тот контраст между свободой воображения и социальным долгом, который здесь так четко продемонстрирован. Асахи человек совестливый, и она уже заранее ждет осуждения за то, что сидит без работы. Поэтому ее возможное превращение в Алису Кэрролла — это вовсе не эскапизм, а скорее случайное приключение. Но, по-видимому, даже на него она не имеет права. Когда она рассказывает мужу о том, как провалилась в нору, тот почти отчитывает

ее: «Я бы на твоём месте такого конфуза не допустил. Во-первых, это опасно; во-вторых, глупее ничего не придумаешь; в-третьих, тебе совершенно нечего делать в норе! Зачем вообще туда было соваться? Ты что, возомнила себя Алисой в Стране чудес?» Вот два мира налицо: робкая попытка выйти за рамки повседневности и суровый возврат на землю после слов мужа. Широко Оямада пишет, что Асахи «оторопела» после такого ответа. В итоге эффект будет обратный, Асахи Мацуура почувствует что-то вроде влечения. Она захочет залезть в нору еще раз и побыть рядом со зверем.

Читая эту повесть, можно сделать еще несколько любопытных наблюдений о жизни в Японии. Во-первых, взрослый японец может в повседневной жизни встретить незнакомое сочетание иероглифов. Когда Асахи получает конверт с мизерной премией, на нем написаны два иероглифа — «незначительное» и «намерение». Она лезет в словарь, чтобы уточнить смысл этой комбинации. Выяснилось, что она означает «скромный подарок», «небольшой знак внимания». Далее, в домах Японии используют специальные крепления для мебели на случай землетрясения. Именно такими креплениями свекровь снабжает нашу пару после переезда. Наконец, весьма любопытно увидеть традиции гостеприимства в стране, где постоянно растет количество асоциальных людей. Свекровь учит Асахи, что не нужно заходить с визитом к соседям после переезда. Потому что многие работают. В таком случае может не получиться навестить всех, и тогда некоторые обидятся. И на эти традиционные ценности накладывается нечто бесполо современное, когда Асахи слышит музыку в супермаркете и говорит про нее: «по голосу было непонятно, мужчина это или женщина». В общем, «Нора» — это попытка освободить воображение человека и отправить его в полет. Неважно даже, что этого загадочного зверя видишь только ты и больше никто (на что намекает Асахи выпавший из социума брат мужа). И все же в этой такой искренней повести не получается скрыть не очень красивый образ современной Японии, где все вынуждены работать, забывая о еде.

Сергей СИРОТИН

ДОБРО, КОТОРОЕ МЕШАЕТ ЖИТЬ

Здоровый человек. Реж. Петр Тодоровский. Россия, 2022.

Петр Тодоровский (р. 1986), продолжающий династию Тодоровских, пока что выпустил не так много фильмов, и мы поговорим о его третьей режиссерской работе, фильме «Здоровый человек», премьера которого состоялась на Московском международном кинофестивале в 2022 году. Почти год пришлось ждать до выхода картины в кинотеатрах. «Здоровый человек» — это фильм о психологии благотворительности. Все мы знаем, что нужно творить добро и избегать зла. Это знают и во всем мире, у буддистов, например, уже тысячи лет известно подобное наставление. Но в народной культуре бывает и другое отношение к людям, бескорыстно творящим добро. Есть в русском языке слова «святоша» и «иисусик», выражающие к ним полупрезрительное отношение. Почему так? Неужели простые обыватели не способны оценить добро? Нет, дело не в этом. Просто от добра ждут осмысленности, скромности, отсутствия показухи и скрытых намерений. Иными словами, не всякое добро может понравиться. Именно об этом фильм Петра Тодоровского. Нужно ли вообще такое добро, которое мешает жить тебе и другим?

«Здоровый человек» рассказывает нам историю ведущего спортивных новостей канала «Матч-ТВ» Егора Погодина. Он женат, имеет маленькую дочь. Супруга работает вместе с ним, так что в новостных выпусках они появляются вдвоем. Перед нами типичный российский средний класс. Есть квартира, пусть и в ипотеке, есть машина и надежная работа. Жизнь не богатая, но более или менее обеспеченная. Егор мог бы жить и радоваться, если бы не обостренное желание следовать вы-

сокому нравственному идеалу. Уже с первых минут мы наблюдаем сцену: ночью крики с улицы будят Егора в супружеской кровати. На улице какая-то потасовка. Егор немедленно одевается и выходит во двор, где спасает девушку от пытающихся напасть на нее пьяных мужчин. Позже выясняется, что девушка эта, возможно, проститутка. И нападавшие ее все-таки достали и убили день спустя. Увидев ее тело на земле на следующий день, Егор осознал несовершенство мира. Юный Будда.

Егор понял, что хочет помогать другим. Поэтому он записывается в волонтерские организации. Но у него есть сомнения, потому что подчас он видит у волонтеров не стремление помочь, а желание провести время в своей тусовке. Так что Егор продолжает свои поиски. Например, устраивается аниматором в детскую больницу. Он готов сделать все для детей, но, узнав, что некоторые из них обречены, опускает руки. Бросает одно дело, берется за другое. Теперь он волонтер в организации «Лиза-Алерт», которая помогает в числе прочего искать потерявшихся детей. Но и здесь бывает, что ребенка нашли, а он мертв. Егор снова впадает в депрессию. Он не может принять тот факт, что от его действий мир моментально не становится лучше. Однако от своих идеалов он не отказывается и совершает подчас поступки, которые просто возмущают окружающих. Во-первых, Егор уже умудрился потерять работу из-за того, что один раз вовремя не явился на эфир. А прийти он не успел именно потому, что помогал в больнице. Во-вторых, он решил продать машину, чтобы собрать деньги на лечение подростка за границей. В-третьих, метания и поиски настолько затуманили ему голову, что он начинает то пить, то флиртовать с другими волонтерами-девушками. Такое не может понравиться его жене, которая ждет второго ребенка. Она говорит ему примерно так: ты сидишь без работы, продаешь машину, у нас ипотека, а я беременна. Почему ты о других думаешь больше, чем о собственной семье? И с этим не поспоришь — Егор действительно думает о других больше. Более того, по-видимому, режиссер и вправду предлагает нам считать его «здоровым человеком», во всяком случае, никакой иронии в названии фильма нет.

Тодоровский устами других героев сильно критикует Егора, но до конца не ясно, как к этому должен относиться зритель. Должен ли он встать на сторону критиков, или это нужно лишь для того, чтобы оттенить героические устремления нашего благотворителя, которые надлежит принять за абсолютно правильные? Действительно, все это отчасти напоминает создание искусственной среды сопротивления, борясь с которой и должен родиться подлинный герой. Поначалу жена Егора Майя настроена оптимистично. Как и всякий человек, который, по-видимому, никогда не сталкивался с серьезными психологическими проблемами, она думает, что дело легко поправимо. Понимая, что Егор переживает стресс, она простодушно говорит ему: «Хочешь, найдем тебе психолога?» Любой популярный сайт скажет, что в случае малейших симптомов душевного расстройства нужно незамедлительно обращаться к специалисту. Но на этих сайтах мало кто пишет, что субъективно такие расстройства как раз переживаются так, как будто извне в принципе помочь нельзя. Так что в этом плане образ Егора достоверен. Егор закрывается в себе, отдаляется от других и начинает совершать дурные поступки.

Посмотрим, что говорят критики дальше. Поначалу Майя поддерживала мужа во всем. Когда Егор, волонтерствуя в поисковом отряде, сумел найти пропавшего ребенка, жена прямо сказала ему: «Я замужем за великим человеком». Разве она возражает против того, что нужно совершать добрые дела? Как и всякий нормальный человек, она это приветствует. Но дело заходит слишком далеко. Егор даже не понимает, что рождающиеся в нем позитивные импульсы требуют критического отношения. Он охвачен пылом неопита и не способен относиться к происходящему спокойно. По-видимому, даже по правилам благотворительных фондов волонтеры не должны ездить в больницу каждый день. А Егор ездит.

Далекie ценности для него становятся важнее ближних. Обычно же бывает строго наоборот: благотворителями и меценатами становятся те, кто уже давно и хорошо устроил личную жизнь. То есть те, кто может не переживать по поводу «ближних ценностей». Про Егора, который рискует оставить

семью без куска хлеба, такого не скажешь. Поэтому со временем у Майи отношение к мужу меняется. Она вообще не считает, что должна стыдиться своего бездействия в вопросах помощи другим. Нет у нее ни времени, ни сил, чтобы стыдиться. Она прямо формулирует вопрос: должна ли семья стать жертвой идеала служения людям? Егор уходит от ответа, ему это просто тяжело обсуждать.

Психологический анализ поведения Егора затруднен, потому что он мало говорит о себе. Но мы точно знаем, что помощь другим позволяет ему чувствовать себя живым. И волонтером он стал именно потому, что хотел получить это ощущение осмысленности. Попытку понять Егора в фильме делают другие. Например, девушка-волонтер, с которой он работает, обвиняет его в том, что он хочет награду. С этим трудно поспорить. Мы уже говорили о том, как тяжело Егор переживает отсутствие мгновенных результатов от своих начинаний. Стоит послушать одного его коллегу и пойти еще дальше. Можно обвинить Егора в том, что своей благотворительностью он как будто пытается решить какое-то судебное разбирательство, происходящее внутри его эго, в свою пользу. Возможно, Егор с этим бы не согласился, тем не менее муки его выбора однозначно рождаются из внутренней борьбы, а вовсе не из желания понравиться другим. В этом смысле отчет перед совестью и внутренним судьей можно, впрочем, рассматривать как признак психического здоровья и зрелости. Егор действительно постоянно себя судит. В частности, называет себя слабаком.

Жена Майя тоже замечает, что дело скорее во внутренней проблеме Егора. Она считает, что он хочет не столько помогать другим, сколько заделать какую-то дыру внутри, а в действительности на других ему плевать. Егор, конечно, возражает. И свою кульминацию критика находит в эпизоде в баре, где команда канала «Матч-ТВ» собралась на пьяные посиделки. Одна девушка там прямо заявляет, что помогать другим — это отклонение. Здоровый человек всегда равнодушен, и это якобы официальная точка зрения психологии. Даже возникает крамольная мысль, а вдруг название фильма «Здоровый человек» подразумевает как раз

такое «здоровье», выражающее полное равнодушие? Но, конечно, это не так. Несмотря на звучащую критику и непонимание, режиссер однозначно ориентирует зрителя на симпатию к своему герою. Режиссер довольно последовательно показывает, что волонтерство для Егора является не праздным увлечением, а жизненной потребностью. Собственно, весь вопрос фильма в том и состоит, как такую потребность правильно удовлетворить. У Егора это получается только ценой жертв, причем в жертву он приносит не столько себя, сколько других. Причем назвать Егора идейным служителем трудно, у него слишком много ожиданий и колебаний. По сути, даже нельзя сказать, что Егор проходит какой-то путь. Со своего пути он то и дело сворачивает, занятый неизвестными зрителю поисками. Самокопание Егора — это не героическая битва в попытке одолеть угрызения совести, а невнятные метания и обыкновенная неусидчивость. Сама попытка понять Егора была бы не подъемом в его душу, а скорее спуском в нее. Потому что мы видим не обитель идеалов, а невротическую темницу. Егор почти наивен, полагая, что простой совет или помощь способны исправить несправдлив-

вость мира. И впадает в ступор, когда все-таки осознает, что это не работает. Вот он советует подростку в больнице отбросить стеснения и позвонить подружке. Парень следует совету, и все происходит как в глянцево-м журнале — девушка сама предлагает встретиться. А потом Егор узнает, что состояние парня ухудшается, и вся его энергия тут же испаряется.

Егор Погодин, конечно, не простой герой. Его легко критиковать за непоследовательность, но трудно обвинить в отсутствии самих попыток что-либо сделать. И все же такой максимализм в желании творить добро сомнителен для сорокалетнего человека. В итоге получается почти нежизнеспособный образ, тем более для жителя мегаполиса, который, если не обеспечен, просто обязан уметь считать время и деньги. А Егор не так уж обеспечен. Правда, сама область проблем, с которой столкнулся Егор, однозначно показывает, что не все еще потеряно с современным человеком. Потому что еще есть те, кто хочет бескорыстно помогать, пусть в этом фильме добро и мешает жить, во всяком случае, семье Егора.

С.В.С.

Андрей Першин

Шаги навстречу

Где-то между лестницей, простой и будничной, и лестницей из сна Иакова, среди эволюционных и социальных лестниц, лестниц пожарных, нарисованных, кинематографических и лестниц знакомого подъезда, располагаются и всевозможные пёстрые лесенки стихов, а уже среди них то и дело встречаются лестницы поэтических обобщений. Лестницы обыкновенно ведут куда-то, но лестницы, состоящие из живых слов, непременно ведут навстречу. Чему? Смыслу, узнаванию, новому развитию пространства. «...Люди переходят из одного мира в другой, карабкаясь вверх по центральному дереву, потому что различные миры представляются как ряд наложенных друг на друга пещер...» — так начинается свой пассаж Рене Генон, говоря о символике лестниц. Но вот, скажем, Теодор Рётке, уже от лица поэтов, легко подхватывает и воплощает схему в жизнь: «Свет дерево укрыл. Как? Кто поймёт вполне? // По лестнице крутой ползёт червяк, // Проснувшись в сон, я мыслил в этом сне...» В отличие от башни Нимрода, здесь воплощение схемы не разобщает язык, не разрушает порядок, а восстанавливает его, наделяет сознанием. Добиваясь общечеловеческого смысла, поэзия сама выступает субъектом, но не является пресловутым Другим по отношению к автору, это особенный случай «неальтернативного» субъекта. А потому шаги поэтических обобщений могут вести навстречу собственной поэзии, вернее, являться её собственностью. В стихотворении «Клоун, а за ним океан» Винсент О'Салливан, поэт из Новой Зеландии, так описывает эту драматическую ситуацию: «... Сначала расчёт и чертёж, а после строится башня, // где утром прячется Солнце. Смотрите! Его повороты — // ступени той лестницы, которая вьётся вокруг // и башни и неба». Стихи выламываются из времени мнемоникой и смыслом, как человек, и, в частности, поэт выламывается из времени подлинным узнаванием (себя или чего угодно), в этом человек и стихи действительно похожи, но всё же нечасто конкурируют. Рафинированный продукт осмысления жизни так же оказывается живым, как следующий либо иной её порядок.

Движения души
порой необъяснимы:
она бросается куда-то в сторону,
она делает зигзаги,
она выписывает петли
и долго кружится на одном месте.

Можно подумать,
что душа пьяна,
но она не выносит спиртного.
Можно предположить,
что душа что-то ищет,
но она ничего не потеряла.
Можно допустить,
что душа слегка помешалась,
но это маловероятно.

Порою кажется,
 что душа просто играет,
 играет в игру,
 которую сама придумала,
 играет,
 как играют дети.

Быть может,
 она ещё ребёнок,
 наша душа?

(Геннадий Алексеев, 1932–1987)

Не претендуя на заоблачные выси поэтического обобщения, в этот раз я предлагаю лишь вслушаться в его шаги, там, где это особенно легко. Убедиться, например, что и простой перечень, и повтор конструкции, подобно башне, могут сообщить нашему взгляду удивительный ракурс или широту. Как в энергичных верлибрах Геннадия Алексеева или трогательных интуициях Рафаэля Альберти...

Вечности очень подходит
 быть всего лишь рекою,
 быть лошадьё, в поле забытой,
 и воркованьем
 заблудившейся где-то голубки.

Стоит уйти человеку
 от людей, и приходит ветер,
 говорит с ним уже о другом,
 открывает ему
 и глаза и слух на другое.

Я сегодня ушёл от людей,
 и, один среди этих оврагов,
 стал смотреть я на реку,
 и увидел я только лошадьё,
 и услышал я только вдали
 воркованье
 заблудившейся где-то голубки.

И ветер ко мне подошёл,
 как случайный прохожий, как путник,
 и сказал:
 «Вечности очень подходит
 быть всего лишь рекою,
 быть лошадьё, в поле забытой,
 и воркованьем
 заблудившейся где-то голубки».

*(Рафаэль Альберти, 1902–1999,
 «Баллада о том, что сказал ветер»,
 перевод О. Савича)*

Вкусы могут быть самые разные, и всё же замечательными чаще всего кажутся те стихи, которые интересно и возможно помнить, или хотя бы перечитывать. При сохранении семантической компрессии и общей суггестии, какие обеспечивает мнемоника, перечень и повтор зачастую выступают в качестве компенсации прочих утраченных в свободном стихе организующих симметрий. Этим объясняется их заметное притяжение и удивительная жизнеспособность в современной истории и географии верлибра. Однако обнаруженный единственный паттерн привёл бы нас лишь на следующий этаж, так как в любую классификацию вторгается время, оно же связывает намертво нашу индукцию её

обстоятельствами. В подобных обобщениях мало поэзии, её бы там не было совсем, если бы не её свобода. Одна ступень это скорее стена, чем восхождение, двусмысленность не многозначность, перенося такое обобщение на человека, а не наоборот, и говоря словами Жюэ Буске: «этот человек одноэтажен: подвал у него на чердаке». Попытка же стряхнуть навязчивую прагматику перечня и вообще оборачивается абсурдом, шуточным каталогом животных «китайской энциклопедии» Борхеса, где «принадлежащие императору» соседствуют с «похожими издалика на мух», «только что разбившие кувшин» с «и так далее». Впрочем, и этот путь оказался предсказуемо востребованным в поэтических экспериментах недавнего прошлого.

К радости поэта и читателя, стихи, даже основанные на паттерне, стихи, идущие по лестнице или шагающие «навстречу», способны раскрепостить наше обобщение, хотя бы и подталкивая его. Ведь «определение смысла — всегда тождественно новизне суждения», по меткому замечанию Делёза. Поэзия вопрос такого «определения смысла» оставляет открытым, не скатываясь при этом в бессмыслицу. Её открытость оказывается вневременной, что само по себе является практикой смысла. В нескольких шагах уместается великое множество шагов и даже то, куда «пешком» не дойти.

Ранним утром она проснулась.
Я — травинка,
полная влаги.

Я — травинка. Когда я вырасту,
стану махровым венчиком.

Я — травинка. А если подпрыгну,
превращусь в шелестенье дерева.

Я крикну — и птицей сделаюсь.
А если взлечу...

(Дрожанью слабой травинки
в эту ночь откликалось небо.)

(Рафаэль Альберти, перевод М. Донского)

В своей маленькой книге «Просто пространства» Жорж Перек вспоминает о лестницах: «О лестницах мало думают. В старых домах не было ничего красивее лестниц. В современных зданиях нет ничего более уродливого, холодного, враждебного, мелочного. Нам следовало бы учиться жить на лестницах почтительно. Но как?» Мне кажется, ответ на этот вопрос хорошо известен мастерам поэтического шага. В нём их бытовая, повседневная речь и наблюдательность обретают метафизическое измерение.

Её не поймёшь.

То она прогуливается поодаль
с чёрной сумочкой,
в чёрных чулках
и с белыми волосами до пояса.

То лежит в беспмятстве
на операционном столе,
и видно, как пульсирует её сердце
в кровавом отверстии.

То она пляшет до упаду
на чьей-то свадьбе,
и парни пожирают её глазами.

А то просто стоит передо мной
 спокойно и прямо,
 и в руке у неё
 красный пион.

Но всегда чуть-чуть печальная —
 радость человеческая.

(Геннадий Алексеев)

В подобных стихах абстракция и эмоция сближаются и отождествляются. Эмоция становится чище, абстракция — живее. А вот мысль, превратившаяся в сюжет, может научить и наш сюжет превращаться в мысль.

О, дурочка жизнь!
 Как она старается
 мне понравиться!

Она катает меня
 на реактивных самолётах,
 она водит меня
 на концерты органной музыки,
 она поит меня
 цейлонским чаем
 и на каждом шагу
 подсовывает мне красивых женщин —
 пусть, мол, полюбуется!

О, дурочка жизнь!
 Она думает,
 что я совсем не люблю её
 и живу
 из вежливости.

(Геннадий Алексеев, «Дурочка жизнь»)

Здесь нет равноправия фаз комикса или барельефа, волшебный интервал оказывается слитным жестом абстракции, позволяющей остаться собой или остаться здесь, но видеть больше, ощутить включение собственных качеств в новой целостности. Джангиров писал, что «верлибр — это иная скорость молчания». Не имея в виду как-то полемизировать с этим интересным высказыванием, хочу предложить и следующий вариант: «верлибр — это та же скорость молчания». «Та же» — в смысле присутствия и сопутствия «во всём», как чувственная правда, «та же» как узнавание, «та же» как постоянство, осознавшее себя, и, наконец, «та же» как синоним или определение.

Та же скорость молчания — это длящийся миг обретения речи. «Пречеловечье», которое, по словам Данте, «вместить в слова нельзя», оказывается можно выместить и заметить. Среди множества недоказуемых, но интригующих теорий возникновения языка есть и предполагающие этап т.н. «фрагментарных условных выражений». Своеобразный холизм, способный вообразить состоящую фразу постепенно распадающейся на менее совершенные, прежде не существовавшие слова. Идея, которая в наше время многим может показаться надуманной, имеет, однако, массу ярких вариантов в древности. Некоторые из них далеко превосходят её скромный современный масштаб и выглядят образцовым поэтическим озарением. Так, скажем, в Китае четвёртого века распространилось представление о небесных книгах. Не только слова или фразы, но целые книги родились сами из «Великого предела» и оформились где-то под звёздами «Северного ковша». Их рождение непрерывно и на разных духовных уровнях проявляется с неизбежным падением качества, вплоть до земных вариантов, переведенных творческими усилиями медиумов и визионеров, вариантов, допу-

скающих неизбежные разночтения, но всё ещё наполненных сокровенной жизнью бессмертного своего жеста.

На этой, несколько патетической, ноте я предлагаю вернуться к жизнерадостной тайне шагающих верлибров, к их скорости молчания, — подобно чистой воде, оно может и не догадываться о немых порогах, которые облекает.

всего-то
только и было —
Большая Медведица над лесом
большое солнце над морем
и высокие горы где-то на юге

всего-то
только и есть —
глубокая чаша
налитая до краёв
старинная красивая чаша

всего-то
только и надо —
взять эту чашу
и выпить

ибо и тебя
не миновала чаша сия
и тебя
как видишь

(Геннадий Алексеев, «Чаша»)

Шаг за шагом прозрачная поэзия, например стихи Алексеева или Альберти, предлагает свой странный рецепт вечности. Она одолевает перечень своим живым временем, а солипсизм — внятнм обобщением. Она отступает на шаг и перепрыгивает глубокую расщелину, перемахивает глухую стену. Правдивая печаль и естественное окончание (текста или жизни), возвращаясь в первичную свою фразу, обретают достаточно пластики для озарения, игры и свободы.

Редакция не рецензирует и не возвращает рукописи и не вступает в переписку по поводу отвергнутых материалов.

Рукописи, в которых отсутствуют данные об авторе (имя и фамилия, обратный адрес или телефон), не рассматриваются и не возвращаются.

Все произведения, опубликованные в журнале «Урал», размещаются в Интернете. Если Вы считаете, что публикация электронной версии нарушает Ваши авторские права, просьба заранее предупреждать о Ваших возражениях.

Перепечатка любых материалов возможна только с согласия редакции. Ссылка на «Урал» обязательна.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций.

Журналы с полиграфическим браком возвращать в типографию.

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2022 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: <https://www.pressa-rf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- на любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» можно оформить также в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город» по адресу: Екатеринбург, улица Мамина-Сибиряка, 130, телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58576 от 14 июля 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»
Учредитель — Министерство культуры Свердловской области

Главный редактор — Олег Анатольевич Богаев

Редакция:

Сергей Беляков — зам. главного редактора по творческим вопросам
Надежда Колтышева — зам. главного редактора по вопросам развития
Константин Богомолов — ответственный секретарь
Андрей Ильенков — зав. отделом прозы
Юрий Казарин — зав. отделом поэзии
Валерий Исхаков — литературный сотрудник
Александр Зернов — литературный сотрудник
Татьяна Сергеенко — корректор
Юлия Кокошко — корректор
Наталья Бушуева — бухгалтер

Редакционная коллегия:

О. Богаев, С. Беляков, Н. Колтышева, К. Богомолов, А. Ильенков

Редакция журнала «Урал»: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
Адрес электронной почты: editor.ural@mail.ru

Телефоны:

376-57-49 — главный редактор
376-57-54 — зам. главного редактора по творческим вопросам, отдел прозы, отдел публицистики
376-57-41 — зам. главного редактора по развитию, ответственный секретарь, отдел критики
376-56-25 — бухгалтерия, отдел поэзии

Оформление обложки — Альберт Сайфулин.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ» 620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Подписано в печать 19.07.2023
Дата выхода в свет 27.02.2023
Формат 70x108/16. Бумага типографская № 2. Уч.-изд. л. 20,6
Тираж 1100 экз. Заказ № 7690
Цена договорная

Журнал «Урал» в Сети:

<http://uraljournal.ru/>
http://vk.com/zhurnal_ural

Электронная версия журнала «Урал» находится по адресу:
<http://magazines.russ.ru/ural/>